

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

СКОРПИОН В ЯНТАРЕ. Том 2

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

СКОРПИОН В ЯНТАРЕ. Том 2

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

ДЫРКА ДЛЯ ОРДЕНА
БИЛЕТ НА ЛАДЬЮ ХАРОНА
БРЕМЯ ЖИВЫХ
ДАЛЬШЕ ФРОНТА
ХЛОПОК ОДНОЙ ЛАДОНЬЮ

СКОРПИОН В ЯНТАРЕ

Книга первая
ИНВARIANT

Книга вторая
КРИПТОКРАТЫ

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

СКОРПИОН
В ЯНТАРЕ

Книга вторая
КРИПТОКРАТЫ

МОСКВА
«ЭКСМО»
2007

Оформление серии *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Иллюстрация на переплете *И. Хивренко*

- Звягинцев В. Д.**
3-45 Скорпион в янтаре: Фантастический роман. — Книга вторая. Криптократы / В. Д. Звягинцев. — М.: Эксмо, 2007. — 416 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-23634-3
ISBN 978-5-699-23635-0

Александр Шульгин — мыслитель и авантюрист, солдат Истины и стратег Игры — еще одно доказательство того, что и один в поле воин. Его нынешнее путешествие по химерическим реальностям — на грани фола, в отрыве от друзей — позволяет не только зачислить еще несколько очков на счет людей в их противостоянии с Держателями и Игроками, но и раскрыть нового противника, до поры до времени копившего силы и не спешившего себя обнаружить. Под личиной наркома оборонной промышленности Григория Шестакова Александр затевает игру на поле предвоенного Советского Союза с самим Сталиным. Не зная точных ответов, Шульгин чувствует, что изменить историю в этой конкретной точке совершенно необходимо...

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Я за то и люблю затей
Грозовых военных забав,
Что людская кровь не святее
Изумрудного сока трав.

Н. Гумилев

ГЛАВА ПЕРВАЯ

момента прощания Суздалева с Новиковым. по здешнему времени прошло чуть больше полугода, одновременно для Андрея и его команды — полтора. Что же касается Шульгина, все его перемещения из личности в личность, вдоль и поперек реальностей, по Сети и хронопетлям учету вообще не поддаются. Он сейчас представлял собой химеру ничуть не менее странную, чем реальность, в которую его занесло.

В каком-то смысле можно сказать, что ему удалось добраться до пресловутой «точки Алеф», из которой открывается выход в любую мыслимую реальность. Как если бы он стоял сейчас на географическом полюсе Земли, Северном или Южном — неважно. У ног — веер меридианов, триста шестьдесят, если по градусу считать. А если по минутам и секундам? Иди по любому, и придешь в Москву, Магадан, Вашингтон или Рио-де-Жанейро — точки, разделенные десятками тысяч километров. А на полюсе достаточно было шага или двух, чтобы выбрать путь, ведущий на противоположную сторону планеты.

Пешком — долго, конечно, но любое направление тебе открыто, и любое совершенно равноценно, если все равно, куда идти... Крути головой и выбирай. А если не пешком? На реактивном перехват-

★ — чике — полсуток до противоположного полюса, а ежели использовать СПВ — вообще практически мгновенно.

Причем, что самое важное, не нужно пересекать барьеры между реальностями (те же меридианы), которые нередко оказываются непреодолимыми.

Такая вот аналогия. Если ее немного продолжить, то можно сказать, что нарисованные на глобусе и пронумерованные линии соответствуют реальностям более-менее фиксированным (вроде Гринвичского, Пулковского или Парижского меридианов), а те, что между ними подразумеваются, столь же равноценны теоретически, но еще не воплощены или просто не нужны для неких, нам непонятных целей.

Шульгин, бестолково и не слишком задумываясь, и делал свои шажки, да еще (для усиления образа) иногда поскальзываясь на льду, которым, как известно, оба полюса покрыты, а в отсутствие компаса и невозможности ориентироваться по солнцу — не понимая, где какая сторона света.

Но вот, кажется, становится понятным, куда он пришел...

С господином Суздалевым ему встречаться лично не довелось, однако Новиков не только доложил устно, но подробнейшим образом, как положено в отчете разведчика о проделанной работе, изложил на бумаге и факты, и гипотезы, и рекомендации для начальников и коллег. Так что в дело можно было вступить «с колес».

Поздоровавшись за руку со всеми присутствующими, причем на лице игумена обозначилась степень почтения, сравнимая с той, что вызывало у сорат-

ников рукопожатие Сталина, Георгий Михайлович сел за общий стол.

— Вот и встретились, Александр Иванович, — сказал генерал с искренним радушием. — Мои сотрудники и Андрей Дмитриевич много о вас говорили в самой лестной форме. Я тогда же хотел вам предложить поучаствовать в некоторых наших делах, но не сложилось, к сожалению. Да и сам господин «Ньюмен» что-то давно о себе вестей не подавал. Уж не обиделся ли за что?

— Ни в коем случае, ваше превосходительство, просто дела не самые приятные отвлекли. Мы совсем было собирались окончательно в ваши палестины переселиться, да вдруг сложности начались... Зато вот господин Ростокин, как только освободился, — немедленно сюда. Чтобы вы в нашей порядочности не усомнились...

Тональность Сашкиных слов была самая уважительная, однако опытный психолог Суздалев сразу уловил легкий налет иронии. Необидной, правда. Так, в своем ампула человек.

— А чего же вы меня «превосходительством» называете, мы с вами в одних, кажется, чинах?

— Да привычка просто. Отчего человеку приятное не сделать?

— Покорнейше благодарю, но впредь давайте без чинов. Много времени отнимает...

И тут Ростокина словно осенило. Невероятная вещь, но это ведь отец Григорий, собственной персоной. Ни за что бы он его не узнал, если бы не голос, а потом и характерный взгляд. Окружающая обстановка тоже помогла: келья, запахи лампы и ладана, отблески окладов икон. Но как же так? То-

му ведь было около семидесяти, а этому едва ли шестьдесят. Где седеющая бородка, волосы, собранные на затылке в косицу?.. Однако сомнений больше не было. Он — и никто другой. Маскировался, значит, грим носил, старичком прикидывался? Нет, как-то не сходится, все же долго они были знакомы, лет десять... И последняя их встреча в келье, и подаренный пистолет...

Разве что так — до какого-то времени отец Григорий играл одну роль, для Игоря и подобных ему предназначенную, а потом сменил амплуа и манеры, прошел курс омоложения и так далее...

Ну ладно, раз старый знакомый не захотел его узнать прилюдно, значит, так, наверное, надо. И я не буду навязываться.

Суздалев, обменявшись с Шульгиным любезностями, перешел к делу.

Сообщил, что все здесь ныне происходящее самым прискорбным образом подтверждает сделанные ранее выводы о крайней неустойчивости структуры мироздания («о чем мы с господином Новиковым подробно говорили») и что в мире все время случаются незаметные для обывателей, но знающие-му человеку много говорящие события.

— Когда есть некая базовая теория, в создании которой нам весьма помог ваш товарищ и его супруга, практическая работа значительно облегчается. А теперь с вашим появлением мы надеемся, что худшего удастся избежать...

Слышать такое было лестно, однако Шульгин пока не совсем понимал, в чем будет заключаться его роль.

На ходу ремонтировать теряющий управление и

летающий в пропасть автомобиль — не самая легкая задача даже для него.

— Рассказывайте, Георгий Михайлович, что опять у вас случилось. Честно говоря, нам тоже очень бы не хотелось видеть столь приятный и гармоничный мир проваливающимся в пучину хаоса. Вы ведь это имели в виду?

— Да, да, именно это. Если вы не против, я бы предложил переместиться в Москву и там поговорить предметно. Мне здесь, знаете, не слишком уютно...

Вот даже как!

Тут вмешался Ростокин:

— А с тем, что за дверью происходит, что будем делать, Георгий Михайлович?

— По мне — так ничего, Игорь Викторович, — любезно ответил генерал. — Я не очень люблю псевдоисторическую фантастику. Если там происходит нечто интересное, так, наверное, будет происходить и дальше. Или само собой прекратится, по естественным причинам. Независимо от моего участия. Я же, по должности, отвечаю лишь за то, на что могу влиять. Вы согласны, Александр Иванович?

— Полностью. А на чем мы поедем в Москву? На автомобиле? Прорваться, пожалуй, можно, мы люди военные, но все равно — когда стреляют по стеклам и колесам, это не слишком комфортно.

— В нашем достаточно цивилизованном мире есть и такая машина, как дископлан. Летит бесшумно, садится и взлетает вертикально, окружающей среде вреда не наносит. Мой персональный стоит сейчас во внутреннем дворе. Места хватит всем. Поехали?

— Чего ж не поехать, — кивнул Шульгин. — А где проходит граница между здешним цирком и

нормальной жизнью, вы уже нанесли на карту? Когда сюда летели, монгольские монгольфьеры противодействия не оказывали?

— Нет, спокойно добрался. А все это безобразия локализовано исключительно между Осташковом и Селижарово... Вокруг тихо. А главная тонкость заключается...

— А Ржев? Там же главное сражение было, — перебил его Игорь.

— Это вам княжна сообщила? — улыбнулся Суздалев, как показалось Шульгину, довольный тем, что ему не позволили закончить фразу. — Воистину непререкаемый источник. Что ж, можно и ее с собой взять, порасспросить в спокойной обстановке...

Неизвестно, что послужило пусковым сигналом, эти слова или что-то другое. Ростокин сначала впал в полное смятение. Его буквальным образом раздирали противонаправленные силы, душевные и не только. Вновь оставить Елену представлялось ему совершенно невозможным: долг князя-воеводы требовал исполнения обязанностей. Власть придуманного мира казалась непреодолимой. А предложение забрать ее с собой... Порасспросить?! Сейчас и Шульгин, и Суздалев представились ему врагами, явившимися, чтобы увлечь его и невесту... Куда? В бездны преисподней или застенки чужих спецслужб?

Сделано было — не подкопаешься. Вообразите, вы уединились в специально подготовленной квартире с девушкой, которую давно добивались, она уступила, все пошло великолепно, и вдруг — телефонный звонок, призывающий на скучную и надоевшую работу. Отказаться вообще-то можно. Ну, потеряешь квартальную премию или даже саму работу. Ну и что? Люди из-за любви вообще жизнь под от-

кос пускали, чтоб только сегодня вышло так, как мечталось.

Здесь же вместо телефонного звонка просто вваливаются в прихожую грубые люди и заявляют прямую — пошли и забудь. На сборы времени — пока спичка горит.

Не приходилось Игорю раньше подвергаться психологическому давлению такого уровня. С физическим он умел справляться, да и прошлый раз ему удалось сохранить адекватность, всего лишь ударив Артура, ни в чем не повинного, по зубам. На этот раз на него, как на слабое звено, нажали сильнее.

Точнее сказать, только на него и нажали. Суздалев, очевидно, находился вообще вне «зоны поражения», а Шульгин, как и задумал, мастерски прикрывался тенью соратника. Есть в бою такой не очень благородный, но эффективный прием. Если очень нужно живым дойти до намеченного рубежа под уничтожающим огнем, знающий боец начинает маневрировать на поле боя, стремительно просчитывая направления вражеских директрисс и углов поражения, так, чтобы всегда его заслоняли тела товарищей.

Бежит, залегает, снова вскакивает, постоянно имея между собой и неприятелем одного, двух, лучше несколько человек, за которыми тебя не видно и которые примут летящую в тебя пулю.

Японский «сад камней». Откуда ни посмотришь, один из четырнадцати всегда невидим. Шульгину с его привычками и манерами ниндзя такая тактика была близка.

В данный момент пули не летали, но весь вражеский *интерес* сосредотачивался на Ростокине. Слишком сильно и ярко он *излучал*.

А собственная личность Игоря сейчас почти свернулась, закуклилась, умело отодвинутая за пределы партии. Причем сделано это было еще там, в комнате Елены, и в защищенную келью игумена он принес с собой уже всаженный в него вирус покорности, сейчас отдавший приказ на агрессию.

Суздалев не успел этого осознать, а Шульгин и, что интересно, отец Флор поняли сразу. Монах заступил журналисту путь к двери, а Сашка, хоть и был ниже ростом и килограммов на тридцать легче, резким толчком в плечо развернул Ростоккина почти на сто восемьдесят градусов, заломил ему руки к лопаткам.

— Генерал, полотенце!

Здесь бывший полковник не подкачал. Секунда-другая — и длинным льняным полотенцем они вдвоем стянули запястья Игоря не хуже, чем стальными наручниками.

Игумен бормотал странно звучащие слова, скорее из чина экзорцизма, чем обычные молитвы, сделал массивным, как кистень, наперсным крестом несколько пассов вокруг Ростоккина, поперек окон и дверей.

— Силен враг рода человеческого! — выдохнул он, вытирая скуфьей вспотевший лоб, сел на табурет, потянул к себе не до конца опустошенную флягу. Шульгин и Суздалев не возразили.

Игорь сидел на полу, и взгляд его не выражал почти ничего. Примерно в таком состоянии оказался в свое время Шульгин, попав под ментальный удар в «коммунальной кухне» Замка, хорошо, Новиков среагировал безупречно.

— Так, отче, — проглотив сто грамм настойки, начал распоряжаться Шульгин. — Двоих монахов покрепче — сюда! Игоря Викторовича в самолет,

тьфу, дископлан. Я сам буду отход прикрывать. Вы, генерал, идете впереди меня. По пути твердите все известные вам заклинания. На русском, арабском, иврите, арамейском...

— Зачем? — не выдержал Суздаев.

Разучился товарищ в своих чинах беспрекословно исполнять указания более информированных товарищей.

— Для шумового фона! — рявкнул Сашка. — Вперед!

Когда дюжие парни в рясах подхватили Ростокину, Суздаев, достав из кармана не очень солидный пистолет, двинулся следом. Шульгин коснулся руки игумена:

— Вы же, отче, коридор, ведущий в келью «княжны Елены», перекройте чем-то серьезным, не мне вас учить, и перенастройтесь на нынешнее время. Сумеете?

— Поборемся, брат, поборемся, — достаточно спокойно ответил Флор. — Вы же своим делом занимаетесь. Силен князь тьмы Вельзевул, да не преодолеть ему господней силы! — и не совсем совместно со своим саном погрозил в пространство крепким кулаком. Волосатые пальцы были унижены перстнями, кто его знает, может, и чудотворными.

Пассажирский отсек дископлана был достаточно комфортабелен. Не салон бизнес-класса, но и не дребезжащая коробка отечественного военного вертолета. Главное — там было тихо. Как в приличном автомобиле.

Ростокину Шульгин приказал впасть до приземления в очищающий подсознание сон, после чего обратился к текущему моменту.

Суздаев морщился, потирая собранную тридцать лет назад из мелких фрагментов ногу. Обычно она его почти не беспокоила, а тут вдруг заняли старые раны...

Был бы у Шульгина с собой гомеостат, вылечил бы коллегу за час, а так просто положил ладонь ему на колено и послал успокаивающий боль импульс.

— Спасибо, Александр Иванович, вы, похоже, хороший врач.

— Увы, в основном приходится заниматься менее гуманными делами. Даже и врачам. Вот, например, близкого друга обидел...

— Вы же не его лично, как я понимаю. А что все-таки произошло, поясните, пожалуйста. Реактивный психоз?

— Да откуда? Он парень психически абсолютно здоровый, проверено. Тут дело похитрее...

В сжатых выражениях Шульгин объяснил Суздаеву ситуацию, разумеется, в пределах, поддающихся популяризации, и не выходя за границы, которые считал на данный исторический период достаточными для своего нового партнера.

За недолгое время сотрудничества Новикова с Георгием Михайловичем Андрей довел до его сведения лишь одну истину. То, что «мир Полдня» в здешнем варианте является всего лишь отражением, в платоновском смысле, Главной исторической последовательности, на которой размещается мир «настоящий». И даже снабдил кое-какой литературой из библиотеки «Призрака». Версия для генерала-монаха оказалась сколочена достаточно крепко, в пределах его знаний и представлений непротиворечиво. Труда эта работа для Новикова в соавторстве с Ириной не составила. Если уж человек почти научился создавать жизнеспособные мыслеформы

регионального, моментами даже планетарного масштаба, то умозрительная конструкция, ориентированная на одного конкретного слушателя, — семечки.

Суздаев поверил в нее безоговорочно (или умело сделал вид, что поверил). Теперь предстояло слегка расширить его горизонт.

Сашке внезапно пришло в голову, что его внешне бессмысленные приключения последних дней в свете текущих событий приобретают некоторую логическую связность.

То, что решение «задержаться» в теле Шестакова было принято им самостоятельно, без влияния Антона, Сильвии или Дайяны, он считал не подлежащим сомнению. Но так ли это на самом деле?

Нет, в гипноз или иное силовое воздействие со стороны Игроков он по-прежнему не верил. Весь предыдущий опыт, тщательный, многократно дублированный анализ событий, начиная с первых страниц *эпопеи*, свидетельствовал, что ими используются только «непрямые действия». Фигуры противника на доске трогать не принято, и никто не вынуждает под пистолетом раскрывать карты, когда у тебя флеш-рояль.

А вот рассчитать, зная стиль и манеру игры противника, как он может поступить в тщательно подготовленной позиции, и именно там подстроить ловушку — вполне. Испокон веку так и поступают хоть шулера высокого класса, хоть гениальные полководцы.

Наживка (вернее — наживки, числом до десятка) была заброшена с большим искусством. Не на одну рыбка клюнет, так на другую. С тем же самым результатом. Неважно, чем именно наживлен крю-

чок, распаренным горохом, живым червяком, искусственной мухой...

Трудно сказать, как бы развивались события, вздумай Шульгин наплевать на судьбу наркома с его проблемами, забыть о Лихареве и записке Сильвии, о словах «черного игрока», переданных через Дайяну...

Решил бы, как они «твердо» договорились с Новиковым, сосредоточиться на мире Ростоккина и новозеландской базе, ни во что больше в иных реальностях не вмешиваясь. И все пришло бы в ту же точку, где он так или иначе оказался. Другим маршрутом, «срезая углы», не отвлекаясь на встречающиеся по пути артефакты вроде поста зампреда Совнаркома и испанскую войну.

Да, сел нахальный малолетка с битыми зэками в очко играть!

И Ростоккина заманили сюда же.

Только их двоих, никто больше из членов «Братства» здесь пока не потребовался.

Впрочем, можно ведь и иначе взглянуть. С совершенно противоположной точки зрения. Игроки тут совершенно ни при чем, наоборот, именно они сейчас в проигрыше. Нет, о проигрыше говорить не будем, просто удалось отыграть несколько темпов.

Там, в двадцать четвертом, мы забрели в позиционный тупик, как европейские армии на Западном фронте к шестнадцатому году. И вот нате вам — в Галиции Брусиловский прорыв, на турецком — взятие Эрзерума Юденичем и десант в Трапезунд!

Вот и Шульгин самостоятельно, своим удвоенным (сейчас, пожалуй, и утроенным) разумом сформир-

ровал совершенно новую гиперреальность. В какой и развернется очередной акт трагифарса.

Он самостоятельно или с чьей-то помощью использовал недостаточно освоенную еще методику параллельного мышления. Одновременно вступил в игру с Суздалевым, пока не зная, союзником он станет или противником. Совершенно по-иному переконпоновывал сложившуюся «на других фронтах» конфигурацию. Не до конца понимая, что именно делает — создает аннотированный комментарий к партиям сыгранного матча или выстраивает мыслеформу, гарантирующую преобразование химеры в полноценную реальность?

Шульгин сообщил генералу (все-таки монахом его называть не хотелось, не стыковались образы), что подлинная картина мира на самом деле несколько сложнее, чем дихотомия: реальность-химера. Развилка развилкой, но не одна она была в минувшие полтора века. И там, где они смогли реализоваться, образовывались и продолжают образовываться реальности поустойчивее существующей здесь.

Познакомил с концепцией мировой Сети как над- и внегалактического, всепространственного и вневременного артефакта, упрощенно сведя ее к образу пресловутого компьютера, только нематериального.

— Понимаете, Георгий Михайлович, на самом деле все достаточно просто. Компьютер, железный, как этот, — он постучал по крышке бортового устройства, — или органический, — коснулся своего лба, — в процессе функционирования производит продукт нематериальный. Мысль, если хотите. Дурацкую или гениальную — несущественно. Сеть же

★ действует строго наоборот. Сама являясь не более чем мыслью или же идеей, создает звезды, межзвездное вещество, энергию и всякие поля, планеты, обитаемые и не очень. На обитаемых рано или поздно зарождается разум, начинающий, в свою очередь, творить как железки, так и ту же пресловутую мысль. Тут петля замыкается, змея кусает собственный хвост...

— И чем же эта переусложненная, на мой взгляд, концепция отличается от идеи Бога как такового?

— Да как вам сказать. Бога, мне кажется, можно рассматривать лишь как вторую производную. Исходя, разумеется, из той информации, которая содержится в религиозной литературе. В человеческой мифологии и фольклоре слишком много богов, подчас — взаимоисключающих. Есть также религии, обходящиеся вообще без идеи бога. Я — субъект довольно широких взглядов, готов признать, что в каких-то узлах Сети могут существовать некие образования, выглядящие и ведущие себя аналогично человеческим представлениям о том, кого вы подразумеваете. Надеюсь, мои слова не покажутся вам кощунством.

— Нет, нет, продолжайте. Широта моих взглядов, я надеюсь, достаточна, чтобы обсуждать любые темы.

— Главным моментом, который позволяет мне так говорить, является то, что Гиперсеть, чем бы она ни была, доступна для проникновения и вмешательства в ее деятельность на столь же рациональных принципах, как и в любой компьютер. По крайней мере, в пределах, охватываемых нашим воображением. Мое здесь присутствие и те феномены, что вы имели возможность наблюдать, — наилучшее

тому подтверждение. Уверен, что воздействовать на «настоящего бога» смертному вряд ли удалось бы.

— Вы меня не убедили, — вздохнул Суздаев. — Давайте пойдем дальше, если желаете. Ваша «Сеть» — мысль, вы сказали. Следующий вопрос — чья? Если есть продукт, есть и его производитель. Или же источник...

За годы службы в своей должности генерал наверняка натренировался в богословских диспутах, хотя бы для того, чтобы «возвести в закон волю господствующего класса», в его случае — обеспечить душевный комфорт тем, кто вынужден был принимать все те же «предложенные обстоятельства» не под давлением силы или угрозы ее применения, а в полном согласии с проповедуемыми принципами.

— Георгий Михайлович, — расплылся в улыбке Шульгин. — Давайте согласимся, что правы вы, а не я. Тогда проблема, нисколько не решаясь, поднимается еще на одну ступеньку вверх. Хорошо, есть тот, эманацией чьей мысли является Сеть. Один из моих знакомых назвал его «Великим Спящим». Он где-то спит, а наш и окрестные миры — его сновидения, внутри которых субъекты обладают определенной свободой воли, заданной внутри тех же сновидений. Тоже очень складная теория. У вас, простите, какое образование? — неожиданно спросил он, заодно извлекая из внутреннего кармана серебряную фляжку, наполненную, прошу заметить, из посуды на КП князя Игоря в придуманном XIII веке.

— Высшее военное, потом несколько спецкурсов, тратить время на полноценные университеты возможности не было.

— Ну, тогда глотните, — протянул он обтянутый кожей сосуд. Прием, отработанный профессором

Удолиным. Сюда бы его пригласить, в качестве научного резерва.

Суздаlev приложился к горлышку. Старый солдат все-таки, отказываться статус не велит.

— И как? — заинтересованно, с лицом естествоиспытателя Паганеля, спросил Шульгин.

— Да ничего. Умело сделано. Чего я только не перепробовал в своей жизни, противнее бражки из маниики ничего не знаю. А это годится. Типа дешевого ирландского виски.

— Вот и доказательство. Причем — чего угодно сразу. Если этот напиток показался вам естественным по вкусу и убойной силе, а извлечен он из реальности не второго даже, а третьего порядка, значит — либо реальность полноценная, либо мы с вами, люди иных миров, заметьте, вымышлены столь же талантливо, что друг для друга выглядим живыми и вдобавок обладающими одинаковым метаболизмом...

Суздаlev задумался всерьез. А что ж, с таким софистом, как Сашка, на равных умел общаться только Новиков.

— А если... — неуверенно произнес генерал.

— Если — то мы вернулись на круги своя, и о чем-то рассуждать вполне бессмысленно. Хотите острый эксперимент? Я вообразил *ваш* мир, Игорь, — *тот*, вы воспринимаете окружающее как-то по-своему. Сейчас один из нас отключит автопилот, направит сей дископлан в отвесное пикирование. Кто-нибудь должен выжить? А кто? Ваше мнение?

Суздаlev рассмеялся раскованно, будто действительно услышал неубиваемый довод.

— Нет, Александр Иванович, с вами можно иметь дело. Мне ребята говорили, что вы изумительный мужик. Лично убедился, признаю: «Движенья нет,

сказал мудрец брадатый. Другой смолчал и стал пред ним ходить. Сильнее он не мог бы возразить...»

— «...Хвалили все ответ замысловатый», — завершил строфу Шульгин.

Дископлан начал заходить на посадку где-то среди заснеженного леса. Шульгин думал, что генерал пригласил его в свою московскую резиденцию на углу Трубной, но, видимо, сейчас требовалось более уединенное место.

Он разбудил Ростокина. Тот проснулся в полном порядке.

— Что-то очень нехорошее произошло, Александр Иванович? — спросил он.

— В пределах. Очередной раз проскочили. Придержать там тебя захотели, Елена или кто другой, но, как в одном фильме говорилось: «Боцмана без хрена не съешь!» Пришлось тебя немного нейтрализовать, уж очень ты не хотел прощаться «с серебристой, самою заветною мечтой». Но ты не переживай, чего-чего, а в те декорации мы вернуться завсегда сумеем.

— А сейчас что делать будем?

— Как обычно — врубаться в обстановку. Она для тебя, кстати, родная. Связи имеешь, помимо хозяина сего убежища, и очень неслабые, как мне известно. Капиталец кой-какой, а это немаловажно. Одолжишь некоторую сумму, если что. Для чего-то же нам с тобой потребовалось здесь встретиться? Но обсудим это завтра. Хозяина я попрошу, чтобы обеспечил тебе возможность выспаться по-человечески. Горячая ванна, душ, парная — на твое усмотрение. Отдельная комната и охрана у двери.

— Александр Иванович, о чем вы, я уже в полном порядке...

— Заткнитесь, поручик, — ласково сказал Шуль-

гин. — Делать будешь только то, что я скажу. А о тонкостях наших взаимоотношений поговорим как-нибудь в другой раз. Это тебе Великий Магистр говорит!

Ростокин кивнул, более не вдаваясь в рассуждения, и покорно направился в отведенное помещение.

На скольких загородных дачах, базах, виллах, лесных избушках привелось побывать Сашке только за этот виток судьбы! Наверное, в компенсацию за предыдущее, когда сюжеты крутились вокруг грандиозных замков и многоквартирных домов в мегаполисах.

Здесь ему тоже понравилось. Можно было бы сказать, что дом Суздалева напоминает усадьбу утонченного японского князя, страдающего гигантоманией. Восточного облика дом, но раза в три больше, чем храм Реандзи. Вместо четырех соток (в пересчете на наши меры) — два гектара. Криптомерии, сакуры до плеча, прочие бонсаи заменяют уходящие в поднебесья деревья, высаженные «еще до исторического материализма», как выражался Остап. Роль ручейков, которые можно перешагнуть, и водопадиков высотой по колено исполняла полноводная Истра с мастерски оформленными берегами. Грудки камешков — гранитные валуны. И прочее в той же тональности и эстетике.

Само собой, вторая половина XXI века — не то что начало XX: интерьеры другие, строительные технологии, оборудование. А так — примерно то же самое. Если не слишком вникать. Вникать следовало в другое.

— Вы мне скажите, Георгий Михайлович, — настаивал Шульгин, — вы специально, исходя из соображений в Ниловой оказались или случайно, с плановой проверкой?

— Не заметили противоречия?

— Я все замечаю и оговорки допускаю обычно намеренно. Суть вы уловили?

— Сложно с вами разговаривать, Александр Иванович. Масса времени уходит на такое вот...

— А вы бы не отвлекались. Говорите по теме, а крючки на потом оставляйте.

— Оно бы и правильно, но не приучен я в тылу неподавленные очаги сопротивления бросать...

— Тогда хреновые вы вояки. Видно, что Вторую мировую не пережили. Я спросил не из чистого любопытства, поверьте. Меня поразило — каким образом лично вы, единственный человек в этом мире, знающий меня и Игоря, оказались в точке, где мы пересеклись с ним, что невозможно, исходя из теории вероятности, даже для двух в столь разных местах и временах пребывающих людей. Третий элемент, то есть вы, выводит ситуацию в область не нулевых даже, отрицательных вероятностей. И хотелось бы, минуя требования политеса, получать от вас четкие и конкретные ответы. Потом я на основах взаимности готов отвечать и вам.

Это не прихоть, это оперативная необходимость. Я не знаю, каким временем мы располагаем. Если начнется очередной хроноклазм, лично вас я, может быть, и выдерну, а остальным придет хана. Так что давайте, а чинами после сочтемся...

Суздаев, будучи личностью здравомыслящей и ответственной (а также, что с первой встречи удивило Новикова, не подверженной синдрому «административного восторга» от собственного величия),

кратко и четко доложил, что с момента прощания с господином Ньюменом разбалансировка мира начала нарастать. Опять-таки незаметно для большинства населения Земли. Да и сам он, вместе со всей «криптократией» старшего и нового поколения, никоим образом не соотнес бы происходящее с явлениями, имеющими источник «извне», если бы не изучил полученные от Новика книги и не поверил в правдивость его слов.

Удивительным образом (да не таким уж и удивительным, если вспомнить предвоенную, 1912—1914 годов, обстановку в Европе) обострились ранее вполне спокойные отношения между малыми странами.

Румыния, Греция, Болгария, Венгрия, Польша, Чехословакия, Югославия в особенности, как-то слишком дружно и синхронно вспомнили о былых претензиях и конфликтах. Кто на чьей стороне воевал в трех балканских войнах и Мировой, кто кого предавал и на сторону какого врага перекидывался...

Шульгин и в реальном мире считал все эти европейские лимитрофы вполне искусственными образованиями, волюнтаристскими порождениями Версальской, а позже — Ялтинской системы. С границами, произвольно нарисованными победителями, руководствовавшимися совсем не логикой истории, а сиюминутными интересами так называемых «демократических правительств». Сами же «правительства» — несколько десятков адвокатов и лавочников, волею толпы на несколько лет избранные вершителями судеб мира. Пуанкаре, вильсоны, гладыоны и тому подобные деятели, имен которых не помнят даже многие профессиональные историки.

Вот теперь кто-то и подсказал гражданам и лидерам стран, которые никогда прежде не имели соб-

ственной государственности и вдруг ее обрели, что с ними поступили «несправедливо». Кому Трансильвании недодали, кому Познани и Данцига, Тешинского края, Буковины, Вильно или... Не будем вникать.

Определенные трения между ними происходили всегда, но преимущественно на бытовом уровне, в зонах *цивилизационных разломов* и чересполосицы национально-культурных автономий. Верховные власти обычно старались эту напряженность гасить доступными средствами. А тут вдруг, во второй половине сверхблагополучного (для евроцентричных стран) века, с цепи сорвались как раз элиты и власти. Тональность публичных заявлений, дипломатических нот и взаимных претензий буквально за полгода достигла африканского уровня. И это в мире, где земные звездолеты летали на сотню парсек за срок, сравнимый с временем плавания эмигрантского пакетбота от Лондона до Сиднея, с теми же примерно затратами. Вот бы и основывали этнические колонии на Крюгере или в системе Бетельгейзе.

Так Шульгин и спросил Суздалева:

— Вы, Великие державы, не могли им устроить по персональному Израилю? Скинулись бы и отселили *национально озабоченных* в удобные места. В случае чего — под дулами автоматов. Англичане с кремневыми ружьями сумели отправить свои «проблемные элементы» далеко-далеко, и существует теперь в мире очень приличная Австралия...

— Да о чем вы, Александр Иванович! Это у вас осталась агрессивная жилка первопроходцев, а мы — ... — он грубо выругался. Лексика и в этом времени родная и понятная. — В общем, пограничные стычки, перерастающие в нормальные войны, идут сейчас уже внутри нашего тихого сада. Вот буквально

на днях завязались довольно кровопролитные беспорядки на стыке венгерской, румынской и югославской границ. На очереди греко-болгаро-турецкое противостояние. А что на биржах творится! В самых верхах ООН зреет намерение отказаться от золотого стандарта. Вы представляете, к чему это ведет?

— Представляю, у нас аналогичная история случилась в 1973-м, тогда рассыпалась Бреттон-Вудская система и понеслась всемирная инфляция...

— Вы понимаете — все это **ОДНОВРЕМЕННО!** И нет ни малейшей политической воли у лидеров держав, как вы выразились, прекратить это безобразие. Беззубое вяканье с парламентских трибун, призывы к благоразумию и невмешательству. Хуже того, пример оказывается заразительным. Сепаратизм и ирредентизм¹ поднял голову и у нас.

Но это частности, хотя и неприятные. В случае продолжения в том же направлении Россия сможет даже определенный выигрыш получить. Армия у нас в приличном состоянии, технологический уровень тоже высок. Хроноквантовые двигатели для звездолетов умеем строить только мы. Свои границы защитим, где нужно — интервенции проведем. Дело совсем в другом. Я после знакомства с господином Новиковым посадил несколько абсолютно надежных аналитиков с подходящим образованием за интересную работу. Вручил им распечатки с полученных от Андрея Дмитриевича монографий и предложил составить параллельные таблицы главнейших исторических, политических событий, динамику эко-

¹ Ирредентизм — стремление присоединить к своей стране чужие территории, населенные соотечественниками. Напр. аннексия Судетской области Чехословакии Германией.

номических процессов у вас и у нас. От момента «развилки». Жаль, что у вас все заканчивается семьдесят вторым годом... Но тенденции и без того ясны... Мы провели экстраполяцию...

«Экстраполяцию вы провели, — подумал Шульгин, — неплохо бы взглянуть. Если твои ребята предсказали самоликвидацию СССР, КПСС и Соввласти — немедленно переманю их на министерские оклады...»

— Понятно. Дальше объяснять не нужно. Будет время, я вас попробую в похожий на ваш мирок сводить. Примерно посередине расположился, в начале двухтысячных. Тоже химера, разумеется, и развилка почти там же. И у них аналогичные проблемы, только мужики там поглубже собрались, потомки белых победителей в Гражданской. Во главе с Императором. Не обремененные либеральными иллюзиями. Ориентируются на Николая Первого Павловича. Этот из нашей общей истории. Так он не стеснялся «братскую интернациональную помощь» коллегам по Священному Союзу оказывать. Правда, потом его тоже «кинули» «братья по тронам», но это уже от его доброты и доверчивости. Но я вам совсем другой вопрос задал. За информацию спасибо, мы к ней непременно вернемся, но как и зачем вы оказались в Ниловой пустыни день в день со мной? Вы, кажется, начали о некоей специальной *тонкости* в этом деле говорить, да Игорь помешал.

Умел Сашка, белогвардейский генерал-лейтенант и координатор спецслужб обеих противоборствующих сторон, *беседовать* с людьми. Внушая им мимолетно мысль, что сопротивляться и спорить — себе дороже обойдется. Уж генерал Врангель, Слащев-Крымский, Яков Агранов, сам адмирал Колчак

покруче деятели были, а Александра Ивановича за авторитета признавали. Суздаев правильно оценил ситуацию. На вверенной ему территории, безусловно, бояться члену тайного правительства было нечего, в особенности — одного человека, из какого бы времени тот ни появился. Но он нуждался в помощи, пусть пока и консультативной, поэтому спорить не считал нужным.

Кроме того, Георгий Михайлович был по-настоящему встревожен. На самом деле внешнеполитические вопросы его волновали не слишком, не его епархия (в буквальном смысле), они были интересны лишь в качестве симптомов общего неблагополучия. А вот события в окрестностях Селигера — совсем другое дело. Тем более нечто подобное уже происходило и в других местах, просто не так масштабно и наглядно.

— Ах, да... Дело было так. Отец Флор, тоже полковник особой службы, кстати, сообщил мне, что на вверенной ему территории происходят непонятные вещи. Деформации времени, как вы правильно выразились. Монастырь изменения почти не затронули. А вокруг... Ну, вы сами знаете. Добросовестность игумена я подвергать сомнению оснований не имел, ибо основной принцип нашей работы вы, как специалист, знаете...

— Знаю, — кивнул Шульгин, — или ты работаешь с агентом, или нет.

— Точно. Но и принимать какие-либо решения на основании устной информации сказочного жанра немыслимо. Бомбардировочную дивизию поднять по тревоге, к примеру. Я полетел туда сам. Иного выхода не было...

Шульгин снова кивнул.

— Прибыл, выслушал доклад игумена, опросил

несколько очевидцев. Из числа монахов, не попавших под влияние «процесса» и сохранивших здравомыслие и адекватность, а также людей, полностью отождествляющих себя с так называемым «тринадцатым веком». Допрашивать мы умеем, это вам и Андрей Дмитриевич может подтвердить. Все, естественно, проходили процедуру как свидетели, обвиняемых и потерпевших пока не обозначилось.

Последние слова он произнес с уместной долей иронии.

— И что же мы выяснили? Процесс протекает крайне дискретно. Монастырь является одновременно центром «постановки» и очагом «стабильности», не позволяющим «наваждению», или «псевдо-реальности», полностью вступить в свои права. Большая часть монахов (имеющих спецподготовку), как и отец Флор, оказались абсолютно невосприимчивы, с самого начала осознавая, что имеют дело с чем-то необъяснимым, но не сверхъестественным. Остальные оказались в положении нашего друга Ростокина, «меж двух миров». Внутри монастырских помещений и храма сохраняют ту или иную степень критичности, но уже во дворах и тем более за стенами иллюзия берет верх. За пределами острова сто процентов жителей абсолютно убеждены в подлинности происходящего и ведут себя соответственно. Все это в радиусе примерно двадцати километров. Дальше наша разведка не проникала.

Все предметы снаряжения и вооружения абсолютно подлинные, то есть материальны и работоспособны, только не имеют аналогов и даже прототипов в нашем мире. Это именно «оружие вообще». Я бы сказал так — воплощенная в металле идея оружия определенной исторической эпохи. Также и все прочее — дикая мешанина подлинных

фактов, обывательских представлений, «зрелищных эпизодов». Как в плохом фильме. Но, повторяю, все вместе до ужаса реалистично.

Шульгин не мог с ним не согласиться: сам пришел точно к такому выводу.

— А до моего появления вы с «князем Игорем» не контактировали? Когда он на своем КП княжну встречал, а потом в монастырь явился оборону организовывать? Не появилась у вас идея связать происходящее с планом «Репортер»?

— Вы и об этом знаете? — поразился Суздаlev, но тут же и поправился: — Ах да, конечно! Как я мог забыть. Снова Андрей Дмитриевич... Нет, встречаться я с ним не стал. По названной вами причине. Скажу даже больше — после того как Новиков разыскал Ростокина в Сан-Франциско и оба они исчезли из нашего поля зрения, названный вами план получил более высокую степень важности. Ваш друг по непонятной причине не счел нужным поставить нас в известность о своих дальнейших действиях...

— От его имени приношу извинения. Ситуация сложилась таким образом, что им пришлось отступить в наше время в экстренном порядке. Эвакуироваться, можно сказать. Вот только сейчас появилась возможность вернуться. И тоже не совсем по своей воле. Но это отдельный разговор, у нас еще будет время, надеюсь.

— Я — тем более. Как только отец Флор сообщил мне о начавшемся катаклизме и передал первую видеозапись, я по своей линии объявил боевую тревогу и приказал взять «объект» под плотное наблюдение. И ваше появление мои сотрудники немедленно зафиксировали. Мне, поверьте, сразу на

душе полегчало. Хоть какая-то определенность... А помня наши разговоры с Новиковым, я подумал, что вы там у себя сочли это время подходящим для вмешательства...

План «Репортер», о котором вспомнил Шульгин, основывался на предположении, что Земля стала объектом экспансии или хотя бы пристального внимания инопланетных пришельцев. Правда, кроме самого Ростюкина, лично начальника службы безопасности космического флота Маркина и еще нескольких человек их никто не наблюдал и с ними не контактировал. Возможность утечки информации и возникновения по этому случаю паники среди обывателей и политических осложнений на более высоком уровне была мастерски пресечена сразу с двух сторон. СБKF¹ наложила гриф высшей секретности на подлинные факты, под угрозой бессрочного лишения допуска в Заземелье заставила молчать очевидцев и участников. Одновременно Игорю было позволено опубликовать свой репортаж под видом серии фантастико-приключенческих рассказов. Рекламу им хорошую создали. Теперь, если бы кто и проболтался, это выглядело бы верным симптомом шизофрении. Начитался человек и вслух пересказывает прочитанное, утверждая, что он и есть главный герой выдуманных известным журналистом событий.

Здесь в проблему «свободы печати» вмешались сразу два мощных ведомства, не пересекающиеся в своих интересах, но имеющие возможность друг с

¹ Служба безопасности космического флота.

★

другом договариваться. Начальник Службы безопасности галактического космофлота адмирал Валентин Петрович Маркин состоял в формальном подчинении ООН, на самом же деле не подчинялся никому, поскольку никто в этом мире понятия не имел, чем именно он занимается. Такая вот интересная должность.

Георгий Михайлович Суздалев вообще не существовал как официальная фигура, но отвечал за национальную идею и психологическое здоровье нации, для поддержания которого располагал практически неограниченными, но тоже абсолютно секретными возможностями.

И, что самое смешное, оба они были завязаны личными дружескими (и не только) отношениями с Ростокиным.

— Мы, я вам скажу, узнав по своим каналам о некоторых очень интересных приключениях Игоря в дальних мирах, решили, что во всем происходящем замешаны инопланетяне. У нас с Ростокиным задолго до того, как он начал представлять специфический интерес, сложились очень теплые, бескорыстные отношения. Он, считая меня своим единственным, причем старшим и умудренным другом, рассказывал мне то, что не позволил бы сказать любимой женщине...

— А вы его пытались обратить в свою веру?

— Если в православие, то да, пробовал. Не получилось. Если в нашу службу — не стал. Чересчур самостоятелен и к субординации относится негативно.

Шульгин молча кивнул. Хороший специалист господин Суздалев, а с контингентом работать не умеет. Прямо все тебе должны немедленно на задние лапки встать и язык высунуть. А ты попробуй с тем,

кто себя выше ощущает, и ты ему хоть друг-монах, хоть адмирал, а все равно никто. В определенном смысле.

О том, что лично у него вербовка Ростокина прошла беспроблемно, он говорить не стал.

— Значит, тема «пришельцев» подтверждения не нашла?

— Пока нет. Да и были ли они? Мы тридцать лет летаем между звездами, много чего нашли и увидели, а вот населенных планет и представителей того самого разума не встречали. За исключением случаев, описанных Игорем. Продолжения те контакты не получили.

— Но мне помнится, что в эпизоде на Крюгере было замешано несколько десятков человек, включая и самого адмирала...

Суздалев как-то странно дернул щекой. Почти незаметно для кого угодно, кроме Шульгина.

— Рассказик, согласен, неплохо написан. Да только ни единого человека, там упомянутого, кроме В.П. Маркина, в природе не существует. И кораблей с такими названиями нет, и нарушений графиков в те дни не было...

Сашке показалось, что собеседнику не совсем приятно говорить на эту тему. Значит, надо тем более форсировать ситуацию.

— Георгий Михайлович, если вы хотите со мной работать «на паях и полном абсолютном доверии», то не валяйте ваньку, пожалуйста. Я понимаю, что вы крайне задеты и обижены тем, что адмирал Маркин вас послал далеко и еще дальше. Адмиралы — они такие. И знаете почему?

— Ну-ка...

— Адмирал, если настоящий, в отличие от сухопутного генерала выходит в море со своей эскадрой

и разделяет с ней свою судьбу! Ни личный автомобиль, ни самолет его в безопасный тыл не вывезут. Побеждать — так побеждать. Тонуть — всем вместе. Вы, наверное, этой простой истины не знали и разговаривали с ним с пехотной точки зрения...

Похоже, в нужную точку Шульгин попал.

— Думаете, у вас бы лучше получилось?

— Даже не сомневаюсь. Придет время — поговорим. Куда он денется, тем более, со слов Игоря, — очень приличный мужчина... Но вы снова очень умело увели разговор в сторону. Не хочется мне зряшно конфликтовать, по пустякам притом. Давайте попросту. Коротко, четко, исключительно по теме, в рассуждении, что мы с вами действительно союзники. Если нет — шапки врозь и конец компании...

— Хорошо, — Суздалев произнес это таким тоном, что Сашка подумал: «Впредь могут и проблемы возникнуть, если, конечно, ситуация для монаха и его мира изменится в лучшую сторону».

— О появлении в окрестностях монастыря «командного пункта» походного воеводы Игоря Мещерского отец Флор доложил мне по интеркому немедленно. Равно как и о том, что рядом с его обителью начало происходить и все остальное. Прошу отметить, мои люди настолько хорошо подготовлены для настоящих и будущих событий, что игумен мгновенно включился в игру и начал вести себя «как положено».

— Это очень умно, Георгий Михайлович, вы даже не подозреваете, насколько. Может быть, отец Флор спас всех ВАС от очень крупных неприятностей. А вот если с иной точки посмотреть — возможно, наоборот, лишил нирваны...

— Пояснить можете?

— Свободно. Только опять закурю. Неудобно я

себя среди вас, духовных лиц, чувствую. Все время дергаешься, как бы чего не нарушить, чьи-то чувства не оскорбить...

— Насчет этого можете не беспокоиться. А чтобы вы еще лучше представили себе абсурдность положения, скажу самое главное. Весь этот *процесс* своей *односторонностью* здорово напоминает мне кольцо Мебиуса. То есть он именно односторонний в полном смысле слова. При взгляде *извне* там не происходит совершенно ничего. Вы можете хоть на автомобиле, хоть пешком добраться из Москвы до самого Осташкова и не увидите никаких признаков *химеры*. Проверено. *Зона* начинается примерно в полукилометре от избы Ростюкина и ровным кольцом охватывает часть берега и монастырь...

На экране компьютера Суздалев показал панораму района и обозначенную красной линией границу.

— Только пройдя ее вы попадаете в химерическую реальность. И уже тогда она начинает *действовать*. Не на всех, как я отмечал, но кто *подвержен*, обратно вернуться тем же путем уже неспособен. И сфера *наваждения* распространяется, как я уже докладывал, на двадцать километров минимум. Вы поняли?

— Чего ж не понять? Хотелось бы, для полноты картины, провести еще один эксперимент. Войти в зону с нашей стороны на самой дальней границе ее распространения и пообщаться с людьми, проживающими там. Народ ведь все цивилизованный, не крестьяне малограмотные. Постоянно должны туда-сюда мотаться, машинами и прочим транспортом...

— Александр Иванович, вы не поняли? — с долей сожаления спросил Суздалев. — Повторяю — *отсюда* все в норме. До моста и стен пустыни. Лю-

ди, архитектура, инфраструктура, психика. Оттуда в нашу сторону — «тринадцатый» век. Возможно — всю территорию России, а то и Землю целиком захватывает. Просто мы не успели настоящую экспедицию наладить.

«Ну, на всю Землю у Игоря мощи не хватит, — подумал Шульгин, — да и на Россию вряд ли, если только его к подходящему трансформатору не подключили».

— Экспедицию — это правильно! Танковую дивизию и воздушно-десантный корпус к монастырю марш-броском, а оттуда по расходящимся направлениям — до крайних пределов. До Каракорума на востоке, до Атлантики на западе. Очень приличная держава может получиться. Ваш протекторат. Великий князь уже есть, княжна тоже...

Он сам не понял, очередная хохмочка с языка сорвалась или же...

Судя по искре, мелькнувшей в глазах Суздалева, скорее второе.

Чтобы не потерять инициативы и одновременно создать у собеседника впечатление, что он все ж таки обычным образом дурака валяет, продолжил:

— Священные дружины свои мобилизуйте, грамотную схему межконфессионального взаимодействия разработайте, на башни символику нанесите, отгоняющую нечистую силу любой ориентации, радиаторы святой водой залейте... У Росточкина, кстати, в этом деле тоже опыт богатый...

— Расскажите?

— Не мой вопрос. Сам расскажет, если захочет. Тема глубоко личная. Давайте о нашем. Если доведется здесь задержаться, нам следует на приличном, вами определенном уровне, в «узком круге ограниченных людей» собраться и какой-нибудь подходя-

щий пакт заключить. Насчет «антанте кордиаль»¹. Думаю, есть основания.

— Основания наверняка есть. Однако разговаривать с вами удивительно трудно. Большого напряжения требует.

— Да что вы?! — искренне удивился Шульгин. — Мне кажется, должно обстоять полностью наоборот. Вы, худо-бедно, книжки из нашей общей истории читали, от Пушкина, Салтыкова-Щедрина до как минимум Горького и Алексея Толстого. Значит, лексику, а также и стиль мышления представлять должны. А я, к сожалению, ни одной у вас за сто двадцать лет написанной книги не читал! Кому труднее?

После часа с лишним рассуждений на общие темы, специально обходя конкретности, Суздаев согласился, чтобы Шульгин с Ростокиным избавили его от своего присутствия и переночевали на квартире у Игоря. Александр и здесь сумел быть деликатно-убедительным.

О том, что Суздаев вольно или невольно «засвечен», он впрямую говорить не стал, но намекнул именно на это. А вот жилище Ростокина уже почти год полностью *выведено из обращения*, и в ближайшие сутки внимание «посторонних сил» на него обратится в самом крайнем случае. Особенно если принять должные меры предосторожности.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Зайчик на резиночке, — сказал Шульгин, глядя с балкона квартиры Ростокина на панораму Среденского бульвара вправо и влево. Вид был прият-

¹ Сердечное согласие (франц.).

ный для глаз, рождественская иллюминация до конца перспективы, непрерывный снегопад, придававший окружающему дополнительную прелесть. Прямо внизу, в парке, окружающем гостиницу «Славянская беседа», веселились постояльцы, швырялись снежками, лепили снежных баб, пили у костров глинтвейн и сбитень, пели песни, толпились в очереди к запряженным в сани тройкам, катающим почтеннейшую публику по Бульварному кольцу или куда господу прикажут.

Вновь его наполнило то самое чувство всеблагости и покоя, как и во время встречи прошлого Нового года в этом же мире. Здесь бы только и жить...

— Не понял, Александр Иванович, — ответил Ростокин, тоже благодушный, потягивающий толстую сигару, вышедший на десятиградусный морозец в одной крахмальной сорочке.

— Игрушка у меня была любимая в скудные послевоенные годы, — пояснил Сашка с внезапно нахлынувшей грустью. — Обтянутый фольгой зайчик из смятой оберточной бумаги, ушки красные, глазки из бусинок, на длинной резинке от самолетного амортизатора. Ты его бросаешь на весь размах, а он возвращается в руку... Вот и мы с тобой так же. Когда я здесь с Андреем, Аллой и Ириной справлял Новый год, а ты болтался черт-те где, под шампанское проскочила фраза, не помню уж, кем сказанная, что ничего мы не можем и не должны хотеть, мы просто исполняем миссию...

— Вы, Александр Иванович, на самом деле так думаете?

— Другого выбора и другого выхода у меня просто нет, — сказал Шульгин с непривычным даже для него пессимизмом. — Как у генерала Корнилова. Мы тут мечемся, воображаем, соображаем, а мис-

сия существует, выше нас и помимо нас. Я долго терзался, много лет подряд, и прямо сегодня утром еще, а тут просветление снизошло. Погода, наверное, повлияла. У нас, как ты помнишь, гниль всякая, глобальное потепление и дожди всю зиму, а здесь — как в сказке. Или в начале тех пятидесятих. Миссия же наша — пусть и навязанная извне — спасать миры и человечества, сколько бы их ни было, хотят они этого или не хотят. Я, кстати, долго это пытался понять, а только сейчас показалось, что понял.

Ростокин правильно оценил неопределенный жест правой руки Шульгина, шагнул в комнату и вернулся с двумя бокалами шампанского-брют. На морозце — очень неплохо. Именно шампанское, предрасполагающее к дальнейшим откровениям — совсем не тем, которые способна пробудить водка. И даже коньяк, с кофе или без. Это вообще отдельная тема для исследования.

— Только сейчас понял, — повторил Шульгин. — Все мучился, мучился, зачем, думаю, нам все время подкидывают дурацкие задачки, заставляют абсолютной ерундой, если вдуматься, заниматься. Вот у меня сейчас в Испании ситуация зависла — победим или же как было все останется? Тут вы подвизались — какого, казалось бы, хрена? Счастливы и довольны сверх всякой меры. А и вас тоже спасать надо...

Ростокин, зная Шульгина более года и во всяких, как думалось, случаях, все равно не улавливал извилистого хода его мыслей.

— Идея совершенно проста, — Сашка сквозь зубы выцедил ледяной, пузырящийся напиток. — Стержень. Стержень-замедлитель графитовый. Это я, то есть. Засовывают меня в какую вздумается дыру и

★
смотря, стабилизировал я процесс или нет. Если не разнесло к чертям, в другую толкают... Противно, знаешь ли, себя в таком качестве ощущать.

— Вы не преувеличиваете, Александр Иванович? — осторожно спросил Игорь.

— Об этом, если нечего делать, у Троцкого спроси. А можешь прямо сейчас своего Маркина на связь вывести?

У Ростокина в квартире был установлен компьютер, какого почти ни у кого не было в этой стране. Особым способом включенный во всемирную информационную сеть благодаря другу, лауреату Нобелевской премии за открытия в вопросах нечеловеческих логик. Любого человека в любой точке земшара можно было разыскать в секунды, если он, конечно, оставлял хоть какие-то электронные следы — от пользования банкоматом до телефонного звонка. И много чего другого сделать, далеко не всегда в рамках законности.

— Попробовать можно, только о чем говорить станем?

— Не твоя забота. Соединись, а дальше я...

— Неприятностей не боитесь?

— Волков бояться... Разве что тебе навредить могу?

— Да и мне сильно не навредите. Сбежать сумеем, если совсем плохо станет?

— Должны. До ближайшей станции СПВ далековато, сам знаешь, а на «заклинаниях» выскочим, если пуля в затылок из снайперки не догонит. А ты от своего друга подобной подлanky ждешь?

— Нет, на него не похоже. Адмирал строг, но не злокознен.

— Вот и поглядим...

Здесьними компьютерами, не похожими ни на

земные восьмидесятих годов, ни на те, что были установлены в Замке и на «Валгалле», Шульгин научился пользоваться давно, но у Ростоккина была несколько иная модель, обычным гражданам недоступная. В большинстве своем аппараты индивидуального пользования представляли собой лишь терминалы с сенсорными панелями, заменяющими привычную клавиатуру, процессоры же использовались централизованные, сетевого типа. Только очень немногие имели право и возможность на настоящие, в нашем понимании, ПК, оснащенные крюгеритовыми *псевдомозгами* с быстродействием за триллион операций в секунду, причем на базе всех известных логик одновременно.

Вот и Ростоккин таким разжился.

Включив устройство и начав вводить в него задачу, подчиняясь указаниям Игоря, Шульгин всерьез опасался, не случится ли прямо сейчас чего-то непредвиденного. Его ведь уже три раза «без объяснения причин» отстраняли от компьютерной техники. Вот и сейчас могло произойти нечто подобное — от спонтанного переброса в очередной *эпизод* до элементарного зависания машины на неопределенный срок.

Но нет, пока все шло гладко. Он решил, что, может быть, его нынешнее намерение не представляет опасности для «игроков» или «ловушки». Хорошо, еще шагоч по тонкому льду. Пока не потрескивает.

Связь с компьютерной сетью СБКФ установилась сразу, известный Ростоккину пароль не изменился. Несколько ступенек и уровней удалось пройти без помех и затруднений. Только на пороге личного портала Маркина замигал предупреждающий транспарантик.

— Ну-ка дайте, теперь я сам, — отстранил Игорь Шульгина.

Сашка отъехал со своим креслом на полметра в сторону, старательно запоминая все действия Росткина. Тут опять пригодился дублированный мозг, он просто записывал на свободные клетки всю последовательность движений пальцев журналиста, со стороны посмотреть — неуловимо быстрых, возникающие на экранах символы, иные детали и подробности.

Примерно так же он мог бы зафиксировать и при необходимости успешно воспроизвести действия пилота, поднимающего в воздух реактивный лайнер, не имея никакого собственного опыта.

Все уровни защиты были пройдены, и на центральном экране высветился интерьер кабинета Маркина и он сам, склонившийся над солидной пачкой каких-то распечаток.

— Аппаратура и видеосопровождение включено принудительно, — пояснил Росткин, очевидным образом нервничающий. Это ведь, как ни крути, несанкционированное проникновение на режимный, особо охраняемый объект.

— Все беру на себя, — Шульгин снова сдвинул кресло на центральную позицию, оттеснив Игоря за пределы видимости с той стороны. — Хорошо хоть что он на месте оказался, а не в космосе болтается...

Маркин, услышав потрескивание электрических разрядов на своем громадном мониторе, вскинул голову. То, что он увидел, его бесспорно поразило. С экрана на него благожелательно, но, как показалось адмиралу, с некоторым вызовом смотрел незнакомый мужчина тридцати с лишним лет, облик которого отмечала некая «потусторонность». В том

смысле, что его фенотип заметно (для наметанного глаза) отличался от российского и даже общеевропейского. (Как, примерно, на старых фотографиях легко отличить бывшего царского офицера от красных «выдвиженцев».)

Но не это самое главное. Маркин знал, что незнакомец не принадлежит к кругу людей, которые хотя бы теоретически могли по собственной инициативе выйти с ним на связь.

— Здравствуйте, Валентин Петрович, низжайше прошу извинения за то, что отвлек вас от дел. Но мое, поверьте, не терпит отлагательства. Позвольте представиться — Шульгин Александр Иванович. Генерал-лейтенант...

— Не знаю такого, — не стал размениваться на обмен любезностями Маркин. — В списках, как говорится, не значится...

— Вы что же, пофамильно и в лицо всех генералов знаете?

— Положение обязывает. Итак — кто вы на самом деле, каким образом включились в систему и что вам нужно? Предупреждаю, в ближайшее время ваше местонахождение будет установлено, со всеми вытекающими последствиями.

— Разве желание поговорить с особой вашего ранга является уголовно наказуемым правонарушением?

— Специфика возглавляемой мною организации не всегда совпадает с действующими национальными законодательствами. Более того — не может ими регламентироваться по той же самой причине... У нас есть свой, космический Кодекс, одобренный ООН и применяемый ситуативно...

«Время тянет, — подумал Сашка, — а сейчас его ребята, как опеченные зайцы, прозванивают сети,

запускают на полную мощность свою контрольно-поисковую технику».

Вопросительно взглянул на Ростокина. Тот помотал головой — не найдут, мол. Компьютерные хитрости Скуратова и аппаратура, установленная Левашовым на «Валгалле» и в Форте Росс, уведут их в такие дебри, что за неделю не выпутаются. Будут старательно «ловить конский топот».

Шульгин в очередной раз подумал, как все запутано. Казалось бы, проще всего сейчас связаться по этому же компьютеру с Новой Зеландией, кто-то же там находится в форте или на пароходе. Воронцов — почти наверняка. Запросить помощи, и она через несколько часов прибудет, а то и сразу, если через внепространство.

Все сразу стало бы хорошо и просто. С борта «Валгаллы» и с Маркиным куда легче переговоры вести, и с Суздалевым отношения налаживать. А вот явственно ощущается, что делать этого нельзя. Примерно как в «Конце вечности»: Харлан испытывал непреодолимый ужас при мысли о возможности встретиться с самим собой. Так и Шульгин — явится он к своим, находясь в собственном, каким-то образом полученном от (или в) Сети теле. Что это за тело? Белковое или сгусток энергии? Не случится ли самой обыкновенной аннигиляции при соприкосновении не только с собственным оригиналом даже, а с любым предметом, имеющим к нему отношение?

Или они все же оказались в реальности, смещенной по отношению к «настоящей» буквально на несколько хроноквантов, где МНВ заключается в том, что из нее на несколько месяцев был извлечен Ростокин и Алла, Суздалев познакомился с Новиковым и Ириной. Вполне достаточно, чтобы ми-

ровые линии сместились. Палец дрогнул на спуске, и пуля пошла мимо мишени. Или — в другую мишень.

Трудно даже вообразить, в сколь перепутанном клубке мировых и вероятностных линий он сейчас находится то ли в виде узелка, то ли ниточки, за которую надо своевременно дернуть. Или — одного из проводков в механизме хитро устроенной мины.

«Только не политуруйте».

Тут еще одна хитрость имеется, на которую Ростокин или не обратил внимания, поглощенный более значительными событиями, или, по каким-то своим соображениям, решил промолчать. Как не подал виду, что узнал в могущественном Суздалеве скромного монаха.

Игорь очутился в личине князя, пройдя через астрал, и все время, которое он провел в обществе княжны, Артура, мертвых друзей, его тело пребывало в трансе на столешниковской квартире. Около пятнадцати минут, оставаясь в поле зрения трех сильных медиумов. После чего сознание к нему вернулось, вдобавок привело с собой обретших безусловную материальность Артура с Верой.

Теперь, значит, все случилось с точностью до наоборот? В момент пересечения дископланом какой-то незримой границы между вымыслом и реальностью их эфирные (или же астральные, ментальные, а то и *высшие*) тела сгустились настолько (под влиянием перенесенных страданий и просветления, объяснял это явление Удолин), что взяли на себя функцию физических. Отрицать подобную возможность нельзя просто потому, что Шульгин неоднократно убеждался в правоте великого мистика.

Соответственно, можно предположить, что в иной реальности, сто тридцать лет назад, Ростокин по-

прежнему расслабленно дремлет в кресле, они втроем ждут его возвращения. Оставаясь вполне материальными, но ментально включенными в Сеть, ибо обеспечивают пребывание там Игоря.

«Одновременно», только четырнадцатью годами позже, второй ментальный слепок Шульгина тоже вышел в Сеть, поскитался в ее уровнях и закоулках, пересекся (или его притянуло) с точкой пребывания Ростоккина. Случайно или со специальной целью. И при контакте с безусловно материальным Суздалевым случилось и их воплощение?

Теоретически (а какая вообще может быть здесь «теория»?) допустимо. Если они спокойно жили в своем исходном облике с рождения и до дня Исхода, при том, что одновременно геройствовали в прошлом и будущем, отчего бы не добавить к биографии лишнюю сущность?

Если же никакого удвоения или умножения не произошло, а ростоккинская реальность со всеми мелкими и мельчайшими подробностями, Суздалевым и Маркиным просто скопирована Ловушкой, остается выяснить — зачем?

В любом случае будем играть, до поры не выламываясь из навязанной схемы.

— Валентин Петрович, если вы думаете, что избранная вами тактика непременно приведет к победе, то вы уже ошиблись. Меня вы не нашли и в обозримое время не найдете. Ваше счастье, что я вам не противник. Я разыскал вас потому, что вы один из тех людей, которые пока еще способны удержать этот мир от срыва...

— Чего вы хотите? — мгновенно перестроился Маркин. Да и странно если бы было иначе. Один из

первых на Земле пилотов-самоучек, выведший в межгалактическое пространство хроноквантовый звездолет, а проще говоря — обычную подводную лодку типа «Барс», на которой заменили реактор на странную, но перспективную конструкцию. Такой человек должен обладать набором личных качеств, у Шульгина и его друзей вызывающих искреннее уважение. Тем более — он-то действовал без подстраховки, даже такой сомнительной, как честное слово неизвестно откуда взявшегося «форзейля». Настоящий летчик-испытатель эпохи Блерио, Нестерова и Арцеулова. Парашютов еще нет, а летать и крутить фигуры высшего пилотажа тянет непреодолимо.

— С вами хочу встретиться. На нейтральной почве. Познакомиться, обменяться мнениями. Вы же личность экстерриториальная, «нынче здесь, а завтра там», и от коллег с Крюгера наверняка полезную информацию получили, которую до мирового сообщества довести не сочли нужным...

Шульгин изобразил самую очаровательную из своих улыбок, которая женщинам нравилась, а иных мужиков бросала в дрожь.

— Где и как? — быстро спросил Маркин.

Сашка попал в точку, начальник СБКФ был заинтригован — как минимум. А то и вообразил, что явились поторговаться те самые инопланетяне, друзья и начальники девушки Зари. Вопрос в одном — готов он на равноценное общение или затаил нечто профессиональное?

— На ваше усмотрение, — ответил Сашка. — К вам я, естественно, не поеду. Конспиративной квартиры у меня нет. А вот... — На глазах у адмирала он начал бегло листать толстый том справочника «Желтые страницы Москвы». Как ни шагнула ком-

пьютерная техника, а все равно больше половины информационных справочников выпускалось в бумажном варианте: невозможно за полвека переломить тысячелетние традиции. Для адмирала это будет еще одним дополнительным штришком. У многих эстетов вообще считалось неприличным пользоваться электронными записными книжками и тому подобной техникой. Кроме того, вновь, по примеру девятнадцатого века, стало комильфо иметь при себе личного секретаря, вообще не затрудняясь пошлой ерундой.

— Вот, «Славянская беседа», — словно бы наугад ткнул он пальцем. — «Гостиница, три ресторана, трактир, кофейня, номера на любой вкус, отдельные терема. Цены умеренные, Сретенский бульвар, номер такой-то». Подъезжайте, ваше превосходительство, посидим. Тут дальше еще интересно написано: «Гарантируем незабываемые впечатления!» Незабываемых я вам, конечно, не гарантирую, но только в том случае, если вы приедете без лезущей на глаза охраны.

Начальник самой мощной по своим возможностям и самой независимой от всех властей и правительств службы явно испытывал некоторое сомнение. Словно бы тот же товарищ Берия или Аллен Даллес, если бы их неизвестный пригласил на рюмочку водки в московскую забегаловку или малоизвестный бар на Манхэттене. Разумеется, нынешний мир был куда свободнее и безопаснее, однако...

Сколько уже длился разговор, а специалисты Маркина только мотали головами и разводили руками. Источник контакта идентификации не поддавался. Это было странно, почти невозможно, но одновременно вызывало особый интерес. Адмирал решил ехать. Достаточно уединенно расположенный

в центре Москвы отель, легко блокируемый по всему периметру не слишком большими силами космодесанта, явной угрозы не представлял.

Странно только, что он не заинтересовался географической близостью точки randevu и квартиры Ростокина. Хотя — мог просто не знать, где обретается журналист, пусть и удостоенный крестика «За отличие» и звания корветтен-капитана по совокупности заслуг перед Космофлотом, но особого интереса для службы давно уже не представляющий.

Сашке нужно было всего лишь перейти через тротуар, заказать у сидельца¹ вполне определенный терем, в данный момент свободный, но главное, хорошо просматривающийся в бинокль с балкона Ростокина. Чтобы не возникало вопросов — до утра, стол для «вечернего чая» накрыть на двоих прямо сейчас, ужин «а ля карт» — если потребуется. В ближайшее время должен подъехать господин, который спросит. Его проводить до места. Одного. Если будут сопровождающие — попросить подождать в баре. Все будет оплачено, естественно.

Ростокина он оставил дома. При компьютере и на личной прямой связи. Возникнет необходимость — пригласим.

Игорь, глядя вниз с балкона, со странным чувством вспоминал, как точно так же он стоял здесь не слишком давно, отходя от едва не ставшего смертельным выстрела Веры. Потом заказывал в «Славянской беседе» машину для поездки на свою вологодскую дачу и отъезжал в предрассветный час, напуганный случившимися за полдня тремя необъяснимыми покушениями.

Спасться-то он тогда спасся, но сам себя загнал

¹ То же, что и портье, но на старорусский лад.

в то самое коловращение сущностей, о котором откровенно сожалел Александр Иванович. Жизнь, пожалуй, стала намного интересней, насыщенной, но утомительней — тоже. Впрочем, об этом можно спросить у Хэмфри Ван-Вейдена и Кристофера Белью¹. Жили-были благополучные обыватели в приятнейшем из всех времен конце девятнадцатого века — и вдруг...

Сейчас он должен был, оставаясь дома, наблюдать за территорией в бинокль, обеспечивая при этом собственную безопасность. В случае чего — подать сигнал тревоги и действовать по обстановке.

Шульгин с интересом осматривал помещение, в котором ждал важного гостя. Что касается непосредственной функции — ничего особенного. Терем и терем, у них на Валгалле поинтереснее было. Фантазия здешних дизайнеров никак не тянула на сто местных рублей в сутки. Разве что за место берут и за «эксклюзив», так сказать. Опять же — цена отсечения! Чтобы не стесненные в средствах гости не нервничали оттого, что не оказалось вдруг свободных мест.

Это Сашка понимал. Бывало, наскребешь необходимую десятку, приходишь с девушкой в ресторан внутри Бульварного или Садового кольца — а там стометровая очередь у входа. Если только с утра, заблаговременно, метрдотелю еще одну десятку не всучить за отдельный столик. И все равно будешь добираться к нему под испепеляющими взглядами толпы и сидеть в переполненном зале, отнюдь не

¹ См. Дж. Лондон, «Морской волк», «Смок Белью».

получив даже по двойной цене того, на что рассчитывал.

Социализм — он такой и был.

Черт его знает, о чем ни начни размышлять, обязательно занесет в идеологические дебри. Добро бы ему нужно было перед кем-то отстаивать преимущества нынешней реальности перед родной, так ведь нет. Само собой в голову приходит, стоит оказаться хотя бы в обыкновенном гастрономическом магазине. В любой точке времени-пространства, кроме собственного. Обязательно подумаешь: «Ну что б им, дуракам, стоило сначала прилавки заполнить, а потом триллионы в мировую революцию вбухивать?!» И тут же антитезис: «Да какой же «трудящийся» согласится всякой ерундой заниматься, если и так жить неплохо? То ли дело — трехсотграммовую пайку жевать и мечтать, как отожремся, когда буржуев экспроприруем?»

Совершенно никчемные вроде бы по обстановке мысли, зато позволяющие очистить мозги для предстоящей схватки интеллектов.

Слава богу, слишком далеко в своих ассоциациях и аллюзиях Шульгин зайти не успел. Половой запахнул дверь, и в обширную горницу упругой походкой вошел адмирал, похожий на успешного, следящего за собой... адвоката, что ли? Как раз такая степень раскованности, независимости от окружающей среды, уверенности в собственной значимости и востребованности.

Совсем ничего от сурового пилота или привыкшего к всеобщей льстивой почтительности большого начальника.

Сашка поднялся, сделал три шага навстречу, протянул руку, представился, теперь уже вживую. Указал на накрытый стол. Для двоих в горнице было,

★
пожалуй, чересчур просторно. Зато, в лучших традициях Средневековья, подчеркивало конфиденциальность встречи. Из жарко горящего камина не подслушаешь, а до зашторенных окон и дверей достаточно далеко. Современные микрофоны и прочая аппаратура достанут, конечно, и с сотни метров, но главное ведь настроение...

Тем более что специалисты Маркина наверняка приняли все известные на Земле меры предосторожности, а также и многое сверх того.

— У нас принято слегка перекусить перед началом серьезного разговора, — сказал Шульгин, — да и у вас, как я успел догадаться, тоже...

Тут он не ошибся. Стол для «вечернего чая» рассчитан был на людей, собиравшихся «для дружеской беседы, которая не продолжается далеко за полночь¹». Поэтому на него подавалось не более двадцати разновидностей холодных закусок, сыров, фруктов и столько же сортов спиртных и прохладительных напитков, кроме самовара с заварным чайником и кофе. И ведь съедали же, и выпивали, совершенно не задумываясь, что через недолгое время такое благополучие может закончиться самым неприятным образом.

Половым в горнице во время встречи господ он появляться запретил, поэтому распоряжался и обслуживал гостя сам.

— Чего изволите, ваше превосходительство, коньячок темный или светлый, ром непосредственно с Антильских островов, а то малаги, хереса... Выбор в этом ресторане прямо великолепный. Закусочки же перед вами, на усмотрение...

¹ См. Молоховец Е., «Подарок молодым хозяйкам». СПб, 1901 г.

Маркин поморщился. Да и правильно, слишком уж нарочито. Вот только сделает замечание или промолчит? Немаловажный штрих.

— Зачем вы дурака ваяете? Передо мной. Генералом назвались, а ведете себя...

Простодушный человек. Другой бы еще помолчал, подождал, прикинул, какую схемку партнер разыгрывает, одновременно выстраивая свою партию. А этот — в лоб. Хорошо, так — значит так.

— Не только назвался, а им являюсь. Генерал-лейтенант Вооруженных сил Юга России. Ваш коллега, в некотором смысле. Начальник разведки и контрразведки, военной и гражданской Демократической республики Югороссия. Соответствующего документа на руках не имею, но подтвердить это могут лично меня знающие Игорь Викторович Ростокин и Георгий Михайлович Суздаев, если эти лица, в свою очередь, вам известны.

Хорошо получилось, в самую точку. Если Маркин и не обабдел полностью и окончательно, то около того.

— Поясните, что вы имеете в виду. Насчет «республики» и всего остального. Если бы вы не назвали последние имена, я бы просто встал и ушел сейчас...

— Не пожелав узнать, как я пробил ваш компьютер? Это было бы крайне опрометчиво. Одним словом — слушайте. А наливать и брать закуски можете сами. Не настаиваю.

Достаточно компактно Сашка изложил Маркину, который, признаться, понравился ему больше, чем Суздаев (кое-чем он напоминал Воронцова, что не слишком и удивительно), предназначенную ему версию. Не уклоняясь от главной сути, но несколько иначе трактуя приходящие обстоятельства.

Отреагировал на услышанное адмирал тоже по-своему. С хроноквантами он имел дело тогда, когда прочее человечество понятия о них не имело. И мысль о том, что достаточно слегка перенастроить контуры двигателя, чтобы случилось все то, что произошло с Ростокиным и Артуром, и даже слетать вместо Ахернара и Туманности Андромеды в эпоху самодержавной и революционной России, ему абсурдной не показалась. Гораздо больше его заинтересовал смысл обращения к нему господина Шульгина.

Так он и спросил, после того как не торопясь все обдумал. Это в пилотском кресле нужно реагировать, опережая компьютеры, а на его нынешней должности час туда, час сюда — роли не играет.

— Видите ли, Валентин Петрович, вы сейчас единственный в поле моего зрения человек, который в состоянии ответить на вопрос — в реальности ли мы с вами пребываем, в химере или вообще внутри Ловушки?

При этом Шульгин, полуотвернувшись, деликатно пускал дым длинной сигары в камин. Хорошая тяга уносила его мгновенно. Так вот неудобно для завязтого курильщика складывается — монахи не дают всласть подымить по религиозным соображениям, космолетчик с юности не выносит курение биологически. В начале космической эры курящих даже до отборочных конкурсов не допускали.

— Поясните...

Сашка пояснил. Так, как понимал это сам.

Ему требовалось, чтобы Валентин Петрович, используя действующие космические станции, стационарные базы на отдаленных звездных системах, идущие от Земли и возвращающиеся корабли, распорядился провести анализ абсолютно всей инфор-

мации, как личной, так и служебной, которая проходила по подконтрольным СБКФ каналам.

— А зачем, прошу прощения? Что вы собираетесь и хотите выяснить?

— Расхождения. Если мы предполагаем, что ваш мир является химерой, причем химерой, устроенной силами, постоянно подвергающими реальность коррекции любой направленности, то охватить синхронным влиянием тысячи объектов, разнесенных на десятки и сотни парсек, они скорее всего не догадаются или просто не сумеют. Это как попытка фальсификации государственных архивов. Можно изъять или переписать десять, сто документов, но что делать с теми копиями, ссылками, ссылками на ссылки и постановлениями, принятыми «во исполнение», которые разошлись по всем нижестоящим структурам?

Надеюсь, ваши вычислительные мощности позволят уловить хотя бы грубые нестыковки? В чем угодно — в бортовых журналах, полетных заданиях, отчетах о проделанной работе, личных дневниках, историях болезней, товарных накладных, переписке с родственниками...

Подробнее объяснять Шульгину не потребовалось. На то и специалист, чтобы схватывать суть проблемы. И тут же сообразить, кому поручить детальную проработку.

Маркин немедленно извлек из кармана переговорное устройство типа обычного интеркома, но куда более мощное и совершенное. Пресловутый «Р-6», позволявший говорить с владельцем такого же аппарата в любой точке Земли, гарантированно включая перехват и блокировку связи.

Несколько минут что-то излагал на незнакомом Шульгину языке. Любой европейский Сашка мог

★ угадать на слух, даже его не зная, а это был или специально придуманный, вроде эсперанто, только на другой основе, или экзотический, ирокезский, к примеру. Зато командные нотки и здесь никуда не делись.

Закончил, спрятал аппарат, извинился, как воспитанный человек.

— Мои сотрудники сейчас же приступят. Результатов, конечно, в ближайшие дни ждать не придется, но идея сама по себе перспективная. Даже не только в сфере вашей задачи, вообще. Для себя мы в любом случае можем извлечь кое-что полезное. Благодарю. А вот теперь, если не возражаете, можем и поужинать, и поговорить в частном порядке. Наш общий друг Ростокин, кстати, далеко?

— Не очень. Если хотите — приглашу.

— Пригласите. Пока он не подошел, проясните, пожалуйста, раз уж мы решили стать союзниками, в каких отношениях вы с ним находитесь, что вообще произошло с момента нашей с ним последней встречи? Он ведь мне не безразличен, чисто эмоционально. Самые невероятные приключения я пережил именно в его обществе...

— Мне кажется, союзниками стать мы не «решили», нас к этому подталкивает непреодолимая сила обстоятельств. Касательно Игоря дела обстоят примерно следующим образом...

Шульгин обрисовал общую картину с момента встречи Ростокина с Новиковым, при этом о факте «наводки» со стороны Суздалева умолчал. Точно так же не стал фиксировать внимания на подробностях операции «Никомед». Зачем зря человека пугать нашими варварскими разборками?

Внимание он сосредоточил на всякого рода парадоксах действующих реальностей, в том числе и

на встрече с космонавтами XXIII века, что очень заинтересовало Маркина.

— Двадцать третий век, говорите, и фотонная тяга? Трудно вообразить.

— Не совсем фотонная, я ведь не специалист, просто прилежный читатель научно-популярной литературы своего времени. Там скорее использовался гиперпространственный переход с использованием разгонных двигателей фотонного типа. Что не хроноквантовый — однозначно.

— Значит, на самом деле иная линия технического развития.

— Не только технического. Их мир — прямая экстраполяция нереализованных тенденций наших шестидесятых годов. Тогда космонавтика начала развиваться невероятными темпами при полной поддержке и энтузиазме народов СССР и США. Остальной мир наблюдал за усилиями лидеров не более чем с благожелательным интересом. За 12 лет две сверхдержавы прошли путь от первого спутника до высадки экспедиций на Луну...

Маркин был поражен.

— За двенадцать лет? С нуля? Невероятно. У нас на подобное ушло больше пятидесяти, пока вдруг не был изобретен хроноквант...

— Зато после лунной эпопеи — как отрезало. Словно из нас выпустили пар. Космос мгновенно стал никому, кроме специалистов, не интересен. Забыли про Луну и Марс, практически по инерции строили орбитальные станции, запускали зонды к внешним планетам, но все это — словно отработывали надоевший цирковой номер. Да вот вам убойный факт — имя первого ступившего на Луну, Нейла Армстронга, еще помнят, а членов второй и следующих экспедиций — почти никто. Да я и сам не помню.

— И как вы это объясняете?

— В духе темы нашего разговора. Кто-то за пределами Земли, вернее — тогдашней земной реальности, решил, что хватит детишкам баловаться. И переключил внимание человечества на простые, всем понятные и доступные темы. Индивидуальное потребление, национализм и шовинизм, борьба за всеобщее разоружение и права человека, компьютерные игры, — в словах Шульгина стали проскакивать нотки Цицерона, обличающего Катилину, — даже в фантастике космическая тема не то чтобы выродилась, а стала считаться дурным тоном. Виднейшие мэтры, каждую строчку которых ждали и с жадностью прочитывали миллионы, в течение года-двух обратились, увы, к темам мелким и депрессивным! Судьба жалкого, ничего из себя не представляющего человека, размазни и алкоголика, угнетаемого монстром государственной власти, стала важнее, чем подвиги покорителей планетных систем и галактик...

Он перевел дух, освежился несколькими глотками сухого хереса.

— У вас, слава богу, кажется, не так. Вы летаете, пользуетесь уважением у людей и правительств. Далеко достали, на пределе возможностей?

— Нет таких пределов. На полтораста парсек ходили. Дальше начинаются сложности, связанные с принципом неопределенности. Расхождения между временными и пространственными координатами становятся чересчур неприемлемыми... Короче, средства обеспечения навигации отстают от мощности двигателей.

— Понимаю. Как во времена Колумба. Каравелл на кругосветку уже хватало, а секстана и хронометра не придумали.

— Да, в этом роде...

Вдруг Сашке показалось, что Валентин Петрович непонятным образом нервничает. Другой бы не заметил, а ему человек столь простого (упрощенного?) мира — как открытая книга. Вроде как Штирлицу с мушкетерами Дюма интригу затевать. С кардиналом Ришелье тоже, если с детства про него все знаешь.

А чего бы всемогущему, экстерриториальному адмиралу нервничать? Основные вопросы обсудили, второстепенные — успеем. Какой болевой точки невзначай коснулись?

Шульгин мельком взглянул на часы над камином. Игорю вот как раз сейчас бы и подойти.

Действительно, колыхнулись шторы, открылась дверь, вошел Ростокин, заранее сияя радостью от возможности встречи со старым старшим товарищем. Они даже слегка приобнялись помимо крепкого рукопожатия.

Минут десять говорили в обычном стиле — «а ты, а вы, а помните, а я вот потом...» и так далее.

Шульгин, до поры не вмешиваясь, докурил удивительно медленно горевшую сигару, передвинулся на свое место у стола, произнес подходящий к случаю тост. Выпили. Маркин веселее не стал.

Сашка легонько коснулся ногой щиколотки Игоря. Школу тот прошел подходящую и в Форте Росс, и особенно в Москве, сразу подобрался, кивнул едва заметно, мол, сигнал принял. Шульгин потянулся мимо него к тарелке с тонко нарезанным холодным языком.

— Да подождите, я подам...

— Ну, спасибо, — а сам в это время коленом подтолкнул колено Игоря под скатерть к нижней стороне столешницы.

— Может быть, Валентин Петрович, все-таки водочки или коньяка, что мы этим вином наливаемся?

— Хотите, пейте, конечно, я по-настоящему не научился, некогда было.

— И выпью, какие наши годы? Талант все равно не пропьешь. Давай, Игорек...

Ростокин не первый уже раз поражался, как здорово у Александра Ивановича получается. С ходу умеет изобразить алкоголика любого типа. Напивающегося долго, трудно, через фазу бессмысленных и безумных откровений впадающего в глухую отключку. Легкого, искристого, читающего стихи и запевающего песни, готового на прекрасные безумства, как старинный гусар типа Дениса Давыдова: «Предки, помню вас и я, испивающих ковшами и сидящих вокруг костра с красно-сизыми носами». Разбалтывающего государственные тайны и соблазняющего неприступных женщин. Тупого хама, после второго стакана настроенного бить морды всем и каждому и получать в ответ, если сюжет требует.

Только по-настоящему, легко и от души расслабившегося Шульгина Игорь никогда не видел. Или не сошлось ни разу, или он вообще на такое не был способен.

Какие в здешнем космофлоте адмиралы, Сашка до сего момента представления не имел. Царских, от Канина до Колчака, знал, этих — нет. Хитро подмигнув, выцедил сквозь зубы рюмочку светлого «Лерондей», бросил в рот spritzнутую лимонным соком королевскую креветку, откинулся на спинку стула, блаженно улыбаясь, обрезал очередную сигару.

— Хорошо... Хорошо вы здесь, братцы, живете. Как мне надоело в грязных окопах сидеть! Сапоги насквозь, запасных портянок нет, проклятый дождь, офицерская шинель, прошу заметить, легко впиты-

вает в себя полтора ведра воды. Проверено. Дров тоже нет. Артиллерийский порох печку быстро нагревает, так задохнуться можно... Самогон только жиды из Сморгони привозят, не каждый день, и дерут, ох как дерут... Снаряды, вы говорите? По три штуки на орудие, и как с ними прикажете фронт держать?

— Что это с ним? — слегка даже испуганно спросил Маркин. Ему с такими делами сталкиваться, пожалуй, не приходилось. — Белая горячка?

— Нет, Валентин Петрович, наверное, опять с прошлым перемкнуло. Сморгонь, окопы, «жиды», три снаряда — это, кажется, Первая мировая. Сто сорок лет назад.

А Сашка продолжал веселиться, четко отслеживая окружающую обстановку.

Плеснул себе и Ростокину того же соломенно-желтого коньяка.

— Ладно, с войной понятно. Фронт мы тогда все же удержали. Не то что в сорок первом. А вот каким образом вы с теми пришельцами разобрались? Пятерых, кажется, в плен взяли? Это ж, если по одному и старательно допрашивать, какую уйму информации можно было получить. Вы, сейчас, наверное, и вправду самый информированный человек на Земле и в окрестностях... Может, поделитесь?

Рубикон перейти удалось. Маркин не выдержал. Не в том дело, что человек он был неустойчивый, а в том, что Шульгин нашел к нему подход не с той стороны, откуда у него была защита выстроена.

— Поделюсь. Только не здесь...

Терем, само собой, был давно и надежно блокирован, для того и Ростокина сюда пригласили, чтобы исключить его из роли наблюдателя или воеводы «засадного полка». С балкона все подходы к терему

просматривались и простреливались, и боевики Маркина отсиживались по соседству, контролируя обстановку только дистанционно. Когда же Игорь пересек улицу и взошел на крыльцо, кольцо сжали до порогов и подоконников.

Адмирал решил, что для того чтобы задержать и пригласить для собеседования двух человек, шестерых опытных космодесантников будет достаточно. Да он сам седьмой, в центре событий.

Чем там подал исполнительный сигнал адмирал, неизвестно и не важно. Голосом, жестом, нажатием тайной кнопки...

Ребята вошли — молодые, крепкие, уверенные в себе, без оружия. Зачем оно в пределах ограниченного помещения? Три шага в любую сторону — и попадаешь в ласковые стальные объятия. Даже бить не станут. Разошлись по ключевым точкам, ко всем окнам, к ведущей на второй этаж двери, приняли позу «вольно», сделали безразличные лица.

Судя по всему, им даже неинтересно, что это за операция.

— Игорь, — обратился Маркин к Ростокину, — твой товарищ явно не способен больше к серьезному разговору. Сейчас поедem на нашу базу, а там с утра спокойно и планомерно все обсудим. Его проблемы, твои и наши общие.

Журналист немедленно вспомнил свое собственное настроение еще до всего, когда он только вернулся на Землю и попал в тиски между Артуром и Паниным с его компанией. Мелькнула тогда у него мысль обратиться за помощью к Маркину и его могучей организации и сразу пропала. Интуиция знаатока психологии и опыт подсказали, что не тот человек Валентин Петрович. Не способен он отвлечься от формул и, как тот же отец Григорий, помочь бес-

корыстно, исходя из принципа, что справедливость выше права. Мозги забиты инструкциями, корпоративными интересами, и ничего человеческого, в нашем разгильдяйском русском смысле, в нем не осталось.

Что же касается намека на собственные проблемы, он сразу сообразил, что речь может пойти именно о делах, связанных с «Фактором Т» — криминальных, что ни говори.

— А-а зачем? — продолжал Шульгин. — Ни на какую базу лично я ехать не собираюсь. И здесь можно обсудить, и здесь переночевать. Наверху отличные комнаты. Куда это еще тащиться на ночь глядя? Стол полный, не хватит — немедленно принесут. Я еще и ужин заказал, рассчитывая на наши аппетиты, телесные и духовные. Фронтовики, они готовы есть сколько угодно и в любых условиях. Вас бы сейчас в те самые окопы! Вы б у меня холодную перловку руками хватали. Особенно под стакан сырца¹. Оставайтесь, право слово, Валентин Петрович. Пацанов ваших тоже накормим-напоим. Сейчас распоряжусь...

— Нет, — встал со своего места Маркин, обращаясь только к Ростокину, — Рассиживаться мне недосуг. Оставлять вас вдвоем тоже не собираюсь. Ты условие нарушил, разгласил посторонним информацию особой степени секретности. Боюсь даже вообразить, как широко она могла разойтись и с какими последствиями. Фокусы с компьютером — отдельная статья. Поэтому мы должны немедленно отправиться на базу и уже там все выяснить. Возражать бессмысленно. Ты ведь меня знаешь? Плохого я тебе не желаю, но *Pakta sunt servanda*².

¹ Сырец — неочищенный спирт первой перегонки.

² Договоры должны выполняться (лат.).

— Короче, посадите дружка по статье пятьдесят восемь, пункты семь, восемь, двенадцать, в крайнем случае — через сто двенадцатую! — по-прежнему нетрезво улыбаясь, но начиная наливать показным гневом, вмешался Шульгин в разговор. — Это значит, Игорек, тебе можно впилить любой срок, от десяти лет до высшей меры без права переписки с того света, просто по объективному вменению: «Фактов преступной деятельности подсудимого не установлено, но по своим настроениям и классовому происхождению мог таковым сочувствовать и способствовать, почему и попадает под действие настоящего Закона». Из выступления товарища Вышинского, Генерального прокурора Эсэсэсэр. И «встречает тебя Магадан, столица колымского края», — очень близко к тональности, с должным надрывом пропел Сашка.

— Глупости вы говорите, — с обидой, но не слишком уверенно возразил Маркин.

— Простите великодушно, если не так выразился, — с японским полупоклоном ответил Шульгин, и, пока правая рука прижималась к сердцу, левая выдернула из-под столешницы заблаговременно пристроенный там револьвер, прихваченный из тринадцатого века. Хороший, четырехлинейный, весьма устрашающего вида, в рабочем состоянии даже на этой территории. Он проверил. Патроны, что особенно стильно, снаряжены дымным порохом.

И направил его не в голову — в живот адмирала. Так страшнее.

Ростокин синхронно вскинул свой, тоже из химеры, подобие «нагана», место крепления которого вовремя указал ему Александр Иванович. Маркинские спецназовцы до таких примитивных хитро-

стей додуматься не могли. С космическими далями привыкли дело иметь. Но ведь и маскировка Шульгина была не из этого времени. Люди, лично не пережившие настоящей Гражданской, тридцати лет Большого террора, прослоенного еще одной мировой и пятью локальными войнами, потом «холодной» и десятком очередных локальных, наивны как дети. Впрочем, дети, пусть не воевавшие, но жившие в той атмосфере, получившие заряд дворовой, литературной и кинематографической информации, были поопытней. А эти здоровенные парни душой и мыслями пребывают где-то на уровне сладостного тысяча девятьсот тринадцатого года.

По живым людям они стрелять не умели. Не зря же случайное ранение одного из участников захвата пришельцев на лайнере «Макиавелли» потребовало специального разъяснения в мировой прессе.

А вот Ростокин умел. Во время юго-восточно-азиатских заварушек научился, а потом в Москве двадцать четвертого года усовершенствовался. Не говоря о Шульгине.

— Стоим, братцы, — без малейших признаков былой нетрезвости сказал он и для окончательной убедительности снес пулей бра над головой Маркина. Грохот был впечатляющий, но стены терема толсты, удален он от административного корпуса достаточно, везде звучала музыка, так что лишний звук внимания obsługi не привлек. Зато должным образом настроил присутствующих.

— Малейшее движение — открываю огонь на поражение, — предупредил он десантников. — Адмирал — первый.

Шульгин вернул ствол на исходную директрису. В район солнечного сплетения Маркина. Игорь, повернувшись к нему спиной, покачивал своим револьвером вверх-вниз и вправо-влево. Это могла быть и зажигалка, теперь уже не важно. Пороховой дым плавал по горнице, разбитый осветительный прибор назидательно висел на проводе.

Такую механику аборигены, если не бывали в дебрях Центральной Африки или в дельте Меконга, могли видеть только в музеях. Но когда на тебя смотрит расширяющееся по закону перспективы дуло, в гнездах барабана видны носики пуль, — и курок медленно поднимается, ожидая встречи с капсюлем гайки отдаются почти у каждого.

— Вы чего-то не поняли, Александр Иванович, — на всякий случай держа руки на отлете, сказал Маркин. — Мы же поговорить собирались...

— Я понимаю всегда, и гораздо больше, чем кажется со стороны. Говорили мы с вами достаточно интересно. В других собеседниках не нуждались. Когда ко мне во время *релаксации* входят люди, которых я не приглашал, я либо сам спускаю их с лестницы, либо поручаю это помощникам. Вы, господин адмирал, нарвались. Ваш прославленный космодесант — дворовая футбольная команда против ЦСКА. Или против рейнджеров Басманова. Ну-ка, быстро, всем сесть на пол у стен и руки за спину!

И ведь сели, герои пустынных горизонтов. Хоть бы один, спасая адмирала, метнулся через зал, швыряя тяжелые стулья, переворачивая стол, дотягиваясь мощными пальцами до горла. Остальные — следом! Ни времени, ни пуль не хватило, если б настоящая драка завязалась.

Массой бы задавили, тем более что в суматохе и навскидку сразу всех наповал не убьешь. «Мужчи-

ны умирают, если нужно, и потому живут в веках они». Эти не из той оперы. И не про них написано.

Слабаки, одним словом. Что Шульгин и высказал со всем возможным презрением, когда увидел, что ситуация снова под контролем. У него ведь тоже нервы не титановые.

— Игорь, мы сейчас с ихним превосходительством прогуляемся. Ты знаешь куда. Эскорту позволяется выпивать и закусывать до утра. Присмотри, чтобы никто не дернулся. Примерно час. Мы успеем доехать. Потом оставь их здесь и тоже свободен... А вы, — он, не сводя револьверного ствола с Маркина, обратился к униженным до последнего предела бойцам, — не сильно горюйте. Не в свое дело влезли, не на то учились. Шефу вашему вреда причинено не будет. Утречком домой вернется, как новенький. Тут на самом деле все оплачено. Но если кто до восьми утра шаг за пределы сделает — пеняйте... Валентин Петрович, подтвердите мои жесткие слова.

— Да, — сглотив горькую слюну, сказал Маркин, — оставайтесь здесь. В восемь тридцать — сбор на базе.

Шульгин мог бы и промолчать, но так уж его достала эта действительность и все, что ее составляло, не сдержался, еще раз унизил уже поверженного противника. Мог бы и наедине, но предпочел при подчиненных.

— Вы, ребята, Шекспира в школе проходили? — Походочкой Юла Бриннера он обошел периметр горницы, внимательно всматриваясь в лица десантников, держа револьвер стволом вверх у правого плеча.

Хорошие лица, умные, только не для такой работы. Им бы в советском кино сниматься или на космической базе планеты Крюгер песни под гита-

ру петь, а тут ведь совсем другие забавы. «На западном фронте без перемен», как минимум.

— «Есть многое на свете, друг Горацио...», перевод не помню чей. Но циничные люди эту истину упростили до неприличности: «На каждую хитрую есть хрен с винтом». Я на вас зла не держу, и вы постарайтесь... Война есть война, ничего личного.

Засунул револьвер за широкий брючный ремень, оставив его на боевом взводе, вернулся к до сих пор не пришедшему в меридиан Маркину. Это тебе не к звездам летать...

— Пойдемте, Валентин Петрович. По пути изображайте радостную заинтересованность в моем обществе, а до места доберемся — поговорим как белые люди. Револьвер я в состоянии извлечь наружу за полсекунды, да и голой рукой умею голову снести не хуже, чем катаной. Поэтому резких движений, даже случайных, делать не советую.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Никаких хитрых заходов, гонки на наемном автомобиле по Москве, чтобы запутать пациента, он устраивать не стал. И не поехал на Столешников, а ведь хотелось. Там бы дверь верняком открылась, хоть в реальности, хоть в Ловушке. С неизвестными последствиями, как водится, так велика ли беда? Просто сейчас это было не нужно. На крайний случай оставим, как запасной парашют.

Просто перевел адмирала через дорогу, не пользуясь лифтом, предложил подняться по черной лестнице, отпер дверь. В гостиную, где стоял компьютер, не пригласил. И кухни с него хватит, тем более что кухня была огромная, всем нужным оснащенная, окнами выходила во двор.

— Располагайтесь, Валентин Петрович, не ваша база, конечно, но поговорить сможем без помех. Да и выпить по рюмочке, наконец, а то ужасно надоело подкрашенную воду хлебать...

— Вы что, вообще не пили? — спросил Маркин, будто именно этот вопрос занимал его больше всего. Саму ситуацию, которая по любым меркам выглядела весьма неординарно, для него лично — как минимум оскорбительно, он, похоже, решил вынести за скобки. Не возмущался, не угрожал, просто принял как данность. Вроде метеоритного потока по курсу корабля.

— Удивляюсь, как вообще вас держат на такой работе, — дернул плечом Сашка, доставая из холодильника настоящую бутылку «в одну двенадцатую ведра», кисловодский «Нарзан», тарелочку тонко нарезанного балыка. — Могли бы заметить, что ни разу я вам и себе из одной посуды не наливал. Ловкость рук, проще говоря. Спасибо вашим обычаям. Если б одна поллитровка между нами стояла, труднее бы пришлось...

— И что, даже при одной что-нибудь придумали бы? — с интересом спросил адмирал.

— Делать нечего... — улыбнулся Шульгин. — Вы вон брюки застегнуть забыли, в туалет сходявши...

Маркин естественным образом опустил глаза на известное место.

— Вы что? Все в порядке...

— Зато у вас в стакане водка, а у меня снова вода, прошу убедиться...

Так оно и оказалось.

— Не понимаю. Вы вдобавок фокусник?

— Сущие пустяки. Прошу не волноваться. Просто, как апельсин. Дело в том, что грубый человеческий глаз замечает только медленные движения. Не

помню точно, сколько долей угловых секунд в секунду хронологическую. А если выйти за эти пределы, вы просто ничего не в состоянии увидеть. На этом принципе основано много интересных приемов. Вот-с... — он указал адмиралу на лежащий напротив него портсигар.

— И что?

Портсигар на его глазах растворился в воздухе, при этом Шульгин не вынимал рук из карманов брюк.

— Оглянитесь...

Портсигар лежал на краю раковины мойки, далеко за пределами досягаемости.

— В цирке служили? — с притворным равнодушием спросил Маркин. На самом деле он был очередной раз удивлен и поражен. Цирк что, в цирке все специально оборудовано для иллюзий и отвлечения внимания. То же, что он видел сейчас, было непостижимо и, как все, что выходит за пределы личного опыта, неприятно и утомительно.

— Вам бы такой цирк, — погасшим голосом сказал Шульгин, выплеснул из стакана воду, заменил ее настоящим напитком. Хоть на склоне бесконечно растянувшихся суток можно, наконец, без затей хлопнуть свои сто пятьдесят и помолчать, пока *отпустит*.

Далеко за полночь они разговаривали вполне по-свойски. Маркину некуда было спешить, по условиям. Сашка старался все ж таки найти в нем союзника, пусть и столь же химерического, как окружающий его мир. Если не придется исчезнуть отсюда своей или чужой волей, так надо по мере возможности обустроиваться здесь.

Шульгина действительно более всего интересовала коллизия с пришельцами, столь неожиданным

образом проявившими себя на захолустной планетке, избрав для «первого контакта» именно Игоря Ростоккина. Не совсем случайно, как выяснилось. Его ментальный фон настолько отличался от такового же у нескольких тысяч колонистов Крюгера, что пройти мимо они просто не могли. Кстати, не будучи «психическими вампирами», Новиков, а потом и Шульгин тоже сочли личностные качества журналиста подходящими, чтобы сделать его членом «Братства». Так же, как успешно он ухитрился спастись сам и спасти Аллу от некроманта Артура и мафии Панина, ему удалось обвести вокруг пальца и ВРАГов¹. Притвориться утратившим волю и сдать их с рук на руки Маркину и его команде.

— С самого начала, как только Игорь рассказал мне о том случае, я не перестаю мучиться вопросом — отчего в известных мне реальностях при достаточно близкой картине устройства внутренней жизни так разительно отличается схема отношений с космосом? Мы у себя, как я говорил, просто насильственно от него отсечены, ребята из двадцать третьего за двести с лишним лет межзвездных полетов не обнаружили никаких признаков хоть сколько-нибудь разумной жизни, а вы — причем только вы и Игорь — за несколько лет столкнулись с нею дважды. Это наводит на не слишком оптимистические размышления.

— И какие же?

— Сначала вы мне ответьте, раз уж так сложилось, что не я ваш гость, а вы — мой. Чем закончилась разработка девушки по имени Заря и ее соотечественников? Мне это интересно по причине, которую я вам сообщу, но несколько позднее. Чисто

¹ ВРАГ — внеземной разумный гуманоид.

по-дружески, в порядке взаимообмена. Тем более, не хочу вас огорчать или, упаси бог, пугать, все происходящее здесь должно вас волновать не в пример сильнее. Я ведь почти наверняка сумею вовремя *эвакуироваться*, чего о вас не скажешь. Разве что на дежурном космоботе. И куда?

Маркин соображал быстро. Возразить ему было нечего в любом смысле. И он признался, что результат захвата пятерых якобы инопланетян оказался нулевым. Добиться от них не удалось ничего. Вначале они упорно повторяли то же самое, с чего начали контакт с Ростокиным. О необходимости наладить взаимовыгодный обмен с Землей — психическую энергию в обмен на любые технологии и материальные блага. Никакие иные варианты их не устраивали. И, как сказал Маркин, доводы их звучали убедительно. Настолько, что моментами он впадал в соблазн, почти тот же самый, которому едва не поддался Игорь. Взять все на себя, на свою совесть, и позволить им действительно выдернуть с Земли потребное им количество людей. Те самые два миллиарда, которые решили бы все проблемы. Ну, может, не Китай целиком, а население тех стран и территорий, где технический и культурный прогресс явным образом невозможен и уровень жизни в обозримом будущем останется ниже, чем в Европе шестнадцатого века.

— Очень бы здорово вы поступили, сделав именно так. Я Игорю давно говорил. Спасли бы высоко развитую расу, а наших деградантов хотя бы регулярной пайкой обеспечили. И земная экономика расцвела бы невиданно... Тем более, не знаю, как у вас, а у нас все равно из той же Африки каждый, кто еще не впал в полную прострацию, любыми спосо-

бами пытается в цивилизованный мир пробраться. На любых условиях и даже под страхом смерти...

— Я об этом думал, очень много думал, сутками напролет. Хорошее решение, легкое, красивое. Гуманное, не побоюсь этого слова. Но я же не гуманист, я пилот и контрразведчик. На мне не проблемы всеобщего благоденствия, на меня ответственность за защиту Земли от галактической опасности возложена, если называть своими словами. Вот я и решил, что не пойдет. О враге (в прямом смысле, без аббревиатур) мы ничего не знаем, и никто нам ничего сообщать не желает. Энергии, у них, видите ли, не хватает! Наскребли, так сказать, на последний полет до крайнего земного форпоста. Подайте, Христа ради! А чуть не по ним — Игоря сломать попытались, пассажирский лайнер с боем захватить... И на допросах молчат. Да если б правда с голоду помирали — других прислали бы послов. Как во все времена делалось. «Приходите и владейте нами, ибо земля наша велика и обильна, только жрать нечего!»

Шульгин обратил внимание на эмоциональный накал и образность адмиральской речи. Видать, правда мужик все проблемы через себя пропустил, не жалея нервов.

— И знаешь, Александр Иванович, — перешел Маркин на «ты», отпив наконец из своего стакана и признав собеседника минимум равным себе, — какой образ мне в голову пришел?

— Скажи, интересно. Заодно поясни, что ж ты свои мучительные раздумья на Ассамблею ООН не вынес, на Совет Безопасности хотя бы. Ты же им напрямик подчиняешься? Снял бы камень с души...

— Камень, душа — все это никчемные абстракции. Ты, говоришь, сам генерал. И как, часто у тебя

возникало желание собственные решения хоть в парламенте согласовывать, хоть с личным составом вверенных тебе дивизий? Правильно, по глазам вижу, что ты меня понял. А вообразил я вот что — стоит перед нашими границами армия вторжения, по всем параметрам нас превосходящая, только вот горячее у них кончилось. И просят — подкиньте нам бензинчику, по любой цене, хоть в десять раз дороже рыночной. Край как надо. Прямо сейчас и рассчитаемся. Оккупационными марками...

— Молодец, Валентин Петрович! — от всей души воскликнул Сашка. Тут Маркин попал в точку. Правда, только со своей, к этому месту и времени привязанной позиции.

— Но все же, чем там с девушкой и прочими дело завершилось?

— Плохо, — Маркин махнул рукой. — Тут мы недосмотрели. Игоря бы надо было к делу привлечь, а я его, наоборот, подальше сплавил, чтобы главную часть «тайны» сохранить. Не учли мы, что на самом деле им энергии психической не хватало, самое главное из слов Ростоккина мимо ушей пропустили, за лирику сочли. Сообразить бы и в деревянной клетке под трибунами стадиона держать, а мы их — на отдаленную базу, в надежно защищенные боксы...

— Померли, то есть?

— Так точно. Истаяли, точнее говоря...

— Ох, — вздохнул Шульгин. — Воистину прав был Гейне, «дураков на свете больше, чем людей». И концов никаких не осталось?

— А какие концы? Они же не на звездолете прилетели... Была у нас одна зацепка, что все они были в одежде с эмблемами Антаресской комплексной экспедиции. Там станция большая, пять с лишним сотен человек. Всех допросили, всем гологра-

фии предъявляли. Кое-кто припомнил, что вроде видели таких, но не больше. Ни обитаемых планет, ни космозондов, ни каких-либо признаков постороннего воздействия выявить не удалось на весь радиус наших возможностей...

— Да и странно бы было, — сказал Шульгин. — Или они в другой плоскости мироздания пребывают, или...

— Что?

— Та же самая Ловушка. Подкинули вам «вводную», посмотреть, как среагируете.

— И..?

— Откуда мне знать, если гипотеза исследования неизвестна. Может, выдержали экзамен, а может — совсем наоборот. Я ведь тоже не совсем своей волей к вам сюда прибыл, пока не понимаю, что мы с вами дальше делать будем. Пока только предполагаю, что стоит вам с Суздалевым поверх ведомственных барьеров личный контакт наладить, на случай всяких неожиданностей. А какими они окажутся — даже догадываться не могу.

На самом деле Шульгин, конечно, догадывался. Его нынешнее здесь пребывание, сколько бы оно ни продлилось, следует рассматривать в общем контексте игры с Ловушкой. Созданием бессмысленным, точнее — безмысленным. Если бы она обладала тем, что мы считаем разумом, в сочетании с прочими отпущенными ей способностями, давно бы стала самостоятельным игроком. И сделала бы все прочие игры невозможными. Ей вменено в обязанность отслеживать и перехватывать мыслеформы, выходящие за некий допустимый эталонный уровень, этим она и занимается. Для пущей же надеж-

ности ей придано свойство не просто блокировать неудобную мыслеформу (это было бы слишком просто, да и бесполезно, имея в виду возможность следующих, более удачных попыток), а нейтрализовать «диверсанта». Убивать в прямом смысле ей прав и возможностей не дано. По каким-то высшим соображениям. Это только в царстве майя или ацтеков игра в мяч, похожая на комбинацию футбола и гандбола, завершалась ритуальным жертвоприношением проигравшей команды.

Создатели Сети проявили куда больший гуманизм, ограничившись тем, что несоразмеривший свои амбиции и возможности игрок окутывался коконом наиболее отвечающей его глубинным вкусам и желаниям псевдореальности. В которой и исчезал навсегда для внешнего мира, обретая взамен нечто вроде магометанского рая с последующим растворением в нирване. И обогащая тем самым Сеть очередной порцией информации и психической энергии.

Анклав «тринадцатого века» — явное произведение Ловушки. По-своему талантливое. И расставленное не только на Шульгина с Ростокиным (хотя на них в первую очередь). В идеале в нее может *провалиться* вся химера 2056 года целиком. Поскольку возникла она тоже «неправомерно», волевым посылом неустановленной пока личности. Однажды то ли в шутку, то ли всерьез предположил Новиков — не одним ли из них, просочившимся или провалившимся еще ниже, к рубежу XIX и XX веков и оказавшим позитивное воздействие на терзаемого комплексами Николая Второго.

Слава богу, нашлось в этом мире достаточно здравомыслящих людей, не поддавшихся иллюзии, ничего при этом о сущности ловушек не зная. Просто

каждый, начиная с игумена Флора и генерала Суздалева, имел собственный богатый внутренний мир, сильную волю, без которой на их постах делать нечего, и мотивацию поступков, давным-давно приобретшую самодостаточность. Лишние сущности им были просто ни к чему.

— Могу я с вами, Валентин Петрович, поделиться только собственным опытом. Обкатанным в самых неожиданных и невероятных ситуациях. Любой достаточно высокоразвитый и структурированный мир непременно катится к упадку. Лучше всего это видно на примере великих империй за последние пять тысяч лет. Не будем привлекать теории заговоров, сионских мудрецов ли, инопланетян, Сатаны с Вельзевулом... Достаточно обратиться к идее обыкновенной энтропии. Чем система сложнее, тем сильнее стремится вернуться в простейшее состояние. И противостоять этому на ограниченном, подчеркиваю, отрезке времени, совместимом хотя бы со сроком жизни трех-четырех поколений, судьбы которых нам небезразличны, можно только созданием «антикризисных штабов». Как сказал бы мой друг Воронцов, мореман и флотоводец, «дивизионов живучести». На вооружении которых системы пожаротушения, откачки воды, чопы и цемент для заделки мелких пробоин, пластыри для закрытия крупных, а главное — постоянная готовность, непрерывные тренировки и хорошо проработанные планы действия во всех мыслимых и тем более немыслимых ситуациях.

Думаю, коллега, я сказал достаточно. *Dixi et animam levavi*¹! Перевод требуется?

— Спасибо, обойдусь. Если без лишней дипло-

¹ Сказал — и тем облегчил свою душу (лат.).

матии, ты предлагаешь мне объединить усилия, а также и службы с Суздалевым, учредить настоящую, пусть до поры и скрытую диктатуру на случай войны с неведомым? Помимо всех демократических процедур и права граждан на владение информацией в полном объеме?

— Совсем недавно ты подтвердил, что боевые приказы с личным составом согласовывать неразумно, а то и преступно...

Крыть Маркину было нечем.

Поэтому перешли к вопросам практическим. Шульгин не верил, что ему позволено будет здесь задержаться, хоть и казался мир вокруг в гораздо большей степени подлинным, чем все предыдущие. Потому старался передать адмиралу как можно больше практической информации и собственного опыта.

А тут и Ростокин вернулся, задержавшись несколько дольше, чем ему Шульгин посоветовал. Оказалось, он, в свою очередь, проводил нескучные душещипательные беседы с космодесантниками, стараясь избавить их от неприятного осадка от первого знакомства с будущим союзником. Здесь он оказался в своей тарелке и проявил недюжинное остроумие, вспоминая о совместных с Маркиным космических путешествиях, земных приключениях журналиста, и, оставаясь в рамках допустимого, намекнул на еще большие перспективы, которые ждут каждого. Ибо наступает время ужасных чудес.

— Одним словом, Валентин Петрович, ваши ребята мною обласканы и успокоены. Пользуясь тем, что благодаря капитанскому чину, которым вы меня облагодетельствовали, я оказался там старшим по званию, в ваше отсутствие разрешил им доесть и допить все, что оставалось на столе, и отпустил по домам раньше указанного времени. На базу все прибывает вовремя, можете не сомневаться...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Оставался самый сложный и даже мучительный вопрос. Что делать дальше? Здесь и сейчас, не дожидаясь рассвета, который непременно заставит решать назревшие проблемы в режиме «нон-стоп», как это утру и свойственно по сравнению с вечером. Над этим и раздумывал Шульгин, выйдя на балкон, когда Игорь, успокоившись и отбросив лишние сейчас эмоции, спал сном праведника в своей постели. Впервые с того неприятного момента, когда был разбужен выстрелом Веры из плазменного разрядника. С тех пор обходился гостиничными номерами, каютой на яхте и прочими временными приютами, что предоставляли скитальцу добрые люди.

Уходящая ночь почти убедила его, что именно здесь он из тенет Ловушки вырвался и оказался в обыкновенном, пусть и не в своем мире. Но своем для Росточкина, который, вырвавшись из сферы притяжения собственного воображения, полностью пришел в себя и пока не обнаружил ни единого отклонения от «жизненной правды». Все знакомые ему люди были теми же, все вещи в квартире располагались на своих местах, в том состоянии, как он их оставил, убегая. Файлы в компьютере не стерлись и не изменили содержания. Чего еще нужно?

Живи и радуйся.

Но главные-то вопросы все равно оставались. У Шульгина. Игорь после селигерских приключений возвратился в свое тело в Москву, где ждали отправившие его в астрал коллеги. А сейчас ждут? Тогда Росточкин появился через пятнадцать минут, приведя с собой Артура и Веру. Сейчас если и проявится, то без них. Так? Или опять прошло очередное удвоение сущностей? Эфирное тело само со-

бой сгустилось *здесь* до физического, чтобы он смог существовать в человеческом мире в виде очередной копии?

Что будет, если мы с ним сейчас закажем билет на самолет или экраноплан до Веллингтона? Примет нас Воронцов на борту «Валгаллы» с распростертыми объятиями или место занято? Допустимо, что не существует там вообще никакой нашей базы. Одни голые скалы и плеск волн о берега фьорда. Это — вероятнее всего. Если данный сектор реальности уже занят *аналогом*, в него просто не войдешь. Единственная логически непротиворечивая защита от парадоксов. А то можно доиграться до того, что двойники будут бродить по реальностям стадами, ротами и батальонами. В предельном случае всю Землю можно исключительно *симулякрами* заселить.

Кто же это допустит?

Значит, нужно Игорю быстренько возвращаться обратно на Столешников, забыв все случившееся, в надежде, что где-то в пути через астрал к нему присоединятся Артур с Верой и связность времен будет восстановлена. А Шульгин ему поможет сформулировать нужную «мантру». Таковую, чтоб привела куда следует. С сохранением памяти о лишних, отсутствующих в предыдущем сценарии днях и событиях или без — это уж как получится. Лучше бы, конечно, без. Единственная имеющаяся у них в распоряжении устойчивая реальность не нуждается в очередном потрясении. Более того, если не получится вернуть Ростокина домой в исходном состоянии, исчезнет он сам, Шульгин-Шестаков, как объект и субъект мировой истории. Поскольку одним только повествованием о том, как мы с ним здесь геройствовали, пусть только мне самому тамошнему, на-

едине, как в прошлый раз, рассказывал, он кардинально изменит все мое последующее поведение...

А Москва внизу и вокруг, насколько охватывал глаз с высоты седьмого этажа, да не нынешнего, а «дореволюционного», по пять метров каждый — была прекрасна. В мире Ростокина вся ее площадь внутри Садового кольца была закрыта для движения наземного транспорта, за исключением извозчиков и такси, на месте массы старых построек, не представляющих исторической ценности, разбиты парки и скверы. Невзирая на поздний (он же ранний) час, людей на улицах и бульварах было достаточно. Здесь, как в «царское» время, увеселения, балы, спектакли и концерты начинались после десяти вечера и длились часов до шести-семи утра. После чего публика свободных профессий отходила ко сну, а на трудовую вахту заступали люди иных родов занятий. Что, кстати, определенным образом тоже способствовало нивелировке социальных противоречий.

Вновь сыпался мелкий снежок, мороз, хоть и слабый, после проведенных на балконе двадцати с лишним минут вогнал Шульгина в озноб. Пришлось вернуться в теплую комнату.

Терять было нечего, да и не жалко, так ему сейчас казалось. Манил к себе компьютер Ростокина, с которым он научился обращаться. А последний раз, очутившись в Замке с Удолиным и пообщавшись с машиной, стоявшей в кабинете Антона, он, кроме эзотерических знаний, сумел запомнить и некоторые коды, открывавшие доступ в специальные секторы нужного ему Узла. Он еще на «Призраке» намеревался воспользоваться компьютером яхты, тоже нечеловеческим. Тогда ему не дали.

А сейчас? Если он будет изо всех сил вообра-

жатель, что хочет просто найти кое-какие материалы во Всеобщем информатории? Совсем простенькие, безобидные, вроде списка самых фешенебельных московских борделей. Интересная, кстати, тема. Как тут у них с этим делом обстоит? Сашка ни разу в жизни не посещал подобных заведений, но надо же на склоне лет расширять кругозор!

Посмотрим, посмотрим, вдруг там и изображения девушек имеются, расценки, список услуг и все такое прочее...

Надежно заблокировав свои истинные намерения тщательно сформулированными игривыми мыслями (даже сам поверил), он, налив себе бокал вина (немаловажная деталь, свидетельствующая о серьезности настроя), включил компьютер.

Пробежал пальцами по сенсорам, разыскивая нужные разделы справочника, и сразу, не давая опомниться никому, в том числе и себе, со всей доступной скоростью ввел в аппарат отпечатавшийся в памяти двадцатизначный код. Машина вроде бы задумалась, прогоняя команду по всем своим обеспечивающим схемам, будто пытаясь понять, как следует поступить. Но блокировки ни в ней самой, ни там, куда стремился попасть Шульгин, против данного набора символов не предусматривалось.

Экран монитора, как показалось Сашке, распахнулся парусом и тут же преобразовался в сферу, а сам он повис в ее центре.

Вот теперь, наконец, он опять увидел Узел в том именно виде, как в первый раз. Во всей его невообразимой, галактической сложности. В то же время конструкция была ему понятна, как опытному астроному карта звездного неба, телевизионному мастеру — схема «Рубина» или «Темпа». Он знал, что нужно сделать, чтобы вывести ее из строя. Вообще. За-

коротить ее на саму себя и на необозримый срок оставить порядочный кусок Вселенной без всякого контроля. Как в начале времен. Одновременно догадывался, что не только устранил этим «постороннее влияние», но и пустит систему вразнос.

Нигде, наверное, в населенных *разумными* любой степени гуманоидности мирах не создавалось положения, когда функционировали одновременно пять, а то и более открытых, сопряженных целым веером суперструн реальностей. Это ведь миллионы ежесекундно возникающих парадоксов, напрягающих Ткань и Сеть до последних пределов их устойчивости. Мало того, парадоксы и степень их парирования Системой оказались как бы в режиме «ручного управления».

Будто в фантастических романах «золотой поры», где пилоты космических кораблей рассчитывали маневры на арифмометрах по тут же придумываемым алгоритмам.

Что там Земля и ее история, вообще весь конгломерат бывших и будущих цивилизаций с их муравьиной возней! Тут посыплются, как карточные домики, мировые константы, начнут взрываться сверхновые, разбегаться и сталкиваться галактики!

Несоизмеримо с силами и волей одного человека? А несколько действий, произведенных руками одного или даже нескольких операторов, через несколько минут приведших к Чернобыльской катастрофе? А палец неизвестного штурмана «Энолы Гей» на кнопке, открывшей бомболюк и отпустившей «Толстяка» на встречу с Хиросимой?

Ничем подобным, естественно, Сашка заниматься не собирался. Ему требовалось найти совсем ма-

ленький, под микроскопом едва разглядишь, участок схемы, где без всякого паяльника и плоскогубцев, чисто мысленным усилием требовалось переключить десяток «нейронов и аксонов», имеющих отношение к нужному участку именно этой реальности. Не затрагивая никаких базовых функций «материнской платы», только чуть-чуть подправить *степень связности* интересующих его явлений.

Он сделал все, что собирался, осталось, как говорится, собирать инструменты и отправляться во-свояси с чувством исполненного долга. И вот тут его *пробило!* Не электрическим разрядом, не молнией, которой боги привыкли поражать зарвавшихся грешников. Озарением, информационным сгустком. Будто во время детских забав снежком в лоб залепили.

Наверняка это был очередной артефакт, побочный продукт взаимодействия *тонкой* структуры его личности с индукционным полем сети. Обогадивший его *окончательным* знанием. В какой-то мере разочаровывающим, но в гораздо большей мере оптимистическим.

Кто-то подсказал или он сам, *ковырнувшись не там*, вскрыл случайно подвернувшуюся крышку на блоке микросхем, но внезапно Шульгин *увидел* Главную Ловушку изнутри. Как двигатель «ГАЗ-51» в разрезе на стенде автошколы.

Сразу стало понятно, что там и зачем крутится, куда можно воткнуть гвоздь или подсыпать песочку, чтобы перестало. На время или навсегда.

Ловушка, естественно, образование в миллионы раз сложнее, чем мотор старого грузовика. Но не сложнее ретикулярной формации мозга. Но вывести из строя ее даже проще.

Вот оно, значит, как. Ясно выраженное желание, целенаправленный импульс. Типа «Сезам, откройся!». Или — «Закройся!». И все. Расплата тоже была ясна. Держателями, полноценными Игроками ни ему, ни Андрею, вообще никому из землян не стать никогда. Пожелай, и эта перспектива будет обрезана. Но ведь зато и вся тема раз и навсегда снимается с повестки дня. «Кабель» мировых линий земной истории, состоящий из тысяч реализованных, латентных, гипотетических и вообще абстрактных реальностей, протянувшихся из ниоткуда в никуда, закранируется намертво. Оплеткой, непроницаемой ни для каких внешних сил, превратившейся в одну из всеобщих сущностей.

Ящички с фигурами заперты на ключ, турнир окончен навсегда. Игроки могут разъезжаться по домам и переквалифицироваться в рыболовов-спортсменов.

Коренные же обитатели *изолята* остаются, что называется, при своих. В той позиции и при тех спортивных разрядах, которыми обладали всего несколько секунд (а может быть — десятки веков) назад.

Игроки обещали оставить землян в покое, но своего обещания не сдержали. По какой причине — неважно. И вот нашелся НЕКТО, удаливший их из зала за неспортивное поведение.

Сашка, будь он сейчас человеком, скорее всего взял бы тайм-аут. Подумать, к чему приведет один вариант, другой. Вдруг и третий обрисуется. Оставить шанс когда-нибудь стать Богом, отказаться ли? Подискутировать внутри себя по методике Сократа. Но человеком он сейчас не был. Всего лишь — нематериальной эманацией неизвестно чего, тахионов, хроноквантов, тех элементов, из которых со-

стоит мысль Будды, и сам Будда, достигший нирваны.

Вот к какой проблеме выбора привело его столь мелкое, незначительное, прямо скажем — ничтожное вмешательство в структуру Сети. Положить ту самую соломинку, что переломит спину буйволу?

И — проблеск другого сознания. «Андрей, как ты думаешь, мы еще люди?» — задал он другу вопрос в иной, но тоже критической ситуации. Когда тоже или — или.

«Думаю, да, — ответил Новиков. — До тех пор, как...»

Получается, Шульгин и на тех уровнях сделал выбор.

Сфера вокруг него стянулась в точку и растаяла. Экран монитора мерцал, по нему горизонтально скользила крупная рябь и мигала в углу трафаретка с тревожной надписью. Пока эта штука не взорвалась, упаси бог, Шульгин нажал кнопку выхода.

Никакого голоса он в этот раз не слышал, никто не пытался ему помешать или вступить в диалог. «Следствие закончено, забудьте!», был такой фильм, кажется.

Все, получается? Отныне и навеки человечество, исходное, и производные от него предоставлены самим себе? Живите как хотите, плодитесь, размножайтесь, воюйте — никто вас не потревожит и уму-разуму учить не станет. Но при этом у «братьев» остаются те же умения и возможности, которые были им присущи изначально и которые они сумели приобрести в процессе Игры? Так это же великолепно! Более чем прекрасно. По-прежнему можно шлаться между мирами, реализовывая соб-

ственные представления о правде и справедливости, более не опасаясь, что кто-то возьмет тебя за шиворот и встряхнет, чтобы не зарывался?

Бога нет и все позволено? Гуляй, рванина, от рубля и выше? Или наоборот — надеяться не на кого, паши, как колонисты острова Линкольн, и никакой капитан Немо не вылезет однажды ночью из колодца, чтобы поделиться коробочкой лекарства, не подбросит сундук с ширпотребом. Никто больше не будет подсовывать дары, обычные и данайские. Исчезнет опасность провалиться в Ловушку, слишком поздно узнав, что правила игры снова поменялись.

Придется привыкать и приспосабливаться. Кое-что вернуть в исходное состояние, кое-какие позиции пересмотреть в корне. Но ведь прочие опасности, сопровождающие человечество со времен изгнания из рая, никуда не денутся? Химера, например, все равно может в любой момент рухнуть от внутренних, имманентных¹ противоречий.

Шульгин увидел, что бокал хереса так и стоит на столе рядом с пультом. Свою маскирующую роль он сыграл, теперь сгодится по прямому назначению.

Опять Сашка вышел на балкон, оперся на перила, обвел глазами панораму, словно пытаясь сообщить, изменилось ли что-нибудь в окружающем пространстве-времени?

Сколько он там провел, внутри Узла? Ого, почти два часа. Ночное коловращение жизни внизу прекратилось, утреннее пока не началось. Тишина, толь-

¹ Имманентный — исходно присущий данному процессу, явлению. Имманентная философия — утверждающая, что бытие является лишь внутренним содержанием сознания.

ко снежинки, как раньше, порхают в свете уличных фонарей.

Он прислушался к себе. Как там подсознание, не скажет ли вдруг, что все случившееся — очередная туфта, старательно *заправленная*? Деза, проще сказать. Уловка ловушки, назначенная его разоружить.

Нет, все чисто. Тем самым *особым* знанием, которое и позволяло странствовать в астрале и перемещаться между *линиями*, он ощущал, что мир вокруг действительно чист. Как в Средневековье невозможно уловить обонянием хоть одну-единственную молекулу автомобильного выхлопа, так и здесь не ощущалось больше *ментального эха* чуждых разумов.

Невольно он рассмеялся вслух. Как же повезло Антону! Он пока и сам не догадывается, как именно повезло. В последнюю секунду перепрыгнул с борта тонущего корабля на спасательный плот. Со всем бы чуть-чуть, и догнивать ему в своей бамбуковой тюрьме. А теперь...

Теперь мы найдем ему работенку по способностям. И Дайяне, и здешней Сильвии. В наших руках теперь бывшие вершители судеб человечества, кроме гомеостатов и портсигаров, ничего у них за душой...

Трудно передать волну ликования, накрывшую Сашку. Сравнить это можно, пожалуй, только с чувствами офицера, запечатленного фотокорреспондентом на ступенях Рейхстага в мае сорок пятого, улыбающегося до ушей и палящего в воздух из поднятого над головой «ППС». Все! Дожили, дошли, отвоевались! Что будет завтра — отдельный разговор. Где тот офицер, как его жизнь сложилась, никто не знает. А фотография осталась во всех посвященных Победе альбомах и монографиях, момент высшего

человеческого счастья зафиксирован навеки. Как символ или как метафора...

Как накатило, так и прошло. Миг на то и миг, чтоб была реперная точка между прошлым и будущим. Ни на что больше он не годится. Пусть и пел Олег Даль: «Именно он называется жизнь!»

Как Шульгин и предположил, стоя на балконе, Ростокина в его спальне не оказалось. Сбежать физическим образом он не мог, у нас не убежишь, значит, воссоединил нарушенную временную ткань, возвратившись на Столешников. В ближайшее время в смежных мирах произойдет еще не одно подобное событие, доступное, конечно, восприятию лишь немногих посвященных.

Значит, и нам пора.

Он написал два коротких письма Суздалеву и Маркину, в которых извинился за очередное прощание по-английски, выразил надежду на скорую встречу и на то, что уважаемые коллеги найдут общий язык и не отступят от достигнутых договоренностей, ибо волонтаризм всем обойдется непомерно дорого. Сбросил их в защищенные «почтовые ящики». Пока все с этим миром.

По старой привычке он обошел квартиру, прикидывая, не забыто ли здесь что-нибудь важное для него или для Ростокина. Похоже — нет.

По той же привычке тщательно уничтожил все следы собственного здесь пребывания. Бытовую электронику перевел в ждущий режим, охранные системы активизировал по максимуму.

Сел в кресло, должным образом настроился. Ну, поехали!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Странно было видеть Антона в субтильном обличье пожилого литератора. Совсем недавно он был крепким мужиком в самом соку, ростом под метр девяносто, при этом тренированный и гибкий. А каково ему сейчас? Однако сам он по этому поводу не особенно грустил. Привычка, наверное.

Шульгин явился к нему из Москвы 2056-го в собственном теле, сгущенном до полной неотличимости из эфирного. В таком можно существовать неограниченно долго. То есть, как объяснял Удолин, оно полностью аналогично настоящему, никаким анализом не различишь, и сроки его функционирования лежат в пределах таковых для белковых структур. Если не случится чего-нибудь экстраординарного с прочими сущностями.

— Как ты, обжился? — спросил он бывшего форзейля, устраиваясь поудобнее в углу дивана и скользя глазами по книжным полкам, занимающим все свободные стены от пола до потолка. Хорошо Юрию: в эти годы, начиная с двадцатых, распродалось такое количество дворянских и интеллигентских библиотек по бросовым ценам, что его книжное собрание, кроме чисто интеллектуальной ценности, в позднесоветские годы имело бы и немалый рублевый эквивалент.

— Грех жаловаться после трех лет одиночки. Времечко, как понимаешь, на улице не очень, так я и похуже видал. Маскировка у меня подходящая, как раз чтобы отдохнуть и в себя прийти. Никто меня не знает, никому я не нужен. Денежек мой «хозяин» накопил достаточно, на приличную жизнь в обозримый период хватит. Только я в нем задерживаться не собираюсь. С твоими нынешними спо-

способностями не проблема, надеюсь? Имитировать его образ жизни не собираюсь. Ампула не на мой характер. Сегодня для пробы «Балчуг» посетил. Со всем неплохо. И знакомых ни одного...

— Да, — спохватился Шульгин, — а ты уже сколько здесь? Совсем я в хронологии запутался. После нашего разговора знаешь сколько всего произошло!

— Я вчера ночью «вселился». В спящего гораздо удобнее устраиваться. Сознание отключено, подкорка своими делами занимается, остается чистая вегетатика. Утречком встал почтеннейший творец и лауреат, как новенький. Глубоко-глубоко я его задвинул, базовую память оставил под рукой, а его оперативная мне не нужна, и моторика тоже, своих хватит.

Тут Антону, конечно, повезло. Идеальный по всем осям и параметрам вариант. Аггрианский резидент, пусть и из «раньшего времени», со всем набором знаний и способностей, за двадцать лет создавший удовлетворяющую всех (а главное — власти) легенду. Не имеющий ни одного близкого знакомого или родственника. С подлинными документами. Способный в случае необходимости «вернуться в строй». Обратится, к примеру, лично к зампреду, секретарю ЦК Шестакову, тот свяжется с товарищем Ставским, председателем Союза писателей, и найдут бывшему классику достойный пост в верхнем эшелоне соцреалистов.

И ко всему этому имелось все, чем обладал Антон по предыдущей должности форзейлианского шеф-атташе.

Живи и радуйся.

Однако у Шульгина на него были другие планы.

Слегка перефразируя, он в уме процитировал эпиграф к «Капитанской дочке».

«Побыл он гвардии немало капитаном. Того достаточно, пусть в армии послужит.

— Изрядно сказано, пускай его потужит».

Теперь, чтобы окончательно социализироваться в этом мире, у Антона только два пути — остаться волком-одиночкой, устраиваться здесь по собственному усмотрению или, подобно Остапу, двинуть однажды ночью через румынскую границу. В поисках лучшей доли. Или все-таки войти в команду Шульгина, на вторую, естественно, роль. В выборе форзейля Сашка не сомневался, когда начал излагать ему нынешнее положение дел. В глобальном смысле.

Антон слушал спокойно и внимательно, моментами усмехаясь собственным мыслям, возникающим по ходу рассказа.

— Таким, значит, образом, — резюмировал он, потянувшись к папиросе. Настоящий Антон не курил, а вот писательский организм настойчиво требовал очередной дозы стимулятора мозговой деятельности.

— Радоваться, наверное, надо. Мне, тебе и всему вашему «Братству». «Свободен, свободен, наконец-то свободен!»¹.

— Если забыть о том, что эти слова написаны на могильном памятнике, то в целом верно. Да и «Братство» вряд ли скоро об этом факте узнает. Когда еще встретиться удастся.

— Не собираешься вернуться?

— Не сейчас. Чувство долга, понимаешь ли, не пускает, здесь нужно дело до конца довести.

¹ Эпитафия Мартину Лютеру Кингу, борцу за равноправие негров в США.

— Какого? — с любопытством спросил Антон.

— Если бы знал — непременно тебя в известность поставил. Ты-то сам что в виду имел, когда меня агитировал с Лихаревым и Сталиным поработать? Меморандумы составлял...

— К нынешней ситуации это теперь никакого отношения не имеет. Я действовал в иной исторической эпохе...

— Ну вот. А я всерьез увлекся. Вдобавок слишком много людей здесь на меня завязано. Свои жизни и судьбы на кон поставили, чтобы мне помочь. Бросить все и всех, сбежать с поля боя — не в моих правилах.

— Тогда и говорить не о чем. Давай думать, что сейчас может являться нашей целью, какова стратегия и тактика ее достижения, в какой момент долгу будет считаться исполненным...

Слова Антона свидетельствовали о том, что остальные вопросы мировоззренческого плана снимаются сами собой. Остаются только практические.

О них и стали говорить.

Шульгин собирался немедленно возвратиться в Испанию. Слишком долго, уже почти сутки Шестаков там предоставлен самому себе. Больших глупостей он, разумеется, не наделает, характера и навыков руководителя хватит на текущие дела, да и общая политическая линия, которую начал проводить Шульгин, ему известна.

Однако нельзя исключать какого-нибудь срыва психики, именно потому, что слишком долго личность «спецпредставителя» находилась под противоестественным контролем. Кто по-настоящему знает, к каким глубинным последствиям приводит воздействие матрицы на «реципиента»?

Антон, к примеру, не знал. У форзейлей такие

методики не употреблялись. Сильвия, как выяснилось, воспользовалась матричным переносом, как нормальная женщина автомобилем. Повернула ключ зажигания, включила скорость — он поехал. А что творится под капотом — не ее забота. Дайяна могла бы проконсультировать, так где ее найдешь?

— С тобой что будем делать, братец? — спросил Сашка. — Я кое-какие варианты прикинул, но решать тебе. Можешь в Москве остаться, на хозяйстве. За Сталиным присматривать, за Лихаревым, за Заковским невредно. Есть, кроме всего прочего, у меня опасение, что энное количество ежовцев поумнее и с характером, представляя свою близкую судьбу, свободно могут в подполье уйти и что-нибудь вроде «Черной руки» или «Народной расправы» создать. Кто-то ведь на меня убийц напустил...

— НКВД, думаешь? Не похоже. Не их почерк. Персонажи притом к покушению привлечены странные. Чего бы, действительно, в уличной толпе финку или спицу тебе под лопатку не сунуть? Пока прохожие сообразили бы, отчего солидный дядечка на тротуар прилег, — ищи-свищи исполнителя. Да и «ураганное гниение», которое твой Буданцев наблюдал, — совсем не из нашей оперы явление.

— А набег капитана Трайчука на кордон?

— Это ближе. Если только не аппаратная инерция... Пока этот вариант давай отложим. В случае необходимости «на хозяйстве» можем и Юрия оставить. Подготовки ему хватит, нужную мотивацию обеспечить несложно. Не забывай, он ведь теперь тоже «свободен» и свой интерес поймет быстро.

— Хорошо, — согласился Шульгин. — Я тебя по-прежнему считаю экспертом, спорить не имею оснований. Заодно делаем вывод, что тебе нужно

новое тело, раз это возвращаем по принадлежности.

— Совсем не вопрос. Какое надо, такое и выберем. Что ты по сути хочешь предложить?

— Можно со мной в Испанию. Еще одним помощником и советником. Сработаемся, надеюсь...

— Назови последний вариант, тогда и определимся. Рациональным способом или монетку подкинем.

— Отправить тебя в Лондон, практически в прежней должности и роли. Сильвию найдешь, вместе с нею обеспечишь финансирование моих побочных расходов, а главное — свернешь, к чертовой матери, «политику невмешательства». Вместе с Чемберленом. Тогда и Мюнхена не будет, а наш «рейхстроитель» на обозримую перспективу исчезнет из большой политики... Что сулит интереснейшие геополитические расклады.

— На том и сойдемся. И мне интересно будет, и общему делу польза. Только сразу договоримся — закончим с Испанией, обеспечим благоденствие и безопасность твоих новых друзей, и все! Уходим. В двадцать четвертый или ноль пятьдесят шестой. Пора сворачивать сей химерический фейерверк. За год управимся, и домой. Надоело, Саша, знал бы ты, как все надоело... — В голосе Антона прозвучала такая тоска, что Шульгин подумал: «Картинка моей смерти — не самое страшное. В его шкуре я еще не побыл, настоящего «покаяния» не испытал».

— Год еще прожить надо. Но принципиальных возражений ты от меня не услышишь. Я с самого начала, в условиях Игры, примерно так и планировал. С тобой, глядишь, еще быстрее управимся. И — в Замок. Он, как я догадываюсь, теперь окончательно твой?

★ Антон молча кивнул, закуривая уже третью папиросу.

— Запасных тел там у тебя не имеется? — будто бы в шутку спросил Шульгин.

— Я же сказал, не проблема. Чего на мелочи отвлекаться? Давай лучше твои действия в Испании конкретно подработаем. И мои. Методику связи...

— Сейчас. Куда торопишься? Сначала коктейль, потом вишня, потом косточка, — вспомнил он слова еще одного киношного персонажа. Как бы не в исполнении Мастрояни. — Идея появилась. Забирай-ка ты пока себе мою оболочку...

С одной стороны, отдавать чужому человеку напрокат собственное тело Сашке не слишком импонировало. Хуже, чем нижнее белье дать товарищу поносить. А с другой — оно ведь не его, по большому счету. Очередной артефакт, и не более, возникший для удобства существования в вещном мире.

— С удовольствием. Вполне подойдет, тем более что сэра Говарда Грина в Грейт Бриттен забыть еще не успели. Всего-то тринадцать лет прошло.

— Славненько. Только я тогда усы носил, тебе придется снова отпустить. К телу, заметь, еще и го-меостат прилагается. Сейчас сбегая, принесу, если не украли...

Он не слишком этого опасался, спрятан прибор был надежно, но тень тревоги присутствовала. Слишком уж ценную вещь он оставил на произвол судьбы, для каждого отдельного человека, способного понять, что это такое, дороже всего золота мира. За миллиарды не купишь и не наймешь врача, способного гарантированно вылечить от пустячной болезни, когда придет твой час. Сталин не смог, и Брежнев, император Цинь Ши-хуанди тоже.

Нет, все в порядке. Шульгин поднял люк, выта-

шил банку, убедился, что гомеостат — вот он. В полном порядке. Застегнул на запястье, убедился — работает. Экранчик показал степень сохранности организма и готовность немедленно привести его к абсолютной норме. Дополнительное подтверждение того, что нынешнее тело — вполне человеческое, машинка не спутает «эфирный макет» с настоящей органикой.

Возвращать его хозяину он отнюдь не собирался, пусть и испытывал по этому поводу некоторый нравственный дискомфорт. Одно оправдание — мы серьезным делом занимаемся, воюем, а лозунга «Все для фронта, все для победы!» никто не отменял. В Испании спасительный браслет ему бы очень пригодился, но при чисто ментальном переходе в тело Шестакова его с собой не прихватишь. Значит, пусть пока остается на руке этого тела, охраняя организм для последующего возвращения. А то мало ли как там себя Антон поведет, не свое ведь.

Не спеша вернулся, подышав по пути свежим воздухом, а то уж больно накурили они в маленькой квартирке, даже в горле першит. Была мысль выйти на Арбат, посмотреть, жив ли, здоров «топтун», невольно поучаствовавший в смене парадигмы мировой истории. Вовремя воздержался, сообразив, что одет для этого времени неподобающим образом.

Поднялся на этаж, продемонстрировал Антону добычу, убедительно разъяснил, что дается он ему на время и должен быть возвращен по первому требованию. Хоть дипломатической почтой или нарочным, если потребуется.

— Скажи мне заодно, почему вы такой шутики

не изобрели? Цивилизация аггров, как мне вообразалось, от вашей прилично отстаёт...

— Кто ж его знает? Китайцы тоже за пять тысяч лет пулемета системы «Максим» не изобрели, хотя порох якобы выдумали. Реальной потребности не было. Каждый из нас спокон веку иными способами свою жизнедеятельность поддерживать был приучен. Лично для меня Замок был абсолютным гомеостатом. Так что, начнем?

— Начнем. Значит, сначала, по методике нашего профессора, необходимо растормозить подсознание. Оно, может, и без этого получится, но один остроумец писал: «Когда машинист начинает искать новые пути, поезд сходит с рельсов». Рисковать не будем. Ты хозяин здесь пока, что можешь предложить?

— Наш друг воспитан в прежние времена, гвардейские капитаны вроде него на балах хлестали шампанское, в окопах — водку. Коньяк — посередине. Отчего запасся он им, как хомяк перед суровой зимой. На целую ленинградскую блокаду хватит или очередной сухой закон.

— Молодец, умеет извлекать уроки. Что же касается самого обмена... Была в моей молодости интересная книжка Мирера «Дом скитальцев». Году в семьдесят пятом, кажется, издана. Там он очень технологично описал разные способы пересадки личностей из тела в тело. Когда я сам с подобным первый раз столкнулся, сразу подумал — вот же мужик угадал! Великие фантасты с десяти шагов в ростовую мишень мазали. Хуже того: «Он выстрелил в воздух. И не попал». А этот — как сам на аггров работал.

— Может, и работал, — меланхолично заметил Антон. — И не он один. Я тоже пару десятков твор-

цов из рук подкармливал. Чтоб создавали нужные настрои... Так что у Мирера?

— Схема обмена личностями. Вот нас здесь трое. Как будем пересаживаться? Я, допустим, прямо отсюда в Барселону, к Шестакову. Освобождаю тебе тело. А ты умеешь сам в него перескочить?

— Нет, — честно признался Антон. — Самому — не приходилось.

— Значит, что? Нужен посредник. У Мирера для этой цели специальное пустое гнездо в машинке имелось. У нас машинки нет. Мы действуем в сфере чистого разума. Ваши предложения?

Форзейль растерялся. На что Шульгин и рассчитывал. Ему в ближайшее время постоянно придется ставить Антона на то место, которого он здесь и теперь заслуживает. Без всякого зла, без чувствамести. Как опытный офицер, заметив в подчиненном гонор, не соответствующий званию и должности, просто обязан в интересах службы объяснить ему, кто он и что от него требуется. Имеешь способности — выдвинем и в Академию направим, но пока ты ротный — нечего воображать, что умнее батальонного. Может, и умнее, но не в этом вопросе.

— Ты о посреднике сказал. Нам четвертый человек нужен? Пересадочная станция?

— Это было бы лучше всего. Но на улицу бежать, очередного чекиста ловить? Попробуем чуть иначе. Я слегка опасаюсь за ваше душевное здоровье, но опыт подсказывает, что аггры — народ крепкий. Выдержите, если еще и я к вам *сяду*, да не один — дублированный...

— Ростокин бы сейчас пригодился.

— Кто спорит? Но его нет. Итак, несколько минут мозгу Юрия придется выдержать присутствие в нем четырех личностей. Потом я перекидываю тебя

в себя, глазами писателя наблюдаю, мягко ли прошел процесс, уточняю последние детали, после чего отбываю в Барселону. Нет, не так, — спохватился Шульгин. — Я еще должен, не теряя темпа, переправить тебя в Лондон, к порогу особняка леди Спенсер. Куда ты меня послал, — не скрыл он яда в голосе, — и только потом убываю сам. Принимается?

— Ничего другого предложить все равно не могу.

— И это правильно. Насчет Замка в другой раз поговорим. Раз возражений нет — поехали!

Личность Юрия *подсажку* перенесла легко. Точнее, как раз она-то ничего и не заметила. Заметил сам Шульгин. Потому что ощутил неприятное *давление* сразу с двух сторон. Трудно передать это словами неприспособленного языка, как перевести на эскимосский впечатления бедуина от самума в Сахаре. Немножко похоже на ощущения человека, с детства ездившего на «Бентли» и вынужденного сесть в московский послереволюционный трамвай. Или его самого, попавшего в башню «тридцатьчетверки» после просторной «Леопарда». Тесно, плечами не двинуть, в бока со всех сторон железки упрутся, куда ни сунься, везде поджимает, и запахи! В танке — солярки и сгоревшего пороха, здесь — чужих мыслей. Некомфортно. Кто без привычки — может и затошнить. Но он справился.

Всего-то секунд десять перетерпеть, сконструировать формулу. Работать *изнутри* ему еще не приходилось, и он не учел связанных с этим трудностей. Маг он до сих пор был никакой, стрельба в цель из огнестрельного оружия удавалась ему гораздо лучше, чем манипулирование нематериальными сущностями.

Однако получилось. Опять же, как в трамвае, протолкался локтями к передней площадке, прыгнул на тротуар. На Гоголевском бульваре. Сразу — много воздуха, простор и чувство облегчения.

Напротив сидел он сам, очень похожий, совершал беспорядочные мелкие движения плечами и конечностями. Антон приспосабливался к новой оболочке.

— Ну и как? — хриловато спросил Шульгин. — Голосовые связки Юрия тоже не слишком слушались. Раньше так не случалось при «пересадках». Видимо, исходную личность он, по неопытности, загнал слишком уж глубоко, она уже и безусловными рефлексам не управляла.

— Пойдет. Немножко освоюсь, и можно отправляться дальше.

— Ну и давай. Мне тоже. Эта шкура в плечах жмет и под мышками режет. В Лондоне устройшься, сразу мне в Барселону звони. На телефон Главного советника. — Шульгин продиктовал основной номер и несколько других, по которым можно разыскать его через порученцев.

— Я к тебе своего человека переправлю, дипломата профессионального и личного друга Шестакова. Для связи с советским полпредством. Эти контакты тебе очень пригодятся. А с деньгами как думаешь определиться?

— Единственное, что нас с тобой заботить не должно. Потерпи недельку, и сможешь распоряжаться активами чуть не всей английской банковской системы. Уж этому я за последние сто лет научился. А ты еще о леди Спенсер забыл. У нее с финансами тоже все в порядке.

— О ней я и хотел перемолвиться. Ты с ней в эти, тридцатые годы пересекался?

— Да нет, обходились как-то. До того, как Ирина обратилась к Новикову, а я, в свою очередь, к Воронцову, мы с агграми считали хорошим тоном друг с другом не контактировать. Вообще делать вид, что не подозреваем о взаимном существовании. Да и словечко «аггры» пришлось ввести в обращение только по настоятельной просьбе Воронцова. У него поразительная страсть к конкретике.

— Специальность такая, — вставил Сашка.

— Кто спорит. На удивление — прижилось.

— А теперь встретишься с ней с таким запасом сюрпризов в кармане, что сделаешь ее одной левой. Не считая прочего, она — из тридцать восьмого, ты — из восемьдесят четвертого этого мира. Уже капитальный выигрыш по очкам, а остальное! Да просто перескажешь ей содержание письма от Сильвии-24 к этой — и готово.

— Саш, в таких делах я и сам разберусь, ты допускаешь?

— Что ты, что ты! Да разве я когда сомневался? Мы пацаны сопливые были, а ты полубог, нисходящий с небес. Кстати, напомни, Прометей кем числился, полубогом или титаном? Что-то я мифологию подзабыл...

— Титаном. Прочую иронию оставляю за кадром. Спишем на твою перевозбужденность от резкого изменения обстановки.

Сашке вдруг стало стыдно. На самом деле, не стоило бы пинать упавшего бойца. А что он слегка «раздул ноздри», так вот это как раз простительно и объяснимо.

— Не бери в голову. Это тоже не совсем я, это Юрий Ех profundum¹ высунулся. Ему тоже интересно поучаствовать.

¹ Из бездны (лат.).

Дальше говорили о делах исключительно практических, в ходе обоюдного инструктажа придумали несколько весьма забавных и неожиданных ходов.

Тут надо заметить, оба пребывали в состоянии не переживаемой никогда ранее эйфории и в то же время — глубокого стресса, вызванного той же самой и некоторыми посторонними причинами.

— Закончили? Тогда сосредоточься, друг мой, и полетели. Куда прикажете? На Пикадилли-сиркус, в Сохо или сразу на порог особняка леди Спенсер? Куда ты меня отправил.

— Давай-ка в Грин-парк. Я там по аллеям прогуляюсь, в себя приду, в паб хороший загляну. Оттуда и до Бельгравии совсем недалеко. Костюмчик, правда, не совсем... Впрочем, по Лондону столько всякого отребья бродит, что никто внимания не обратит. А к моменту встречи с нашей клиенткой найду, во что переодеться. Отправляемся?

Сашка чуть было не совершил завершающего пасса руками, должного преобразовать ментальную формулу в межпространственный переход, и вдруг остановился.

— Подожди! Совсем забыл. Помнишь, отправляя меня к Сильвии, ты меня английским снабдил. Хорошим. До сих пор все удивляются. А испанским — можешь? В том же объеме. Чтоб изящней королевского наставника и грубее портового бродяги?

— В наших силах, Саша, уж это — в наших. Держи...

Все великолепие классического кастильского языка, весь объем написанных на нем литературных текстов, а также разнообразие жаргонов многочисленных социальных групп и страт взорвалось в сознании Шульгина подобно вакуумной бомбе. И мгновенно...

венно рассосалось по подобающим зонам мозговых полушарий. Что в долговременную память, что в оперативную. Необходимые сигналы достигли центров, управляющих артикуляцией языка, губ, щек, голосовых связок. Усилий при произнесении непривычных фонем не будет, акцента, несоответствующей смыслу мимики. Ни один тамошний профессор Хиггинс¹ не найдет в его речи ни малейшего повода для зацепки.

— Спасибо. Мне это очень пригодится. Ну, до встречи.

Антон вместе с телом Шульгина исчез, а следом отправился и Сашка, в противоположную сторону Европы. На месте остался один Юрий. Очнется минут через пять, с полным осознанием того, что с ним случилось, и кое-какими инструкциями, страхующими от опрометчивых поступков.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Несмотря на исчезновение из Вселенной Игроков, все заведенные при них обычаи и свойства хроноконтинуума сохранились. Шульгину не составило большого труда возвратиться в свой кабинет еще до исхода той же ночи, которой он его покинул. Некоторое количество прошедшего времени распределилось по параллельным линиям или просто сгорело, как бензин в работающем моторе, производя определенную работу.

Таким образом, совместив свое эфирное тело с материальной массой Шестакова, он принял управ-

¹ Хиггинс — главный герой пьесы Б. Шоу «Пигмалион» и фильма «Моя прекрасная леди». Крупнейший знаток фонетики и лексики английского языка.

ление на себя. Пока Сашка отсутствовал, никаких колебаний «тонкого мира» в пределах номера, отеля и города не отмечалось. Игроки ушли деликатно, без шума, погасив за собой свет.

Подчиненные тоже не потревожили драгоценный покой начальника. Значит, ничего экстраординарного не случилось и в реальности.

Взяв из коробки очередную сигару, от вкуса и запаха которых он успел отвыкнуть в своих странствиях, Шульгин, перед тем как отойти ко сну, снова вышел на балкон. Совсем недавно с другого он озираал окрестности Сретенского бульвара в середине XXI века, сейчас видел ночную Барселону первой половины XX века. Там было лучше эстетически, здесь — психологически.

По крайней мере, спать он ляжет, не опасаясь возможности пробудиться в горячих торфяных болотах на планете неведомой звездной системы, отстреливаясь от дрессированных ракоскорпионов. Надоело. В самом худшем случае может приключиться очередной мятеж, каталонских сепаратистов, к примеру.

Антон на прощание дал ему несколько практических советов, как следует строить отношения с руководителями сателлитного государства. У него в этом смысле богатый опыт, не только земного происхождения.

Проснувшись около семи, Шульгин первым делом пригласил к себе начфина миссии. Теми суммами, что были выделены его наркомату на испанские дела, он по-прежнему мог распоряжаться самостоятельно. Преемник на его московский пост до сих

★ пор не был назначен, да и в разговорах со Сталиным как бы по умолчанию подразумевалось, что тот круг обязанностей остается за ним. Но были деньги, предназначенные непосредственно для оперативных расходов. Вот их количество, а равно и практику использования он и собрался уточнить. Раньше руки не доходили.

Сумма его вполне удовлетворила, а если вдруг не хватит или появятся неожиданные претензии «сверху» насчет «нецелевого использования», Шульгин рассчитывал пополнить недостачу с помощью Антона.

Договорившись по телефону о срочной, не терпящей отлагательств встрече, он выехал на автомобиле в сопровождении Овчарова и отделения охраны в резиденцию военного министра Республики.

По дороге сообщил Виктору, что в ближайшие дни тому придется вылететь в Лондон в качестве «частного лица» для отлаживания новых, совершенно неожиданно наметившихся связей. Детали — позже. Сейчас ему просто нужно будет присутствовать при разговоре с Прието, оставаясь безмолвным и невозмутимым, как статуя Будды.

Вначале все шло по накатанной, всем надоевшей колее. Министр был уклончив, многократно ссылаясь на внутриполитические сложности, не позволяющие вести войну подобающим образом. Припомнил соглашение с Советским правительством тридцать шестого года, в котором четко было оговорено, что наши советники принимаются и признаются единственно в означенном качестве и вмешиваться в непосредственное управление войсками не имеют права.

Смешно с нынешней точки зрения, но это правило соблюдалось почти неукоснительно, исключая отдельные случаи. Вдобавок советские советники и инструкторы старательно изображали из себя испанцев или добровольцев-интернационалистов, брали себе подходящие псевдонимы.

В то же время помогавшие франкистам немцы из легиона «Кондор» конспирацией не затруднялись. Носили свою форму, национальности не скрывали, держали себя гордо и обособленно. В Бургосе, временной столице мятежников, реквизировали лучший отель «Мария Исабель», перед которым под флагом со свастикой стояли немецкие часовые.

А уж испанских офицеров и генералов «союзники» *цукали*, как кайзеровские унтера новобранцев. Зато и подготовили за годы войны более 50 тысяч вполне грамотных офицеров и специалистов.

Минут через двадцать толчения воды в ступе Шульгин решил с дипломатией *завязывать*.

— Я, дорогой друг, вынужден вам заявить, — пошел он ва-банк, исчерпав более мягкие доводы, — что наш с вами оппонент, каудильо Франсиско Франко, кажется мне не в пример более разумным человеком, чем вы.

— Отчего это вдруг? — оторопел министр.

— Да оттого, что он, понимая свое положение и реальные возможности, прислушивается к своим «друзьям и патронам». В противном случае проиграл бы еще в прошлом году, однако держится и непрерывно расширяет подконтрольную территорию. Вы же постоянно сдаете позиции, располагая не в пример большими силами и поддержкой большинства народа. Не удивительно ли?

Выслушав достаточно громкую и возмущенную тираду, вполне в духе социалистического демагога,

к какой бы нации или течению он ни принадлежал, Шульгин ответил именно на этот случай прибереженной «домашней заготовкой».

— Я не вижу с вашей стороны готовности к конструктивному сотрудничеству. В подобном случае мое правительство не видит необходимости жертвовать жизнями добровольцев, которые прибыли сюда для помощи испанскому народу в борьбе с мировым фашизмом, а не для того, чтобы изображать разменные карты в забавах политиканов. Я имею все полномочия, чтобы немедленно отозвать с фронтов наших советников и специалистов вместе с обслуживаемой ими боевой техникой. Для чего им сражаться и погибать напрасно? Точно так я могу развернуть обратно конвой с танковой бригадой и очередной партией «добровольцев», о котором мы с вами говорили на днях.

Похоже, довод достиг цели.

— Но как же наши соглашения и договоренности? Испанская республика потому и является безусловно демократической, что в ней, как нигде больше, осуществляется единство всех поддерживаемых народом политических течений. Мы признаем право коммунистов руководить большей частью вооруженных сил и напрямую решать свои вопросы с Коминтерном. Но и за анархистами идут сотни тысяч вооруженных борцов. Партию социалистов, нас — поддерживает вся культурная Европа. Вместе мы обязательно победим и продемонстрируем миру негнимаемую силу Народного фронта...

— Вы воображаете меня идиотом, дон Индалесио? Или вещаете в расчете на журналистов? Так их здесь нет. Вы представляетесь мне одним из самых умных политиков демократической Испании. Но историю вы читали? Хотя бы в самом общем из-

ложении? Я ведь именно об этом и говорю. Убедившись в полной невосприимчивости вашей «коалиции» к советам, которые дают присланные из СССР специалисты, в нежелании вашего правительства следовать даже тем из них, которые имеют судьбоносный смысл, я данной мне властью принимаю решение — с завтрашнего дня отдать приказ об эвакуации. Это будет в полном соответствии с принципом «невмешательства». Разумеется, те, кто захочет, могут остаться, на правах обычных добровольцев Интербригад. У нас тоже свобода!

— А как же с оружием, которое Советский Союз обязался нам поставлять под гарантию золотого запаса Республики?

— Вы его, безусловно, получите. Мы не французы¹. Франко порт² Барселона. Или любой другой по вашему указанию. Доставим до места и выгрузим на причалы. Дальше — делайте, что хотите. Проводку кораблей через линию блокады обеспечите своими силами.

— Это шантаж, дон Алехандро? — с циничной улыбочкой осведомился Прието.

— Конечно, дон Индалесио. К чему околичности? Прямой и неприкрытый шантаж.

Они сидели в гигантском, можно сказать, кабинете, более похожем на будуар какой-нибудь испанской принцессы прежних времен. Масса картин по стенам, дорогая мебель, мраморные статуи и фарфоровые вазы с цветами в простенках. Запах экзо-

¹ Имеются в виду действия французского правительства, продавшего Испании вооружение, но не пропустившего его через границу, ссылаясь на запрет Лиги Наций.

² В данном случае имеется в виду не генерал Франко, а коммерческий термин: «Франко порт», т.е. доставка груза до порта назначения.

★ тических благовоний. Резные дубовые потолки, для стирания пыли с которых непременно требуется приглашение пожарных с лестницей.

Сам Прието расплылся в кресле — огромная мясистая глыба с бледным, как непропеченное тесто, лицом. Для испанца это удивительно, оливковая смуглость у них — почти видовой признак. Вдобавок почти в любых обстоятельствах он умел сохранять ироническую, вводящую собеседника в заблуждение, мину. Веки сонно приспущены, но из-под них посверкивают «самые внимательные в Испании глаза», как отозвался о них известнейший тогда журналист Михаил Кольцов. Следует также добавить, что, изучив литературу и документы, Шульгин составил представление о партнере как о человеке, для которого политика случайно оказалась средством самовыражения.

В оригинале это был типаж одного разбора с Александром Дюма-отцом, Оноре Бальзаком или тем французским аббатом, который дожил до ста десяти лет именно потому, что никогда не съедал в один присест больше фунта мяса, не выпивал больше литра вина и до последнего дня не спал в постели один.

— А цель? — хитро прищурился сибарит, начиная догадываться, что «дон Алехандро» завел этот разговор не просто так. Его предшественники в таких тональностях не разговаривали. Они либо несли утомительную ерунду коммунистического толка, либо пробовали стучать кулаками по столу. Очень слабо, кстати, почти неслышно.

— Я знаю, что вы циник, дон Индалесио, я тоже. Государственная и партийная принадлежность здесь ни при чем. Это черта характера, не более. Может быть, вы меня угостите кофе? И поговорим более

свободно? Поскольку этот наш разговор — последний. Я ведь не шутил, заявляя о своих намерениях.

— Разумеется, дон Алехандро. И кофе, и все остальное... Дон Виктор — доверенное лицо? Он с нами? — Прието слегка поклонился в сторону Овчарова, который, как и было оговорено, сидел в сторонке с непроницаемым лицом римского легата. Покуривал и черкал в блокноте. Шульгин полагал, что не деловые заметки, а очередные стихи, к которым Витюша испытывал несовместимую с должностью слабость.

— Не только с нами, он, мне кажется, кое в чем поинтереснее меня будет... Для вас. И сейчас, и позже...

Перешли в примыкающую к кабинету «комнату отдыха», как такое помещение называется у советских чиновников, а как у испанских, Сашка уточнять не стал. Смысла не было, если сравнить ту клетушку, что полагалась советскому наркому, с этим залом. Вот вам и Испания, задворки Европы!

Официант с выправкой офицера накрыл стол.

«Остальное» состояло из коньяка, нескольких бутылок вина, коробки сигар, маслин, тарелок с самыми редкими и дорогими сортами хамона¹, овечьих и козьих сыров...

— Вы мне нравитесь, дон Алехандро, несмотря на то, что коммунист. Давайте уж будем искренни, учитывая, что это может быть нашим последним разговором. С другими вашими коллегами мне говорить намного труднее, даже с «доном Мануэлем» (псевдоним М. Кольцова). Вообще эта советская ма-

¹ Ха м о н — особым образом приготовленный окорок, национальное испанское блюдо, нигде более не встречающееся. Лучшие сорта стоят не дешевле «русской икры».

нера скрываться за кличками кажется мне глупой. Все равно ведь все знают, кто есть кто на самом деле. Немцы откровенно смеются, слыша, к примеру, про некоего «дона Николаса», имея перед собой досье на капитана первого ранга Николая Кузнецова с фотографиями и полным послужным списком. Вы согласны?

— Безусловно, дон Индалесио. Но это входит в правила игры. Не нами придуманные...

Знал бы Прието, насколько шире кажущегося подлинный смысл слов личного представителя Сталина.

— Попробуйте, коллега, это очень хороший коньяк. Или предпочтете херес?

Сашка предпочел. На царском и белом флоте офицеры очень его уважали, и высокий двухсотграммовый стакан вина гораздо удобнее маленькой рюмки для обеспечения продолжительной, изобилующей тонкими ходами беседы.

— Итак, в чем суть вашего шантажа? Заметьте, против самого факта я не протестую, мне важнее выяснить подлинный смысл происходящего. Слава деде Марии, контрразведка нас не слышит, что ваша, что наша, можем поговорить как цивилизованные люди.

— Вы не поверите, исключительно в том, чтобы ВЫ выиграли эту войну, дон Индалесио.

Местоимение «вы» Шульгин так выделил голосом, что привычный ко всему Прието не сдержался, удивленно вскинул голову.

— Да, да! Мы поставили на вас, потому что больше не на кого. Только забудьте о партийных принадлежностях. В «прекрасном новом мире» они мало что значат. Разве — для всеупотребительной

пропаганды или дезинформации противника. Эпоха «идеологий» уходит, наступает эра прагматизма.

— Простите, коллега. — Прието налил себе еще рюмку. При его весе под полтора ста килограммов проще было бы сразу пивную кружку. Как пили коньяк офицеры советского подводного флота в ресторане «Золотой рог», возвращаясь из двухмесячных «автономок» к американским берегам. Любая из них могла закончиться безымянной смертью на глубине или атомным ударом из всех стволов по противнику, ставшему в одночасье из «предполагаемого» — реальным.

— Мне трудно так сразу сориентироваться. Вы желаете сказать, что правый социалист Прието для коммуниста Сталина предпочтительнее коммунистов Диаса и Ибаррури?

— Если вы никому не передадите моих слов, то — да.

— Поразительно.

— Более того, мы видим именно вас на посту премьер-министра республиканской Испании или президента. Как захотите, так и назоветесь. Но для этого придется заключить кое-какое соглашение...

— Именно? — вновь напрягся Прието.

— Вы до поры сохраняете свое нынешнее положение, остаетесь тем, кем вас привыкли видеть и слышать, но с данного момента всеми силами и возможностями обеспечиваете реализацию планов наших военных советников, но самое главное — безоговорочно исполняете мои личные, устные распоряжения. Любые!

— Ну, знаете! — У Прието мгновенно взыграли эмоции кастильского дона, до того несколько смазанные общеевропейским стилем воспитания и должности.

— Спокойно, дон Индалесио. Я еще не закончил, кабальеро кастильяно...

Прието внезапно сообразил, что сталинский представитель, с которым они до того несколько дней общались (если без официального переводчика) на смеси плохого французского с еще более плохим и корявым испанским, добавляя при необходимости немецкие и английские слова и фразы, сейчас говорит на великолепном, классическом языке, будто бы вырос в хорошей семье и окончил как минимум университет в Саламанке.

Так, может быть, под личиной советского представителя скрывается некто совсем иной?

В чем и состояла Сашкина цель — сбить собеседника с панталыку, говоря уже языком бывшего шведа Дая.

— Успокойтесь, дорогой друг. Под «любыми» я подразумеваю только и исключительно имеющие отношение к победоносному завершению войны и сохранению вас на удобном для меня посту. Для достижения названной цели, отнюдь не рассчитывая на ваш патриотизм и здравомыслие, все это категории относительные, я могу предложить вам, вам лично, подарок в сумме один миллион фунтов стерлингов. Могу прописью, — счел необходимым уточнить Сашка. Он любил такие вот штришки мастера. — Который вы можете получить наличными прямо сейчас или любым угодным способом...

— Сумма весьма привлекательная. — Эмоции министра выдавала только глубина и скорость затяжки длинной бледно-зеленой сигарой. — Но я так и не понимаю, в чем ваш настоящий интерес. Беспроцентный заем, который СССР предоставил Испании, составляет 86 миллионов долларов. И — миллион фунтов мне! Для чего?

— Я считал вас гораздо шире мыслящим политиком. Видите ли, демократическая Республика на западном краю Европы, возглавляемая дружественным, а прямо выражаясь — обязанным нам правителем, с несколькими арендованными нами военными и военно-морскими базами, может сыграть огромную роль в грядущей мировой войне. Я как прагматик и циник уверен, что всего лишь миллион единовременно и некоторое повременное содержание «нужным людям» гораздо надежнее и выгоднее, чем мало к чему обязывающие межправительственные соглашения.

Россия, к примеру, шестьдесят лет назад спасла Болгарию от турок, потеряв полмиллиона солдат убитыми и ранеными, а «братушки» немедленно переметнулись к немцам и воевали в Мировой войне на их стороне против нас. Поэтому забудем об эмоциях. Золото сильнее чувств. Так вы согласны?

Сейчас Шульгин в очередной раз повторял проверенную на Врангеле схему, только Петр Николаевич взял деньги в казну, на ведение войны, а Прието должен был взять их себе. Духовных терзаний с его стороны Сашка не предполагал. Менталитет, что скажешь!

— И как это будет выглядеть? — поверив в теорию, Индалесио заинтересовался практикой.

— Хотите — чеком на «Фест коммершел бэнк», хотите — наличными, завтра утром. Только не знаю, как вы этими чемоданами распорядитесь в воюющей стране.

— Давайте — пополам.

— И так можно, только я ведь тоже человек соображающий. Деньги — завтра, а послезавтра вы на самолет — и в Мексику. Или еще куда... Сам бы так поступил при ином раскладе...

Тут наконец вмешался Овчаров, четко уловив момент и смысл своего здесь присутствия.

Он, опытный дипломат, привыкший общаться как раз с такими вот деятелями стран «второго мира», под прикрытием поднятого к глазам бокала искося взглянул на Шульгина, уловил разрешающее движение щеки и веско произнес:

— Имею другое предложение. Мы выписываем вам чек на полмиллиона с условием, что сумма будет выплачена не ранее, чем через полгода с нашим повторным подтверждением. А сейчас — сто тысяч наличными сразу и по пятьдесят тысяч каждое первое число лично от меня в приватной обстановке. И делайте с ними, что хотите. Идет?

Какое там дворянское достоинство, если просто за то, чтобы ни во что не вмешиваться (да еще и на пользу государству), получить миллион (мистическая, между прочим, для массы людей сумма в первой половине века, когда фунты были действительно деньгами).

— За это стоит выпить, не так ли, дон Алехандро? А вы на самом деле русский? Никогда ни от одного иностранца не слышал столь изысканного «кастильяно». От вас предыдущую неделю тоже. Не хотели *приоткрыться* раньше времени? Может быть, вы незаконный сын короля Альфонса?

Прозвучало как бы шуткой, но с неуловимой долей надежды и едва ли не мольбы. Внешность у «дона Алехандро» самая подходящая, язык и манеры — тем более. Назовись он хоть внучатым племянником последнего мексиканского короля Максимилиана — сразу снимается доля нравственной нагрузки, которой, оказывается, и старый циник не чужд.

А Сашке что? Он уже как-то, двусмысленно ус-

мехаясь, не возразил против предположения — не реинкарнация ли он безвременно умершего великого князя Георгия Александровича. И сейчас можно.

— А давайте так и считать. Только — вполне законный. И зовут меня — Хуан-Карлос, будущий король. От него и примите...

Овчаров достал из постоянно носимого с собой портфеля десять пачек белых стофунтовых бумажек, самой тогда устойчивой и надежной валюты мира. Кроме царских золотых десяток, разумеется.

Это было во вкусе Шульгина — ошеломить клиента внезапно свалившимся на голову богатством. Как Басманова в Константинополе, к примеру. И не в том дело, что он людей *покупал*. Никак нет, это было бы слишком грубо и дешево (для него, не для партнера). Он совершал *слом ситуации*. Вот только что ты — никто (как гвардейский капитан Басманов, гордый человек, мечтающий о замызанной турецкой лире), и вдруг — богач, сразу, без предварительной подготовки. Отсюда и шок, и готовность к тому, чтобы измениться качественно.

Виктор, понимая смысл процесса, выкладывал пачки медленно, каждую по отдельности, будто карты флеш-рояля, сам любясь эстетической продуманностью картинки. Крахмальная скатерть, тарелки, бутылки и бокалы, и вот эта воплощенная в куточках хлопковой бумаги власть над жизнью.

— Что, дон Индалесио, здорово выглядит? — спросил Шульгин, пребывая как бы вне процесса.

— Не смею спорить, — сглотнул слюну военный министр. Да министр, не министр, такую сумму попробуй укради, с неизвестными последствиями, тем более что в Республике и красть особенно нечего.

Кому нужны горы ни в одной стране мира не конвертируемых песет? А тут вот оно!

Шикарный дом в Лондоне, дворец в Аргентине или Уругвае, апартаменты в Ницце, игорные дома Монте-Карло, великолепные девушки, готовые не обращать внимания на десятки килограммов облегающего его тело жира. И это только с того, что лежит сейчас перед ним! А остальное, пост премьерера, возможность распоряжаться вообще всеми финансами Республики, об истинных объемах которых никто понятия не имеет, поскольку все можно списать на войну и франкистов, отняв у них после победы то, что поступило от немцев и итальянцев?

— Хорошо, дон Алехандро, мы договорились, — Прието торопливо сгреб добычу в ящик стола. — Ближайшие действия, мои и ваши?

— За успех и доверие! — Сашка и Овчаров с облегчением пригубили бокалы, проследив, чтобы и министр выпил свою дозу.

— Завтра утром руководство продолжением Теруэльской операции полностью переходит к нашим военным специалистам. Испанские товарищи вплоть до командиров корпусов сохраняют всю полноту власти в вопросах внутренней субординации, но по вопросам оперативно-тактического применения войск должны безоговорочно исполнять «рекомендации и указания» компаньеро Роко. Ваша задача — в категорической форме их подтверждать «вниз». И любыми средствами препятствовать противодействию «сверху». Этого на первом этапе будет достаточно. Если возникнут проблемы, скажете мне. Я их устраню. Когда армия наконец одержит несколько убедительных побед, ваш авторитет настолько укрепитя, что никто не осмелится вам возражать...

— Вы действительно уверены, что победы будут? — Настроение Прието начало меняться уже не только под влиянием денег. Кто же не хочет примерить тогу триумфатора и спасителя отечества? Это куда достойнее, чем остаться в истории беспринципным политиканом, кое-как балансировавшим между могущественными противниками с неизвестным пока результатом

— Непременно, дон Индалесио, непременно. Я бы, например, на вашем месте прямо сейчас подписал вот эти приказы, задним числом, разумеется, и отъехал из Барселоны на какую-нибудь уединенную виллу под предлогом инспекции войск или работы с документами, чтобы никто вас не нашел, а вы сохранили бы душевное спокойствие.

А хотите, отправьтесь с нашими моряками на встречу конвою? Великолепные снимки во всех мировых газетах: «Военный министр, рискуя жизнью, поднимается на палубу парохода, везущего гуманитарную помощь русского народа братьям-испанцам!»

— Наверное, это будет наилучший вариант. Люблю море, и риск — тоже. Вы не смотрите на мои тела, палубы и трапы меня выдержат. Нет, дон Александро, вы в самом деле пробудили во мне лучшую часть моей очерствевшей души...

Прието показался Шульгину почти искренним. А почему бы и нет? В любом человеке присутствует изрядная доля возвышенных чувств, только не всегда им удастся проявиться. Сейчас игра на тонких струнах души, подкрепленная приличной суммой иностранной валюты, принесла ожидаемый результат.

Одновременно уже осуществлялась раскрученная Шульгиным (в полной уверенности, что получится с военным министром *договориться*) программа «параллельной войны». Он не сомневался, что руководимые новыми советскими командирами республиканские корпуса и дивизии сумеют неожиданными фланговыми ударами, спланированными в соответствии с теорией «Глубокой операции» комбрига Триандафиллова, выйти в пустые, незащищенные тылы франкистов так далеко от фронта, что те никаких серьезных контрмер принять просто не успеют. Появление в глубоком тылу значительных масс неприятельских войск почти всегда влечет панику, потерю управления, разрыв коммуникаций и систем связи. История знает мало примеров, чтобы окруженные войска первых эшелонов сохраняли порядок и боеспособность, достаточные для прорыва к своим в хоть сколько-нибудь приличном состоянии. По крайней мере, в ходе Отечественной войны такое не получалось в крупных масштабах ни у нас, ни у немцев.

Из исторических источников, которые здесь только на будущей неделе станут «разведданными», Шульгин знал, что уже в начале января в ходе Теруэльской операции, показавшей, что республиканцы воевать умеют, в штабе мятежников, в высоких европейских кабинетах началось нечто вроде паники.

Германский посол при Франко фон Шторер доносил в Берлин, что «красные» сумели значительно повысить боеспособность и захватили инициативу с далеко идущими последствиями.

Министр иностранных дел Италии граф Чиано доложил дуче, что из Испании приходят «плохие новости».

Командующий итальянскими войсками генерал Берти срочно вылетел в Рим с предложением полностью вывести оттуда экспедиционный корпус, так как «звезда генерала Франко уже закатилась».

Правительство «Народного фронта» Франции на всякий случай объявило об открытии границы на Пиренеях и пропуске через нее давно закупленных и оплаченных Республикой военных грузов. Это в корне меняло ситуацию. Если дорога Тулуза — Барселона заработает всерьез, эшелоны из СССР пойдут потоком, делая бессмысленной германо-итальянскую морскую блокаду.

И это всего лишь после того, как республиканцы разбили четыре дивизии неприятеля и взяли первый за всю войну хорошо укрепленный город. Как генерал Юденич в пятнадцатом году, свирепой зимой, — даже теоретически неприступный Эрзерум.

Сейчас по любой логике, пусть обычного самосохранения, испанцам следовало наступать и наступать, вводя в бой все, что возможно. Со всех фронтов стягивать ударные части, особенно танки, выгребать железной метлой тыловиков, резервистов, анархистов и поумовцев. Главное же — бросить в «последний и решительный» Интербригады, которые как раз сейчас было решено отвести в тыл. Чтобы не раздражать «Комитет по невмешательству», ну и по некоторым другим причинам внутреннего характера.

Любому толковому полководцу прежних времен было известно, не так мозгами, как *нутром*, что если чаша весов колеблется, то нужно рискнуть всем. Проиграв решительное сражение, арьергардными боями не спасешься. Оттого Суворов семитысячным войском атаковал стотысячное турецкое и по-

★

бедил. То же делали и Слащев, и Каппель, и Манштейн. Моше Даян бросил на стол все свои карты в «шестидневную». А как только теоретики после вьетнамской войны начали задумываться о «сбережении сил», об «активных вылазках» в условиях тотальной обороны, так и кончилось настоящее военное искусство.

Кроме того, в этом мире еще не наступила эпоха «спецназов». Генералы жили воспоминаниями о Мировой войне, планах Шлиффена и обоих Мольтке, старшего и младшего, миллионных армиях, под гром тысяч пушек штурмующих форты, укрепрайоны, прикрытые бесконечными рядами проволочных заграждений позиции.

Расчеты сил и средств сводились к примитивным формулам: наступающий должен иметь трехкратный перевес перед обороняющимся, любое наступление с решительными целями должно сопровождаться многочасовой артподготовкой, танки предназначены для непосредственной поддержки пехоты на поле боя и т.д.

О том, что рота хорошо подготовленных бойцов способна выполнить задачу, непосильную стрелковому корпусу со средствами усиления, догадывались очень немногие.

Даже создав свой «особый» 14-й корпус, республиканцы вместе с советскими товарищами не дошли до простейшей мысли, что не диверсиями в прифронтовой полосе надо заниматься, не поезда и автомобильные мосты взрывать, а учинять операции стратегического масштаба в глубоких тылах неприятеля. Не вершки сорняков сбивать, а выжигать корни!

Из резиденции Прието Шульгин на юрком и малоприметном «фордике», подозрительно похожем на отечественную «эмку», поехал по условно затемненному (уличные фонари погашены, но светятся окна и витрины многочисленных ресторанчиков и кафе) бульвару Лас-Рамблас. Красивейшая магистраль Барселоны, классическая архитектура, четыре ряда громадных платанов на всей ее протяженности. Летом здесь, наверное, полный восторг! Музыка, шелест листвы, ароматы, фланирующая толпа, столики под парусиновыми зонтами вдоль тротуаров.

В штабе на площади Каталонии его ждали те, кому и предстояло воплощать в жизнь его идеи, рутинные для конца двадцатого века, но революционные для тридцатых годов. Большинство военных специалистов оставались в сфере представлений Первой (и тогда единственной) мировой войны, а советские товарищи кое-как пытались приспособить к нынешним реалиям собственный или вычитанный в книгах опыт своей Гражданской, с этой имеющей крайне мало общего.

Результаты переговоров с Прието и последние свои стратегические соображения «личный представитель Сталина» Шестаков на картах и на пальцах объяснил Рокоссовскому и военным советникам меньшего калибра: пехотному, танковому, авиационному, артиллерийскому и морскому. За основу взяв свой стиль поведения с Попелем и Рябышевым в *нарисованном* сорок первом, со Слащевым на Гражданской, Берестина и Воронцова — с полководцами Великой Отечественной. Применяя и «морально недопустимые приемы». Ему-то что?

— Я вас понимаю, товарищи, но и вы меня поймите. Наверняка ведь думаете о том, что случилось

с вашими предшественниками? — Фраза была за-
предельно крамольной, кое у кого озноб по спине
пробежал и ладони вспотели. Уже слушать такое,
немедленно не донеся «куда следует», равно само-
убийству. По прошлым, впрочем, обычаям. Сейчас
линия партии, похоже, начала искривляться в дру-
гую сторону.

Ответа он, естественно, не получил. Да и какой
ответ? Каждый из присутствующих знал, куда де-
лись те, кто трудился здесь до них. Берзин, Горев,
Качанов и другие. Сегодня статья в газете, награж-
дение и новая должность со званием, а завтра нет
такого человека, и школьники всей великой страны
вымарывают химическими карандашами фамилии
из учебников, жгут в кочегарке рулоны любовно сде-
ланных совсем недавно стенгазет.

— Думаете, и правильно, что думаете. Кому что
конкретно предъявили, не знаю, и на данный мо-
мент мне это неинтересно. А вот то, что под их чут-
ким руководством ярких побед не случилось, это
факт. И товарищ Сталин с подачи ныне разобла-
ченного Ежова вполне мог поверить, что без троц-
кистов и фашистов не обошлось. Потому и поручил
мне переломить ситуацию. Советская страна не на-
столько еще богата, чтобы отрывать у нашего наро-
да миллионы, которые бессмысленно сгорают здесь
на полях сражений. Я не собираюсь никого пугать,
намерен работать с вами. Ни один человек без мое-
го разрешения (или приказа) отсюда отозван, тем
более репрессирован, не будет. Мы или вместе по-
бедим, или вместе проиграем. Причем я намерева-
юсь победить в ближайшее время. Другого столь
благоприятного момента может не представиться.

Давайте, товарищи, покажите, кто на что спосо-
бен всерьез. «Аркольский мост» перед вами, образ-

но говоря. Сейчас такой нам выпадает шанс, что, как в сказке, можно добиться сразу всего...

Он считал, что говорит и поступает правильно. Тут и некоторая доля обычного советско-большевистского пафоса, и намек на то, что каждому предоставляется шанс сделать блестящую карьеру при достаточных гарантиях личной безопасности. Приблизительно ту перспективу он открыл советникам, что Сталин своим генералам после поражений сорок первого: дай результат — и станешь хоть маршалом, невзирая на происхождение, прошлые заблуждения и дефекты в анкете.

— Мы в конце концов мужики, командиры или кто? — перешел он на простецкий, но отдающий металлом тон, расхаживая с дымящейся сигарой по кабинету. — Битые немцы, никчемные вояки итальянцы, марокканцы и прочая шелупонь — разве это противник? Немного фантазии, непреклонная решимость — и все! Помните, как в девятнадцатом белые сломались разом и побежали от Орла до Новороссийска? Так подальше было, чем от Тереуля до Бильбао. Насколько? — указал он сигарой на советника Малиновского (дона Малино).

— В три раза примерно, тысяча триста километров против пятисот.

— Совершенно верно. Так что все в наших руках... Одним словом, вы тут подумайте, через час я вернусь. Надеюсь увидеть окончательный и согласованный план победы.

Он встал, собираясь пройти в другое помещение, где ждали его люди, которых на это совещание он не счел нужным пригласить.

— Разрешите обратиться, товарищ Шестаков, — поднялся со своего места полковник Павлов, советник танковых войск, круглоголовый, наголо выбри-

★
тый мужчина с усиками щеткой и тяжелым внимательным взглядом.

Хороший командир и специалист, пока, правда, максимум дивизионного уровня. Грубый, упорный, но мало самостоятельный. От чрезмерного желания угодить Москве в должности командующего Белорусским округом проигравший приграничное сражение, зря, под горячую сталинскую руку, расстрелянный уже в июле сорок первого. С гораздо большими основаниями можно было бы расстрелять Жукова, но тот вывернулся.

— Обращайтесь.

— Вы лично мне разрешаете отозвать все наши танки со всех фронтов и использовать их на Теруэльском направлении?

Вот она, его беда. Распоряжение ему нужно. Какой же из тебя в таком случае «советник»?

— Дайте мне ваш командирский блокнот, товарищ Павлов...

Павлов расстегнул полевую сумку и подал требуемое.

На чистой странице, с положенным номером и грифом Шульгин начертил остро отточенным красным карандашом: «Не только разрешаю, но и приказываю полковнику Павлову предпринять все входящие в его компетенцию действия для обеспечения поставленной задачи».

Усмехнулся, покачивая острием над листом, и добавил цитату из Петра Первого: «Не держись указов, аки слепой стенки. Ибо в них только случаи означены, а не настоящие обстоятельства...»

— Подумайте на досуге, Дмитрий Григорьевич, мой вам дружеский совет. Если не вникнете — можете плохо кончить. Вы, Константин Константинович, проследите, чтобы никаких «трений» не воз-

никло, — сказал он Рокоссовскому. И подумал мелко, как оно на будущей карьере великого полководца скажется — что не в тюрьме ему два предстоящих года сидеть, а армиями командовать? Насколько талант его расцветет? Или вдруг завянет, поскольку именно тюрьмы ему и не хватит для окончательной кристаллизации?

А Павлов пусть думает. И Дельфийский оракул, и Кассандра примерно так и предсказывали. Туманно, но угрожающе.

В другой комнате, где на столах были разложены крупномасштабные карты центральной Испании и подготовленные лично Шульгиным информационные материалы, его ждали командир отдельного 14-го корпуса коммунист полковник дель Вайо, советники по разведывательно-диверсионной работе Мамсуров и Старинов. А также начальник личного спецназа Шестакова Гришин, теперь располагавший серьезными силами. Связавшись с Заковским, Шульгин добился переброски самолетами еще сорока бойцов «особых специальностей».

Четырнадцатый республиканский корпус, сформированный в декабре 1936 года, насчитывал до 5 тысяч человек, сведенных в семь бригад, рассредоточенных по Каталонскому, Центральному и Южному фронтам. Корпус имел две собственные школы в Барселоне и Валенсии, где готовились подрывники, снайперы, радисты и люди других нужных специальностей под руководством тех самых, не успевших попасть «под ликвидацию» советских профессионалов. О качестве подготовки говорил тот факт, что при множестве успешных акций по преимуществу на занятой мятежниками террито-

рии корпус потерял за все годы войны всего лишь 12 человек. Да и сам его старший инструктор, ныне пока майор Старинов, поучаствовав в пяти войнах, скончался в возрасте ровно ста лет, написав интереснейшие мемуары, большая часть которых засекречена до сих пор.

— Ознакомились с обстановкой, товарищи? — спросил Шульгин, присаживаясь на край стола и раскуривая очередную сигару. — Вы, компаньеро дель Вайо, сумели собрать своих бойцов в один кулак?

— Да, компаньеро Алехандро, — полковник указал на карте небольшой городок западнее Лериды, километрах в тридцати от линии фронта, прямо напротив одного из главных опорных пунктов франкистов, Сарагосы. — Полторы тысячи лучших. Остальные слишком далеко или заняты в других операциях мелкими группами. Но здесь мы сможем находиться не более суток, иначе утечка информации неизбежна. Найдется, кому донести и «своим», и на ту сторону.

Умное, симпатичное лицо тридцатилетнего комкора скривилось от сдерживаемого отвращения и ненависти.

— Управимся...

Шульгин, будучи по натуре именно спецназовцем — когда индивидуалом, когда вдохновителем и организатором батальона Басманова, позже — руководителем одновременно белой и красной контрразведок, что выглядело парадоксально, но весьма эффективно (ведь это очень удобно, когда противостоящие силы управляются одним человеком, ис-

ключается глупый параллелизм и ненужные потери), — находился сейчас в своей стихии.

Вернувшись из сталинской Москвы и «полета» в другие измерения, он знал, что делать, и имел необходимую материально-идеологическую базу: деньги, что не слишком важно, но полезно, не проходящее ни по каким учетам оружие в достаточном количестве, а главное — информацию.

Полторы тысячи бойцов дель Вайо, по мнению Мамсурова и Старинова, были вполне подготовлены для выполнения операций «первого уровня». Пусть и не так, как немецкий батальон (позже полк) «Бранденбург» времен Второй мировой, но несравненно лучше, чем франкистские полевые части. Главное же — солдаты корпуса были *идеологически ориентированы*. Они действительно были готовы сражаться и умирать за идею, что на войне — главное.

Мамсуров и Старинов, кроме того, располагали каждый примерно сотней людей более высокого уровня подготовки. Своих, второй год работавших инструкторами у испанских товарищей, и интернационалистов с опытом службы в аналогичных подразделениях стран, из которых приехали. В Мировую войну и позже.

У Гришина теперь было пятьдесят бойцов, тоже весьма квалифицированных в делах, которые «приличные» люди считают «неприличными».

— Итак, товарищи, на фронте с завтрашнего дня случится то-то и то-то, — указал на карте, что именно, не вдаваясь в подробности. Люди грамотные, то, что им требуется, поймут. — Надеюсь, успешно. В любом случае франкисты завязнут прочно на неделю, а то и больше, даже если полевые войска не оправдают моих надежд. Нам этого хватит.

Пригласите, — указал он пальцем на дверь самому младшему по возрасту и званию Гришину. По причине секретности совещания адъютантов здесь не полагалось.

В кабинет вошли два комиссара Интербригад, немец Рейнгольд Фраш и итальянец Джакомо Бизлери. Несмотря на то что в Крыму Шульгин ожесточенно воевал с большевиками, здесь он доверял именно коммунистам. По названной выше причине.

— Садитесь, товарищи. У вас все готово?

По испанскому да и русскому обычаю приглашенным предоставлены были вино, водка, прочие напитки и табачные изделия. Иначе — неуважительно.

Товарищи должны были обмундировать, вооружить и нужным образом сориентировать по сотне надежных бойцов, которые будут изображать соотечественников из легиона «Кондор» и ударной дивизии чернорубашечников¹ «Черное пламя».

— Готово, компаньеро Алехандро.

— Транспорт?

— Имеем двадцать грузовиков и автобусов с итальянской и франкистской маркировкой. Горючего полные баки. Остальное возьмем там.

— Хорошо. Начало операции назначаю на двенадцать часов завтра. Вы, товарищи, — обратился он к Мамсурову и Старинову, — координируя действие своих отрядов с батальонами компаньеро дель Вайо, скрытно пересекаете линию фронта, выдвигаетесь южнее и севернее Сарагосы и начинаете неограниченную диверсионную войну на коммуникациях, линиях связи и в местах дислокации гарнизонов мятежников. Именно неограниченную! Чтобы пошел настоящий шум и паника! Да что мне

¹ Аналог немецких эсэсовцев.

вас учить? Желательно десятку-другому мелких групп просочиться в саму Сарагосу, учинить там деморализующие беспорядки. Соответствующее снаряжение вам будет предоставлено к утру.

Общая задача — нанести противнику максимальный психологический ущерб и заставить его начать переброску на север своих мобильных подразделений. Или, наоборот, осуществить стремительный отход. Это несущественно. Главное, чтобы сложилось впечатление, что республиканцы начали генеральное наступление под прикрытием отвлекающей Теруэльской операции. Небольшой вопрос к вам, товарищ дель Вайо. Как этого можно добиться с вашими силами? Только не думайте, что я вас экзаменую, мне просто хочется узнать, совпадает ли ход наших мыслей. Очень важно, если союзники понимают друг друга без слов.

При этом он незаметно подмигнул Старинову. Этого человека он видел в документальном фильме восьмидесятилетним, а сейчас перед ним сидел подтянутый, достаточно молодой и симпатичный командир. Ему можно доверять безоговорочно, вся последующая жизнь тому порукой.

Тот понимающе кивнул:

— Я так думаю, товарищ Алехандро, нам следует добиться, чтобы до противника ни в коем случае не доходила реальная информация. Только панические слухи. Как это сделать — я знаю.

— Совершенно верно. Причем наверняка лучше, чем я. Здесь ваша страна, ваш народ и ваш враг. Подробности меня не интересуют. Общее руководство возлагается на вас и товарища Мамсурова. Товарищ Старинов отвечает за техническое обеспечение. Не смею больше задерживать. С этого момента связь со мной только по радио.

★ Для этого Шульгин сумел раздобыть и доставить в Барселону десять американских радиостанций, работающих на волнах, не совпадающих с теми, что доступны рациям франкистов и немцев. Так что говорить можно было и открытым текстом, не затрудняясь шифрами и кодами.

Отпустив командиров, он попросил задержаться комиссаров-интернационалистов. Гришин, конечно, тоже никуда не ушел.

Шульгин чувствовал себя порядочно усталым, но дело следовало довести до конца.

— Вам все понятно, товарищи?

Товарищи согласно кивнули головами, только педантичный немец поинтересовался, отчего не было сказано ни слова о том, где и как предполагается использовать их отряды и кому они должны подчиняться.

— Для этого я вас и оставил. Общий план действий вам теперь понятен, а о частностях...

По замыслу Шульгина, если Теруэльская операция разрабатывалась как отвлекающая мятежников от Мадрида, то диверсионный набег на Сарагосу должен был, кроме чисто военных целей, замаскировать самое главное.

Отряд в двести немецких, итальянских, русских и испанских «рейнджеров» он намеревался в течение завтрашнего дня сосредоточить в районе городка Барбастро, недалеко от самого спокойного, потому что труднопроходимого, участка линии фронта, проникнуть на франкистскую территорию по склонам Сьерра-де-Гуара в сторону Уэски, ударом с тыла уничтожить посты и заставы, прикрывающие дорогу Лерида — Уэска — Памплона. Затем под видом

германо-итальянского отряда рвануть на северо-запад, обеспечив, естественно, полную внезапность и секретность акции.

— Обеспечьте выдвижение ваших отрядов. Встречаемся вот здесь, — он указал карандашом точку на карте, — в двадцать ноль-ноль. Я лично прибуду, чтобы вас проводить...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Здорово вы всем мозги запудрили, Григорий Петрович, — с искренним уважением сказал Гришин, когда они наконец остались одни. — Я и то теряюсь, чем же мы по-настоящему будем заниматься...

Он имел в виду истинную роль своего отряда, потому что опыт не слишком долгого общения с начальником ему подсказывал — слова и дела того, как правило, расходятся достаточно сильно. Да и предыдущая служба научила смотреть на вещи под несколько иным углом, чем обычные люди.

— Пока будем ехать — расскажу. Ты вот что, распорядись, чтобы хоть яичницу поджарили, что ли. Зверски оголодал, весь день пустяки всякие, то ломтик хамона, то кусочек сыра. Пусть ко мне в номер принесут...

— С салом?

— А есть? — Представив шкварчащее на сковороде настоящее сало, он не удержался, сглотнул слюну.

— Как не быть. И яиц — три, четыре?

— Можно и пять. А Буданцев где?

Иван Афанасьевич, пока не нашлось ему настоящей работы, по собственной инициативе изображая мелкого сотрудника интендантской службы, вращался в среде примерно такого же ранга товарищей,

прибывших сюда раньше него. Знакомился, интересовался образом жизни и «возможностями», благо внешность у него была такая, что заподозрить его в чем-то, кроме желания выпить на халяву стакан казенного спирта или придраться к неразборчивой записи в инвентарной книге, было невозможно. На самом же деле он создавал собственную агентурную сеть: из наших сотрудников, из испанцев, начиная с гостиничной obsługi и до высокопоставленных полицейских, курировавших отель и его обитателей. Кого за деньги *привлекал*, кого на энтузиазме. Грош цена тому оперу, у которого *на связи* не имеется полутора-двух десятков надежных осведомителей. И на *малинах* такие бывают, и в тюремных камерах...

— По городу бегают. Испанский учит...

В голосе оперативника Шульгину слышалось осуждение. Или — ревность.

— Пусть бегают. Тебе до него... — Сашка не стал уточнять. Чтобы лишний раз не осложнять взаимоотношения. Ограничился нейтральным: — Когда сам ромбик в петлицу заработаешь, тогда и будешь контролировать...

— Так он что, майор? — удивился Гришин. Для него в рамках госбезопасности, к которой принадлежал, данное звание казалось недостижимой вершиной.

— А ты думал — в натуре, бухгалтер? В общем, объявится, скажи, чтобы ко мне зашел.

Плотно поужинав, Шульгин снова заснул без вызвавших бессонницу мыслей.

Выехали не слишком рано, после девяти. Даже по здешним дорогам двести километров — не очень серьезное расстояние. Гришин раздобыл два грузо-

вика и три санитарных автобуса «Фиат» из недавних республиканских трофеев. Сам Сашка сел за руль «фордика», Гришин рядом, с автоматом «томпсон» на коленях.

Утро было сырое и туманное, достаточно теплое, приморское, но как только дорога пошла в гору, начал срываться сухой снег, задул ветер, резко похолодало. Кое-где попадались участки гололеда, на открытых местах порывы шквалистого ветра грозили сбросить машину на обочину или прямо в обрыв, так что жестко связанный с колесами руль приходилось удерживать изо всех сил. Отнюдь не легкая прогулка, а серьезная работа. На приличном джипе с гидроусилителем и движком лошадей на двести помощнее ехать было бы куда приятнее. И говорить на серьезные темы тоже.

В экспедицию Шульгин взял всех своих бойцов, снаряженных и вооруженных из расчета автономных действий в тылу врага в течение недели, а там или операция завершится тем или иным образом, или можно будет перейти на иждивение противника.

Собственный опыт и многочисленные учебники, справочники и наставления, касающиеся теории и практики подразделений спецназа, партизанской и контрпартизанской деятельности Второй мировой и сорока лет последовавших за ней локальных войн, весьма способствовали разработке плана, заведомо обреченного на успех.

Для усиления новичков, умелых, но понятия не имевших об особенностях ТВД¹, о местных условиях и обычаях, Мамсуров передал в его распоряжение пять человек из своего контингента, уже отвоевавших в франкистских тылах по году и больше, знав-

¹ ТВД — театр военных действий.

ших язык и массу специфических деталей. Интербригадовцы выделили в помощь трех немецких товарищей, заслуживших хотя и мелкие, но офицерские чины в Первую мировую и помнящих, каким образом нужно разговаривать хоть с соотечественниками из легиона «Кондор», если они вдруг встретятся на пути, хоть с фалангистскими союзниками. И двух итальянцев на тот же самый случай.

Кроме того, Шульгин озаботился тем, чтобы до пункта сосредоточения их сопровождал бронеавтомобиль Республиканской штурмгвардии. Для обеспечения взаимодействия в прифронтовой полосе с чересчур бдительными товарищами из контрразведки и полупартизанских формирований каталонских профсоюзов.

Сама по себе задача сложной не представлялась. Местность, намеченная для форсирования линии фронта, совсем не подходила для операций даже дивизионного масштаба и с обеих сторон прикрывалась преимущественно патрулями на горных тропах. В полосе более шестидесяти километров шириной не было вообще ни одного населенного пункта, а подходы к расположенному на пересечении трех плохо шоссированных дорог городу Уэска с севера преграждали несколько отрогов господствующей над местностью двухкилометровой горы Гуара.

Имеющим опыт действий в подобных условиях бойцам не составит особого труда открыть выход отряду на оперативный простор.

На въезде в городок, похоже, не изменившийся со времен Сервантеса и Дон Кихота, куда они добрались уже в темноте, их ждали.

Машины интернационального испано-германо-

итальянского батальона запрудили узкие улочки и длинную террасу над речкой Альканадре. Шульгина и Гришина посыльный, уже переодетый в мундир франкистского лейтенанта, провел в нижний зал таверны на постоялом дворе, где все — забор, главный дом, флигеля и службы — было сложено из серого, выветренного камня лет триста или пятьсот назад. Двор был вымощен тем же камнем, как и площадь перед ним с единственным корявым каштаном посередине.

Когда-нибудь в будущем это будет приводить в восхищение европейских и азиатских туристов, а пока что наводило на мысли о давно и навсегда остановившемся времени.

Зато с военной точки зрения все обстояло хорошо. Нет электричества, нет телефонной связи. И почти наверняка отсутствуют франкистские агенты, снабженные батарейной рацией, которые могли бы передать на ту сторону информацию о появлении крупного вооруженного формирования.

Местные жители, испокон веку приученные не доверять никому, включая обитателей соседних деревушек, заперли тяжелые двери и ставни, предпочитая не знать, что за войска вошли в город и за чем. Франкисты, республиканцы — какая разница?

— Буэнос ночес, компаньерос, — сказал Шульгин, подсаживаясь к длинному деревянному столу, на котором, кроме тарелок с закусками, кувшинов с вином и медной керосиновой лампы, была предусмотрительно разложена карта-километровка. Здесь заседали, потягивая густое темное вино, Фраш, Бизлери и совсем молодой испанский командир, как и его порученец, одетый в франкистскую, щеголеватую в сравнении с республиканской, офицерскую униформу. На нашей Гражданской тоже так

★ было. Похоже, до прихода «компаньеро русо» союзники о чем-то жарко спорили.

Сашка за время дороги вымотался основательно. Двести километров за рулем легковой машины дались труднее, чем когда-то шестьсот на мотоцикле. «Старею, наверное», — усмехнулся про себя, указал Гришину на место рядом, кивнул на полевую сумку. Немедленно появилась бутылка «Московской» водки и батон одноименной колбасы. Мол, у вас свое, у нас свое — сравним, что лучше. Немец мгновенно оживился, он-то понимал толк в «настоящих» напитках, южане лишь пригубили, больше из вежливости.

В течение часа союзники наконец-то получили представление о подлинном плане операции. Поначалу он поразил их своей авантюрной наглостью. Но в ходе обсуждения деталей согласились, что, пожалуй, сработает.

Рано-рано, под конец, флотским языком выражаясь, «собачьей вахты», между тремя и четырьмя утра, начал выдвижение передовой отряд — тяжелый немецкий броневик «231», разрисованный всеми необходимыми эмблемами и номерами, на бронедесант из пятерых немцев и двух испанцев. В те времена подобное не практиковалось, но тем хуже для неприятеля. Следом шли два грузовика, в тентованных кузовах по пятнадцать человек, опять же немцев и итальянцев в нужном обмундировании, все вооружены исключительно «томпсонами», других подходящих к задаче автоматов тогда в мире не было. За ними — автобусы с основной ударной силой, еще семьдесят бойцов, автоматы, много ручных пулеметов, ящики гранат, по преимуществу русские

«Ф-1» и немецкие наступательные с длинными ручками.

Испанские гвардейцы аккуратно отвели в сторону гарнизон республиканской заставы, вежливо, но под стволами объясняя, что сейчас тут начнется другая работа. И поучаствовать в ней они могут, громко крича что угодно, стреляя в воздух и в направлении собственного тыла. Но ни в коем случае не покидая позиции и потом никому ничего не рассказывая. Как умеют штурмгвардейцы поступать с непонятливыми, знали все.

Тут же бойцы десантной группы начали разбрасывать, вручную и с помощью метательных устройств, десятки взрывпакетов, крайне мощных, звуком и яркостью пламени похожих на разрывы артиллерийских и минометных снарядов.

Примерно километром сзади подобный концерт устроила группа прикрытия. Масса осветительных ракет над дорогой, захлебывающиеся пулеметные очереди и взрывы, взрывы. Даже опытному в военном деле человеку спросонья вполне могло вообразиться, что с республиканской стороны с боем прорывается какая-то часть, а неприятель оказывает сопротивление как раз в меру своих боевых возможностей.

Франкисты знали, что у республиканцев границу держат примерно две роты, у них самих было почти столько же. Две роты марокканцев и неполная рота мобилизованных из Эстремадуры крестьян. В их сторону пули и снаряды не летели, а о том, что это может оказаться «военной хитростью», даже кадровый испанский капитан, не говоря о марокканских офицерах, догадаться не успел, вернее, ему подобное и в голову не пришло по причине специфического менталитета.

Поэтому, когда сбивая рогатки, обмотанные колючей проволокой, через не слишком глубокий ров, пересекающий дорогу, перевалился, завывая мотором, немецкий броневик, тяжелые пулеметы из фланкирующих бункеров стрелять не стали. Хотя «гочкисы» могли с двадцати метров порубить двенадцатимиллиметровую броню в клочья и еще худшее учинить с грузовиками и автобусами.

Немцы-десантники кричали на своем языке, испанцы — по-испански, итальянцы добавили в общий хор эмоционального накала: «Хох!», «Арриба, Эспанья!», «Дуче семпре рачионе!», «Пассеремос!», «Кончайте стрелять, придурки, тут все свои!» — создавая полную картину успешного прорыва ударного подразделения из тылов противника, возможно, обозначающего окружение Восточного фронта противника.

Отважные бойцы посыпались из кузовов, бросились пожимать руки и обниматься с боевыми друзьями, к которым пробивались так долго. Правда, будь капитан чуть понаблюдательнее, успел бы сообразить, что «камрады» уж очень аккуратно одеты для солдат, с боями преодолевших не одну сотню километров. И отчего на машинах, если позади еще гремит пехотный бой? По правилам надо бы наоборот.

Впрочем, на такие штуки легко покупались и советские солдаты и офицеры в сорок первом. Трудно думать о плохом, когда перед тобой — хорошее. А через секунды в ход пошли ножи, пистолеты, ручные гранаты и автоматы.

За несколько минут несколько домов, приспособленных под бункеры, площадки и проходы между ними, пулеметные гнезда были завалены трупами.

На третий год войны взаимное ожесточение дос-

тигло такого накала, что и в обычных боях пленных брали достаточно редко, а марокканцы республиканцев — вообще никогда. Спецназу, уходящему в глубокий рейд по тылам, они тоже ни к чему.

Только капитану Барсело было позволено остаться в живых, под честное слово. Он указал на карте расположение батальона, занимавшего позиции в пятнадцати километрах позади, между Ангузсом и Уэской, имя его командира и позывной.

Телефоны тогда были плохие, голос передавали с большими искажениями, и республиканский офицер от имени капитана доложил, что с вражеской стороны к его заставе пробился германо-итальянский отряд, якобы выполняющий особое задание. Преследующие его коммунистические части отсечены и остановлены. Отряд на пяти машинах, имея при себе убитых и раненых, движется к Уэске. Просьба встретить и оказать необходимую помощь, так как застава таких возможностей не имеет.

Свое обещание республиканский офицер сдержал, капитан был отправлен с сопровождающим в тыл, а отряд, дождавшись подхода обеспечивающей группы, уже как бы легально двинулся на запад.

В это же время, не дожидаясь результата штурма заставы, три сводных взвода под общим командованием Гришина форсированным маршем двигались в сторону Уэски, обходя ее с севера. Двадцать километров по горным тропам при наличии проводника из местных не так уж много, хотя и несли бойцы на себе двухпудовую выкладку оружия и боеприпасов. Продовольствия — по банке свиной тушенки, полкило хлеба, две плитки шоколада, фляжке крепкого чая и фляжке коньяка. Шульгин шел

на равных, только без груза — автомат на ремне, бинокль, пистолет и подсумки.

Первый бросок — пятнадцать километров, переменным аллюром: бег — быстрый шаг — снова бег.

На получасовом привале он получил сообщение от штурмовой группы, что она вышла на подступы к первой линии прикрытия города. Без потерь. Сашка приказал по возможности уничтожить ядро обороны без особого шума, а потом, заняв окопы и укрепленные узлы, развернуть тяжелое вооружение фронтом на запад и устроить «настоящий шум». Одновременно от имени старшего офицера доложить в штаб гарнизона Уэски, что крупные силы республиканцев силами более полка непрерывно атакуют и возможности держаться почти исчерпаны. В истерическом тоне требовать немедленной помощи, заявляя, что не позднее чем через час батальон будет уничтожен — или немедленно начнет отступление.

В этой «авантюре» ничего выдающегося не было для человека, знающего «неслучившееся прошлое» и «условное будущее». Любой толковый офицер в *наше* время понимает, что двести хорошо подготовленных и вооруженных автоматическим оружием рейнджеров за полчаса способны практически без потерь перебить восемьсот вражеских солдат, захваченных врасплох, малограмотных во всех смыслах, то есть неспособных оценивать обстановку и принимать хоть какие-то решения, кроме диктуемых спинным мозгом. Особенно ночью. По ночам не воевали даже немцы вплоть до сорок второго года.

Старые винтовки, ровесницы нашей «мосинки» — тоже не оружие в скоротечном ближнем бою.

Не говоря о Каховском сражении, где дивизия корниловцев и батальон Басманова днем в открытом поле разбили целую армию красных, в анналах

истории имеются примеры взятия немецкими десантниками форта Эбен-Эмаэль и Крита, японцами — Сингапура. Сингапур, кстати, англичане считали действительно неприступной крепостью, многократно более мощной, чем Севастополь и Порт-Артур (которые, к слову, оборонялись почти по году), но позорно сдали его через неделю. Как и французы свою «линию Мажино».

В начале «настоящей» Отечественной немецкие штурмовые отряды тоже ухитрялись захватывать стратегические мосты и укрепайоны смешными, по сравнению с обороняющимися, силами.

Сидя на выступе плоского камня под прикрытием густого местного кустарника, Шульгин, подсвечивая фонариком, указывал Гришину на карте:

— Смотри, вот очередная наша фишка. В течение трех-четырех часов максимум, когда рассветет, франкисты из Уэски начнут, по моим предположениям, выдвигаться на помощь своему гибнущему (уже погибшему, на самом деле) батальону...

— Простите, Григорий Петрович, а если не начнут? Вы знаете лично начальника ихнего гарнизона? Что он за командир? Вдруг предпочтет занять оборону, плюнув на своих? В тепле, в каменных зданиях, под прикрытием артиллерии. Зачем ему лезть черт-те куда в такую погоду, без знания обстановки? Это же испанцы. Может, дозор вышлет, а то и скажет — отступайте, как сумеете!

— И так может случиться, — согласился Шульгин. — На этот случай предусмотрен другой вариант. Одним испанским взводом наши будут до последнего имитировать бой, подожгут все, что можно, из трофейных пушек начнут обстрел окраин города, а немцы с итальянцами втихаря обойдут Уэску и, изображая подход резервов, атакуют франкистов с тыла, имея целью прежде всего штабы и пункты

боепитания. При тамошней топографии и архитектуре у обороняющихся минусов больше, чем плюсов...

Шульгин знал, о чем говорил. Компьютерно моделируя все этапы операции, он убедился, что засев в прочных, на вид неприступных средневековых зданиях, мятежники полностью потеряют контроль над городом. Узкие, двух-трехметровой ширины улицы, окруженные сплошными стенами домов и каменными заборами, легко блокируются с перекрестков пулеметами, после чего любая возможность вылазок обречена на провал. Эти города и городки на Пиренеях строились в расчете на оборону в реалиях XIII—XIV века. Тогда действительно несколько воинов с мечами и алебардами, прикрываясь щитами, могли полдня отмахиваться от каких-нибудь сарацинов или мавров в устье каменной кишки, а их жены и дети из окон и с крыш лили на головы врагов кипяток, расплавленную смолу, швыряли камни и черепицу. А тем и бежать некуда, и укрыться негде.

Теперь же все наоборот. Невозможно, поодиночке выскакивая из дверей, по-прежнему узких, за короткое время собрать приличную группу, способную атаковать вдоль каменной щели, где не только прицельные, но и шальные, рикошетные пули находят свою цель. В чистом поле развернутой цепью можно пробежать живым сотню метров до вражеских позиций и сцепиться врукопашную, а здесь — никак!

— Пока ребята будут блокировать город, позволив гарнизону оттянуться в самую укрепленную и неприступную его часть, Громов и Сиснерос¹ уда-

¹Идальго де Сиснерос — главком ВВС Испанской Республики.

рят по обозначенным ракетами объектам всеми своими «СБ» и «Потезами».

— Что это даст нам? — практично поинтересовался Гришин, которому вопросы большой стратегии были не слишком интересны и понятны.

— Единственно — безопасность. Мы с вами фактически не существуем, разве что в сознании нескольких человек, случайно задумавшихся, что там за люди крутились вокруг штаба Главного советника. Да и то сомневаюсь, что на фоне прочего мы привлекли отдельное внимание. Запомните, Роман, еще Честертон писал: «Где умный человек прячет камешек? На морском берегу. А где умный человек прячет лист? В лесу...»

Совершенно неожиданно старший лейтенант проявил несовместимую с возрастом и должностью эрудицию:

— Если нет леса, он его сажает. И, если ему нужно спрятать мертвый лист, он сажает мертвый лес...

Шульгин, вспомнив свою молодость, шестьдесят восьмой год и букинистический магазин рядом с Политехническим музеем, изобразил аплодисменты, не сводя, впрочем, ладони.

— Поражен вашей эрудицией, Роман. Что ли в советской неполной средней школе почитывали?

Гришин или не понял, или пропустил мимо ушей иронию, прозвучавшую в голосе большого начальника.

— Да нет, Григорий Петрович. Когда мы стояли в Карши в тридцать первом, там у единственного русского человека, деда лет шестидесяти, бывшего акцизного чиновника, попался мне толстый том Честертона. И за неимением ничего иного я его за год почти наизусть выучил. Умнейшая книга...

— Точно как «Справочник Гименея» О. Генри, — рассмеялся Шульгин.

— О. Генри? Никогда не слышал...

Вот главное зло несистематического образования и случайной эрудиции.

— Вернемся живыми, дам почитать. Станешь ровно вдвое умнее.

Чекист усмехнулся — кто его знает, соглашаясь или наоборот.

Сашка чувствовал себя великолепно. Государственным деятелем уровня Молотова, а то и выше, быть, конечно, интересно, увлекательно, и с товарищем Сталиным на равных поиграть — тоже способствует самоуважению. Однако простым рейнджером — куда как лучше.

Сразу видно, что ты собой представляешь, помимо привходящих обстоятельств, сверхъестественных помощников и не тобой разработанных схем. Сейчас сидят рядом и вокруг молодые парни, лет на десять-пятнадцать моложе, а прикажет он, докурив сигарку, бежать дальше, до упора, до места, до крайнего предела сил — и побегут. А он, если обстановка потребует, сможет выходить в голову колонны, задавая направление и темп, возвращаться к арьергарду, подгоняя отстающих, взять у самых слабых автоматы, развешав их по плечам, по два-три на каждое, и опять вперед. Сил хватит, он это знал.

— А все-таки, Григорий Петрович, в чем заключается наша задача? Я, после вас, старший здесь командир, хотелось бы знать. Всякие случайности бывают, и как тогда?

— Очень ты правильно сказал, Роман. Случаи, они всегда летают, словно пули. Одни под них подставиться рискнули, и ныне — кто в могиле, кто в

почете. Дойдем до нужного места — все расскажу. А сейчас — общий подъем! Бегом — марш!

Бежали, пока позади и слева полностью не затихли звуки отдаленного боя. И еще почти час в тишине.

За спинами небо начало ощутимо светлеть. Пора сделать долгий привал. У последнего перед выходом на плоскогорье хребта проводник указал на черную даже на фоне темных скал расселину.

— Здесь. Отдохнем безопасно.

Прирожденный горец едва переставлял ноги, а Шульгин пока еще был достаточно бодр.

— Хорошо. Привал. Шесть часов и горячая пища. Займись, Гришин. Закончишь — подойди ко мне. Обсудим дальнейшее...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Весь свой стратегический план Шульгин продумал задолго до того, как начал претворять его в жизнь. Какими-то деталями на Валгалле, во многом — очутившись первый раз в Испании, и, окончательно, беседуя с Антоном после всех своих скитаний по Сети. Только не был он еще подобающим образом расписан в качестве боевого приказа.

Пошлифовал с использованием ростокинского компьютера, пребывая в мире 2057 года, там и времени, и полета воображения хватало. Документов тоже. Пусть в их истории такой войны не существовало, зато в достатке имелось географических карт, планов городов любой проекции и степени детализовки, объемных, если нужно, с точностью до дома и положения дерева на улице. И не только современных, столетней давности тоже.

Стремительный, шокировавший не только франкистов, в гораздо большей мере — их союзников, захват отрядами спецназа и Особого корпуса Уэски и Сарагосы немедленно изменил картину войны. Она перешла в иное, непонятное большинству ее участников качество. Удержать города, которые являлись ключами обороны огромной, жизненно важной для обеих сторон территории десантники, конечно, не могли, но панику среди франкистов поднимали нешуточную. Начались, как всегда бывает при внезапном поражении, склоки, дискуссии, разборки, причем на тех командных уровнях, которые не в состоянии принимать немедленных, оперативных решений.

По проложенной спецназовцами дороге в Уэску следующим днем было переброшено еще два полка республиканской пехоты, занявших оборону по западным окраинам города. Теперь открывалась новая, гораздо более удобная коммуникация для прямой связи с Францией. А это означало окончательный прорыв блокады. Правительство Леона Блюма больше не могло продолжать игру в «невмешательство», рискуя социальным взрывом в собственной стране.

Два армейских корпуса республиканцев двигались к Сарагосе по шоссе, тоже контролируемом диверсантами полковника дель Вайо. То, что не удавалось в течение целого года кровопролитных боев, сейчас осуществилось как бы само собой.

Самое главное — Франко и его генералы окончательно утратили инициативу. Как генерал армии Павлов в первые дни Большой войны. Они просто не понимали, откуда может последовать следующий удар и где сосредотачивать силы. Любая рокировка втянутых в сражения дивизий немедленно откры-

вала новые дыры на не менее угрожаемых направлениях.

Идеальным для них решением было бы стянуть все свои войска Восточного фронта, все без исключения, в район Сигуэнсы. Перегруппироваться, в меру сил восполнить потери, создать артиллерийские и танковые кулаки. После чего просто ждать. Помощи от немцев и итальянцев, как привыкли, а если таковой не поступит — останется возможность, выявив направление наступления республиканцев, дать им генеральное сражение. А там: или — или! Лучше ужасный конец, чем ужас без конца! Благо рельеф местности исключал стратегические неожиданности. Старая Кастилия — не Южная Украина.

Увы, присланные Гитлером на помощь союзнику командиры были совсем не того калибра, что вдруг потребовала надвигающаяся катастрофа. Ни немец фон Шторер, ни итальянец Роатта в подметки не годились Манштейну, Роммелю, русским Брусилову, Юденичу, Слащеву, из нынешних — Рокоссовскому с Шульгиным. Немцы еще не додумались до «блицкрига», вернее, не подступили даже к первым опытам его практической реализации. Итальянская армия, как острили в Первую мировую, существует только для того, чтобы было кого бить австрийцам. Она и побежала первой. В самом буквальном смысле. Подавая хороший пример тем, кого взылась поддерживать.

Полковник Павлов оказался плох на превышающей уровень его компетентности должности комфронта, но танковым комбригом оказался великолепным. Получив карт-бланш от Шульгина, он сосредоточил сотню «Т-26» и французских «Рено» неподалеку от Гвадалахары в качестве главного ре-

зерва на случай неожиданного удара франкистов на Мадрид, строго запретив командирам выдвигаться за линию своих пехотных позиций. Не поддаваться на требования, исходящие с любого уровня руководства, использовать танки менее, чем батальоном, и обязательно под командованием штатного командира. Хватит, пятьсот танков сожгли, атакуя вражеские батареи прямой наводки под приветственные крики «братьев по классу», из окопов вылезать не желающих.

Зато сто пятьдесят танков «БТ-5» и «БТ-7» он собрал в мощный кулак, посадил на броню и в машины обеспечения два батальона десанта и по специальной команде бросил их вроде бы в пустоту. Нет, не вроде бы, именно в пустоту, где его никто не ждал и сопротивления оказать не мог. Ничем.

Впервые в своей короткой жизни (исторической) эти красивые, как автомобили из модного салона, танки, мощные и скоростные, выполнили свое предназначение. Еще раз немногие уцелевшие «бэтэш-ки» показали себя на маньчжурских полях в сорок пятом, доказав, что строили их не зря. Только отцы-командиры в сорок первом не сумели распорядиться попавшим им в руки сокровищем.

Через Сеговию, Вальядолид и Самору они за десять часов проскочили триста пятьдесят километров до самой португальской границы. По пути, почти не останавливаясь, расстреливали в попадающихся на дороге городках административные здания, над которыми болтались франкистские красно-желтые флаги. Давили гусеницами автомобили (в то время простые люди на них не ездили), наткнувшись на захолустный гарнизон, утюжили под ноль ограды, складские помещения и казармы.

Если случались поломки, рядом с поврежденной

машиной и ремлетучкой оставалось не меньше роты для прикрытия, а заодно и имитации «боевого присутствия» на занятой территории.

Всего несколько раз над наступающими колоннами появлялась франкистская авиация, и то небольшими группами. Вела она себя достаточно сдержанно, потому что время от времени с востока прилетали эскадрильями «СБ», сопровождаемые «Чатос» и «Москас»¹. Бомбили обнаруженные скопления противника, вели разведку по маршруту, сбрасывали на бреющем выпела с насоро набросанными штурманами кроками² в алюминиевых пеналах, распугивали вражеские самолеты.

Если же наши и франкистские самолеты попадали «в противофазу», бригада отбивалась самостоятельно. На этот случай, кроме шквальной стрельбы в воздух из всех имеющихся у танкистов и десантников стволов, Шульгин подсказал Павлову прием, который немцы в сорок третьем — сорок четвертом году использовали для борьбы с нашими «Ил-2». Здесь он оказался еще более эффективным из-за низкой скорости самолетов и отсутствия у них броневой защиты. Заслышав гул авиамогоров, танки успевали, съезжая кормой в кювет или поднимаясь на подходящий холмик, придать башенным орудиям нужный угол возвышения, тут же открывая беглый огонь шрапнелями. Попадали далеко не всегда, но страху наводили порядочно. Однако два «Капро-ни» сбили наверняка, а еще несколько покинули поле боя с явными повреждениями.

На последней трети маршрута наступавший по

¹ Испанское наименование истребителей «И-15» и «И-16».

² К р о к и — глазомерный чертеж местности, содержащий информацию, важную для выполнения конкретной задачи.

хорошему шоссе батальон выскочил к полигону учебной части, где занимались боевой подготовкой немецкие «Т-1» и «Т-2» с испанскими экипажами под руководством «кондоровских» инструкторов.

Сейчас странно читать в сводках того времени сообщения типа: «три республиканских «БТ-5», наступая, сошлись с десятью немецкими танками. Один «Т-1» уничтожен таранным ударом, второй — артиллерийским огнем. Остальные позорно бежали»¹. Это, наверное, надо было посадить в «БТ» экипажи из выпускников школы «детей с ограниченными возможностями». Потому что любой кадровый сержант (лейтенанта не надо беспокоить) с дистанции в сто метров из своей «сорокапятки» спалил бы все десять немецких танкеток, ничем не рискуя. Как в тире. Пулемет «МГ», даже спаренный, их броню не берет в упор. А эта чудесная фраза — «Позорно бежали!». При том, что скорость и проходимость у «БТ» гораздо выше. Тем более расстреливать бегущих — вообще милое дело.

Танкисты Павлова проявили себя гораздо лучше. Записали себе на счет два десятка танков и танкеток, заправились «под пробки» захваченным горючим, поживились и другими трофеями.

Кроме танков и грузовиков, за время стремительного, всесокрушающего рейда было уничтожено двенадцать артиллерийских батарей на позициях, на марше и в парках, в том числе четыре экземпляра знаменитых зениток «Flak-36».

«Живую силу» просто никто не считал. Тысяча, две, пять — несущественно. Пустыми цинками от

¹ См. монографию «Война и революция в Испании». М., 1968 г.

пулеметных патронов были усеяны все обочины от берега реки Харама до португальской границы.

Там и выпрыгнул на бурую, припорошенную сухим снегом землю полковник Павлов. Вот его звездный час! Лицо покрыто пороховым нагаром и копотью от выхлопов работавшего на пределе мощности мотора. Бензин у испанцев отвратительный, как еще доехали?

Два танка, устало перематывая гусеницы, подъехали к испанской заставе, навели пушки на окна и дворик, где, не понимая происходящего, чьи это танки и зачем они приехали, застыли несколько пограничников.

— Всем зайти в дом, не высовываться, к оружию не прикасаться, телефон не трогать! — командовал им состоявший при Павлове лейтенант-переводчик, демонстративно держа палец на спуске автомата. Если б не «компаньеро русо», положил бы всех без разговоров.

К заплетенным «колючкой» воротам между государствами с той стороны неторопливо шел португальский сержант в смешной каскетке, суконном плаще, с «маузером 98-К», стволом вниз висевшим на плече. Еще трое толпились на крыльце хибарки, похожей на сильно увеличенную собачью будку. Над фронтоном слабо колыхался государственный флаг.

— Алемаро? Италия¹? — без особых эмоций спросил он Павлова, стоящего в пяти шагах, на довольно понятном языке, который был так же близок к испанскому, как польский к русскому. — Керен?

В типах танков он явно не разбирался, зато был

¹ Немец, итальянец? (порт.).

★ твердо уверен в нейтралитете своей страны и нерушимости ее границ.

— Русский, — ответил Павлов, радуясь возможности бросить притворяться. И вообще радуясь, что дошел вот сюда.

— Конец Франко. Баста! Салазар тоже скоро баста. Вива Республика! — улыбнулся, как мог, радушно, но вышло не очень. Он и так выглядел достаточно сурово, да вдобавок лицо покрыто пылью и копотью. Только зубы и глаза блестели.

— Боа апетит, рапасеш! — понимающе кивнул сержант. — Нойш агора нао партиши памош¹...

Павлов, который совершенно ничего не понял, поднял к плечу сжатый кулак и, потеряв интерес к собеседнику, направился к испанской заставе.

Там, вновь ощутив себя хозяином положения (португальский сержант несколько выбил его из строя), он приказал начальнику заставы, лейтенанту предпенсионного возраста, связаться с самым большим начальством, до которого достигает телефонная связь, сообщить следующее:

«Застава окружена. Со всех сторон движутся танки коммунистов и массы пехоты. Очень, очень много! На нас пока не обращают внимания. Сопротивляться нечем. Прошу разрешения уйти на португальскую сторону...»

С той стороны мембраны бился непонятный Павлову по смыслу, но истерический голос какого-нибудь адъютанта начальника погранотряда или округа. Этих структур полковник не знал даже дома.

Лейтенант синхронно переводил, держа у уха параллельную трубку.

¹ Приятного аппетита, ребята. Только пока это не наше дело (порт.).

— Что вы несете, Варела? Сошли с ума или перепили? Какие танки, какая пехота? Вы вообще знаете, что такое танки?

— Господин капитан! Сотни танков и тысячи пехотинцев! Кажется, они на нас обратили внимание! Мы уходим. В Португалию. Счастливо оставаться, господин капитан. От нас здесь ничего не зависит... Если не верите, звоните в Брагансу¹. А мы уходим...

Пограничник положил трубку на рычаг и совершенно собачьими глазами посмотрел на Павлова. Мысль улавливалась даже грубым интеллектом полковника. «Вот, я сделал, что вы требовали. Теперь и вы меня пожалейте!»

Будь Павлов поинтеллигентнее, мог бы сказать или просто подумать: «Где же твоя испанская гордость?» Но это было за пределами свойств его личности и характера. Он мыслил простыми категориями. Практическими при этом.

— Вот и уходи, куда собрался. Я прослежу, чтобы вас на той стороне приняли.

И, сам себе удивившись, полковник неловко сунул испанцу все, что у него было при себе, — нераспечатанную коробку «Казбека».

Дойти-то дошли и шорох навели грандиозный, по паническим донесениям гражданских и военных чинов «наверх» вполне могло сложиться у штабистов Франко впечатление, что теперь их территория рассечена пополам, «столица» отрезана от Юга. И какими силами республиканцев будет заполнен

¹ Браганса — приграничный португальский город, где размещался штаб Северного округа.

этот «коридор», предсказать невозможно. Кто его знает, вдруг вся мадридская группировка и войска Центрального фронта двинут по следам танковой армады?

Этот феерический успех стратегической авантюры, иначе не назовешь, может показаться невероятным. Батальным полотном из цикла «шапками закидаем». Но разве не столь же диким с точки зрения военных теоретиков выглядел стремительный разгром Франции в сороковом, когда великая держава, поддержанная британскими войсками, рассыпалась за месяц под ударами нескольких дивизий легких танков Вермахта? А ведь та же Франция двадцать лет назад успешно воевала четыре года и победила могучую кайзеровскую армию.

Еще более нереальным выглядит разгром советских фронтов в приграничном сражении сорок первого года. Те же «Т-2», «Т-3», небольшое количество «Т-4» пропороли две линии укрепрайонов, походя, почти не заметив¹, разгромили десяток мехкорпусов, каждый из которых количественно, а моментами и качественно превосходил любую из немецких танковых групп. Всего через два месяца кольцо окружения было замкнуто далеко восточнее Киева, а Москва оказалась на направлении прямого, якобы «завершающего» удара.

Нынешний «блицкриг» всего лишь предвосхищал немецкий успех, не превратившийся, впрочем, в победу. Как писал один специалист, «немцы умеют выигрывать сражения, но не войны!».

¹ В немецкой военно-исторической литературе встречные танковые сражения июня сорок первого года занимают исчезающе малое место. Несмотря на то что по количеству участвовавших в них боевых машин они намного превосходят знаменитое Прохоровское побоище.

В гораздо большей степени, чем на опыт Гота, Гудериана и Клейста, Шульгин ориентировался на тактику Моше Даяна. И подробно объяснил Рокоссовскому, что именно следует написать в боевом приказе Павлову. В разделе, касающемся «последующей задачи».

Полковнику предлагалось по достижении конечной точки рейда в течение ночи привести в порядок технику, дать людям отдых и горячую пищу, а с рассветом, развернувшись на сто восемьдесят градусов, повторить собственный маршрут. Собирая по пути оставленные заставы и по второму разу добывая неприятеля, если ему вдруг вздумается опомниться и подтянуть к полосе рейда еще какие-то силы.

Вернувшись из Уэски и ознакомившись с радиogramмами Павлова, Шульгин немедленно пригласил к себе Рокоссовского, Громова, командующего республиканскими ВВС Идальго де Сиснероса и возглавлявшего блестяще проявившую себя под Терузелем Маневренную армию полковника Менендеса, еще нескольких офицеров и штатских, имена которых никогда не упоминались в текущих и даже исторических документах.

С удовлетворением подводя итоги блестяще завершившейся недели, он приказал Рокоссовскому перейти к обороне на всех фронтах.

— Пошумели, и хватит. Теперь дадим шанс каудильо. Пусть покажет, как он умеет импровизировать в подобной обстановке.

— Вы, компаньеро Идальго, и вы, Михал Михалыч, — обратился он к авиаторам, — продолжайте бомбардировочные налеты на весь радиус. Больши-

ми группами и с достаточным истребительным сопровождением. Геройствовать и карусели в небе устраивать не надо. Отгоняйте истребители, бейте бомберы, если без особого риска. Нам сейчас люди и машины дороже боевого счета. И особо заметьте — на Бургос летать не надо. Даже в его сторону — не надо...

— Как у нас с конвоем? Когда придет? Итальянский флот не препятствовал? — вновь обратился он к Рокоссовскому.

— Должен к утру быть. Кузнецов радировал — итальянцы все время крутятся поблизости, но агрессивности не проявляют. Соображать начали. Ничего чрезвычайного не случится — сразу начнем выгрузку и марш-маневр к Лериде. Через три дня, надеюсь, бригада будет вполне боеспособна.

— Крайне на вас рассчитываю, Константин Константинович. Этой бригадой и Маневренной армией товарища Менендеса последнюю точку ставить будем. А теперь прошу вот на эту карту посмотреть. Я тут кое-что еще придумал...

Вооружившись указкой, Шестаков изложил свой, еще более авантюрный, чем рейд Павлова, но, по всем критериям спецопераций второй половины века, великолепный план. От Громова требовалось обеспечить четкость и посекундную точность технической части операции. От Сиснероса — соблюдение самой свирепой секретности на аэродромах и воздушное прикрытие на всех этапах. От Менендеса — согласованная по времени, может быть, жертвенная, а возможно, бескровная демонстрация готовности наступать южнее Мадрида. Гипотетическая цель, которую нужно аккуратно довести до противника, — ликвидация Толедского выступления с последующим штурмом города.

Но успех авантюры, весь в целом, зависел сейчас от Овчарова, который снова скромно сидел в уголке, черкая дорогой паркеровской ручкой в блокноте. Только и об этом никто не должен был догадываться. Громов, правда, раскурив папиросу, легким движением брови указал Шестакову, что хотел бы спросить кое о чем наедине.

— Слушаю вас, — выйдя с летчиком в круглую ротонду между двумя кабинетами, спросил он, крутя в пальцах очередную сигару.

— На чем вы лететь собрались, Григорий Петрович? Сиснерос сколько уже раз косился, только вы не реагировали. Он, конечно, вправе вообразить, что завтра из России «ТБ-3» прилетят. Они тут с детства в сказки верят. А на самом деле? Мой самолет человек пятнадцать поднимет, и это все. На «эсбэшки» даже в перегруз по три-четыре едва возмешь, а прыгать с них... — он махнул рукой. — Что вы имеете за душой, товарищ Главный советник? Я сам авантюрист, а вы?

— Молодец, Михал Михалыч. — Сашка чуть не хлопнул его ладонью по плечу, но вовремя воздержался. — Отчего я и взял вас в команду... Товарищ Монте-Кристо, — позвал он.

Виктор вошел, разглаживая неизвестно зачем отпущенные длинные усы. Если б еще закрутил их вверх, как Дон Кихот или Сальвадор Дали, а то свисают, как у шляхтича.

— Вот, знакомьтесь, комбриг, это наш друг из Парагвая, можете называть его компаньеро Виктор, если хотите. Подполковник царской службы, неплохо проявил себя в Гражданской войне на «той» стороне, что вас не должно обидеть, ибо история — дело такое. В Парагвае, в тридцать четвертом, если слышали, бывшие белые офицеры помогли выиг-

рять их войну с Боливией при пятикратном превосходстве противника. Именами русских героев названы улицы и площади...

Предваряя вопрос Громова, который великолепно помнил Овчарова по первому перелету, Шестаков быстро сказал:

— И ничего больше. Наш друг из Парагвая. Если у вас появились какие-то посторонние ассоциации — это наверняка влияние здешнего отвратительного климата. Давайте о деле. Дон Виктор готов перегнуть в Лериду несколько «Ю-52» и других гражданских самолетов, рассчитанных на пятнадцать-двадцать комфортно летящих пассажиров. Сколько десантников с вооружением можно всунуть в каждый для перелета на пятьсот километров?

— Я думаю, не меньше тридцати в посадочном варианте. Парашютистов со всем необходимым вооружением — те же пятнадцать. Вы понимаете.

— Само собой. Значит, что нам нужно?

— Товарищ Шестаков, вы волшебник?

Шульгин построжел лицом. Таких вопросов он не любил. Даже в своем основном варианте, а зампред Совнаркома должен быть покруче...

— Отвечайте на вопрос, комдив!

— Исходя из вашего задания — двадцать самолетов названного типа.

— Двадцать не гарантирую. Пятнадцать — может быть. Авангард придется сбрасывать действительно с «эсбэшек» и старых «девуатинов». Короче — готовьтесь. Иных вариантов все равно не будет. Срок — неделя.

Громов собрался по-строевому повернуться и уйти, но вдруг сделал то, чего от него Шульгин никак не ждал.

— Григорий Петрович, разрешите один вопрос.

Попросту, раз у нас отношения не совсем официальные?

— Отчего же нет, Михал Михалыч, я всегда открыт. Винца, может быть, для облегчения субординации?

— Разве только сухого стаканчик. С утра работы много...

— Так что вы хотели спросить?

— Не обидитесь?

— Не привык. Не моего стиля эмоция.

— Понятно. Откуда у вас такие полководческие способности? С восемнадцатого года кого только не перевидал, а с подобным не встречался. И расчет, и безрассудство, и невероятное везение. При этом — ледяное спокойствие. Наполеону до вас далеко. А сидели на хозяйственной должности...

— Ответить? Где вас на самолетах летать учили? Вы гимназию кончили, вам там аэродинамику преподавали? Старичок-учитель насчет элеронов, устойчивости и управляемости аппаратов тяжелее воздуха просвещал? Или Туполев с вами советовался, скажи, мол, Миша, как бы мне этот «АНТ-25» сообразить, чтоб ты на нем до Америки долетел? Почему десятки ваших коллег утробились, а вы в асы и герои выбились? Имеете рациональный ответ?

Посадил он Михаила Михайловича простейшим образом.

— Так что отдыхайте, товарищ комдив. Как только придумаете, как на мои вопросы ответить, заходите, поговорим.

Шульгин сам себе удивлялся, сколько же лишней энергии у него до сих пор оставалось нереализованной. Даже в белом Крыму, где он вроде бы

★
выкладывался по полной. Здесь же его хватало на все — планирование военных операций, дипломатию, интриги, и еще он заблаговременно прикидывал схему игры после возвращения в Москву. Со Сталиным, с Лихаревым, с Антоном, с Сильвией, в конце концов.

Неужели все это — следствие избавления от давления Держателей, которые если и не всегда вмешивались напрямую, то сохраняли напряжение некоего «тормозящего поля»? И нечего скептически усмехаться, вполне такое вписывается в систему всеобщей космогонии.

С Виктором давно было сговорено. Он, подобно суворовскому солдату, «знал свой маневр». И это его увлекло. Не зря друг Шестаков придумал ему оперативный псевдоним Граф. В честь Монте-Кристо, которым Сашке все не удавалось поработать, невзирая на давнее желание. По прибытии в Париж Антон должен был передать в его распоряжение действительно неограниченные средства. В том числе и наличностью. Сам форзейль возьмет на себя определенную часть задания. Тут уж Шульгин постарался.

— А чего ты все пишешь, Витя? Новые стихи? Показал бы. Я ведь тоже не чужд...

Овчаров неожиданно засмутился, что с его обликом и характером никак не гармонировало. Хотя ведь политика — одно, а поэзия — совсем другое. Предавшись виршеплетству, человек волей-неволей приоткрывает тайные струны своей души, если, конечно, не ограничивается сочинением бравурных строевых песен. Великий князь, и тот маскировал свои произведения псевдонимом «К.Р.», под которым и прославился.

— Да ладно, хватит тебе. Покажи, я тебя не выдам...

Овчаров протянул блокнот. Шульгин скользнул взглядом по восьмистишью.

Вот такие у меня, брат, дела...
И ослабла нить, что к тебе вела.
Вновь сижу один-одинешенек
И не вижу звезд в небе крошево...

Облаками вся даль затуманилась,
Непонятно все, цель утратилась...
Вот такая тут обстановка,
Хоть и вьется еще та веревочка...

— Ну да. Лирический герой, томление духа и все такое. Понимаю и готов подписаться. А воевать все одно надо, братец ты мой. Пускай «и скучно, и грустно, и некому руку подать...».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В Париже, где у Виктора были кое-какие приятели на Ке-д-Орсе¹, воспринимавшие его в личном качестве, помимо принадлежности к советской власти, он, потратив всего несколько десятков тысяч франков, посидев с нужными людьми за столиками в «Риц», «Мулен Руж» и в гораздо более закрытых заведениях, вышел на министра авиации Второй республики. Хотя все всё понимали, парагвайский паспорт и рекомендательное письмо от мексиканского посла в Барселоне оказались достаточными для «очистки совести» чиновника. На совершенно некоммунистическую Мексику, которая тем не менее демонстрировала всему миру полную и неограниченную поддержку Республики, удобно было ссы-

¹ Резиденция французского МИД.

латься в самых сомнительных с точки зрения «немешательства» ситуациях.

Самое же главное — практически любой деятель любой парламентской республики не может быть не продажен. «Нобиль облич»¹. Как же иначе? Сегодня ты, адвокат или школьный учитель, вдруг волей партийного списка оказался министром. А завтра что, ежели твой кабинет рухнет? Надо успеть! Хватать, хватать и хватать! Выгонят — будет, на что жить. Во Франции это особенно распространено. Исторически, со времен Директории хотя бы. Да и в королевские времена тоже. Уж на что был интеллектуально велик Талейран, и то, будучи назначен министром, не сдержался, говорил, потирая руки, в присутствии камердинера: «Ну вот, теперь наживемся!» Осуждения не встретил.

Разговор с министром был простой. Отчего-то слово «миллион» вызывает у людей неадекватную реакцию. Бывает и два, и три, и сто, и МИЛЛИАРД, но миллион, особенно первый, и не во франках, а в твердой валюте, всегда очаровывает и заставляет забыть о совести и чести. Не всех, не всех, естественно, но, если в душе есть некоторая гниль (или — «широта мышления»), нет лучшего теста.

Задача Виктора облегчалась тем, что за два дня до начала миссии Графа во Франции разразился правительственный кризис, и премьером вновь стал лидер социалистов Леон Блюм, настроенный на решительный отпор франкистам и зарвавшимся немцам. Он немедленно пообещал своему коллеге, главе республиканского правительства Хуану Негрину, срочную помощь. Разговор шел о выделении Испании двухсот артиллерийских орудий, такого же ко-

¹ Положение обязывает (франц.).

личества боевых самолетов и даже направлении трех-пяти регулярных французских дивизий, которые своим присутствием парализовали бы участие в войне немцев и итальянцев. Прямое боестолкновение с французской армией означало бы серьезную угрозу европейской войны, к которой Германия, зажата между союзными Францией, Чехословакией и СССР, была очевидным образом не готова.

Срочно собралось заседание Постоянного комитета национальной обороны, в котором, помимо премьера, приняли участие министры обороны, иностранных дел, авиации, флота, начальники генштаба и штабов родов войск. Начальник генштаба генерал Гамелен прямо заявил, что победа Франко и его союзников представляет собой большую угрозу для национальной безопасности, так как авиация и флот Германии и Италии в случае грядущей «большой» войны получают великолепный плацдарм против незащищенного юго-запада Франции, где сосредоточено большинство военной промышленности.

Хотя окончательного решения на этом заседании принято не было, шум в прессе, особенно правой, поднялся большой, и конфидент Овчарова «верховым чутьем» уловил, что можно не только заработать, но и *попасть в струю* политики нового премьера.

Министр, правда, не совсем понимал, зачем изнемогающей от непрерывных воздушных атак и бомбардировок Республике нужны пассажирские и транспортные самолеты. Разве что для планируемого бегства высшего политического и военного руководства? Впрочем, он счел, что это не его дело. Если бы речь зашла о бомбардировщиках, задача была бы куда сложнее.

Поторговались, не без того. Деньги министр, как раньше Прието, как вообще любой разумный человек, видящий перспективу, пожелал получить в виде двух чеков — полмиллиона долларов на известный ему американский и полмиллиона фунтов на несколько английских банков. Будто догадывался, что при «нормальном» развитии истории вскоре предстоит бегство сначала на неоккупированную территорию, а потом и на Острова.

Овчарову было безразлично, не свои платил, хотя, понятное дело, полтора миллиона долларов за двадцать гражданских самолетов — цена по тем временам несусветная, тем более что гораздо большее количество боевых самолетов уже давным-давно было оплачено Республикой, но так и не поставлено.

Виктор, учитывая этот некрасивый факт, на глазах контрагента заполнил чеки автоматической ручкой с золотым пером, позволил полюбоваться на «сумму прописью», после чего сложил и спрятал их в бумажник.

— Получите после того, как меня уведомят, что все самолеты приземлились на оговоренных аэродромах. А пока вот вам задаток — десять тысяч.

— Нет, мсье, так не пойдет. Самолеты улетят, а с вами тоже что-нибудь случится. А мне — под суд идти?

— Под суд — это вряд ли, не та у вас страна. Но где мои гарантии, что вы не улетите раньше самолетов?

Долго и увлеченно спорили, пытаясь найти взаимоприемлемое решение, и все же нашли. После чего едва ли не подпрыгивающий от счастья министр пригласил партнера в «Максим». Чего теперь мелочиться?

Овчаров очутился в знаменитом ресторане впервые и остался доволен. Слухи вполне соответствовали реальности.

К немалому удивлению Громова, в назначенный Шестаковым день на трех аэродромах сосредоточились не десять и не пятнадцать, а все двадцать воздушных судов. По максимуму. Новых только три, но и остальные во вполне приличном состоянии. Немецкого, французского, английского производства. Некоторые перелетели Пиренеи под видом рейсовых пассажирских, другие доставили голодающему населению Каталонии благотворительную помощь организаций и частных лиц, остальные — в счет разрешенного правительством возобновления ранее согласованных поставок.

Десантные группы уже были готовы. Командовали ими знающие офицеры, но общую разработку Шульгин взял на себя. Собственный опыт двадцатого — двадцать четвертого годов да теоретическое знание нескольких самых ярких десантно-диверсионных операций второй половины века делали его непревзойденным специалистом.

В разработке учитывались ключевые моменты захвата пражского аэропорта в шестьдесят восьмом, штурм дворца Амина в семьдесят девятом, рейда израильских командос на Энтебе. Из каждой модели он взял кое-что полезное, довел до сведения командиров, несколько раз проиграл действия каждого отделения и взвода на схемах и макетах.

Всего в дело вводилось почти четыреста отборных бойцов, из них половина — солдаты и офицеры Особого корпуса, преимущественно — уроженцы Старой Кастилии и самого Бургоса или хотя бы

знакомые с городом и окрестностями. Полсотни личных спецназовцев Шульгина, срочно отозванные после взятия Уэски, остальные — немцы и другие интернационалисты. В их числе — очень понравившиеся Сашке добровольцы батальона Линкольна. Настоящие мужики, той еще генерации американцев, что с «кольтом» и «винчестером» осваивали Дальний Запад и Аляску, а несколько позже описываемого времени отчаянно атаковали на своих «Девастейторах» и «Доунтлессах» японские авианосцы, имея на благополучное возвращение еще меньше шансов, чем советские «ТБ-3» и «СБ» жарким летом сорок первого.

Отряд «Б» вооружили исключительно автоматическим оружием — пистолетами-пулеметами, которые удалось собрать, «томпсонами», «рейнметаллами», русскими «ППД-34», ручными «МГ-34» и «ДП-27». Вдобавок почти все имели двадцатизарядные автоматические «астры» с деревянной кобурой-прикладом, внешне очень похожие на пресловутый «маузер».

Носимого запаса патронов и гранат должно хватить на пару часов непрерывного встречного боя или на сутки нормальных действий в тылу врага. Ввиду невозможности снабжения боеприпасами после высадки каждая группа была оснащена однотипным оружием: убитый товарищ поделится патронами с пока живыми. Ну и, как во всякой зафронтовой операции, на определенном этапе подразумевался переход на ресурсную базу противника.

Последний инструктаж Шульгин проводил уже на краю взлетно-посадочной полосы Лериды в первом часу ночи.

Запущенная им кампания дезинформации, пожалуй, не имела себе равных за всю историю пока еще патриархального, невзирая на случившуюся Мировую войну, XX века. Столько было проведено всевозможных совещаний и встреч с политиками самых разных взглядов и ориентаций, отдано умных и откровенно дурацких приказов по всем доступным каналам, куплено союзников и противников, внедрено агентов в немецкие и итальянские шпионские сети, что теперь Сашка и его ближайшие соратники могли быть уверены — толком в происходящем не понимает никто и ничего.

Франко с его штабом паникует, не в силах сообразить, какой все-таки план войны избрали республиканцы, атакующие и отступающие без видимого смысла, сосредотачивающие танки и авиацию то на юге, то на западе, жертвующие тысячами людей на безнадежных направлениях и вдруг добивающиеся успеха ротой и батальоном. Гениальным полководцем каудильо никогда не был, но все ж таки одно время преподавал стратегию и тактику в военной академии, основные принципы военного искусства знал не понаслышке. Так вот сейчас на фронте творился полный абсурд. Он мог бы, если б хватило выдержки и таланта, наплевать на все, стянуть свои и союзные дивизии в кулак, начать давно спланированное наступление с решительным результатом на Левант и Каталонию, как это и было сделано полугодом позже, оставив прочие фронты и направления на волю судьбы. Принцип великого теоретика военного искусства — «Нельзя быть сильным везде!» — никто пока не отменил и не опроверг.

Но страшно, страшно. Тем более из Берлина и Рима поступают очень странные сигналы. Чего доброго, может случиться и так, что немцы с итальянцами сочтут свою кампанию безнадежной, согла-

ся на требуемую Комитетом по невмешательству эвакуацию всех иностранных войск с обеих сторон. В этом случае республиканцы лишатся поддержки нескольких тысяч добровольцев, да и то вопрос, а остаться без поддержки двухсот тысяч регулярных солдат со всей боевой техникой — совсем другое дело.

Такую информацию по своим каналам Шульгин тоже сумел организовать. Двусмысленные статьи в якобы информированных иностранных газетах, запросы в парламентах причастных к конфликту стран, донесения агентуры... Много имеется способов посеять смуту и раздразнить в стане врага, без того представляющем собой рыхлый конгломерат кое-как сбитых в кучу «антиреспубликанцев», раздираемых собственными противоречиями.

Поэтому Сашка был почти стопроцентно уверен, что затеянное им дело имеет все шансы на успех. По тому же принципу Честертона военную тайну можно сохранить или сталинскими методами, когда каждый знает, что даже невзначай сказанное хорошему приятелю слово может обернуться непомерным лагерным сроком, а то и пулей в затылок, или, наоборот, утопив ее в море непрерывной и безудержной болтовни, из которой принципиально невозможно извлечь зерно, безусловно рациональное.

В позавчерашней барселонской газете, весьма авторитетной и читаемой даже и по ту сторону фронта, он специально велел напечатать две подвальные статьи¹. В одной сообщалось о действительно имевшем место морском сражении в районе

¹ «Подвал» — на языке журналистов нижняя половина газетной страницы, там размещенный текст считается важным и заслуживающим особого внимания.

Балеарских островов, в ходе которого республиканские эсминцы «Антекера» и «Лепанто» торпедными залпами потопили новейший крейсер мятежников «Балеарес», который затонул вместе с командующим флотом адмиралом Вьерной и семьями членами экипажа. Там же была разглашена военная тайна, заключавшаяся в том, что под прикрытием этого боя в Барселону без потерь прошел конвой «дружественной державы», доставивший несколько сот новейших танков и самолетов, что в ближайшее время поможет успешно завершить принесшую бесчисленные бедствия войну.

Вторая статья в туманных выражениях намекала, что по примеру успешных действий под Теруэлем и Уэской в ближайшее время может начаться грандиозное наступление к югу от Мадрида, где слишком уж долго царит непонятное затишье.

Газета не была ранее замечена в четкой проправительственной ориентации, поэтому материалы вполне можно было расценивать как утечку независимой информации. И, пожалуй, идея сработала. Агентурная разведка сообщила, что за последние сутки отмечены передвижения итальянских войск от Толедо к линии фронта.

В любом случае о Бургосе не упоминалось нигде. Отдаленная от любого фронта пятью сотнями километров и горными цепями Иберийских гор и Центральной Кордильеры, временная столица Франко могла спать спокойно.

Уже перед посадкой в самолеты Шульгин сообщил командирам парашютно-десантных и посадочных групп, что им окажет помощь сохранившееся в глубоком тылу мятежников подполье. По специальному сигналу в район высадки будет направлено

★ несколько автобусов, машин такси и грузовиков. Сигналы для установления контакта такие-то. Это поможет сэкономить время на поиски транспорта и облегчит выполнение основной задачи. Одновременно подпольщики постараются захватить или взорвать железнодорожный и шоссейный мосты на дорогах, ведущих в сторону Вальядолида, откуда к франкистам могут подойти подкрепления.

Цепочки десантников побежали к прогретым моторам и выруливающим к началу полосы самолетам.

— Ну, до встречи, Михал Михалыч, — протянул Сашка руку Громову. — Если что, вы уж тут сами. На мой личный штаб можете вполне положиться. В любом случае вам теперь будет куда легче...

— Так вы что, тоже с ними? — поразился Громов. Он уже свыкся с тем, что Шестаков — мужчина неожиданных решений, знал кое-что о его боевом прошлом, но все же желание зампреда Совнаркома лететь в глубокий тыл врага показалось ему полным абсурдом, если не хуже.

Время было такое, что легко заподозрить любого. Мало ли весьма заслуженных и высокопоставленных «товарищей» оказались невозвращенцами и перебежчиками? Даже из верхушки НКВД. Откуда знать, вдруг как раз сегодня «спецпредставитель» получил сигнал или прямое указание Центра сдать дела и явиться «пред ясны очи»?

В таком случае понятно...

К своей чести, летчик тут же отогнал недостойную мысль.

— Сам придумал, сам и выполняй, — усмехнулся Шульгин. Возникший из темноты Гришин подал ему двадцатикилограммовую сбрую, состоящую из

нескольких широких ремней и импровизированного подобия разгрузочного жилета, изобретенного тридцатью годами позже.

— Позволю себе с вами не согласиться. Совершенно никчемный риск. С военной точки зрения никак не оправданный... Не восемнадцатый век. На вас все концы завязаны, и военные, и политические, а вы на батальонный уровень спускаетесь. Одна шальная пуля — и все!

— Ничего, ничего. Не каждая пуля в лоб, как любил говаривать Нахимов. Да и дело мы затеяли не батальонное. Даст бог, к обеду войну и порешим... Слетаем, сделаем, вернемся, комдив. Товарищ Сталин, как вам известно, под Царицыном десятки раз появлялся на передовой в самых горячих местах. Воодушевляя личным примером, — Грому показалось, что в голосе Шестакова прозвучала не слишком замаскированная ирония. — А вы еще раз убедитесь, что бомбардировщики и экипажи в полной боевой, и от рации не отходите. Если прикажу, поднимайте все, что есть. Как раз к рассвету «эсбэшники» поспеют...

Оборвав разговор, он крепко пожал руку Громува и в одно касание трапа скрылся в кабине «Юнкерса».

Не мог же он сказать начальнику ВВС, что его личное участие в операции необходимо по причине не рациональной, а чисто мистической. Создать убедительную, работающую мыслеформу, изменяющую реальность на полумиллионе квадратных километров с двадцатипятимиллионным населением ему было не по силам, а вот достаточную для одномоментной деформации в нужном направлении психополя вокруг небольшого города — вполне.

Он устроился в кресле рядом с дверью в пилот-

скую кабину. Десантники заканчивали размещаться в салоне, негромко переговариваясь и погромыхая оружием. С ним летели самые проверенные и надежные. Все та же московская десятка, пополненная участниками рейда на Уэску. Каждого Шульгин знал в лицо и по имени, провел с бойцами отдельный инструктаж, потому что роль у его «личной гвардии» была особая.

Взревев моторами на взлетном режиме, «Юнкерс» с некоторой натугой поднялся в воздух. Машина была перегружена почти до предела технических возможностей. Ничего, у немцев в следующую войну эти же «Ю-52» только так и летали.

Шульгин с большим удовольствием присоединился бы к парашютистам, у тех сильных впечатлений ожидается побольше, но он здраво оценивал свои возможности. С парашютом прыгал всего два раза в жизни, в восемнадцать лет, за компанию, просто захотелось себя проверить, но по-настоящему не увлекся. Жаль, что Берестина здесь нет, вот тот — настоящий десантник, с полутысячей прыжков и медалью «За отвагу», полученной в одной из тогдашних «горячих точек». Он бы показал нынешним ребятам, что такое «крылатая пехота» в свои лучшие времена.

Шульгин прикрыл глаза и начал создавать перед внутренним взором точный макет объекта атаки, как бы компьютерную картинку военной игры. Выделил полученные аэрофотосъемкой и из позднейших книг и справочников места дислокации войск бургосского гарнизона и фалангистской полиции. Работа была непростая, поэтому он задернул занавеску, отделяющую кресло от прохода, и велел Гришину не отвлекать себя ни в коем случае, разве что

франкистские ночные истребители налетят. Впрочем, у них таких и нет, насколько известно.

Вот и бывший королевский дворец Каса дель Кордон, здесь и разместился каудильо. Увеличив масштаб, начал воображать и рассматривать ведущие к нему подходы, внутреннюю планировку дворов и помещений.

Сценарий *изменения* был у него давно готов, теперь требовалось как бы наложить его на существующую действительность и по достижении достаточной степени *конгруэнтности* запустить.

Когда процесс пойдет, он обязательно это ощутит...

Летать со скоростью двести пятьдесят километров в час человеку, привыкшему к совсем другим темпам, достаточно утомительно и нудно. Но куда лучше, чем пробираться с полной выкладкой по пересеченной горно-лесистой местности — как раз такая расстилалась внизу, невидимая под покровом ночи. Ни одного огонька: пилоты старательно обходили немногочисленные городки, поднявшись на почти четырехкилометровую высоту, чтобы случайно не задеть горную вершину из-за ошибки альтиметра. Известны такие случаи.

Наконец пилот головного бомбардировщика-лидера сообщил, что видит внизу реку Эбро, что означало выход на меридиан Бургоса, и начинает поворот к югу. Воздушная эскадра, сохраняя принятое построение, тоже начала разворот. До цели оставалось всего шестьдесят километров, подлетное время пятнадцать минут.

В десантных отсеках зазвучали прерывистые звонки и замигали синие лампочки. «Изготовиться».

Аэродром в Бургосе весьма примитивный, с современной точки зрения — просто обширное поле с тремя грунтовыми ВПП, несколькими каменными строениями и башней управления полетами. Правда, садиться можно и помимо укатанных полос, места хватит, благо погода благоприятствует, у земли минус пять, грязи и луж можно не опасаться. Посадочные скорости низкие, если кто и поломает шасси — ничего страшного, лишь бы не капотировали.

Снизившись до восьмисот метров, лидер сбросил пять стокилограммовых осветительных бомб, с расчетом, чтобы они вспыхнули над северной границей аэродрома. Тут же крутой глиссадой соскользнул до бреющего и высыпал полсотни двухкилограммовых осколочных на склады, ангары, диспетчерскую башню.

Еще продолжали рваться бомбы, а из повторяющих маневр «СБ» транспортов дружно посыпались парашютисты, используя ослепительно сияющие «люстры» не только как источник света, но и в качестве указателей направления и скорости бокового сноса, вовремя корректируя свои траектории.

Уцелевшие под разрывами охранники и немногочисленный персонал аэродрома, ошеломленные, ничего не понимающие в происходящем, еще только выбегали из-под рушащихся крыш, как все уже было фактически кончено. Отстегивающие подвесные системы в момент касания земли, а некоторые даже раньше, парашютисты, стреляя на бегу, рассыпались по полю, за несколько минут заняли все ключевые точки.

Лишь несколько франкистов успели кануть в темноту, особенно густую за пределами света догорающих бомб.

Разбираться в системе освещения ВПП было не-

когда, все громче нарастал гул заходящих на посадку самолетов. В дело пошли аккумуляторные фонари и специально на этот случай припасенные фальшфейеры. Транспортники у самой земли включили посадочные фары.

В целом все прошло лучше, чем планировалось. Парашютисты потерь не имели, и самолеты приземлились удачно, если не считать, что один выкатился за пределы поля и, почти остановившись, снес колесную стойку о не к месту подвернувшийся валун. Другой зацепился крылом за стоявший на рулежной дорожке «Девуатин», и оно обломилось у самой мотогондолы. Хорошо, обошлось без пожара.

Так что в будущие учебники операцию смело можно будет вносить как первый в истории комбинированный ночной десант в глубокий вражеский тыл. Если, конечно, удастся достичь поставленной цели.

Капитан республиканского спецназа подвел к Шульгину немолодого уже человека в короткой темной куртке и низко надвинутым на лоб беретом.

— Компаньеро Ларго, он, как и обещано, подготовил для нас транспорт. Четыре междугородных автобуса, они, не вызвав подозрений, с вечера ушли по своим маршрутам, но не дошли. Через пять минут будут здесь.

— Отлично, компаньеро. Республика вас не забудет, — с должной степенью пафоса Сашка пожал руку подпольщику. — Едем прямо к вашему автовокзалу. Франкистских постов на дороге много?

— Всего один, компаньеро. На въезде в город. Фалангистская милиция. Несколько человек. Здесь же глубокий тыл.

— Очень хорошо. Но мне кажется, в городе уже должна подняться тревога. Концерт мы здесь устроили неслабый. И люстры светили слишком ярко. Надо бы проскочить окольными путями, въехать в город с другой стороны. Раньше времени ввязываться в бой ни к чему.

— Будет сделано. Дороги мы знаем, полиция знает наши машины и водителей в лицо. Проскочим...

Взвод линкольновцев и всех летчиков (еще полсотни человек) Шульгин оставил для обороны аэродрома, они тут же начали окапываться, предварительно отогнав самолеты к самому дальнему краю поля, рассредоточив в меру возможности.

Еще один автобус и два грузовика обнаружили на месте, так что удалось разместить все семь ударно-штурмовых групп, предназначенных для выполнения главной задачи. Впереди испанцы, за ними русские и немцы. Остальные бойцы тремя колоннами двинулись пешком. Им поручалось перерезать ведущие на юг и северо-запад магистрали.

Бургос — типичный староиспанский город, основанный еще в девятом веке, вплоть до тринадцатого бывший резиденцией кастильских королей. Построен по обычной схеме — на господствующей высоте цитадель, монастырь Мирафлорес, собор, дворец, окруженные паутиной средневековых улиц. Снаружи — кольцо построек восемнадцатого-девятнадцатого веков, новых совсем мало. Кто видел один такой город, считай, что видел все. Воевать в них, наступать и обороняться одинаково трудно (и легко), зависит от того, как сложится диспозиция.

В Уэске Шульгин опыт уличных боев уже приобрел. Но ввязываться в них сейчас — смерти по-

добно. Только стремительный прорыв и дерзкий штурм.

По дороге сопровождающий руководитель подполя доложил, что, по самым свежим данным, каудильо со вчерашнего дня из дворца не выезжал, но какие именно помещения он там занимает, неизвестно. Дворец слишком обширен, покоев в нем много, а своих людей в окружение Франко или в дворцовую прислугу внедрить не удалось. Там все — приехавшие вместе с ним южане и марокканцы. Гарнизон города насчитывает приблизительно пять тысяч человек армейцев, тысячу — Гражданской гвардии, несколько сотен составляет охрана германской и итальянской миссий. Хорошо, что они в основном располагаются на окраинах. Ночью им будет трудно выдвигаться. Особенно если наши люди выведут из строя единственную электростанцию.

Они вдвоем устроились на переднем сиденье рядом с шофером, Шульгин положил на колени родимый «ДП», который считал мощней и надежней любого другого ручника. Товарищу Ларго он подарил «астру» с пятью обоймами, и испанец, пристегнув приклад, все время непроизвольно поглаживал пистолет ладонью.

Видно было, что испанец великолепно понимает, в чем заключается цель операции. Опытный человек, два года рискующий жизнью в центре осиного гнезда, не мог не сообразить, зачем еще учиться почти самоубийственный десант, как не для пленения или уничтожения верхушки мятежников. Настроен же был фаталистически.

— Людей у нас немного, и вооружены они слабо. Пистолеты, старые винтовки. Население в массе сочувствует франкистам. Живут неплохо, война их не коснулась. Пролетариата почти нет. Торгов-

цы, чиновников много понаехало. Попов слушают, да и пропаганда действует. Товарищи в Республике совершили немало ошибок. Однако что сможем — сделаем. Солдаты в гарнизоне все больше с юга, андалузцы, марокканцы, у нас их не любят. Итальянцы не лучше. А мы здесь каждый закоулочек знаем, проходные дворы, другие секреты. Все подходы и выходы из дворца перекроем. Ни одну машину не пропустим...

— А если Франко вздумает прорываться на броневиках или танках? — спросил сидевший позади испанский капитан Тагуэнья.

— Гранат и пушек у нас нет, — развел Ларго руками.

— Я выделю в помощь вашим своим бойцов. По три человека на группу. С пулеметами, гранатами и минами.

— Это будет гораздо лучше. Наши улицы легко минировать, а гранаты можно бросать из подворотен, с крыш и балконов.

— Спросите у него, — шепнул Шульгину Гришин, — как насчет подземных ходов и прочих средневековых штучек?

— Наверное, есть, — ответил Ларго, — но мне о них ничего не известно. Раньше мы не очень интересовались старым дворцом. Будем надеяться на лучшее. Если все получится, войне конец. У франкистов нет другого каудильо. Этого мы повесим за ноги на Гран-Виа, люди увидят и достанут спрятанное оружие. Старая традиция. В нашем городе чужакам не выжить. Всю добычу поделят, тут центральным властям вмешиваться не стоит.

Тагуэнья хмыкнул. Он-то знал обычаи, сохранившиеся со времен Реконкисты.

— Несколько тонн песет — хорошая добыча, —

кивнул Шульгин. — И ходить они будут наравне с республиканскими?

— А как же? — удивился Ларго. — Деньги есть деньги.

«Испанский коммунист — все равно испанец», — подумал Шульгин. Когда-то он видел югославский фильм, «Фальшивый кумир» назывался, кажется. Там в руки жителей небольшого городка попал грузовик с динарами, которые Центробанк вывозил в сорок первом из Белграда. Вот уж там народ повеселился! Да и в советской России царские бумажки довольно долго ценились намного выше «совзнаков». И здесь так будет. «Бургос — город миллионеров!».

— Мы их сожжем, — сказал Тагуэнья.

— Ни в коем случае, — загорячился Ларго. — Трофеи принадлежат народу.

«Вот и стимул, — обрадовался Шульгин. — Если товарищи сумеют довести до сведения масс данную перспективу, нам и делать почти ничего не придется...»

— Именно так все и будет, — подвел он черту. — А пока мы, кажется, подъезжаем? Отряд, к бою!

Ларго не подвел. Его проводники и водители сумели выбрать такие маршруты, что ни разу не привлекли внимания франкистов. И в самом деле, гудя мотором и скрипя рессорами, ползут по улицам давным-давно всем знакомые «Фиаты» с табличками «Бургос — Миранда» или «Лерма — Бургос», на которых спешат к открытию рынков крестьяне со своими молоком, сыром и вином.

А десант, благодаря усилиям Шульгина, тоже особого внимания не привлек. Далеко все же аэродром от города, пятнадцать с лишним километров, за хол-

мами. Посверкало что-то, не зимняя ли гроза, донесся короткий, минуты на две, гром. И снова тишина.

На то и настраивалась «деформация реальности», чтобы направить мысли попадающих в сферу ее действия людей по наиболее естественному руслу, отсекая маловероятные. Как в начале той же Отечественной. Немцы бомбят расположение войск — ученья, наверное. Вторжение трехмиллионной армии на нашу территорию — провокация. И у американцев при Перл-Харборе то же самое. Радар засек армаду бомбардировщиков — помехи на экране.

С испанцами было еще легче. Шульгину потребовалось только несколько активизировать специфические черты характера южан, составлявших большинство франкистского гарнизона, и сместить в нужном направлении фактор *случайности*. Примерно так, как это произошло в русско-японскую войну или во время сражения у атолла Мидуэй. Чтобы все благоприятные, хотя и маловероятные расклады шли в пользу одной стороны, а неблагоприятные доставались другой.

Когда часовые на стенах дворца доложили начальнику караула о непонятных сполохах в стороне аэродрома, тот, несмотря на зимнее время и ночь, пребывал в настроении традиционной сиесты. Когда ничего не хочется делать, кроме как освежаться (согреваться) густым терпким вином и дремать, а если что-то мешает, так хоть не забивать голову всякими глупостями.

Подавляя зевоту, он дал команду телефонисту связаться с объектом и узнать, что там у них творится. Столь же лениво и заторможенно тот покрутил ручку аппарата, несколько минут ждал, пока на аэродроме поднимут трубку. Поднял один из испанцев-десантников.

— Что там у вас случилось? Горит что-нибудь? С наших башен видно.

— Еще как! Прилетели три немца из Сантандера, без всякого расписания, бог знает, что им вздумалось, ночью-то. Один при посадке перевернулся. Баки взорвались, пилоты сгорели. Что осталось от самолета — кое-как потушили. А больше ничего. Остальные шесть человек в себя придут, в штаб поедут, там, наверное, расскажут, что им здесь нужно. А нам не говорят.

— Ну, тогда все. Я своему доложу да снова спать лягу...

— А нам уж до утра не придется, суматохи слишком много...

Дежурный лейтенант выслушал телефониста и решил, что его это происшествие никаким образом не касается, у летчиков свое начальство и свои линии связи.

Если еще кого-то в почти стотысячном городе с приличным гарнизоном отдаленный шум и заинтересовал, последствий это не имело. Как Шульгин и рассчитывал.

Незадолго до начала рейда он выкроил час времени в своем напряженном графике, окончательно проверил, полностью ли ему повинуется доставшаяся «в кормление»¹ реальность. Сосредоточился известным образом, и в физическом облике Шестакова перенесся на Валгаллу. Так это у него стало ловко получаться, совсем как у Левашова в лучшую пору

¹ В XV—XVII веках в России «кормление» означало «управление». От слова «кормчий». К пищевым процессам отношения не имеет.

первых месяцев колонизации планеты. Только без техники.

С семьей повидался, для чего на некоторый срок «отошел в сторонку», позволив наркому ощутить себя самим собой. С Власьевым недурно провели время. Старший лейтенант за неделю настолько обжился в форте, что желание эмигрировать в цивилизованные страны приугасло. Воодушевляла его теперь новая идея: доставить бы сюда несколько десятков подходящих мужчин и женщин и — живи не хочу.

— Очередной «Таинственный остров», значит, — сказал Шестаков.

— Совершенно верно. А больше ничего и не надо. Я эту книгу с детства люблю. На кордоне бобылем семнадцать лет прожил. Так здесь, в сравнении, истинно рай земной. Главное, властей никаких, ни карточек, ни дефицита.

— Не зря ведь — Валгалла...

Исчезая, он прихватил с собой три комплекта раций типа «уоки-токи», но с дальностью раз в десять больше, и коробку батареек к ним. Больше не нашлось.

Сейчас этими рациями он снабдил командиров групп, которые вместе с ним должны были штурмовать Каса дель Кордон.

В условленном месте Ларго велел остановиться. До южных ворот дворца оставалось всего три квартала, но постов и патрулей не было и здесь. Однако, чтобы не привлечь внимания, Шульгин приказал двум автобусам, высадив людей, продолжить свое неторопливое шумное движение в сторону автостанции. Один оставил при себе.

Гришин сосредоточил своих десантников по обе стороны узкой улицы, выводящей к овальной, по счастью — совершенно плоской площади. Вы-

соко расположенные окна древних, сложенных из гранита домов были закрыты глухими ставнями. Ни малейших признаков жизни. Если кто, проснувшись, поглядывал в щелочки, то делал это совершенно бесшумно, справедливо полагая, что его происходящее снаружи никоим образом не касается.

По рации Шульгин связался с группами, выдвинувшимися к менее важным, но тоже действующим воротам. В последний раз сверил часы, уточнил время — им положено начинать ровно через пять минут после первого выстрела с его стороны.

Гарнизон дворца, считая охрану каудильо, штабистов, подразделения обеспечения, даже шоферов, парикмахеров, лакеев, которые тоже могли быть вооружены, составлял человек пятьсот. Размещались они в лабиринте хорошо им знакомых комнат, залов, коридоров, караулок, чуланов, подвалов и прочего. Представьте себе хотя бы Эрмитаж, где без всякой стрельбы законопослушный посетитель, не имеющий плана или экскурсовода, заблудится обязательно.

У Шульгина с Гришиным было под рукой девяносто бойцов, в двух других группах по столько же. Нормально считать — поразительно мало, если сравнивать с количеством солдат, брошенных на захват Брестской крепости или Дома сержанта Павлова. Но если брать за образец штурм дворца Амина или перевороты, учинявшиеся «дикими гусями» Боба Денара¹, так вполне достаточно.

¹ Знаменитый в шестидесятые-семидесятые годы главарь «белых наемников», бывший майор-парашютист, совершивший «под заказ» с сотней своих соратников несколько успешных военных переворотов в «деколонизированных» странах Африки.

Шульгин передал свой пулемет Гришину, взамен взял у ближайшего бойца «ППД».

— Значит, сейчас я открываю ворота, и все единым броском за мной. Дальше по обстановке. Не мешкать, не задумываться, острое удара в сторону возрастающего сопротивления. Понятно?

— Как открываете?

— Увидишь.

Единственный из всех Шульгин совершенно не боялся смерти. Одну уже видел, другие его не касались. Пусть даже поймает шальную или прицельную пулю Шестаков, ему-то что? Матрица выскочит, куда-нибудь да переместится. Хоть в «основную личность», хоть в побочную, или даже отправится странствовать по закоулкам и химерам Сети, подобно «Межзвездному скитальцу» Дж. Лондона. Камикадзе он сейчас, проще сказать, твердо уверенный, что непременно будет причислен к лику богов.

Запрыгнул на перекошенное, с выпирающими сквозь засаленный вельвет пружинами сиденье «Фиата», завел мотор. Дверцу закрывать не стал.

— Ворота я повалю или хоть засовы сорву. Вы бегите следом, нужно — гранатами доделайте. И вперед, без остановки, как планировали...

Насчет использования автобуса в качестве тарана раньше речи не было, планировалось использовать только подрывные заряды. Это Шульгин самостоятельно придумал, вспомнив подходящие исторические примеры.

— А как же, Григорий Петрович?.. — опытный оперативник Гришин все равно не уловил сути замысла.

— Да вот так! Смотри, учись...

На подъеме автобус пошел тяжело, педаль газа до

пола, и все равно его семидесяти сил еле-еле хватало, чтобы выползти на прямую. Зато дальше он рванулся, как пожилой, но крепкий бык на арену корриды.

Вторая скорость, рычаг постоянного газа на рулевой колонке вниз до упора, на все пять тысяч оборотов. Еще немного подправив руль, в десятке метров от ворот Шульгин выпрыгнул из кабины на скользкую брусчатку. Едва не упал, но удержался, коснувшись ладонями холодного камня.

Автобус, смяая капот, врезался в ворота и положил их на землю, внутрь подбашенной арки. Массы и скорости, как и рассчитывал Сашка, хватило.

Сидя на корточках, он дал несколько прицельных очередей по выскакивающим из караулки охранникам. А мимо него, тоже стреляя, уже бежали скопом десантники.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

По средневековым дворцам хорошо гулять в качестве туриста, наслаждаясь искусством старых архитекторов, художников и скульпторов. Желательно днем и летом, в сопровождении знающего гида.

Вести ночной бой, да еще не имея плана дислокации противника, — совсем другое дело. Наше преимущество — внезапность, подавляющая огневая мощь, личные боевые качества, разумеется. На стороне неприятеля все остальное. Четкое руководство и готовность сражаться «за каждую пядь» сделали бы дворец неприступной крепостью.

Пологий, вымощенный тесаным камнем пандус из примыкающего к надвратной башне первого внутреннего двора вел на бастионные площадки, откуда целились на город музейные пушки времен Тридца-

★ тилетней войны. Слева целая анфилада разделенных арками и высокими стенами внутренних дворов. В цоколе самого дворца — узкие бойницы, настоящие окна начинаются несколькими метрами выше.

Широкая парадная лестница, посередине расходящаяся двумя полукруглыми крыльями, упиралась в просторную террасу, окруженную мраморной балюстрадой. На нее выходят резные остекленные двери, примета позднейших времен, восемнадцатого века или девятнадцатого.

Немногочисленную охрану ворот положили сразу, они затворы своих винтовок не успели передернуть, до пулемета добежать. В кордегардии, расположенной так, что из ее окон простреливались все внутренние дворы, кроме верхних, Шульгин оставил отделение своих, московских спецназовцев. Эти не подведут, тылы прикроют надежно, будут стоять до последнего живого человека или до команды на отход.

Группы по десять-пятнадцать бойцов Шульгин направил к двум другим воротам, где тоже завязался бой, зачищая территорию и блокируя возможные пути отступления Франко с его сообщниками. В одном из дворов обнаружился машина диктатора — «Испано-Сюиза», «Опель-Адмирал», подаренный Гитлером «Майбах», несколько автомобилей попроще для сопровождения и охраны.

Значит, каудильо действительно во дворце. В первых рядах каждого отделения и взвода шли испанцы: местные или из числа десантников. Главный вопрос к каждому из гарнизона, кого удавалось захватить более-менее живым: «Где Франко?» Только ответить на него не мог почти никто. Рядовые ма-

рокканцы под наведенным стволом мотали головами и разводили руками: «Не знаю, не видел, я простой человек, мне не говорили...» После чего обычно следовал выстрел. За два года у республиканцев и «дикой дивизии» каудильо сложились взаимно неприязненные отношения, диалога не предполагавшие.

Рядовым солдатам и офицерам коренной национальности, пытавшимся организовать оборону на внешних обводах, местоположение покоев диктатора тоже было неизвестно. Кроме смутных ответов, вызванных желанием продлить свою жизнь: «Там, на втором этаже, нет, на третьем, где тронный зал». «А я слышал, что каудильо живет в центральной башне...» В итоге — никакой конкретной информации.

Основными силами Шульгин ворвался в резиденцию по кратчайшему направлению. Через обширный вестибюль, от которого расходилось несколько коридоров. На улице было все так же темно, шестой час утра, до рассвета далеко. Кто-то из бойцов при свете фонаря случайно увидел на стене рядок выключателей, пощелкал, загорелась люстра под потолком и несколько бра вдоль коридора.

— Гаси, мать твою... — заорал во весь голос Гришин, сообразив, что иллюминация на пользу прежде всего противнику. Бойцы на виду, а где враг? Уж лучше в темноте работать, включая по потребности собственные фонари. Вперед, вперед, гранату на весь замах вдоль коридора, переждать за ближайшим выступом, в стенной нише, дверном проеме или плашмя на полу пролет осколков, тут же автоматная очередь, прицельно или наугад, и очередной бросок.

«Так, — подумал Шульгин, добравшись до выби-

той взрывом двери, за которой смутно угадывалась идущая вокруг внутреннего периметра дворца галерея. — Пожалуй, хватит сдуру на пули лезть. Дело пошло само собой».

— Возьми рацию, Роман, — толкнул он в бок старшего лейтенанта. — Поддерживай связь с соседями, но на рожон не лезь. Дойди до удобной позиции с хорошим обстрелом — и хватит.

— А вы куда?

— Да так, полюбопытствую, чем тут феодалы занимались. Если что — как-нибудь подам о себе знать. Только будь повнимательнее. Особенно — к непонятным явлениям.

И растворился в средневековой темноте.

Страшно хотелось курить. Он спрятался в полукруглой нише за мраморным постаментом статуи какого-то героя Реконкисты или, наоборот, конкистадора из стихотворения Гумилева. По крайней мере, «панцирь железный» на нем точно был. И меч, на который изваяние опиралось.

Прикрывшись полой куртки, щелкнул зажигалкой. А нервы и у тебя не потеряли способности к мандражу! Дым резкими затяжками уходил в легкие, никотин ударял в мозги и растекался по организму, расслабляя и одновременно взбадривая. Хорошо! Осталось во мне еще много человеческого.

Бой грохотал по дворцу. Дробь автоматных очередей, гулкие разрывы гранат, хлесткие винтовочные выстрелы, перестук пистолетов захваченных врасплох франкистских офицеров и чиновников. Все это резонировало в высоченных сводчатых коридорах, бессмысленно огромных залах, многие из которых и два, и три века оставались пустыми. Для

обороняющихся — жуткая какофония, мешающая понять, что же на самом деле происходит, с какой стороны наступает враг, каким образом строить сопротивление и куда бежать.

В последние дни Рейхстага в Берлине было, наверное, то же самое. Ни общего командования, ни отработанного плана обороны. Отстреливались, перебежали с этажа на этаж, организовывали контратаки с одной лестничной площадки на другую просто потому, что иного смысла в жизни не осталось. А ярость и азарт взаимного уничтожения, накопленные за три года, именно в этой точке достигли крайнего, безумного предела.

Здесь, пожалуй, то же самое. Испанская война с первых дней приобрела куда большую жестокость, чем наша Гражданская. У нас люди, бывало, неоднократно переходили с одной стороны на другую по мере изменения личных взглядов или политической обстановки. Нередко с пленных просто срывали (или, наоборот, пристегивали) погоны и ставили в боевой строй. И дальше воевали, с той или иной мерой энтузиазма. Поезда, к слову сказать, ходили поперек всех фронтов, по взаимному согласию ни белые, ни красные, ни зеленые машинистов и проводников не трогали. Здесь — ничего подобного. Да что говорить, при вдесятеро меньшем населении потери с обеих сторон вдвое превысили те, что случились в России за пять лет.

«Мне-то оно зачем? — подумал Шульгин, поглядывая на огонек слишком быстро догорающей сигариллы. — Это не моя война, как и все прочие. Энрике Листер, самый талантливый полководец Республики, написал мемуары «Моя война». Для него — так, для меня — иначе. Мне даже денег не платят, как нормальному наемнику. У меня как в зоне —

если сел за карты, так играй. И с выигрышем не уйдешь, и проигрыш грозит известно чем...»

Он вовремя успел раздавить окурок о подножие памятника. Февральский ветер сразу же развеял дым. Глаза начали привыкать к темноте. В отдалении продолжало греметь и взблескивать, опытному человеку не слишком трудно было сообразить, что бой плавно перетекает в затяжную фазу. Если хотя бы сотня человек сумела сориентироваться в обстановке и забаррикадироваться в подходящем для обороны месте, то штурмующим придется нелегко.

А ведь наверняка какая-нибудь телефонная линия или радиостанция продолжает работать, и тогда через полчаса-час на помощь к каудильо может подойти дивизия полного состава со средствами усиления. Та же итальянская «Черные перья» от Вальядолида, и своих полков и батальонов можно надергать из окрестностей. Отряды прикрытия задержат их, но ненадолго.

Другое дело, что каудильо это не спасет, пока он жив, десантники не отступят и не сдадутся, но кому это нужно?

Галерея, на которой Шульгин сейчас находился, вытянутым прямоугольником окружала нечто вроде летнего сада. Частокол мраморных, тускло мерцающих даже в густом полумраке, колонн. Роскошный многофигурный фонтан посередине, черные скелеты деревьев, лишенные листьев. Север все-таки. Смутно различаемые дорожки, покрытые утрамбованной щебенкой. Шесть ярусов окон, в основном темных, но в некоторых угадывается свет. Свечи, лампы керосиновые или даже электрические, только скрытые шторами и глухими абажурами.

Самое время прогуляться по Средневековью,

вспомнив иные, не присущие советскому наркомун способности. Цинично звучит, но ведь и затеянная им третьего уровня операция тоже остается отвлекающей. Настоящие осуществляются в одиночку.

По звонкому настилу галереи застучали каблуки сапог, послышались негромкие, но напряженные голоса, на испанском, естественно, который Сашке был теперь понятен как русский.

Три человека, тяжело дыша, тащили станковый пулемет на треноге, похоже, «гочкис», и коробки с лентами. Четвертый, офицер, их подгонял, одновременно давая указания по тактике предстоящих действий. Не слишком грамотные, к слову. Правильнее всего было установить пулемет не на самой галерее, а как раз за мраморным бруствером сухого сейчас фонтана. Приличное укрытие и круговой обстрел, хотя бы в этой зоне.

В другой ситуации Шульгин непременно поучил бы лейтенанта или капитана — кто его знает, знаков различия не видно — тонкостям военного дела. Но сейчас они по разные стороны баррикады. Значит, выживает сильнейший.

Прислоненный к стенке автомат он поднимать не стал. Под общий шум куда удобнее пистолет «последнего шанса», «вальтер ПП». Пропустив пулеметчиков мимо себя, Сашка трижды выстрелил в спины, прикрытые суконными плащами с пелеринами. Лязгнул упавший на камни пулемет, но совсем негромко.

«Еще пригодится», — краем сознания подумал Шульгин, сбивая с ног офицера. Тот оказался молодым и на удивление хилым. Пацан вроде скороспелых отечественных прапорщиков и младших лейтенантов одной и другой мировых войн.

Он оттащил его в свое прежнее укрытие.

Ткнуть под нос и в зубы пахнущим свежим порохом стволом — святое дело. Они тут книжек про «Август сорок четвертого» наверняка не читали. Для них все в новинку.

— Ты, буррито¹, мокосо², жить хочешь, говори? Где прячется каудильо?

Говорил Шульгин на том самом изысканном «кастильяно», из-за которого его последнюю неделю начали принимать за потомка лучших аристократических родов, скорее всего — эмигрантских, поскольку в самой Испании так изъяснялись только в свите бывшего короля Альфонса XIII да на филологическом факультете саламанкского университета. Даже простонародные оскорбления звучали, как матерные выражения в устах классной дамы Смольного института. Со всем изяществом, но по делу.

И пацан, наверное, был не из простых, сразу уловил лингвистическую тонкость. Коммунисты-республиканцы, пролетарии так не изъясняются.

— Сеньор, вы меня не убьете? — Вопрос был задан вздрагивающим голосом, но на том же диалекте.

Какие пустяки приходят людям в голову в разгар исторических событий.

— Да на кой... ты мне нужен, — Сашка отвел в сторону пистолет. С клиентом все понятно. — Быстро, встаем, идем, ты мне показываешь самый безопасный подход к помещениям дона Франсиско — и свободен. Слово кабальеро!

— Мне достаточно вашего слова, дон. — Пацан поднялся с пола и даже стряхнул пыль с одежды. Ах ты, красавец! Не видел настоящей жизни.

¹ Можно перевести как «осленок», а можно как «сосиска» (исп.).

² Сопляк.

— А пистолет у тебя есть?

— Конечно, — парень, кое-что сообразивший, только глазами указал на кобуру под плащом.

— Подай...

Шульгин взял в руки «Астру-400», неплохая штучка, эстетичная, нажал кнопку, выщелкнул магазин. Забросил его в парк, далеко. Днем станешь искать, долго не найдешь. И затвор на всякий случай передернул. Пусто. Пистолет вернул лейтенанту.

— Возьми, на память от дона Алехандро. Офицер все же, без оружия неприлично. А теперь води меня, куда сказано.

Шульгин взял свой «ППД», солидный вид которого окончательно привел парня в нужный режим. Как его зовут, Сашка спрашивать не стал. Лишнее знание. Особенно если убивать придется.

— Самыми глухими коридорами, и до места. Не вздумашь дергаться — отпущу. Нет — очень много интересного в непрожитой жизни пропустишь. Короче — вперед, как говорил дон Алонсо Кихана.

— Я не помню, сеньор, чтобы он такое говорил, — понемногу наглея, ответил парень.

— Еще одно лишнее слово, и ты эти вопросы станешь обсуждать непосредственно с ним. Или с Сервантесом. Вперед, я сказал!

Чем хороша средневековая замковая архитектура, так тем, что подобного рода сооружения буквально пронизаны, как сыр дырками, всевозможными боковыми и обходными коридорами, галереями, лестницами, лестничками, самым причудливым образом связывающими магистральные, парадные пути. Все по Марксу — Энгельсу, бытие определяет сознание: за неимением более совершенных средств защиты, наблюдения и связи на всю катушку использовалась геометрия пространства.

Ни один обитатель этого и большинства других дворцов и замков не мог быть уверен, что за ним не подсматривают, его не подслушивают, что в каждую данную секунду не спрячется за портьерами или потайной дверью убийца с кинжалом. Интересно люди жили, в постоянном тонусе.

Лейтенант, явно причастный к сокровенным тайнам (уж не какой-нибудь тоже реинкарнированный наследный принц?), вел Шульгина именно такими путями. Явно по памяти, только изредка подсвечивая обычным армейским фонариком, висевшим у него на ремне портупей. Так что Сашке не было необходимости включать свой, аккумуляторный, мощностью почти в миллион свечей. Пригодится в другой обстановке.

При всей свой покорности и прямо-таки источаемой, как запах пота, трусости проводник вызывал у него все большее подозрение. Слишком он легко освоился, слишком уверенно ориентируется. Кто ему помешает завести в безвыходный тупик и внезапно скрыться за очередной потайной дверью? На всякий случай прижал к его спине ствол автомата.

— Шутить не вздумай, пополам разрежу...

— Что вы, что вы, сеньор!

Однако пока что шли они в общем верно, судя по внутреннему компасу, воображаемому плану дворца и отдаленным звукам продолжающегося боя.

— Стой, — повинуюсь интуиции, сказал Шульгин. Они находились сейчас в небольшой круглой комнате, совершенно пустой. Посередине чугунная винтовая лестница, позади дверь, через которую они вошли, слева — еще одна, закрытая на засов. Под потолком узкое окно.

— Дальше не пойдешь. Вот план дворца, — он

вытащил из-за голенища несколько крупномасштабных поэтажных распечаток. — Показывай, где резиденция Франко и правительства. И наше место.

В подкрепление угрожающей тональности голоса он снова наставил на лейтенанта автомат. Для окончательного эффекта включил свой фонарь. От стен отразился свет невиданной, особенно после многочасовой темноты, яркости. Испанец невольно прикрыл глаза рукавом.

— Быстро. Место!

Тот дрожащими руками перебрал листы, нашел нужный. Повозил пальцем.

— Вот.

Похоже, совпадало.

— И дальше как?

— Дайте карандаш.

— Не надо. Покажи, я запомню.

— Прямо или опять переходами?

— И так, и так.

Маршрут оказался сложным и извилистым. Но больше половины они уже прошли. Можно бы и напрямик рвануть, если б с ним были его солдаты, но те безнадежно застряли на предыдущих уровнях. Полчаса прошло после начала штурма, не меньше, охрана каудильо пришла в себя и действительно сумела организовать кое-какую оборону на подходящих рубежах. Испанские товарищи, при всей их классовой ненависти, большой помощи не оказали. Великоват оказался дворец, и его защитники не только жить хотят, но и воевать умеют, пусть и по-своему.

Не зря все ж таки полтора года давят и давят республиканцев, планомерно сжимая их территорию и дробя ее на изолированные, рано или поздно сдающиеся эксклавы.

— Сеньор, вы действительно оставите меня в живых?

— Я уже сказал, слово кабальеро. Я тебя свяжу и оставляю здесь. Обманул — вернусь и тогда точно шлепну. Или сам помрешь от жажды. Сюда ведь редко заглядывает обслуга?

— Редко, сеньор. Может, раз в десять лет. Видите, сколько пыли и паутины?

Того и другого было на самом деле в избытке.

— Ну да, таинственные покои древнего замка и прикованные скелеты. Только ты-то откуда так хорошо все здесь знаешь?

— Я сын хранителя музея. Студент Саламанки. Историк.

— Для чего в армию пошел?

— Призвали. Сейчас в армии лучше, чем на гражданской. Особенно когда служишь дома, а не на фронте.

— Иногда так и есть. Иногда — наоборот. Слушай меня. Я человек чести. Останусь живым — приду и отпущу тебя. Историки Испании еще понадобятся. Но чтобы я смог вернуться — расскажи мне все, что может пригодиться...

— Хорошо, сеньор, я расскажу все, что знаю сам.

Шульгин старательно, гарантированной надежности узлами, связал лейтенанту руки и ноги, усадил поудобнее, дал напоследок напиться сухого вина из его же фляжки.

— Все, парень. Или я вернусь через час-два, или — как знаешь.

— Удачи вам, дон... — Прозвучало это совершенно искренне. Еще бы нет.

Теперь Сашке оставалось только забыть все бывшее и снова перевоплотиться в ниндзя. Иных вари-

антов не оставалось. О людях, которые ему доверились и пошли на это дело, он помнил, сочувствовал тем, кто уже наверняка погиб или погибнет в ближайшее время. Но ведь все они добровольцы, абсолютно все, ни одного солдата-срочника или призванного из запаса отца семейства.

И это, еще раз повторяясь, их война. Для него почти любой умер или погиб задолго до его рождения. Но если план удастся, судьба миллионов людей изменится в лучшую сторону. В том числе и тех, что сегодня доживут до рассвета.

Настоящие японские ниндзя, одно из их подразделений, если так можно выразиться, а то и кланов, специализировались на работе во дворцах сегунов, князей, прочих феодалов. Сам Шульгин в молодые годы отрабатывал иные методики: действие на открытой местности, рукопашные поединки и фехтование на длинноклинковом холодном оружии, использование метательных инструментов, специализированных, вроде сюрикенов, или подручных, от кирпичей, пепельниц до любимых шариков больших подшиппников. Если кто помнит, в цирке на Цветном бульваре два сезона он приводил народ в изумление метанием ножей. Подобных штук не проделывал никто. В несоветское время его с распростертыми объятиями приняли бы в подходящее шоу на Бродвее, а так...

Но о приемах «комнатных ниндзя» он тоже кое-что знал. И общефизической подготовки хватало. Одна беда — не своим телом он сейчас распоряжался, а чужим, килограммов на двадцать тяжелее и на восемь лет старше. Однако предыдущие московские забавы и стимулирующее действие гомеостата плюс внедренной в мозг матрицы сообщили мышцам бывшего наркома удельную мощность пан-

теры и физическую силу гориллы, а реакцию — паука вида... (вот, черт, забыл), который свободно уворачивается от выпущенной с пяти шагов револьверной пули.

Пришлось подсобраться, конечно. Шульгин, выйдя в коридор, проделал несколько дыхательных упражнений, размялся, приводя в алертное состояние чужой опорно-двигательный аппарат, и пошел.

Каудильо Франсиско Франко, в отличие от Гитлера, собственным, неприступным в принципе Берхтесгаденом, бункерами рейхсканцелярии или походным штабом Вольфшанце не обладал. Попроще он был, хотя и генерал, но не успевший стать всесильным и убежденным в своей непогрешимости диктатором. Или личный характер не тот, или национальный. Скорее он напоминал нашего Корнилова или Колчака.

Но все равно его личные и штабные помещения размещались в донжоне, башне, возвышающейся посередине самого верхнего и самого изолированного двора. А перед входом в него стояли два итальянских пушечных броневика. Ни за что не удастся Гришину и прочим интернационалистам туда пробиться вовремя. Дворец Хафизуллы Амина был попроще, да еще и охранялся людьми, которые вовремя сообразили сдать шефа и хозяина.

Значит, остался один Шульгин, чтобы сделать все и за всех.

Спасибо лейтенанту, по его чертежу Сашка стремительно перемещался где тайными проходами, где широкими коридорами. Со стен на него смотрели персонажи гобеленов пятнадцатого века, или вдруг выбегали солдаты двадцатого. Иногда он прятался,

услышав шаги и голоса слишком многих людей, избегая по опорному столбу к потолку. Иногда, если требовалось, просто бил ножом. Есть в человеческом организме такие места, что жертва и вскрикнуть не успеет.

Очень удобны были потолочные балки. Широкие и массивные, сорок на сорок сантиметров минимум. И стропила над ними, и подкосы. Можно полежать, послушать, о чем внизу говорят. Услышать удавалось много интересного. Насчет текущей обстановки, психологического состояния противника и куда более личных моментов.

Очередной раз, соскользнув вниз совершенно бесшумно, нащупывая кончиками пальцев швы между каменными блоками, он очутился в зале, превращенном в казарму. Плохую, к слову сказать. Тощие матрасы, разбросанные по полу, длинный стол, на котором, кроме большого чайника, десятка жестяных кружек и тарелки с кусками лепешек, ничего не было.

Значит, и гарнизон здесь обитал такой же, численно.

Но все давно разбежались по позициям. А для Шульгина как раз эта была хорошая. Фланкирующая подходы к донжону. Он тихонько закрыл входную дверь, повесил на ручку гранату «Ф-1», разжав усики предохранителя.

Вряд ли он сейчас был человеком тех прекрасных, московских, солнечных, безмятежных семидесятых годов. Слишком много пролегло между ними страшного, фронтового, ни с каким гуманизмом несовместимого.

Найдя обходной путь, он опять выбрался сквозь дверку полуподвала в непосредственно примыкающий к цоколю донжона дворик. Из-за поперечно

стоящего корпуса взахлеб били пулеметы и автоматы. Жаль, не было у него больше рации. Подбодрил бы, в меру сил, своего Гришина и друзей-интернационалистов. Пока же им остается только надежда на командира. Пожалуй, тающая с каждой минутой. Генералы и наркомы лейтенантов бросают только так. По обстановке или просто по настроению, если не погибают раньше их, что тоже случается.

Он решил сделать то, что никакой настоящий «большой» начальник себе не позволил бы. Но Шулгин, пока жив, и пока живы люди, которых он втянул в эту историю, не мог поступить иначе.

Взбежал, как обезьяна, по внешней лесенке, типа пожарной, под самую крышу донжона и выпустил ракету в ту сторону, где стрельба была особенно сильна. «Зеленая цепочка». Если Гришин или любой из десантников увидят (не могут не увидеть) — поймут. Все идет по плану. Командир жив, и задание остается в силе.

Откуда зайти в башню, хоть снизу, хоть сверху, лейтенант ему объяснил подробно.

«Нет, на самом деле, я вернусь и его отпущу. Дожить бы только. В ином варианте будет сложнее».

Пробираясь по чердачной полуразрушенной деревянной лестнице, о которой сотрудники каудильо, возможно, и понятия не имели, Сашка готовился к последнему бою. Чувства, знание будущего, эфирные и прочие силы сейчас значения не имели.

Главное — ощутить себя самим собою. Вне всяких игр, Игроков, форзейлей и аггров. Как в танковом сражении на Валгалле. Ловушки — хрен с вами. Земные и неземные истории — тем более. Ни во что и ни в кого я не верю! Только в себя и в свой автомат!

Вот он уже на пятом этаже донжона. До рези-

денции каудильо осталось всего два. Вниз. Франко сам поставил себя в безвыходное положение. Обороняться можно, уйти нельзя. Если только найдется проводник, «знающий места». Отец, допустим, связанного лейтенанта. Да и то...

Пулеметы с обеих сторон прочесывали голый двор. Пока патронов хватит, никто на его плоскость не высунется. А их надолго хватит. Только помощь к каудильо подойдет раньше. Или уже подходит. Хорошо, если Гришин (да и жив ли он?) сообразил вызвать бомбардировщики Громова. Пока рассветет, они успеют долететь. Или ему самому нужно добраться до какой-нибудь рации. Есть же здесь узел связи?

Наверное, мыслеформа работала, как задумано. Он только приоткрыл выводящую в главные коридоры башни потайную дверь, как услышал внизу торпливые шаги. Отнюдь не грубые, солдатские. Характерный ритм женской походки. Удивительно — дамы даже при одинаковом весе и в казенной обуви ухитряются двигаться совсем иначе, чем солдаты.

Сашка увидел впереди зеленоватый болотный свет. Тоже здешнее изобретение для хождения по темным коридорам. Вместо фонаря — большая фосфорная брошка или пуговица. Освещает путь шага на три-четыре, и тебя издалека видно, чтобы не столкнуться и не спутать с неприятелем.

Когда женщина миновала дверь, не обратив на нее внимания, он шагнул следом. Шульгину не хотелось, чтобы она оказалась старой матроной, обходящей вверенные ей помещения в целях поддержания заведенного порядка, невзирая на войну. Фигура, впрочем, у нее была достаточно стройная. И немецкий автомат «Рейнметалл» стволом вниз на плече.

Он схватил его за цевье, разворачивая даму к себе лицом, упер ствол пистолета под ребра.

— Молчи, или стреляю сразу...

— Молчу, — шепнула женщина.

Шульгин включил свой фонарь шокирующего действия, направив его в лицо и глаза. Дама застыла, изо всех сил зажмурившись, но все равно несколько минут она не сможет видеть ничего, кроме синих и зеленых кругов и пятен.

А на вид пленница ничего, присущей испанкам грубости в чертах Сашка не отметил. Наоборот, присутствуют свежесть и изящество. Возраст — явно до тридцати. Он за руку затащил ее обратно, на опасно *дышащую* под ногами лестничную площадку, висящую над пропастью, погасил фонарь, толчком усадил на пол. Сапогом наступил на голень, не больно, но убедительно.

— Кто такая, куда идешь?

— Капитан Эстрелла дель Касановас. Адъютант каудильо. Иду по делам службы. Пароль — «Альбасете».

Опять противника ввел в заблуждение сашкин аристократический «кастильяно». Тем более что отзвук на сегодняшний день он знал от лейтенанта. «Альфамбра».

— Вставайте, сеньорита. Приношу свои извинения. Я думал, что «республиканцы» проникли уже и сюда.

— Назовитесь, — женщина встала, оправляя свою одежду.

— Майор Астрай. Командир пятой бандеры¹. Я приехал сюда с пакетом для каудильо буквально

¹ Бандера — подразделение испанского Иностранного легиона, примерно равное батальону.

за пять минут до того, как это у вас началось. Какой-то лейтенант проводил меня через дворец к заднему входу в башню, и тут его убило. Стыдно сказать, сеньорита, я заблудился. Столько здесь всяких переходов. Знать же, кто может попасться на пути, я не мог. Пакет, который при мне, слишком ценен... Проводите меня к каудильо.

— Что в пакете? — Голос Эстреллы прозвучал жестко. Ну да, она адъютантка, а он — майор из строевой части, хотя и укомплектованной элитой особого рода. Вроде немецких «Ваффен СС».

— Не ваше дело, капитан. Каудильо был первым командующим нашим легионом. Пакет приказал передать генерал Ромералес, с которым они лично знакомы. Ведите. И желательно, чтобы в приемной каудильо была радиостанция. Я обязан немедленно доложить генералу, что пакет передан из рук в руки. Положение у вас катастрофическое. Коммунисты высадили в окрестностях Бургоса десант силами до бригады, и на помощь к ним идут танки. Много танков.

Ему повезло, что попалась на пути столь важная особа. Не нужно больше, подобно обезьяне, пробираться по карнизам и балкам. Только оставалось непонятным, какие такие «дела службы» заставляли молодую красавицу бродить по заброшенным переходам. Может быть, действительно она намечала и размечала путь эвакуации для своего шефа? Так не ей бы этим заниматься, а специалистам и знатокам, вроде папаши связанного лейтенанта. И самому лейтенанту не пулеметы бы таскать...

Или она банальнейшим образом решила сбежать персонально? Сообразив, что чем пахнет. Это уже ближе к истине. Оттого и нервничает сейчас, возвращаясь туда, откуда второй раз не вывернешься.

Спрашивать об этом ему не по легенде, но следует предусмотреть момент, в который Эстрелла вдруг решит его обмануть или подставить.

Однако пока что ничего не указывало на особые интересы девушки. Они шли рядом, обсуждали эту странную, что ни говори, диверсию. Десант десантом, но капитан считала, что все организовано здешним коммунистическим подпольем. Ничего другого и предположить невозможно. Иначе бой начался бы на дальних подступах, а не прямо во дворце.

— А как вы добирались, майор?

— Самым обычным способом. На автомобиле. На КПП предъявил документы, какой-то юный лейтенант взялся меня проводить, мы прошли буквально сотню шагов, и тут... Взрывы у ворот, стрельба, крики... Мы куда-то бежали в темноте, со всех сторон свистели пули. Две-три арки, справа длинный темный корпус, оттуда тоже начали бить из пулеметов. Однако проскочили, а возле маленькой дверки башни лейтенант нашел свою судьбу. Успел показать рукой, туда, мол, и вверх, и тут же умер.

— Что же за лейтенант такой? — как бы сама у себя спросила Эстрелла. Видно было, что рассказ Шульгина ее убедил, за вражеского агента она его не принимала. И пароль, и такие подробности... — Неужто мальчишка Эррано? Только он знает здесь все закоулки. Но как он мог оказаться у ворот? Я видела его в нижних казармах уже после начала боя...

— Мне он не представился. Да, маленький, худощавый, в синей накидке поверх мундира. Больше ничего не рассмотрел... Некогда было.

Пускай девушка терзается сомнениями, это только на пользу, других вопросов задавать не будет.

Они наконец вышли в цивилизованную часть

донжона. Здесь было достаточно светло от аккумуляторных ламп, без особой суеты перемещались офицеры и солдаты, озабоченные, но не испуганные. Подходы к центральной лестнице, крутыми маршами обвивавшей голые каменные стены башни, пустой внутри, что было очень удобно для обороны и в средние века, и сейчас, перекрывали импровизированные баррикады, усиленные пулеметами. Да и без них штурмующим пробиться наверх было почти невозможно. Каждая ступенька, начиная с первого этажа, простреливалась как в тире, а снизу вверх никого не достанешь. Если бы иметь пару десятков гранатометов, тогда еще так-сяк, а с одними автоматами и ручными пулеметами — глухо!

Разве что, разобравшись с силами внешней обороны, натащить к башне всякого горючего материала и запалить... Вполне корректная мера по средневековым понятиям. Хочешь — гори, хочешь — выходи сдаваться.

Выходя из потайных ходов, Шульгин надел на голову ждавшую момента франкистскую пилотку с майорскими нашивками. Этот вариант у него был предусмотрен. Остальная его одежда была вполне универсальна и лишена признаков государственной принадлежности.

У входа в приемную каудильо стояли два офицера-фалангиста. Всего лишь с пистолетами, правда, в расстегнутых кобурах.

— Привет, Эстрелла. Кто это с тобой?

— Майор с пакетом от генерала Ромералеса.

— Давайте, — протянул руку тот, кто стоял справа.

— Только в собственные руки, — Шульгин сделал надменное лицо.

— Невозможно. Каудильо занят, и... сами видите, что творится. Отдайте Эстрелле, она передаст.

— Нет. Она может передать, но у меня на глазах, и каудильо распишется на конверте. Опасаетесь — сопроводжайте нас, доложите вождю, я постою на пороге, но как будет передан пакет, я должен видеть своими глазами. И получить подпись.

Офицеры явно колебались, но присутствие адъютантши и напористое поведение майора плюс тот же аристократический язык выбивали их из стандартной функции.

— Хорошо. Сеньорита войдет первой и доложит. Если каудильо захочет вас принять, она скажет. А оружие оставьте здесь. Что это у вас?

— Трофейный русский автомат. А вот пистолет. Больше ничего нет. Можете обыскать. — И тут же, перебивая темп, спросил: — Где у вас радиостанция? Я должен немедленно сообщить генералу, что пакет передан. Это очень важно.

— Третья дверь по коридору, — машинально ответил офицер, что стоял слева.

Шульгин положил на пол «ППД», протянул на ладони «вальтер».

— Курить можно?

— Курите...

Он сделал всего две затяжки, когда дверь открылась и Эстрелла его окликнула:

— Войдите, майор.

Жаль, что подходящего конверта у него не было приготовлено. Но ничего, и распечатка плана сойдет, чтобы отвлечь внимание.

До последнего он опасался только одного: что никакого Франко в кабинете нет и это просто ловушка, устроенная людьми не глупее него.

Хоть настоящими, хоть с других уровней.

Однако нет.

Задрапированная бордовой и зеленой тканью приемная, прямо поверх каменных стен, два письменных стола, штук по пять телефонов на каждом. Пожилой капитан, наверняка призванный из запаса, потому что форма на нем была совсем старая, королевская. Горят слабые настольные лампы. Второй стол, наверное, как раз Эстреллы. Потому что между бумажками и телефонами валялась полуоткрытая пудреница. Точно, сбежать девушка собиралась, или в панике, или осознанно создав впечатление, что на минутку вышла.

Капитан, едва привстав, кивнул майору. Тоже адъютантские замашки.

А пистолет у него слабенький, и кобура к копчику сдвинута.

У Эстреллы, невзирая на хрупкость фигуры, пушка посерьезнее, «Парабеллум-08». Он и пригодится.

Дверь перед ним распахнулась, и Шульгин воочию увидел очередную в его жизни историческую фигуру. Франсиско Франко Баамонде, будущий генералиссимус, которому теоретически предстоит жить и успешно руководить своей изможденной войной державой еще почти сорок лет. Невысокий, полноватый человек «с незначительным лицом». Однако же! Умер он уже в зрелые Сашкины годы, надолго пережив прочих вершителей судеб двадцатого века. Муссолини — на тридцать два, Гитлера и Рузвельта — на тридцать, Сталина — на двадцать два и даже Черчилля — на шесть.

— Здравствуйте, майор, — сделал диктатор шаг навстречу. — Что мне пишет мой друг Гонсалес?

Ужасно неприятно стрелять в улыбающегося тебе человека. Если бы он хотя бы выглядел мерзавцем! Так и того нет. Штауфенбергу было проще, он

★ бомбу подкладывал, которая взрывалась уже без него.

Сашка отработанным движением выдернул «парабеллум» из кобуры Эстреллы, для полной уверенности вздернул коленчатые рычаги затвора, убедился, что патрон пошел на место, и выстрелил трижды. Не в лицо или в лоб, в обтянутую кителем с орденами грудь. Все равно наповал, но хоть не так противно.

Франко опрокинулся навзничь, тихо захрипев и дернув ногой в лакированном сапоге.

«Дело сделано, сказал слепой», — вспомнилась сакраментальная фраза из «Острова сокровищ». Он направил пистолет на Эстреллу, не успевшую вообще ничего понять.

— На пол, ложись!

Вовремя.

Из-за портьеры, прикрывавшей дверь в соседнюю комнату или просто нишу, на него бросился еще один человек.

Среагировал он по-своему быстро, только совершенно не в том темпе. Для Шульгина время тянулось плавно, неторопливо, он и «парабеллум» взял, и все остальное совершил, словно водолаз, работающий на большой глубине. Для окружающих — наоборот, двигался он с непостижимой быстротой, моментами превращаясь в туманную тень.

Тех двух-трех секунд от лязга затвора до финального выстрела едва достаточно, чтобы обладателю нормальной реакции только сообразить, что случилось непоправимое.

Уклонившись от нового противника, даже не успев его разглядеть, Сашка сбил его с ног ударом левой руки и подсечкой. В тот же момент в комнату

вломились караульные гвардейцы, пришлось отвлекаться на них. Два выстрела, и достаточно.

Повернулся, переводя ствол на медленно, очень медленно пытающегося встать с пола человека в испанской офицерской форме без знаков различия. *Погасить* его, и можно спокойно начинать ретираду¹.

Осложнение возникло неожиданно. Как, впрочем, обычно и бывает. На линии огня вдруг появилась Эстрелла, сумевшая вскочить тоже с почти невероятной быстротой.

— Стойте! Не смейте! Хватит вам каудильо! Оставьте его...

Ну, порыв! Будто у воробьихи, защищающей от кошки своего птенца. Любовь, не иначе.

Шульгин опустил пистолет. И услышал, как прикрытый отчаянной женщиной офицер, со злобой и обидой одновременно шепотом матерится по-русски, пытаясь нащупать на поясе кобуру.

Сашка облегченно рассмеялся.

Подошел, отстранив рукой Эстреллу, протянул руку.

— Вставай, земляк. Не трону. Из каких будешь? Небось из белых?

Невысокий, чуть рыжеватый человек с правильными чертами действительно славянского лица помощи не принял.

Встал сам, кривя губы.

— Хрен с бугра тебе земляк. А я из белых, точно. Подпоручик Дроздовского полка Семеновский. Там мы вас добить не сумели, так, может, хоть здесь... Ну, стреляй, стреляй, красная сволочь!

— Кончай психовать, поручик. У каждого своя

¹ Отступление (*устар.*).

игра. Под Каховкой в двадцатом воевать не случилось?

— Не твое дело!

— Может, и мое. Я у Слащева резервом командовал...

— Так как же?!

— Это — лишний вопрос. Живи, поручик Семенцкий, не мне тебя убивать. А отсюда сматывайся, пока не поздно. Будут еще фронты, где настоящий смысл воевать появится.

Козырнул с подчеркнутым, *старым* шиком, отвернулся и вышел, не побоявшись подставить спину.

Капитан в приемной умело спрятался под стол. Опыт прежних дворцовых переворотов, наверное. Его Шульгин тоже трогать не стал. Выскользнул в коридор, перейдя в режим невидимости за счет скорости движений и точно рассчитанных маневров. По пути прихватил свой автомат. Заскочил в радиорубку. В этом темпе даже простая пощечина отключала человека не хуже нокаутирующего удара Джо Луиса.

Но радистов и бить не пришлось. Руки они подняли дружно, когда он остановился и снова стал доступен зрению.

— Включи, — указал он стволом ближайшему. — Длинные волны. Восемьсот сорок три.

Повернув верньер, подстроился на рацию Громова.

— Всем взлет. Бомбить и штурмовать дороги на подходах к Бургосу. И любые перемещения войск на окраинах города. Аэродром не трогать. Истребителям, «СБ», всему, что летает. У нас получилось. Это последний бой, Михал Михалыч! Покажи им!

Времени говорить больше не было. К сожалению, эта станция на УКВ-диапазоне не работала, с Гришиным он связаться не мог. Но тот еще сражался, судя по звукам. Даже ракет у Сашки не осталось. Что же придумать, как дать сигнал на общий отход? Этот вариант они как-то не предусмотрели. Все, кроме этого.

Стоп! Идея. В группах есть бывшие моряки и просто радисты-телеграфисты, которые обучались азбуке Морзе.

— Где рубильник?

— Вон там...

Сорвав шторы, Сашка перебрасывал тяжелую эбонитовую рукоятку, включая и выключая свет по всему донжону. В предутренней темноте непременно увидят, не могут не увидеть!

К счастью, кодировка была несложная. Три тире, тире, четыре точки, три тире, тире, две точки. «Отход, отход, отход!!!» Кто-нибудь да увидит, поймет. Ничего больше он для своих бойцов сделать не мог.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Гитлер был в бешенстве. Пожалуй, первый раз в своем нынешнем качестве. Раньше поводов не возникало. До сих пор ему удавалось все, от победы на выборах до ремилитаризации Рейнской области и возрождения армии, ВВС и флота. С Ремом и его штурмовиками разобрался легко и одновременно. Наплевав на Версальские ограничения, выгнал оккупационные войска французов, перестал платить репарации, уверенный в политической импотенции бывших победителей, блефовал отчаянно и успешно во внешней и внутренней политике. Строил бое-

вые самолеты, танки, линкоры, превратил веймарский Рейхсвер в полноценный Вермахт.

Он и в Испании ввязался именно потому, что нес его на волне удачи тот самый «сумрачный германский гений», о котором писал русский поэт Блок. Нес, как серфингиста волна гавайского прибоя. Какие там экономические и политические расчеты? Только мистическая вера в себя и полное презрение к противникам.

Поначалу получалось до чрезвычайности успешно. Иногда, просыпаясь на рассвете, он сам себе удивлялся. Именно на рассвете, когда человек наиболее способен и склонен к самокритике и трезвой оценке окружающей действительности. Лежал, глядя в светлеющее окно, и не понимал, отчего все вокруг настолько глупы и безвольны. Ведь за последние десять лет его могли раздавить на ногте, как сам он давил платяных вшей в окопах. Каждый, кому этого захотелось бы, раздавил, не поморщившись. И тюрьмы после «пивного путча» могли ответить не год, а десять (логичнее, конечно, расстрел или повешение), сам он в подобных случаях не либеральничал, если вспомнить события 1934 года. В тридцать втором, в тридцать третьем все висело на волоске, коммунисты могли объединиться с социал-демократами, Гинденбург — отказать в назначении его рейхсканцлером... И так далее. Он ведь, если откровенно признаться, никогда не имел за душой ничего, кроме бешеного напора, хорошо подвешенного языка и непреклонной воли. Остальное — производные.

Каждый раз, мазохистски разобрав все варианты собственного неминуемого поражения в любой почти ситуации, он переполнялся ощущением понижающих его мистических сил. Они, а не жал-

кие прагматические расчеты, законы экономики и геополитики руководят его успехами.

Но сейчас ему нанесен сокрушительный, унижительный удар. Там, где он его ни в коем случае не ожидал.

Трусливые англосаксы и французы давно пообещали на конфиденциальных переговорах, что в Испании мешать ему не станут. С англичанами понятно, те всегда ненавидели русских, а уж русских коммунистов в особенности, и раз они поддерживали республиканцев, то гордые бритты согласны помогать хоть дьяволу. Но ведь и французы, союзники России со времен позорно проигранной ими войны семьдесят первого года, сами имеющие правительство «народного фронта», настолько испугались союза испанских коммунистов и социалистов, поддержанного Сталиным, что согласились и на блокаду Республики, и на неограниченное вмешательство своего злейшего врага, немцев, на стороне Франко.

Сами надели себе веревку на шею и с нетерпением озираются: кто же ее затянет?

Да и Сталин, единственный правитель Европы, на которого Гитлер поглядывал с опаской и уважением, особого стремления решить испанский вопрос кардинально не показывал. Посылал туда самолеты, танки, военных советников, но без выраженного энтузиазма, воли к победе, и за каждое «благодетельство» аккуратно брал с клиентов деньги вперед.

Вот он, фюрер германского народа, помогает испанскому каудильо бескорыстно. Все, что нужно, получит позже, деньгами ли, сырьем, адекватной военной поддержкой или геостратегической выгодой, которая стоит многих и многих миллионов раскрашенных бумажек.

И вдруг такая пощечина! Да что там пощечина, сокрушительный, дробящий зубы в крошку удар железным кулаком. Никто и опомниться не успел. Отчаянное наступление республиканцев на Теруэль было неприятным событием, заставившим напрячься германских штабистов, а французов даже приоткрыть границу для поставок в Республику давно закупленной и оплаченной техники. Но ничего особенного, если смотреть на карту беспристрастно, собой не представляло. Да, срезали выступ, который мог бы стать плацдармом для прорыва к морю. Невелика беда. Только абсолютно никому в голову не пришло, что это был отвлекающий удар. В военной истории редко встречались подобные авантюры — бросить в демонстративно-отвлекающее наступление едва ли не восемьдесят процентов всех наличных сил! Даже талантливый Брусилов (которого Гитлер искренне уважал, как предтечу идеи блицкрига) на отвлекающие операции выделил едва треть войск фронта.

Это и спутало карты франкистским генералам и германо-итальянским советникам. Если враг вводит в бой практически все, что имеет, значит, необходимо парировать его удар, даже уступив ключевую позицию, и после этого можно переходить в генеральное наступление на любом другом участке. Резервов там уже не появится.

А вот Сталин его обманул! Со всем своим восточным коварством! Гитлер ни на минуту не вообразил, что случившееся на фронте хоть в какой-то мере можно записать в заслугу испанскому командованию. Нет, тут чувствовалась рука почти гениального стратега. Почти — потому что истинно гениальным фюрер считал только себя.

Не мог этим стратегом быть и сам Сталин. Силь-

ный политик — да. Вождь нации (в переводе вождь и фюрер — одно и то же), беспощадный к врагам, что очень правильно. Но — азиат. Недочеловек. Хитер, как Чингис-хан, не отнимешь. Чего стоит великолепно устроенный на весь мир спектакль с разоблачением военного заговора, показательным процессом с приглашением мировой дипломатии, журналистов и писателей, от самых просоветских до яростных ненавистников коммунизма.

«Смотрите, слушайте, вот они — враги народа, агенты гестапо и злейшего врага всего прогрессивного человечества иудушки Троцкого!»

Гитлер с раннего детства обожал читать газеты и книги, сам проявил себя ярким публицистом, по преимуществу в речах, но свою «Майн кампф» он считал трудом, не уступающим писаниям разных там Аврелиев, Макиавелли и... Кто там из ключевых исторических фигур написал такую же толстую и столь же читаемую книгу? Ну да, Ленин очень много написал, так все статьи, статьи, книги не сумел.

Только сейчас, позже, чем нужно, он догадался, что и тут Сталин обманул всех. Получил все компрометирующие материалы на своих генералов через Бенеша и некоторые гораздо более тайные источники, сделал вид, что поверил, и организовал грандиозную контроперацию. Митинги возмущенных трудящихся по всей стране, широко разрекламированное в печати заседание военного совета, где маршал Ворошилов на весь мир кричал, сколько врагов разоблачили и арестовали, от прославленных маршалов до командиров дивизий и полков. И все поверили! Весь мир поверил, и он, проницательнейший из проницательных политиков, поверил тоже. Уж слишком было все убедительно об-

ставлено. А главное — хотел поверить, поскольку сам руку приложил, чтобы случилось именно так.

Вот она — азиатская хитрость соперника! Приговоры были опубликованы. А вот трупы? Трупы расстрелянных маршалов и командармов кто-нибудь видел? Хоть один? Нет.

А казалось бы, после такой бешеной кампании самое главное — продемонстрировать «Орби эт урби» результат. Чего стесняться?

Не показал. Значит, была это только постановка. Все они живы и продолжают работать. Результат — налицо. Сам ли Тухачевский или кто-то из прочих сталинских полководцев, с опытом еще Мировой войны, и провел эту самую, достойную войти в анналы, операцию?

Надо отдать должное фюреру, когда, что называется, *прижимало*, успехи своих противников он начинал оценивать объективно.

Окружение и штурм горной крепости Теруэль, зимой, в двадцатиградусные морозы, — это похоже на действия генерала Юденича против Эрзерума в шестнадцатом году. Операция заставила франкистов перебросить туда большинство боеспособных дивизий и почти всю авиацию, двести пятьдесят самолетов, в том числе только что прибывшие из Германии три эскадрильи новейших пикировщиков «Ю-87». Со стороны республиканцев действовали лишь тридцать тихоходных советских штурмовиков-бипланов «Р-зет». Но и это оказалось хитростью и коварством. Оставив эти самолеты на растерзание «мессершмиттам», «хейнкелям» и «фиатам», русские сосредоточили более двух сотен «СБ», «И-16» и французских «потез» в районе Сарагосы, создав полное впечатление, что очередное наступление начнется именно здесь. Окончательно эта версия

подтвердилась массированным налетом республиканской авиации на крупнейшую военно-воздушную базу итало-германцев Гарпенильос, где были подготовлены к действию более восьмидесяти новейших истребителей, в том числе «Ме-109 В-2», специально модернизированные для борьбы с русскими «И-16».

Несмотря на то что Гарпенильос был плотно прикрыт многочисленными зенитными батареями, рано утром эскадрилья «СБ» нанесла отвлекающий бомбовый удар, после чего две эскадрильи «И-15» и пять эскадрилий «И-16» начали штурмовку аэродрома с пикирования и бреющего полета. Русские истребители спускались до высот в десять-пятнадцать метров, вели себя исключительно дерзко, уходили от цели, только расстреляв весь боеприпас. Было уничтожено пятьдесят с лишним самолетов. Пожар на стоянках и складе горючего бушевал целый день, запах гари доносил даже до линии фронта, за тридцать с лишним километров.

Разъяренный Муссолини прислал специальную следственную комиссию, и несколько офицеров-зенитчиков были расстреляны перед строем. Гитлер предпочел не реагировать так остро и списал потери на неизбежность войны.

Оказалось, этот блестящий, что ни говори, налет был тоже отвлекающим, но сам по себе чрезвычайно эффективным.

Вслед за ним, а точнее, почти одновременно, последовала дерзкая атака проникших через фронт штурмовых частей на Уэску. Укомплектованных, что более всего привело в бешенство фюрера, немецкими коммунистами-интербригадовцами. Так утверждали выжившие испанские офицеры, которым довелось близко столкнуться с диверсантами —

все были одеты в форму легиона «Кондор» и говорили по-немецки.

Он приказал Гиммлеру и Гейдриху обязательно установить личности выехавших в Испанию предателей, всех, чем бы они там ни занимались, и отправить ближайших родственников, а также их пособников в концлагерь. Хватит тешить общественное мнение еврейско-плутократским гуманизмом.

В Уэске и Сарагосе франкисты понесли очень тяжелые потери, однако по преимуществу нравственные. Что такое для мужественной, готовой биться за Фатерлянд до конца армии несколько разгромленных дивизий? Гитлер помнил, как на Западном фронте за день наступления от дивизии оставалась рота, и все же никто не дрогнул, пока проклятые либералы не нанесли армии «удар ножом в спину». Зато уцелевшие соратники каудильо тут же впали в панику, одни начали паковать чемоданы для бегства, другие — сговариваться (о чем Гитлеру немедленно доложили) о заключении мира на любых, гарантирующих жизнь и сохранение чинов условиях.

Итальянцы, конечно, тоже недочеловеки. Отребье некогда великого Рима, который разгромили и захватили германцы. Надо будет при случае дать Бенито просмотреть кое-какие книги. А то уж что-то слишком он увлекся. Джулио Цезаре¹ новоявленный.

Но и Уэска, что такое Уэска? Гитлер крутанул рукой любимый двухметровый глобус. Испания на нем занимала вполне солидный кусок Европы, почти вдвое больше Германии, а эту Уэску еще поискать.

Зато, — мысль фюрера германской нации снова

¹ Юлий Цезарь.

вернулась к якобы расстрелянным советским полководцам, — на учения тридцать шестого года, куда были приглашены военные атташе и представители генштабов всех европейских армий, даже всякие там латыши и эстонцы, — русские продемонстрировали высадку массовых воздушных десантов с бомбардировщиков «ТБ-3», с танками и артиллерией. Мир содрогнулся. Если это показывают на учениях, чего можно ждать на самом деле, в условиях реальной войны? Гитлер тут же приказал своим генералам немедленно заняться чем-то подобным.

Так вот, после третьего отвлекающего удара русские (а кто же еще?) нанесли основной. Такого не мог вообразить никто. С неустановленного аэродрома поднялись в воздух немецкие «Ю-52», то ли захваченные республиканцами у франкистов (хотя о таких фактах ему не докладывали), то ли закупленные у третьих стран. Сейчас это неважно. И они выбросили ночной (!) парашютный десант на Бургос, временную столицу каудильо Франсиско Франко. За пятьсот километров от линии фронта.

Бой длился всю ночь. Гитлер как старый фронтовик понимал, что рапорты с места боя не стоят ничего. Одни откровенно врут по известным причинам, другие действительно ничего не успели понять и оценить, третьи, в силу особого устройства личности, сконструировали собственную версию, позволяющую сохранить душевное равновесие.

Ефрейтор Гитлер, что бы о нем ни писали позже, солдатом был толковым. «Железный крест» первой степени получил, что примерно равнялось всем четырём Георгиевским в царской армии, и при своем незначительном чине научился так понимать психологию высшего начальства, что фельдмаршалы не его должности «фюрера» боялись, а именно про-

★
ницательности и стратегического мышления. Тут они со Сталиным очень близки, кстати.

Так вот, что бы там ни докладывали о внезапности, о героизме, в том числе и германских советников, итог простой: штаб Франко разгромлен, сам он убит, и еще десяток ближайших сподвижников тоже. Короче, все правительство. Германских «советников» тоже не пощадили. Каким-то образом оставшийся в живых и вышедший на связь агент РСХА сообщил Гейдриху, что бойня была страшная. Причем уже сдавшихся немцев расстреливали немцы, итальянцев — итальянцы, испанцы — всех подряд, а несколько выдавших себя языком русских, руководителей, очевидно, вели себя как англичане в Индии, подавлявшие восстание сипаев. Рук не пачкали, оставаясь, условно говоря, в белых перчатках.

Если агент, переживший это, счел нужным отметить, из объективности или с другой целью, что русские даже там изображали из себя только «советников», это стоит запомнить. Не для того, чтобы когда-нибудь «отплатить добром за добро». Совсем наоборот. Мягкотелость, вот правильное слово! Будет время, и на этом можно сыграть.

В предвидении грядущей, последней битвы со славянством Гитлер не раз жалел, что судьба забросила его на Западный фронт. Что он там видел? Позиционную войну, грязные окопы, изрытую сверхтяжелыми снарядами землю, превращенную в лунную поверхность, газы. Голод. Если не страх смерти, то скуку. Юдофил Ремарк довольно похоже все описал. А вот если бы добровольца-ефрейтора послали на Восточный... Там и война сама по себе была куда интереснее, и он бы смог поближе познако-

миться с этими русскими, выучить их язык. Не по книгам, а лично понять, как с ними следует воевать.

А воевать придется обязательно.

В приемной топталась целая свора генералов. Ждали, когда он их позовет. А он пережигал в себе эмоции, по сложным траекториям пересекая свой неуютный, но великолепно приспособленный для унижения посетителей кабинет.

Это, конечно, был не тот карикатурный фюрер из советских послевоенных фильмов, и не реальный, разрушенный поражениями и болезнями банкрот сорок пятого года, тем не менее нашедший в себе силы застрелиться, а не отдаться на поругание ненавистных врагов. Сейчас это был крепкий сорокавосемилетний мужчина, у которого все было впереди. И, самое главное, пока что он не был преступником всех времен и народов, воплощением всеенского зла. Так, обычный среднеевропейский автократор, не успевший совершить абсолютно ничего из тех ужасов, что начнутся гораздо позже. Возрождад униженную Версalem и непомерными контрибуциями страну, восстанавливал разваленную промышленность, повышал жизненный уровень простого народа, ничего более.

Политических противников сажал в концлагеря, но довольно умеренно, сроки давал детские, его лагеря в сравнении со сталинскими выглядели почти оздоровительными. Открытый суд над обвиненным в организации поджога Рейхстага лидером Коминтерна Димитровым его оправдал, что в СССР было непредставимо в принципе. Строил автобаны, готовился к войне — так кто к ней в середине тридцатых не готовился? На Абиссинию не нападал, в от-

личие от Муссолини. Ввел некоторые ограничения для евреев, так не убивал же, всем желающим позволяя уезжать куда угодно, со всеми капиталами, только недвижимость, если не успевали ее продать арийцам, оставалась за Рейхом. И в этом не было ничего нового и чрезвычайного. Расовый подход или классовый, какая разница? Все, что навеки связано с его именем, начнется гораздо позже. Или не начнется...

— Пригласите, — сказал он адъютанту, приведя нервы в порядок. Если бы он курил и пил, как Черчилль, Сталин или Рузвельт, увлекался женщинами, как Геббельс, да хотя бы не был вегетарианцем, мировая история тоже могла бы пойти иначе. А тут у одного из претендентов в демиурги не оказалось ни одного способа релаксации, кроме «воли к власти» и реализации ее в самых извращенных формах.

Покурил бы сейчас «Адольф Алоизович» хорошую сигару или трубку, сидя на подоконнике своего кабинета, любуясь на перспективу зимнего Берлина, утешая себя тем, что политические коллизии преходящи. Как бы там ни было, впереди ждет вечеринка со шнапсом, корном, коньяком, айсбаном и кровяными колбасками, обществом актрис из Бабельсберга или девок из Пратера в крайнем случае. Так и отпустило бы...

Но ничего этого ему доступно не было, и он со всей яростью аскета обрушился на ничего не смеющих и не имеющих возразить Геринга, Гимmlера, Мильха, Бломберга и прочих. Он объяснил все, что о них думает, что они собой представляют с точки зрения главы государства, и окопного солдата тоже, какая судьба ждет каждого по отдельности и всех вместе, если они и впредь намерены таким вот образом исполнять приказы своего фюрера.

— Вы хотя бы понимаете, что только что проиграна первая кампания из тех, что мы должны были непременно выиграть и показать всему миру — Германия жива, она возродилась, она снова собирается играть лидирующую роль в европейской политике? А вы что сделали?! Утопили в сортире все мои усилия! Я рискнул навлечь на нас гнев и санкции всей этой либеральной сволочи, я бросил прямой вызов Сталину, связавшись с Франко и Муссолини, понадеявшись на вас, негодяи! Что вы мне обещали? И что преподнесли в подарок? Где ваши «юнkersы», «мессершмитты», «хейнкелы»? Кто говорил, что выметет железной метлой с испанского неба русскую фанеру? Вы, Герман? Где ваша метла? Кто говорил, что наши танки и пушки вдребезги разнесут ничего не стоящие и никому не страшные «Т-26»? Вы, Бломберг? Что десять тысяч наших легионеров стоят всей республиканской армии со всеми штатскими волонтерами? Вы, Браухич?

Ох, как бы я хотел отправить всех вас сегодня же на фронт! Командирами рот и батальонов. Только какой от вас толк, если все уже проиграно? Вон отсюда, не желаю никого из вас видеть. И чтобы никто больше не смел обращаться ко мне со своими дурацкими идеями и предложениями! Ни одной марки не позволю выделить, пока не докажете, что умеете управляться с тем, что есть. Убирайтесь, все, все!!! Не желаю ничего слушать, ни оправданий, ни новых проектов. Их нет и не может быть! Только по вашей вине Германия обречена на десятилетия прозябания. Где мы теперь можем показать свою возрастающую силу и волю к победе? Вон!!!

Выгнав генералов, Гитлер обессиленно упал в кресло. Как жаль, что у него нет тех сил и возможностей, что у Сталина! Арестовать, отправить в концлагерь, расстрелять! Увы, до сих пор существуют и

★ действуют законы, юстиция, черт бы ее взял, суды. Какое обвинение можно предъявить этим надутым индюкам в погонах и лампасах? А если вермахт возмутится неуважительным к нему отношением? Выведет на улицу свои полки и дивизии? СА уже не существует как значительной силы, СС — вообще ничто. Ах, поспешил он, поспешил с ликвидацией Рема. Тогда его отряды превосходили по своим возможностям армию, что и напугало. Эрнста и его штурмовиков уничтожил и остался один на один с вояками, воображающими себя солью земли. Сдерживать их можно только напряжением воли, а иначе бы прямо сейчас кто-то из них мог бы достать пистолет или вызвать караул. И что? И все...

Гитлер прекрасно понимал, что руководит Германией он только в силу невероятного сосредоточения мистических сил, обративших на него свое благосклонное внимание. Никаким иным образом он не смог бы достичь того, чего достиг. И сейчас случился первый сбой. Как его трактовать? Предостережение от переходящей границы самоуверенности, намек на то, что впредь следует быть аккуратнее, или проведенная перед ногами меловая черта? Вот он, твой край, и дальше ни шагу!

Посыл, что обожаемый Фатерлянд так и останется униженным, разоруженным, никому не страшным и не могущим претендовать на право называться Третьим, Тысячелетним Рейхом?

А ведь все складывается именно так. Не сумев руками Франко победить в Испании, Германия показала всему миру, что она по-прежнему не может влиять на события вне своих границ. Россия, направив за тысячи километров весьма ограниченные силы, да еще тайком, своих целей добилась. Национал-социалистская Германия и фашистская Италия, бросив на игорный стол фактически все, что имели

и чем гордились, проиграли. Десятки тысяч солдатских жизней, танки, самолеты, корабли, деньги, великолепная, рискованная, на грани срыва игра дипломатов и агентов влияния — все пошло прахом.

Ставшая коммунистической Испания (в то, что она останется умеренно-социалистической, он не верил, не за тем Сталин в нее *вложился*) непременно окажет воздействие на большевизацию Франции. Наверняка вскорости рухнет и режим Салазара в Португалии. То же произойдет в их африканских колониях. Упоенный столь далекой от своих непосредственных границ победой, Сталин, естественно, начнет проводить намного более агрессивную политику в ближнем *предполье*.

Гитлер мыслил не просто экономическими, политическими, военными категориями, как это делали его исторические предшественники, нынешние соперники и противники, он воспринимал окружающий мир как субъект своей «воли и представления». И видел очень далеко.

Проиграл в Испании, значит, скорее всего, не получится шантаж англо-французов в отношении Судетской области и всей Чехословакии. Тот же Бенеш скажет Чемберлену и Даладьё — русские помогли испанцам, помогут и мне. Зачем мне разоружение под ваши гарантии?

Поляки непременно струсят раньше времени, откажутся принять в благодарность за снятие вопроса о Данцигском коридоре Тешинский край, предпочтут договариваться о «коллективной безопасности» с русскими и чехами. Особенно если Сталин пообещает им не отдавать Вильно литовцам.

Рушилась вся концепция и конструкция грядущего Рейха и созревшего в его голове плана европейской войны за возрождение Великой Римской империи германской нации.

★ Что же это значит? Остаться на своем посту в качестве канцлера бессильной бывшей великой державы до момента, когда какой-нибудь Бломберг, партайгеноссе Борман или верный друг Гесс не заявят, что пора бы и очередные выборы провести? Хоть канцлера, хоть фюрера. Чем мы хуже?

А Германии в предписанной ей волей победителей роли никогда не стать Рейхом: Ресурсов не хватит. Все уйдет на картошку и масло для ублажения голодных желудков. Куда девать построенные и строящиеся линкоры? Продать Аргентине или той же России? Уже стоящие в заводских цехах бомбардировщики срочно переделывать в пассажирские самолеты?

Нет, нет! Гитлер снова забежал по своему гигантскому кабинету, сжимая кулаки и хрустя пальцами. Выход есть! Обязательно есть, причем такой, что никому из этих жалких червей, козявок, называющих себя политиками, и в голову не придет. Настоящий арийский дух тем и силен, что способен на невероятные решения. Думал ли Квинтилий Вар, что ждет его в Тевтобургском лесу¹?

И буквально тут же решение пришло. Не оставили его влекущие по дороге невероятных побед силы, воодушевлявшие древних арийцев.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Встреча Антона с Сильвией прошла целиком по намеченному им сценарию. Иначе и быть не могло, слишком выгодным было его положение и безна-

¹ Лесистый район на юге Германии, где в 9 г. н.э. германские племена во главе с Арминием уничтожили три римских легиона, что остановило продвижение римлян за Рейн.

дежным — ее. Форзейль знал о своей партнерше все, она о нем — почти ничего, за исключением общего представления о факте существования и исторически сложившихся способов распознавания признаков вражеской деятельности.

Их первая личная встреча произошла лишь в Ставангере в восемьдесят четвертом году, и тогда они как равноправные договаривающиеся стороны занимались урегулированием конфликта, возникшего между их резидентурами вследствие появления на сцене «третьей силы». То есть Новикова, Шульгина, Левашова, вставших на защиту ренегатки Ирины. Но обставлено это был так, что аггры приняли безрассудных и *отвязанных* до потери чувства самосохранения людей за представителей посторонних и, возможно, высших по отношению к ним сил.

Этой леди Спенсер до судьбоносного «дипломатического интермеццо» жить больше сорока лет. Она, кроме того, пока не догадывалась, что джентльмен, пригласивший ее на деловой завтрак, назвавшийся незнакомым, пусть и прилично звучащим именем, имеет непосредственное отношение к сэрам Ричарду Мэллони и Говарду Грину, а также и к господину Шульгину, о котором ей писала ее дублерша из прошлого. Он доставил ей несколько не вполне приятных минут личного общения, в чужом, впрочем, облике.

Должность и чутье не позволили ей отклонить предложения незнакомого человека, сделанного по всем правилам этикета и вдобавок содержащего легкие намеки на суть выполняемой на Земле работы.

Приняв необходимые предосторожности, леди

★ Спенсер минута в минуту прибыла ко входу в ресторан «Адмирал Бенбоу», расположенный буквально в нескольких шагах от ее особняка на Элизабет-стрит. Заведение считалось более чем респектабельным, почти клубом, куда вход гостю с улицы мог быть воспрещен без объяснения причин.

Шульгина подлинного нынешняя Сильвия никогда не видела, отчего маскироваться Антону не было необходимости. Оделся он строго, подобающим родовитому аристократу образом. В тридцатые годы в Англии таким вещам уделялось самое серьезное внимание. Усы — настоящие, колониальные, вроде как у доктора Ватсона, он, по совету Шульгина, успел отпустить, пока обживался в столице туманного Альбиона.

Леди тоже была одета сдержанно-элегантно, в темно-серый костюм: удлинненный жакет в талию, узкая юбка до середины голени, туфли на устойчивом, не слишком высоком каблуке, шляпа с широкими полями.

Станным образом наряд Сильвии походил на тот, в котором она явилась на переговоры в Ставангере, невзирая на все поправки на моду, время и прочее. Стил, одним словом, оставался тем же.

Обменялись положенными приветствиями. Сильвия смотрела на него слегка настороженно, он — весело и безмятежно. В первые же минуты Антон дал понять даме, что к земным ее делам, финансовым и личным, их встреча не имеет отношения. Она приняла информацию к сведению, только не сумела до конца совладать с лицом, выдавшим подлинные эмоции холодноватой и демонстративно уверенной в себе женщины. Что и неудивительно: не успела еще опомниться от недавних событий, от встреч с Дайяной, Лихаревым и Шульгиным в обли-

ке Шестакова, от нового знания о сущностях, своей и всего мироздания, так теперь — это!

Тем более Шульгин сказал Антону, что пообещал Сильвии скорую встречу в Лондоне. К ней она, видимо, все время и готовилась. Жаль только, что не было у бывшего форзейля полной стенограммы их прощального разговора. Только вольный пересказ. Хорошо, если б Александр оставил в одолженном теле нужный фрагмент своей памяти. Но чего нет, того нет, остается импровизировать, играя на опережение.

За несколько минут он резкими, не требующими детальной проработки штрихами изобразил ситуацию именно сегодняшнего дня, предложив не отвлекаться на утратившие актуальность частности. С точки зрения лица, полностью находящегося в курсе взаимного противостояния последних полутора столетий.

— С тех пор как вы побывали в Москве и плодотворно побеседовали с господином Шульгиным, обстоятельства в очередной раз изменились. Как мне кажется, в лучшую для всех сторону.

В качестве доказательства он показал Сильвии письмо, что она передала Шульгину от имени себя же в варианте «21—84».

— Так это вы и есть? — не сдержала удивления, а может быть, и суеверного страха леди Спенсер.

— Нет, я всего лишь его представитель, но облеченный всеми полномочиями. Как таковой — я ваш коллега и вечный противник, шеф-атташе по планете Земля. Сколько лет занимались практически одним и тем же, как выяснилось, вполне бессмысленным делом, и только сейчас встретились воочию. Когда и дело проиграно, и смысла в нашем существовании якобы нет...

Предупреждая готовые вырваться, вполне естественные в устах Сильвии слова (совсем не хотелось вязнуть в идеологических и профессиональных словопрениях), Антон обрисовал ей самые свежие новости с «межгалактических фронтов». Которые, если признать их достоверными, избавляли его и ее от последних обязанностей долга и присяги. О себе сказал до предела искренне: о том, как помогал землянам вопреки воле и прямому приказу начальства и получил за это пожизненный срок.

— Но знаете, дорогая, не зря я для целей службы, ни для чего другого, изначально изучал людей не с точки зрения «колонизатора» или «цивилизатора», а просто как равных себе! Читал их книги, старался быть одним из них. Выпивал с солдатами у костра чарочку на позициях под Мукденом, хотя со своими погонами мог бы в тот же момент сидеть с генштабистами в резиденции Куропаткина, а то и просто не ездить на ту дурацкую войну. Не жил в таких особняках, как вы, при том что и денег хватало бы, и Дворцовая набережная в Петербурге куда изысканнее вашей Бельгравии.

— Не вижу смысла в упреке, — сказала Сильвия, нервно потягивая розовый джин, любимый напиток королевской семьи.

— Какой упрек, вы просто не дослушали! Когда я встретился с этими людьми, которые через сорок шесть лет всю вашу «контору» поставили сначала на уши, а потом на колени, а лично вас перевоспитали до того, что вы из двадцать первого года одному из них письма стали писать...

При этих словах леди Спенсер, пока еще дама с привычками викторианской эпохи, едва заметно покраснела. Ибо в упоминаемом письме было ска-

зано: «Мы с Александром находились в достаточно близких, взаимоотношений...»

— ... я понял, что с ними можно и следует иметь дело, — продолжил Антон, как бы ничего не заметив. — Отношения у нас складывались не всегда гладко, но в результате упомянутый Александр Шульгин спас меня от крайне печальной участи (у нас не земные тюрьмы, у нас не убегают и не освобождаются условно-досрочно). Теперь я перед вами!

Антон сделал театральный жест, после чего наконец налил и себе наилучшего из возможных в Лондоне виски, ирландского, доставляемого не в бутылках, а в бочонках, вместе с пересыпанным солью и опилками озерным льдом, который перед подачей на стол тщательно моют.

— В письме было также сказано, что после произнесения соответствующей формулы, а может, лучше сказать — заклинания, вы можете воспринимать господина Шульгина как «посвященного первой степени».

Слушайте. «Леди Сильвия приветствует сэра Ричарда и ...»¹

Вам достаточно?

Антон откинулся на спинку кресла, довольный собой, поманил пальцем пробежавшего мимо боя, немедленно подавшего ему ярко тлеющий фитиль в бронзовой чашке с песком, чтобы джентльмен мог раскурить сигару, не оскорбляя свое обоняние запахом серы и фосфора тогдашних спичек.

Их кабинет представлял собой подобие театральной ложи, вполне изолированный с трех сторон, а спереди огражденный деревянным барьером и бархатными шторами, которые в любой момент можно

¹ См. роман «Бои местного значения».

задернуть. А пока — виден общий зал и, главное, входная дверь. Вдруг появится человек, которого ты ждешь, с тем или иным чувством.

— Да, сэр Ричард, теперь мне достаточно. Нет ни малейших сомнений, что вы полномочны представлять названного господина...

— Может быть, в нынешних обстоятельствах мне лучше будет значиться сэром Говардом Грином? Было время, вы представили эту персону почти всему королевскому семейству, многим министрам, в том числе — Уинстону Черчиллю. Я сейчас выгляжу точной копией нашего общего друга, с поправкой на прошедшие годы, естественно.

— Я? Ах да, простите. В двадцать первом году, наверное? И как же мы замотивируем столь долгое ваше отсутствие?

— Последний раз — в двадцать четвертом, — счел нужным уточнить Антон. — Ну, самое простое — я вначале странствовал по Центральной Африке, а потом десять лет прожил в Тибете и окрестностях. Брал уроки просветления лично у далай-ламы. Крайне успешно, замечу. В любом обществе продемонстрирую такое... Да и вам могу!

— Избавьте хоть от этого, — с брезгливой миной отмахнулась Сильвия. — Без меня зрителей и зрительниц найдется в избытке. Чем вы собираетесь заняться на самом деле и какой помощи хотите от меня?

— Ничего сложного. Все в пределах ваших и моих способностей. Вот, для начала рассмотрим первый вариант...

— Подождите, — остановила его леди Спенсер властным жестом руки. — Хотелось бы узнать — зачем нам с вами вновь обращаться к прошлому? Только что и я, и вы обрели свободу. Я об этом да-

же помыслить не могла. Помните известную историю о лошади, которая много лет ходила по кругу, вращая привод насоса для откачивания воды из шахты? Когда ее отпустили на покой, оказалось, что она потеряла способность двигаться по прямой. Так до смерти и ходила по кругу заданного радиуса...

— Ох, вы и скажете, — передернул плечами Антон. — Мы ведь с вами...

— Кажется, русская поговорка как раз и гласит: «Все мы немножко лошади».

— Это не поговорка, это цитата, — машинально поправил даму форзейль.

— Неважно. Суть в другом — зачем нам с вами уподобляться? Может быть, это у вас оттого, что вы по преимуществу жили в России? Там и набрались этакое мессианства. Вечно вам нужно кому-то помогать, кого-то спасать... Удивляюсь, шеф-атташе, а выбрал себе местом постоянного пребывания не самую благополучную страну. Сколько лет?

— С тысяча восемьсот семьдесят седьмого года. Подменил ушедшего на покой предшественника во время первого штурма Плевны. Никто не заметил, а будущий государь Александр Третий меня зауважал. Сначала я возглавил атаку ударного полка, а чуть позже дал несколько толковых советов Горчакову. В России мне всегда нравилось жить. Чувствуется там постоянный драйв. За что и поплатился...

Об ужасах «покаяния» ему вспоминать не хотелось. Даже Владимирский централ лучше.

— Так, может быть, обратимся к британскому опыту? Здесь люди, отслужив положенное время в колониях, возвращаются домой, обеспечив постоянный доход, и остаток дней проводят, сибаритствуя и добирая упущенные радости жизни. Кто розы

★ разводит в имении, кто путешествует частным образом...

— Хорошо, — неліцемерно ответил Антон. — И правильно. Но многие ведь и в политику подаются...

— Разве нам с вами это надо? Хотите, купим билет на пароход в фирме Кука и поплывем? Вокруг света, а то и дальше... — Лицо леди Спенсер приобрело мечтательное выражение.

«Да и неплохо бы, — подумал Антон. — С такой красоткой, в соседних каютах...»

— На мое взаимопонимание можете рассчитывать, — расплылся он в улыбке. — Тем более, вы уж извините, мое тело помнит... И восемьдесят четвертый, и двадцатые...

— Бестактно, мой друг, очень бестактно, — пристукнула рукой по столу Сильвия.

— Вам ли говорить? — воспроизвел Антон на Сашкином лице несвойственную тому мину. — Будто я не в курсе стиля жизни британских аристократок. Но дело не в этом, — пресек он возможное развитие интересной темы, — а в том, что не далее как через полтора года может начаться новая Мировая война. Вторая. Я знаю будущее, в отличие от вас. И ваш любимый город почти пять лет будет подвергаться непрерывным бомбардировкам с воздуха. Сначала бомбардировщики, а ближе к концу войны — уже и баллистические ракеты. Слава богу, без ядерных боеголовок. Ядерные тоже будут, но уже по Японии.

— Опять немцы начали? — спросила Сильвия.

— Немцы, итальянцы, японцы. И всякая европейская мелочь. Против новой Антанты в том же составе... Пятьдесят миллионов только убитых по всей планете. Сибаритствовать удастся разве что на

вашей вилле в Андах. Да и то радио и газеты не позволяют полноценно отдыхать. Есть другой вариант —сбежать на Таорэру. Она же Валгалла. Но я не поклонник робинзонад. Читать люблю, а так — нет.

— Хорошо, сэр Ричард...

— Можно — просто Антон...

— Пусть так. Давайте ваши варианты. Можем же мы поработать и лично на себя? Только ведь... Капитуляция, да? Мы, представители двух великих цивилизаций, опускаемся до того, что начинаем прислуживать... Кому? Землянам!

— Не то, дорогая. Эти «земляне» сделали нас... Одной левой, — сказал он по-русски. Леди поняла. — И не только нас, а и кое-кого повыше. Согласны? «Свободу» мы из чьих рук получили?

Рассмотрев и первый, и несколько других вариантов, к разработке и проработке которых, сняв стресс и отстранив ненужные отныне «нравственные категории», активно присоединилась окончательно осознавшая собственную полную индивидуальность леди Спенсер, они решили достойно отметить теперь уже «Лондонский» пакт.

В Ставангере соглашение о нейтралитете тогдашняя Сильвия и тогдашний Антон завершили автомобильным круизом по окрестным кабакам и приятной ночью на яхте, пришвартованной к одному из многочисленных островов Бокна-фьорда. Сейчас аггрианка, помнящая о том, что «близким другом» сэра Ричарда она стала на семнадцать лет раньше текущего момента, не нашла причин, чтобы изображать из себя недотрогу. Только, за неимением поблизости подходящей случая яхты, пригласила нового друга и союзника к себе.

Антон не выносил спать с женщинами. В том смысле, чтобы именно спать. Он всегда уходил в отдельное, желательно снабженное надежными замками, а еще лучше засовами, помещение. Во сне человек (или не совсем человек, не слишком важно) принадлежит не себе. В лучшем случае, своему *бессознательному*, в худшем — любому, кто захочет его убить или подчинить своей воле.

Сильвия возражать не стала, объяснив, что он может располагаться в любой гостевой комнате, начиная с третьей двери по коридору слева.

— Завтрак у нас в девять, не опаздывай.

— Ни в коем случае.

Невзирая на февральскую непогоду за окном, он поднял верхнюю створку окна, чтобы задувал холодный ветер и слышен был частый стук дождевых капель по жестяному козырьку. Поставил пепельницу на прикроватный столик, включил радиоприемник, погасил настольную лампу.

«Новая жизнь начинает удаваться, — подумал он, — пусть так и будет отныне и навсегда! Черт бы с ней, с «Родиной», если она такая. Понятно, не мне менять столетичные традиции, пусть они делятся еще столько же, но только без меня».

Прав был учитель Бандар-Бегаван, давным-давно указавший, что не следует дипломату впадать в ересь «отождествления». Кончиться это может плохо или очень плохо. А что ж поделать, если ереси приходят сами, подчиняют себе нестойкие натуры, и ты незаметным образом проникаешься чуждым образом жизни и философией? Спасение одно — регулярное «кондиционирование». А если пропустил раз или два положенную процедуру, руководству-

ясь вдобавок сознательным преступным умыслом, тут тебе и конец. Все равно *надлежащие службы* так или иначе вычислят, «без гнева и пристрастия» совершат над отступником предписанный обряд.

Ему повезло, как никому в официальной истории Департамента, а другой он и не знал.

Тело от Шульгина он получил «пустое», как хорошо вымытую бутылку, без всяких следов «предыдущего содержимого». Но так ведь не бывает, пустился он в размышления. Мозг и вегетативная система слишком сложные конструкции. Ладно, не осталось в них *значащей* информации, а как быть с давно сформировавшейся схемой взаимодействия нейронных структур, особым развитием тех или иных долей и зон коры и подкорки? Они ведь в чем-то подобны системе кровообращения, к примеру. Сосуды у всех разные, и кровь, подгоняемая сердцем, выбирает наиболее удобные и отвечающие нынешнему состоянию организма пути. У спортсмена одни, у паралитика другие...

Значит, и его собственные, определяемые матрицей личности мысли все равно будут определенным образом трансформироваться «под хозяина». И получится в итоге некий гибрид из собственно Антона и Сашки. Непонятно как устроенный и в каком направлении ориентированный.

Конечно, произойдет это не сегодня и не завтра, но предусмотреть такое развитие процесса нужно. Чтобы выбраться без потерь или с минимальным ущербом для личности.

Антону было очень жаль, что в этом мире не сохранилось его двойника или аналога. Как у Сильвии, как у Шульгина. Куда как хорошо и удобно было бы возвратиться в собственное тело. Однако нет. По независящим от него причинам он существ-

вовал в единственном экземпляре, который и был отозван Вышестоящими для исполнения новых функций. Его редкие, продиктованные сентиментальностью и другими соображениями возвращение в ментальное поле Земли, в любую из параллелей, не сопровождалось возникновением «резервных копий». Отчего было именно так, Антон мог только догадываться. Скорее всего потому, что в отличие от аггрианских резидентов он представлял собой «иную сущность», исходно базировавшуюся не на физический объект «планета Земля», а на Замок, явление внепространственное и вневременное.

Замок! Не случайно он возник в его памяти и воображении именно сейчас. Может быть, проникнув туда, самостоятельно или с помощью Шульгина и его товарищей, он сможет обрести исконно принадлежавшее ему тело?

Выйдет или нет, сейчас сказать трудно. Даже зная о своем бывшем пристанище невероятно много (по меркам друзей-землян), на самом деле он находился с ним в таких же отношениях, как командир с вверенным его командованию линкором. В принципе пойдет, куда прикажешь, сможет вести бой, победить или погибнуть, любой его механизм через цепочку передаваемых сверху вниз приказов должен сработать, как требуется. А на самом деле? Что происходит в головах полутора тысяч офицеров и матросов, внутри турбин, приводов, реле, автоматов управления огнем, гирокомпасов и прочего, и прочего, и прочего — кто-то, кроме бога, может иметь представление? Да и бог, наверное, не всегда, ибо сам наделил свои творения свободой воли.

Нет, с Замком Антон решил разбираться не сейчас. Позже, намного позже, когда станет, с извест-

ной долей достоверности, понятно, не ошибся ли Шульгин, не слишком ли опрометчивые выводы сделал, совсем чуть-чуть прикоснувшись к тайнам Сети.

За завтраком Сильвия вела себя как любезная хозяйка, принимающая старого знакомого, с которым, кроме общих деловых интересов и давних воспоминаний, ничего не связывает.

— Скажите, сэр Ричард, у вас есть на Земле собственная резидентура, подобная моей? Не пришлось раньше выяснять, а интересно.

— Сожалею, но нет. Я всего лишь одинокий волк. Когда требовалось, прибегал к услугам людей, крайне редко посвящая их в суть и смысл происходящего. В чем и заключается разница между нами. Зато у вас наверняка остались подчиненные агенты низших рангов. Готовые исполнять приказы, не вникая. В Москве я знаю Лихарева, кое-кого в Париже, Нью-Йорке, сэра Говарда Грина, само собой. Впрямую взаимодействовать не приходилось, вы понимаете. Этика и все такое. Я даже в восемьдесят четвертом, в момент крайнего обострения, не сделал попытки обратиться к Ирине Седовой, не вмешался в московские эскапады вашего Джорджа... Как его? Он еще работает?

Спросить бы следовало иначе. «Уже» работает? Сорок пять лет — большой срок. Координатором по Западной Европе мог быть и другой «человек».

Но он попал верно.

— Уолмсли? Баронет? Да, работает. Приятно слышать, что он остался на своем месте и в ваше время. Неплохой специалист. На него я могу полагаться в куда большей степени, чем на координаторов по России. Они там все какие-то не до конца управляемые... Вот и Лихарев тоже.

— Вечная беда, — сделал сочувственное лицо Антон. — Управляемые не справляются, неуправляемые разбегаются. Такая уж страна. Со мной тоже ошиблись, надо было голландцем или немцем сделать. Да, кстати, у вас в подчинении коренные немцы есть или Джордж за все про все?

— Есть один. Рудольф Гиршман. Только с ним проблемы. Не рассчитали мы, что у евреев начнутся проблемы с приходом Гитлера. Он, строго говоря, совсем и не еврей, мать немка из дворян, сам лютеранин, еще при кайзере получил звание коммерц-советника. Весьма богат, обширные связи, позиции — лучше не придумаешь. И вдруг началось... Сменить ему облик и роль несложно, так позиции будут утеряны...

— Бежать ему надо, — посоветовал Антон. — Еще пара месяцев, может и опоздать. Скоро там «окончательно» вопрос решать начнут. Отправьте его хоть в Америку. Если прямо сейчас, то капиталы в заграничные банки перевести успеет, а дублера нужно в СД или в верхушку армии внедрять. Там никого нет?

— Два-три человека есть, обычные агенты, люди. Не из высших кругов.

— Недоработали, — с усмешкой пожурил партнершу Антон. — К Сталину Лихарева подвели, а Гитлера забыли...

— Всерьез не приняли, — не стала возражать Сильвия. Но тут же перешла в наступление, будто действительно отчитывалась перед инспектором из Метрополии. — Мне что, разорваться? Англия, Франция, СССР, Япония — вот где геополитика, как мы ее понимаем. Германия всего два года назад особого внимания не заслуживала.

— Да по-хорошему и сейчас не особенно, — со-

гласился Антон. — Вплотную взяться, при своих и останется. Только браться надо немедленно. Мне нужен выход на РСХА, хорошо бы на Гейдриха. У ваших друзей никаких связей в ту сторону не просматривается?

— Разве через леди Астор, — начала перебирать варианты леди Спенсер. — Она ярая германофилка, но признает только старую аристократию. Гитлеровские выдвиженцы для нее — парвеню.

— Для нее — возможно, но она же не одна. Может, в разведке кто найдется, среди дипломатов... Чемберлен же как-то с немцами контакты поддерживал, или в вакууме жил, исключительно за идею боролся? Не верю.

— Простите, Антон, — вдруг спросила Сильвия, — а сами вы в это самое время чем занимались? У вас что, своей отлаженной структуры не было? Как же так? Новая мировая война, как вы говорили, грандиозное потрясение, а шеф-атташе, отвечающий за планету целиком, ничего не предостернул, порядка не навел и даже влиятельной агентуры среди вождей враждующих племен не завербовал?

— Прежде всего, заметьте, я — это не вы. Дело прошлое, понятия военных и прочих тайн для нас с вами больше не существует. Могу сказать. В тот период моей деятельности, как и до конца ее, главной задачей было контролировать *ваше* поведение, время от времени пресекая неуместные, с точки зрения моего руководства, поступки. Чисто человеческие проблемы меня касались постольку-поскольку. Я был, как говорят в России в определенных кругах, *смотрящим*, а не вице-королем Индии.

Иногда я выполнял прямые указания, например, помог Рузвельту вступить в войну на стороне «но-

вой Антанты». Получив приказ, сумел бы, надеюсь, нейтрализовать Гитлера. Не приказали. Но оставим, сейчас это не имеет никакого значения. Курс истории новейшего времени читать не собираюсь, тут и в учебный год не уложимся. Давайте ограничимся тем, с чего начали, — поищите подходы к гитлеровской службе безопасности. Сам я готов изобразить кого угодно, например, личного, конфиденциального посланника короля Георга. Или — наоборот, профашистски настроенного члена «Хантер-клуба». Как потребуется.

Кроме того, мне нужен дипломатический паспорт на имя все того же Говарда Грина, чтобы не затрудняться придумыванием новых псевдонимов, и командировка в Москву под совершенно невинным предлогом дня на два-три. Дипкурьером, например. Конечно, еще ваше приказание Лихареву внимательно меня выслушать.

— Боже, к чему такие сложности? Если моя аппаратура по-прежнему действует, можем устроить сеанс связи прямо сейчас. Скажете ему все, что хотите... С моей подтверждающей санкцией.

— Как раз этого и не нужно. Обойдемся тем, что я сказал. Никаких интриг за вашей спиной я не плету, можете не опасаться. Партнеры — значит, партнеры. Союзники, друзья, как угодно. Связанные одной цепью, сидящие в одной лодке... Дело в том, что мне нужно побывать в Москве в своем физическом облике, встретиться с одним человеком, по личному меня касающемуся вопросу. Ну и с Лихаревым побеседовать отнюдь не в нынешнем качестве. Ему еще рано знать суровую правду. Так как?

— Вы все сказали. Выбора ведь нет ни у меня, ни у вас. Обманывать глупо, спорить по мелочам тем более. Документы будут готовы в ближайшее

время. Билет на самолет тоже. А сейчас не поехать ли нам в мой клуб? Партия в бридж, несколько новых знакомств, хороший обед. Согласны?

— Какие вопросы, дорогая? Жизнь продолжается...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

На следующий день, ближе к вечеру, Великобританию облетела трагическая весть, сначала по радио, а потом через экстренные выпуски газет. Премьер-министр, сэр Невилль Чемберлен, был убит на пороге своей резиденции тремя пистолетными выстрелами в упор. В старой доброй Англии такого не случалось очень и очень давно.

Убийца был схвачен на месте секретарем и шофером премьера, сопротивления не оказал, более того, с усмешкой отдал свой вполне исправный и готовый к дальнейшей стрельбе «браунинг». Но по дороге в ближайший полицейский участок (отчего не повезли террориста сразу в контрразведку и не надели хотя бы наручники, никто впоследствии объяснить не мог) он спокойно принял яд и скончался почти мгновенно.

Через несколько часов было установлено, что убийца принадлежал к крайне правому крылу ирландских сепаратистов, со времен, предшествовавших Мировой войне, финансируемых и поддерживаемых Германией. Неназванные представители «Интеллидженс сервис» и широко известные политические журналисты дружно выразили свое неодобрение. Сэр Невилль был как раз ярким германофилом, от всей души поддерживал политику «невмешательства», позволяющую Германии и Италии делать в Испании все, что им заблагорассудится.

В яростных спорах с Черчиллем и прочими здравомыслящими политиками он неоднократно прямо заявлял, что видит свое особое предназначение в том, чтобы достигнуть дружеского соглашения с Гитлером и Муссолини. Любой ценой, в том числе признания права Италии на захват Абиссинии, возвращения Германии ее бывших колоний и согласия на полную «свободу рук» Гитлера восточнее Польши.

Всего две недели назад он в крайне резкой форме отклонил секретное личное послание президента Рузвельта, предлагавшего рассмотреть возможность создания системы поддержания мира и спокойствия в Европе с участием всех «демократических» государств. Включая и Россию, невзирая на ее нынешнее правительство, а исходя исключительно из геополитики.

Сэр Невилль, пренебрегая давними традициями, не постеснялся ответить президенту, единственно близкому по духу, а главное — неуязвимому союзнику, что даже начало подобных консультаций вызовет сильнейшее раздражение Германии, Италии и Японии. Англия на это пойти не может.

Зачем же прогерманским сепаратистам было убивать столь полезного человека? Никогда больше в гордой Британии не нашлось бы политика, столь тяготеющего к национальному суициду. А впереди у него еще был Мюнхен, где он бесплатно отдал немцам Чехословакию с ее мощной армией, Судетским укрепрайоном и военными заводами. И «странная война», когда Англия, и под ее давлением, Франция, не поддержала воюющую Польшу, а чуть позже и сама практически едва не капитулировала, испытывав ужас и позор Дюнкерка.

Вот такой человек глупо и жалко умер на грязной брусчатке Даунинг-стрит, хрипя и отплевыва-

ясь кровью. Знаменитый котелок, которым он помахивал, возвещая Англии мир на целое поколение, откатился в лужу, белый пластрон намокал бурокрасным.

Кто их поймет, этих экстремистов! Гаврила Принцип в четырнадцатом году застрелил в Сараеве эрцгерцога Фердинанда, единственного из Габсбургов, кто не хотел войны и мог ее предотвратить. Что в итоге получили сербы и прочие боснийцы?

Со смертью Чемберлена возможность новой Мировой войны, похоже, значительно отдалилась. Следовательно, убийца, кем бы он ни был, сыграл «прогрессивную роль в истории», дал лишний шанс скатывающемуся в самую глубокую из всех возможных пропастей миру.

Неглупых аналитиков в то смутное время хватало. По обе стороны баррикад. Прямолинейно, но последовательно мыслящие уже на следующий день заявили, что смерть премьера выгодна только СССР и США. Пусть и по разным причинам. Увлеченные внутренними проблемами заявили, что теперь к власти неизбежно придет «партия войны». Под ней понимали Черчилля, Идена и часть королевского окружения. То есть тех людей, которые со времен четырнадцатого года были уверены, что с Германией, мечтающей о возрождении «флота Открытого моря» и вновь начавшей постройку линкоров, никаких общих дел иметь нельзя.

Моря должны оставаться под англосаксонским контролем. Отсюда же вытекала мысль, что Россия, даже коммунистическая, как держава континентальная соперничества Британии на морях составить не может, но для поддержания баланса в Европе вполне годится в качестве союзника. Особенно учить-

вая факт, что сейчас, в отличие от четырнадцатого года, ресурсами и дипломатическими возможностями для занятия Стамбула и проливов не обладает.

Аналитики, что друзья, что враги сэра Уинстона, не ошиблись.

Черчилля, бывшего тогда всего лишь военно-морским министром, вызвали к королю. Впоследствии он так описал эту судьбоносную аудиенцию: «Его Величество принял меня очень любезно и пригласил сесть. Он смотрел на меня некоторое время испытывающе и лукаво, а потом сказал: «Думаю, вам неизвестно, зачем я за вами послал». Я ответил в том же духе; «Сир, я просто ума не приложу зачем?» Он рассмеялся и сказал: «Я хочу просить вас сформировать правительство. С учетом всех печальных обстоятельств». Я ответил, что, конечно, сделаю это»¹.

Антон, узнав о назначении Черчилля премьер-министром, тут же примчался к Сильвии. Отдал мокрый плащ, зонт и котелок слуге, поправил перед зеркалом прическу. Следом за хозяйкой поднялся на второй этаж, в ее кабинет. Выбрал кресло, стоявшее спинкой к эркеру.

— Я вас поздравляю, леди. Теперь вы вошли в ближний круг. Сэр Уинстон, безусловно, не забудет прежней дружбы и нынешней услуги. Его мечта исполнилась. Теперь я тоже не против с ним повидаться. Вряд ли он меня забыл. Тринадцать лет не срок, тем более для крупного политика. У меня есть интересные предложения.

¹ У. Черчилль. Вторая мировая война. Воспоминания. М., 2003 г.

— Не рано ли, друг мой?

— Если думаете, что рано, могу подождать. Но не больше недели. С Испанией нужно что-нибудь делать. И с Гитлером тоже. Не говорю о Сталине. Но вы убедились, что наша методика работает? Без всяких *высших* вмешательств?

— Убедилась, — кивнула Сильвия, почти непроизвольно одергивая юбку. Слишком пристально друг-конфидент рассматривал ее колени. Она бы и не возражала, но смешивать большую политику и плотские утехи ей пока не хотелось.

— Это вы убили Чемберлена?

— Фу, как грубо, — оскорбился Антон. — В жизни своей никого не убивал. Хотите верьте, хотите нет. Это ваши сотрудники подобным грешили. А я иногда не препятствовал определенным «эксцессам исполнителей», иногда их, бывало, стимулировал. Но руки мои чисты, — словно бы в доказательство, он протянул Сильвии свои ладони.

— Верю, дорогой, верю. Но почему он умер так непристойно и своевременно?

— Расклад-с, — только и осталось Антону вспомнить старый анекдот преферансистов.

— Дальше что делать будем?

— Воевать, май бьютифул леди, воевать. Впереди полвека необъявленных войн, и мы подписали контракт на весь срок. Хорошо, теперь исходя только из личных соображений! Но результат вполне может оказаться тем же самым...

— Как будто у нас есть выбор, — с неожиданной для ее облика печалью сказала Сильвия.

— На том и сойдемся. Как с моими документами?

— Наверное, послезавтра все будет готово. Траур трауром, но наша бюрократия работает четко в любых обстоятельствах.

Шульгин начал сворачивать свою миссию. Задача была выполнена. Уцелевшие при штурме дворца каудильо бойцы поместились в пять самолетов. Из шестидесяти спецназовцев Гришина убиты было пятнадцать. Еще половина ранены. Потери интернационалистов и коренных испанцев превышали пятьдесят процентов. Очень, очень много, так нельзя воевать, корил себя Сашка, одновременно признавая, что итог куда важнее.

Что, три дивизии, целиком погибшие при неудачной попытке прорвать вражеский фронт, стоят меньше, чем полторы сотни солдат, обеспечивших успех стратегической операции? По отдельности каждого жалко, особенно если видел их в лицо, разговаривал и обещал светлое будущее. А потом он лежит, ничком или навзничь, и на него падает нетающий снег.

Зато минимум миллион человек продолжают жизнь, не догадываясь, чему и кому они этим обязаны. Может быть, осуждая и ненавидя спасителей и победителей.

— Товарищ Рокоссовский, — сказал он, входя в кабинет Главного военного советника, — теперь все возлагаю на вас лично, полностью.

Зампред Совнаркома Шестаков выглядел плохо, на взгляд комдива. Куда делись бывшая вальяжность и плотность тела? Щеки ввалились, глаза горели нездешним огнем, и движения казались чересчур резкими.

Он, разумеется, не знал о том, что Сашка сделал своими руками, думал, что тот всего лишь руководил десантной операцией. Сидя в сравнительно безопасном месте, как положено начальнику. Но и в этом случае легко такие рейды не обходятся.

— Что, Григорий Петрович? Что возлагаете?

— Все, — повторил Шульгин. — Всю полноту военного руководства. После смерти Франко замены ему не найдется. Немцы и итальянцы на днях начнут эвакуацию. Гарантирую. Прието будет поддерживать вас как минимум полгода. Деваться ему некуда. Последний расчет получит как раз в июле. Все подчиненные вам боееспособные части, особенно бригаду Кривошеева, сосредоточьте в Мадриде. И знаете, для чего?

— Наступать на Малагу и Кадис? — предположил Рокоссовский.

— Нет. Когда испанцы закончат собственные разборки, подпишут мир, или не знаю что, какой-нибудь «пакт Монклоа¹», вы будете гарантом стабильности. Жестким и даже жестоким. Не принимающим во внимание ничьи интересы, кроме наших. Чтобы подопечные не передрались. Как говорил Император Николай Первый, чтобы ни одна пушка не выстрелила без нашего разрешения. Вы уловили мою мысль?

— Так точно. Триста танков, почти пятьсот самолетов и двадцать тысяч пехоты будет достаточно. А вы оставите мне своих бойцов? Зачем они вам в Москве?

— Оставляю, Константин Константинович, оставляю. В Москве начнутся совсем другие дела. Главное же — я вам оставляю деньги. Много денег. Это входит в мои обязанности и возможности. И расскажу, как их нужно использовать. Считайте, помимо всех иных властей, вы как бы здешний прокуратор. Пол-

¹ После смерти Франко в 1975 г. все испанские политические силы, франкисты, оппозиция, коммунисты, профсоюзы подписали совместное соглашение о том, что все разногласия остаются в прошлом и начнется строительство демократической Испании «с чистого листа». Одновременно все согласились на реставрацию монархии в лице короля Хуана Карлоса.

пред будет согласовывать с вами все дипломатические шаги. Историю Древнего Рима учили?

— Не так чтобы очень, — смутился комдив.

— Почитайте на досуге.

Решив, что главное сказано, Шульгин жестом показал, что налить уже пора. Тем более — есть повод. Рокоссовский подал стоявший на тумбочке графин сухого.

— Вам, Павлову, Громову и еще нескольким товарищам сегодня присвоено звание Героев Советского Союза...

Сказанная ритуальная фраза самому Сашке внезапно резанула слух. Хотя и слышал он ее с детства сотни тысяч раз.

Как это — «Вам присвоено»? Вами присвоено — логично. А — вам? Вы удостоены — нормально. Но вдаваться сейчас еще и в лингвистические тонкости он не хотел.

В Москву Шульгина не слишком тянуло. В этой именно роли. Хотя почти любому человеку предстать перед вождем полным триумфатором было бы более чем лестно. Ни один советский деятель после Фрунзе с его знаменитой телеграммой: «Южный фронт ликвидирован, Гражданская война окончена!» — не мог похвастаться такими успехами в столь короткое время.

Но что его ждет там? Новый взлет или опала? Очень даже возможная. Лично Сашке на любой вариант было плевать. Только дело хотелось довести до ума.

Сталин как раз в это время был в полном восторге. На ту карту поставил, тому человеку доверил. Всему миру показал, что Советский Союз надо

принимать всерьез. Если уж он смог за тысячи километров от своих границ оказать помощь Пиренейской Республике, на которую всей мощью навалились не только собственные контрреволюционеры, но и претендующие на роль мировых держав Италия с Германией, то чего многочисленным врагам ждать на гораздо более близких территориях?

Как же вознаградить победителя? Очень хороший человек. Умный, смелый, талантливый. Тем и опасный. Молотов не опасный. Каганович тоже. Апанасенко талантливый, грубый, самого товарища Сталина матом и на «ты» посылал, но все равно не опасный. Этот — сложнее. С кем сравнить — с Троцким? Не подходит. Шестаков не политик. Совсем. Проявил себя очень способным руководителем и полководцем. Но не Наполеон. Здесь бояться нечего. Власть перехватывать не возьмется. Фрунзе! Вот! Очень похож Шестаков на Фрунзе. Не полностью, не совсем. Однако — типаж! Стоило Михаилу Васильевичу захотеть — ничего бы тогдашний Сталин не смог бы ему противопоставить. Не захотел — хорошо. Спасибо врачам, от язвы желудка вылечили. Радикально. В сорок лет. Как бы с ним иначе дальше жить и работать? Дзержинский тоже вовремя умер. В двадцать шестом. Это же надо такое сказать с трибуны: «Скоро к нам придет диктатор с красными перьями».

Как будто сам был ангелом с белыми. Все предатели и сволочи!

Сталин завершил очередной круг по кабинету. Как хорошо, что никто не мешает думать.

Дать Шестакову «Героя»? Мало. Старшим лейтенантам столько звездочек раздали, что цена ее — как «Анны» третьей степени.

★ Произвести в маршалы? Неплохо. Ряды следует пополнять. Одних «разоблачили», новых назначили. А зачем? Григорий Петрович рядом с Буденным и Ворошиловым смотреться не будет.

Иосиф Виссарионович вспомнил сказанные Шестаковым слова. «Я хочу командовать Тихоокеанским флотом». Очень хорошие слова. Почему бы не пойти товарищу навстречу? Сделаем его подобием адмирала Алексеева. Наместником Дальнего Востока, комфлотом, дадим звание, которого ни у кого еще нет. Допустим — адмирал флота. Вообще пора восстановить адмиральские звания. И генеральские тоже. Да и погоны, наверное. Двадцать лет прошло, старые штампы можно забыть, а традиции — они и есть традиции. Ладно, еще подумаем. Не горит.

Но с Шестаковым нужно решать незамедлительно. Или пусть сначала вернется, поговорим с глазу на глаз, тогда и определимся.

Это было в характере Сталина — все предварительно продумать, разложить по полочкам, но окончательное решение отложить на последний момент. К судьбам людей это особенно относилось. Бывало, косою взгляд, не к месту сказанное слово перевешивали самые рациональные доводы. На то он и вождь, а не бухгалтер. Интуиция, чутье, озарение — называйте как хотите, но без этого на вершине власти долго не удержаться.

Сейчас интуиция нужна для другого. С европейской шахматной доски одна за другой исчезли две сильные фигуры. Франко сам по себе, допустим, слон, но до последнего занимавший длинную диагональ и прикрывавшийся ладьей и фигурами помельче. Зато Чемберлен позиционировал себя не иначе, как ферзем. И — нет его! Странно, очень странно. Смысл устранения не просматривается. Что это сде-

дали не мы — факт. Но далеко не факт, что нам это на пользу. Черчилль — старый знакомец, антикоммунист и антисоветчик с первых дней революции. При нем курс Англии может еще ужесточиться. Но немцев и Гитлера лично он не любит и опасается в не меньшей степени. Значит, открывается простор для маневра. Что бы там ни говорили мудрецы-политики — Мировая война до сих пор не закончена. Просто, как писал Ленин, пока еще длится передышка. Мы ею воспользовались в полной мере, но счета до сих пор не закрыты. Не возвращены утраченные по Версалю и Бресту территории, Черное море все так же заткнуто турецкой пробкой. Половина Сахалина и Курилы у японцев.

Зато теперь у нас есть Испания с несколькими отличными портами. Но нет океанского флота и долго не будет. Не потянуть. Царская Россия смогла после Цусимы восстановить его за девять лет, а мы двадцать продолжаем использовать «остатки бывлой роскоши».

Сталин, в отличие от Ленина и Троцкого, флот любил. Несколько иррационально, эстетически, как, наверное, и Гитлер, пехотный ефрейтор. Флот — синоним имперского величия. Броня, пушки, ряды выстроенных на шканцах матросов в парадных формах. По правде же — что такое «Бисмарк» и «Тирпиц» в сравнении с Гранд-флитом? Букашка на рукаве. Кайзеровский «Хохзеефлотте¹» имел десятки отличных линкоров и линейных крейсеров, и где он? Сгодился лишь на то, чтобы мятеж в Киле устроить и в английском плену затопиться. И все равно теперь строят новый!

Так же и Сталин мыслил. Была бы у него воз-

¹ Флот Открытого моря.

★ возможность, приказал бы строить линкоры — эскадру за эскадрой, как японцы. Но понимал, что ни финансов, ни технической базы для этого нет. Так не «разменять» ли Испанию на что-нибудь более практичное?

Он велел Поскребышеву пригласить к нему Литвинова часов после двадцати двух. Нужно дать наркоминделу время подготовиться. К чему — пусть сам соображает.

Гитлер в это же самое время совещался с группенфюрером СС и начальником РСХА Рейнгардом Гейдрихом. Гимmlера ему видеть и слышать не хотелось. Верный товарищ, но отличающийся удивительным отсутствием полета фантазии. Тоже по натуре бухгалтер. Потом его назовут «бухгалтером смерти». Но — потом. Тем не менее обсуждать с ним вопросы тонкой политики бессмысленно.

Гейдрих — совсем другое дело. Полная противоположность. Фанатик интриг и тайных операций. Виртуоз. Не зря великолепно играет на скрипке. И служил на флоте. Обер-лейтенантом всего лишь, но тем не менее.

— Как вы думаете, Рейнгард, у нас есть способы подойти к нынешнему руководству сталинского НКВД?

— На каком уровне, мой фюрер?

— Я думаю, сразу к Заковскому, — эту фамилию фюрер выговорил с некоторым усилием. Чужая фонетика. — Вы же с ним контактировали раньше? Пока он только входит в курс дела, неплохо бы сориентировать его на определенные приоритеты. Чтобы нас англичане не опередили.

— Да, контактировали, в других обстоятельствах

и по другим поводам. Тогда инициатива исходила из окружения Ежова и, как предполагаю, с санкции самого Сталина. Собственных выходов на Заковского, увы, у меня нет. Абсолютно все *весомые персоны*, с которыми осуществлялась связь, сразу же были перемещены на менее значимые должности или вообще отстранены. На Лубянке идет большая перетряска.

— Думайте, Гейдрих, думайте. Это очень важно.

— Разве только сыграть в открытую? Поручить нашему человеку в посольстве передать Заковскому записку из рук в руки? Технически это осуществимо. А смысл послания?

— Идея мне нравится. Так и надо, без всяких шпионских штучек. И смысл самый простой. Руководство РСХА в связи с изменением мировой конъюнктуры желает обсудить некоторые вопросы, представляющие взаимный интерес, на неправительственном уровне. Встреча может состояться в Москве, для чего туда прибудет облеченный доверием представитель. Может, вы и будете этим представителем, Гейдрих?

— Я готов, мой фюрер. Никогда не был в Москве. Но ведь Заковский немедленно доложит Сталину. У них там иначе быть не может.

— А вы, Рейнгард, вы ведь тоже доложили бы мне, получив подобное предложение? — Гитлер пытливо посмотрел группенфюреру в глаза.

— Несомненно, мой фюрер!

— Вот пусть и он докладывает. Если согласие на встречу будет получено, сразу станет ясно... Вы понимаете, о чем я говорю.

— Да, мой фюрер. Я займусь этим немедленно.

— Спасибо, Рейнгард. А я пока подумаю, о чем же вы станете говорить.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

В тридцать восьмом году полет из Лондона в Москву занимал целый день, включая пересадку в Берлине. Сильвия могла бы переправить Антона в красную столицу мгновенно, но роль нелегала его сейчас не устраивала. Все должно быть как положено, с регистрацией на границе, правом экстерриториальности, законным поселением в «Метрополе» и так далее. Внимание со стороны ГУГБ тоже обеспечено, но как раз это бывшего форзейля не волновало. От слежки, если такая и будет установлена, он уйдет в любой нужный момент, да так, что «наружники» ничего не поймут.

Самолет оказался достаточно комфортабельным, двухмоторным, из четырнадцати мест были заняты только восемь. Антон оказался единственным пассажиром в заднем ряду. Это его устроило, не нужно будет поддерживать необязательные разговоры с незнакомыми людьми. А в полете очень многими овладевает неудержимая болтливость от страха или, наоборот, избытка волнующих ощущений.

Убедившись, что трап поднят, входная дверь закрыта и никто больше в салон не войдет, Антон, получив от стюарда положенный стаканчик виски и пакет с леденцами, развернул газету. Комментарии по поводу гибели премьер-министра все так же заполняли первые страницы. Большинство из них были удивительно глупыми, но это к лучшему. Сумятица в умах вполне соответствует требованиям момента.

Пакет для британского посольства он вез во внутреннем кармане пиджака, поэтому кожаный портфель небрежно сунул на багажную полку. По-

ложенный по должности пистолет, на который имелось особое международное разрешение, пристроился в наплечной кобуре и снаружи был совсем незаметен. Только вряд ли им придется пользоваться, он же не Теодор Нетте¹.

Над Ла-Маншем лайнер взобрался наконец на положенные десять тысяч футов. Моторы гудели ровно и мощно, потряхивало совсем немного, половина пассажиров, те, кто летели не в первый раз, начали подремывать. Прочие вглядывались в медленно ползущую внизу землю Европы, не оставляя без внимания бесплатные напитки из бара. Авиакомпания не скупилась, доказывая, что летать не только выгодно, но и приятно.

Худощавый джентльмен лет сорока, с сильно загорелым, несмотря на зиму, лицом, сидевший во втором ряду, поднялся со своего места, направился в хвост, уверенно ступая, не цепляясь за спинки кресел, что выдавало привычку если не к воздушным перелетам, то к палубам кораблей. Тем более в руке он нес почти полный высокий стакан, и жидкость в нем не плескалась.

— Простите, сэр, — мягким баритоном произнес он, останавливаясь рядом с Антоном. — Вы позволите присесть рядом?

«Ну, начинается», — с тоской подумал тот. Пожал плечами, кивнул, показывая, что возразить не позволяет вежливость, но поддерживать общение желания не имеет.

¹ Советский дипкурьер, погибший в 1926 году, защищая дипломатическую почту при пересечении территории Латвии. По смертно награжден орденом Красного Знамени. См. стихотворение Маяковского.

Мужчина явно не собирался вдаваться в такие тонкости.

Сел, вытянул ноги, глотнул, прижмурился от удовольствия.

— Виски у них правда неплох, не обманули. Оценили?

— Пожалуй, но бывает и получше...

— Не смею спорить. Но на такой высоте, да если подумаешь, а не последние ли это глотки...

— С такими мыслями лучше ехать поездом.

— Не всегда есть возможность выбирать. Вы верите, что в случае аварии задние места безопаснее?

— Если авария при посадке — шансов немного больше. А если падать с высоты — никакой разницы.

— Спасибо, успокоили, — усмехнулся мужчина, снова глотнул. Непохоже было, чтобы он действительно боялся. Не тот типаж.

Тогда в чем смысл именно такой завязки разговора? Новая мода? На земле говорить о погоде, в воздухе — о возможном падении?

Помолчали. Джентльмен вытащил пачку сигарет, выдвинул пепельницу из подлокотника.

— Не возражаете?

— Курите, о чем речь...

— Я вижу, вы не расположены к взаимно приятному, ни к чему не обязывающему разговору. Отчего? Все равно ведь — долетим, раскланяемся, разойдемся. Скорее всего — навсегда. Вы меня не знаете, я вас. Зато время пролетит незаметнее... Или вам служба не позволяет общаться с незнакомцами?

— При чем тут служба?

— Это я тоже к слову. Сам я моряк, торговый, по полгода в плаваниях, особенно поговорить не с

кем, каждый новый человек интересен. Вот и вошло в привычку...

— У меня все совершенно наоборот. Использую каждый удобный случай помолчать.

— Адвокат, наверное? Что ж, не смею навязываться. Пойду на свое место...

Поднимаясь, мужчина уронил на пол зажигалку. Нагнулся, шаря рукой под креслом, и по-суфлерски отчетливо, но со стороны неслышно сказал:

— Когда приземлимся в Темпельгофе, зайдите в бар на втором этаже, слева от лестницы, сядьте за отдельный столик. К вам подойдут...

До отправления самолета «Берлин — Москва» было почти четыре часа, и, кроме как в бар или ресторан, идти некуда в любом случае. Прогулкам на свежем воздухе погода не благоприятствовала.

Минут двадцать Антон тянул темное пиво, закусывал жареными колбасками. Предложенный способ связи выглядел довольно нарочито. Похоже на провокацию. Смысл, правда, не улавливался. Кому он нужен в Берлине? Разве что Сильвия неожиданным образом *прокололась* на каком-то этапе? Не то сказала и не тем. Может быть, в конверте, что он везет, содержится нечто такое, что может скомпрометировать не только его? Вернее, совсем не его.

Но он защищен иммунитетом, арестовать его нельзя, дипкурьер в критической ситуации имеет право применить оружие. Это официально. А неофициально — он с любой группой захвата справится иным способом и сумеет *потеряться* бесследно.

Значит, дело в другом.

Спешить было некуда, он рассматривал посетителей, через широкое окно следил за взлетающими

и садящимися самолетами. Прошло еще пятнадцать минут, и к его столику подошел наконец немец, немолодой, в длинном пальто, шляпе с обвисшими от дождя полями, с чемоданчиком в полосатом чехле. Похож на коммивояжера.

— Мистер Грин? Можно я присяду? — спросил он по-английски, с резким акцентом.

— Не имею чести быть знакомым. Садитесь, если больше негде.

Свободных мест вокруг было достаточно.

— Люблю сидеть у окна и лицом к двери, — пояснил немец. — Кельнер, два мюнхенского... Итак, вы отнеслись всерьез к словам вашего попутчика, раз пришли? — спросил гость без всякого предисловия.

— Нет, я просто люблю пиво и смотреть на самолеты. Здесь их много. А вам что нужно? Кроме мюнхенского?

— Вы хотели контакта с РСХА? Я к вашим услугам. Штурмбанфюрер Латензнер.

— Откуда мне знать? Может, вы сменившийся кельнер. А то и обер-кельнер...

Немец, как и все немцы при чине («штурмбанфюрер», как здорово и страшно звучит), слегка обиделся. Полез в карман и предъявил очень красивое удостоверение. Бордовое, кожаное, с орлом и разными тисненными буквами.

Антон и смотреть не стал.

— Поздравляю. Очень неплохо. — Сказано было без издевки. У немцев к чинам сугубое отношение. Профессорам, призываемым в военные структуры, обер-лейтенантов давали, что считалось нормальным. Штрик-Штрикфельд, курировавший генерала Власова и все вопросы, связанные с РОА, всю войну проходил капитаном. В России, тоже военно-фео-

дальной стране, такое любой офицер считал бы оскорблением. Да у нас бы капитану никто и не доверил бы серьезных политических заданий. Человека три генерала, не считая полковников, вокруг того же Паулюса кормились, хотя он в лагере сидел, а не «освободительные армии» формировал.

— И что вы мне своей книжечкой хотите сказать? У меня посерьезней есть, пограничнику при выходе на поле предъявляю.

— Господин Грин, — немец начал говорить на два тона ниже. — К чему эти споры о статусе? Мне сообщили, что вы в Лондоне старательно искали подходы к нашей организации. Вам ответили, что их нет. Вдруг они появились. Что дальше? Будем играть в дураков? Пожалуйста. Два с половиной часа в вашем распоряжении. За это время машина довезет нас до Принцальбрехтштрассе, час консультаций с компетентными людьми — и вы легко успеете на свой самолет. Если беседа окажется слишком продолжительной — улетите следующим. Какие вопросы?

— Вы с детства родились таким неудачным шутником или стали им постепенно, с течением времени? Никогда в жизни человек моего положения не пойдет или не поедет в названное вами место. Вам поручили меня скомпрометировать? Ударьте меня в лицо, закричите, что я вытащил у вас бумажник. И то выйдет убедительнее... Черт знает, чему вас там учат! Разочарован...

— Нет, мистер Грин, вы неправильно меня поняли, — гестаповец (а это был именно оттуда человек), похоже, даже перепугался.

Опять загадка, кто и зачем послал на связь именно его. Кадровый специалист держал бы себя совсем иначе.

Или — очень грамотная проверка. Перед деловым контактом убедиться, с кем предстоит работать.

— Хорошо, штурмбанфюрер. — Антон тоже махнул кельнеру, чтоб сменил пустую кружку на полную. — Вы имеете отношение к заграничной разведке?

— Я имею отношение к своей службе. Что вы хотите сказать или передать?

— Вы верно угадали, у меня есть два с половиной часа. У вас — столько же. Человек, в чине выше вас, компетентный в том, что я подразумеваю, успеет купить билет на мой рейс, и мы с ним, возможно, кое-что обсудим. На территории Рейха ни с кем и ни о чем я разговаривать не собираюсь. У вас плохая репутация. Правильно?

Антон имел в виду репутацию «конторы», но Латензнер принял слова на свой счет. Значит, так оно и было. Его подставили, а двое-трое куда более талантливых «эсдэшников» смотрят со стороны, и слушают тоже.

— Прощайте, господин Грин, — с плохо скрываемой гримасой раздражения и оскорбленного величия (штурмбанфюрер, как же!) немец удалился, чуть не забыв реквизитный чемодан.

— И вам того же, — бросил Антон ему в спину.

На Москву летел советского производства «ПС-89», тоже четырнадцатиместный и двухмоторный, но с сервисом обстояло похуже. Виски не давали, «Столичной» тоже, только грузинское вино и мандарины.

Всю дорогу Антон пытался угадать, успели «коллеги» посадить в самолет своего человека или нет. Перебрал на предмет соответствия каждого и ре-

шил, что здесь такого нет. Возможно, не успела прокрутить свои шестеренки неповоротливая машина, а то и вообще было принято какое-то другое решение, а все предыдущее — просто знакомство. Если оно достигло цели, встреча может состояться в Москве. Или основные события продолжатся в Лондоне.

Невозможно предположить, что гестаповцы в самом деле рассчитывали заманить его прямо в свою главную контору. Неужто конспиративных квартир не хватает? Да прямо в припортовом отеле номер долго снять? Одним словом, абсурд продолжается. Если только в результате вмешательства Шульгина не началась тотальная разбалансировка мироустройства, и это — только первые звонки. На уровне *слабых звеньев*. Гестапо же гораздо более слабое звено, чем Интеллидженс сервис? По времени существования и внутренней прочности «кристаллической решетки»?

В посольстве он сдал пакет, получил расписку и вместе с ней полную свободу на трое суток. Так и было задумано. Секретарь посольства снабдил сэра Грина талончиком на один из постоянно забронированных номеров в гостинице «Метрополь», некоторой суммой советских денег в счет командировочных расходов. Объяснил, как доехать и где поменять фунты на рубли, если возникнет необходимость.

— Вы по-русски понимаете или нужен переводчик?

Его явно считали персоной поважнее обычного дипкурьера.

— Объясниться сумею.

— В таком случае — до встречи. С обратным билетом проблем не будет, и на самолет, и на поезд.

В городе соблюдайте осторожность, карманных воров и ночных грабителей тут не меньше, чем в Европе. Из Москвы выезжать нельзя, за этим НКВД следит очень пристально. В остальном — желаю приятного отдыха.

В голосе секретаря прозвучал намек на иронию.

НКВД Антон не опасался, воров тем более.

В гостинице устроился быстро, номер ему достался хороший, со всеми атрибутами дореволюционной роскоши, с видом на Большой театр, Петровку, Неглинную и прочие достопримечательности центра. Администратор в вестибюле, дежурные по этажу — сорокалетние, грубоватые на вид тетки — были предупредительны, однако поглядывали настороженно.

В Москве было намного холоднее, чем в Лондоне, но холода Антон не боялся. Другое дело, что европейски одетый человек будет здесь бросаться в глаза, как негр на улицах какого-нибудь Моршанска.

В ЦУМе он приобрел плохо сшитое подобие бекеши на бараньем меху, шапку-треух, войлочные бурки с кожаными головками и, переодевшись, стал неотличимо похож на среднего начальника областного уровня. Начальника коммунхоза, например.

«Хвост» он обнаружил, как только вышел на площадь Революции. Наверняка дежурная же и доложила, куда следует, что постоялец вышел, сменив обличье. Мороз морозом, но попытка замаскироваться под местного жителя подозрительна независимо от погодных условий. Если англичанин — иди в своем «демисезоне» и кепке, оделся «под нашего» — значит, особо изощренный враг. Идет, навер-

ное, устанавливать свои шпионские связи или фотографировать особо важные объекты.

Второй «наружник» был гораздо квалифицированнее. Он первым только прикрывался, заведомо зная, что «ведущий» будет обнаружен. Для Антона загадки здесь не было. Он сам столько *ставил* похожих схем, что оставалось посмеяться, как люди ограничены фантазией.

Для отрыва от слежки удобнее всего метро. Здесь, если умеешь, можно *оформить* это так, чтобы «потеря объекта» выглядела естественно. Следящий, что бы потом ни доказывал начальству, сам не сможет понять, обстоятельства ли виной тому, что подопечный потерялся, его нерасторопность или высокая квалификация противника.

Самое главное — естественность. Англичанин, похоже, оказался в московском метро впервые. Мог бы взять такси, но захотел полюбоваться на достижения социализма. Ориентируется плохо, в надписях и указателях не разбирается, да и манеры поведения аборигенов ему непривычны. Глазеет по сторонам, локтями работать не приучен, старается сохранять дистанцию между собой и напирющими со всех сторон гражданами.

Запутался, растерялся, сел не в тот поезд. Разглядывая схему на стене вагона, сообразил, что едет не в том направлении. Через остановку выскочил на перрон, когда дежурная с флажком уже крикнула «Готов!» и двери начали закрываться. Повертел головой, увидел подходящий с противоположной стороны состав, заспешил к нему.

Первый филер не успел, поехал дальше в сторону «Парка культуры». Вторым, наблюдавший из соседнего вагона и, наверное, готовый к подобному экспромту, вышел следом. Народу на перронах и в

★ центральном зале было порядочно, вычислить в этой броуновской толпе ничем не примечательного человека было даже теоретически нереально. А англичанин вдобавок даже не оглядывался.

Антон доехал до «Комсомольской» и в ее переходах легко сбросил «хвост»: выбрав нужный момент, укрылся за колонной, сунул шапку под полу, мгновенно заменив ее ворсистой меховой кепкой. Развернулся и пошел обратно. Теперь он изображал инвалида, приседая на правую ногу и загребая левой, сразу стал на голову ниже ростом, лицо скрылось за чужими плечами и спинами.

Переместился в тыл филеру, из-за очередной колонны понаблюдая за охватившей того паникой. А чего паниковать? Все уже! Два поезда отправились одновременно, сотни три людей увезли, столько же выбросили на перроны, по лестницам сверху катился поток практически одинаково одетых москвичей и гостей столицы, другой утекал навстречу. Не угадаешь, куда бежать, напарников нет, и нет мобильных средств связи. Остается возвращаться в контору и садиться за рапорт. Малоприятное занятие.

Растворившись в толпе, Антон внезапно удивился — отчего он так уверовал, что его вели именно чекисты? Могли быть представители совсем других организаций и служб. Уголовники, например, надумавшие *пощупать* богатого иностранца, агенты пресловутой «Системы», *пасущие* его от самого Лондона, германская разведка, продолжающая свои *подходы*. Да мало ли кто еще мог решить, что «пришло время»? Земля ведь только с одной стороны «закрылась», а с другой — совсем наоборот. Все ранее подконтрольные тем или иным «нормализующим» структурам силы вдруг получили свободу. Даже

еще не зная этого достоверно, просто доверившись ощущению резко упавшего *внешнего давления*.

Бог ушел, в отпуск или совсем, тут демоны и разгулялись...

Так ведь сам Антон и в этой ситуации фигура не из последних.

Оставалось решить, куда отправиться раньше, к Лихареву или к Юрию на Арбат. Пожалуй, второе. Валентин вряд ли сейчас дома, день у него ненормированный, с ним лучше по телефону предварительно договориться.

«Писатель» оказался на месте, а если б и не было, дверной замок открыть — минутное дело. Подождет бы в тепле.

С Шульгиным в его подлинном обличье бывший резидент знаком не был, но, увидев гостя, сразу сообразил, в чем дело. Аура личности Антона, прожившего в теле Юрия несколько суток, мгновенно вступила в резонанс с его мозговыми структурами. Будто радиометр заработал.

Поздоровались. Антону показалось, что хозяин, пропуская его в прихожую, выглянул на лестницу со странным выражением, словно опасался увидеть там кого-то, кроме нежданного гостя. И слишком тщательно задвинул засов, накинул крючок и цепочку.

Вроде не восемнадцатый год, квартиры внезапно не грабят, а чекистам, если придут, сам откроет. А может, и не откроет...

— Странно у нас с вами получается, — с оттенком сожаления говорил он, провожая посетителя в кабинет. — Не по-товарищески. Я ведь к вашему напарнику со всей душой, вы же... Грубости, руко-

прикладство, нарушение неприкосновенности материального носителя и тонких структур. Я до сих пор в себя прийти не могу, все пытаюсь разобраться, какие крючки вы во мне оставили...

— Успокойтесь, не изображайте жертву полицейского произвола. Как будто вы сами ничем подобным не занимались. У моего *напарника* другого выхода не было. Сами его из равновесия вывели, так чего теперь жаловаться? Все хорошо, что хорошо кончается.

— Чего хорошего? Главное, гомеостат он украл. Прочего не жалко, хоть Шар, хоть блок-универсал бесплатно бы отдал, не поморщившись, а как без гомеостата?

— Пить бросьте, физкультурой начните заниматься, вы ж на данный момент абсолютно здоровый человек, с приличным резервом иммунитета, в том числе и к несчастным случаям, — не принял жалобы Антон. — Тем более мне почему-то кажется, наш друг не сможет вам отказать в регулярной «диспансеризации» при условии правильного поведения.

— Шантаж, одним словом, — смирился с неизбежностью Юрий. — Давайте выкладывайте, зачем пришли.

Антон со всей доступной ему убедительностью посвятил бывшего аггра в содержание текущего момента.

— Неужели Шульгину удалось ТАКОЕ? Неужели такое вообще возможно?

— Что вас удивляет? Сначала мы обрубили канал с Таорэры на Землю. Тут я применил запрещенные конвенцией средства, но терять мне было нечего. Совет Ста миров давно поставил на моей судьбе и карьере жирный крест. С чьей подачи — не знаю

до сих пор, но сориентировался я вовремя. Так бы товарищам Троцкому, Бухарину, Рыкову, Зиновьеву с Каменевым году в двадцать втором... Я догадывался, что меня ждет, потому соломки подстелил везде, где можно. От краха и наказания это не уберегло, но сбежать удалось раньше, чем я осмеливался надеяться.

— То-то я удивлялся совершенно немотивированному умножению реальностей, — вымолвил Юрий и направился привычным маршрутом к своему винному погребу. Точнее — коньячному. — Пить будете? — спросил он, возвращаясь с бутылкой и двумя стаканами, «тонкими» в просторечии.

Антон бы обошелся, но биохимия Шульгина требовала. Скорее, психотип, поскольку браслет находился на его запястье, и алкоголь, как всякое отравляющее вещество, нейтрализовывался почти мгновенно. Для гомеостата не было разницы, армянский коньяк или боевой газ зарин.

— С вами да не выпить? Наливайте.

«А ведь смешно, — думал Антон, — тысячелетнее противостояние завершилось буквально за несколько месяцев, стоило лишь оказаться в одно время и в одном месте ограниченному количеству ничего собой до того и по отдельности не представлявших людей. Пусть кто угодно скажет, что я тут ни при чем, я ему в морду плюну. Пропустил бы Воронцова, у остальных тоже светлого будущего не просвечивало. Всем конец, тот или другой, и «средневековье» длилось бы еще тысячу лет».

Юрий, как его аналог в советской жизни, сквозь зубы вытянув стакан, что никакими светскими правилами не подразумевалось, несколько ошалело оглянулся по сторонам и свистящим шепотом спросил у Антона:

— Вы не боитесь?

— Отбоялся. По максимуму. Больше нечего. А вам еще есть чего?

— Да. Да. За нами непременно придут. Они будут выглядеть как НКВД, но на самом деле — жуткие, немыслимые, непреодолимые... Я прячусь от них двадцать лет. Обо мне забыли. Поставили других. Знаете, как хорошо вовремя умереть? Так я и сделал. Всеобщий распад, развал. Кто будет искать даже и координатора, если он умер с пулей в затылке! Сбросил все, память, приборы, функцию и должность. Червь, уползший на несколько лет в такие дебри, где керосиновая лампа считалась вершиной прогресса, доступной самому сильному, с обрезом и «наганом». Всем прочим — лучина, лучина...

Неприятно, но Антону пришлось с размаху ударить «писателя» по лицу. Два раза.

— Заткнись, дурак! Ты что, действительно алкоголик? Что ты несешь? Кто придет?

Юрий, похоже, слегка очухался. Потер ладонью горящие от ударов щеки.

— Они. Я не знаю. Не мои, не ваши. Они появляются время от времени. Монстры, вы понимаете — монстры!

«Сумасшедший, — с сожалением подумал Антон. — Гомеостат от психических заболеваний не лечит. Не его функция. Но есть и другие способы...»

— Излагай. Я здесь работаю около ста лет. Кроме меня, форзейлей на Земле не было и нет. Про вас я тоже знаю почти все. Думаешь, не помню, как в девятьсот втором именно ты крутился вокруг императора на «Полярной звезде»?

— Помните? — «писатель» постепенно приходил в себя.

— Помню. Я тогда был в мундире каперанга кай-

зеровского флота. Контролировал ход встречи венценосных особ. И сказал тебе, по-немецки, естественно: «Господин журналист, спуститесь в кают-компанию. Там для таких, как вы, накрыты столы. Все, что будет сочтено нужным, вам сообщат позже». Не так?

— Да, так и было. Я представлял «Биржевые ведомости». Только ничего существенного об итогах встречи нам так и не сообщили.

— Будто ты за пресс-релизом туда явился... Так вот, кроме меня и ваших, никого посторонних на Земле не фиксировалось. Я бы знал. А теперь быстро, про монстров. Если не белая горячка, то интересно...

— Постараюсь убедить вас, что я нормален. Впервые с подобным встретился еще до революции. Согласен, на белую горячку списать очень заманчиво, да я тогда совсем не пил. Баллотировался в Государственную Думу. Был такой проект. Помнится, в субботу поехал на дачу к приятелю, под Териоки. Собственным автомобилем, «Де Дион Бутон» — неплохая машина. Две тысячи рублей стоила. На пути меня и перехватили. Пустынная дорога, начало белых ночей. Тут они и возникли. Человекообразные, но ближе к гориллам. Одеты в собственную шерсть, подобие жилетов, да ремешками всякими перепоясаны. Трое их было. Из зарослей выскочили, и ко мне.

Испутать меня трудно, вы понимаете, да револьвер в кармане, блок-универсал, само собой. Страх навалился иррациональный, наведенный, возможно, именно на меня настроенный.

Страх, безволие, желание бросить руль и — будь что будет.

Как-то я себя превозмог, дал полный газ, стре-

лять начал. Прорвался, одним словом. Крылом одного из них задел. Сутки потом в себя прийти не мог, прекрасно все понимая. Сожрали бы они меня, как путника зимние волки. А не сумели — информационный пакет вслед послали. С очень отчетливым содержанием. Если не бросишь все и не сбежишь — непременно достанут. Ни спрятаться, ни оборониться.

— И как же ты потом?

— Года полтора держался. По команде докладывать не стал, собственными средствами защищался. Несколько раз их очень близкое присутствие ощущал. В неврастеника начал превращаться. Потом война началась, на время отстали. До февраля семнадцатого дожил и решил, что с меня хватит. Благо случай уж больно удачный представился...

— Как сбежал — не тревожили?

— Слава богу, нет. А три дня назад снова началось. За дверями топтались, в подворотне мелькнули... А запах от них — как от гниющей помойки — не физический, *запах мысли*... С вчерашнего вечера на улицу не выхожу, готовлюсь...

— Как же мне решился открыть?

— В глазок рассмотрел. И *запах* не было.

Антон, жестом попросив собеседника помолчать, погрузился в размышления. Такая у него была физиологическая особенность, он в случае необходимости отключал внешние рецепторы и, какgrossмейстер, полностью сосредотачивался на разборе позиции. Никакие посторонние мысли процессу не должны были мешать.

Отметая психиатрический диагноз, рассмотрению подлежат только две реальные версии. Пока, а там, по мере накопления фактов, могут возникнуть и другие, второго и третьего порядков.

Первая — мы столкнулись с явлением наведенной конфабуляции, ложного воспоминания. После того как Антон оставил Юрия наедине с собой, кто-то или что-то проникло в его мозг и сформировало такую вот схему. И он безусловно уверен, что все началось в двенадцатом году, что все его дальнейшие поступки, включая дезертирство и то, что за ним последовало, диктовались присутствием и воздействием «монстров». Хорошая версия, но критики не выдерживает. Достаточно вспомнить очень похожий по сюжету рассказ Новикова о встрече с почти таким же чудовищем в библиотеке Замка. Внешность, внезапно возникший страх, паника. Запах, запах тоже! Андрей, правда, воспринимал его именно обонянием, но это можно списать на индивидуальные свойства организма.

Еще общий штрих — ни Юрия, ни Новикова генерируемый монстром ужас не загнал в ступор, а расчет наверняка был как раз на такую реакцию. И тот и другой проявили нормальную мужскую реакцию на опасность, пусть и неведомую. Двигательная активность, мобилизация всех доступных ресурсов обороны... Прорыв и отрыв от противника. Да, сходится, как две половинки разорванного пополам рубля, используемого как материальный пароль.

Эрго, воздействие психополей или каких-то других устройств, рассчитано не на людей или на людей с другими характеристиками.

Еще один общий признак. Встреча с чудовищем весьма повлияла на желание Новикова и всей его команды как можно быстрее эвакуироваться из Замка. Он, Антон, сам рекомендовал им «исход», пусть и по другим, рациональным причинам, но появление монстра оказалось весьма кстати.

Кроме того, подобные существа гонялись за Шульгиным в одном из наведенных Ловушкой миров. И покушались на него уже в этой Москве, примерно в то же время, когда возобновились «видения» у бывшего аггра. Пожалуй, они все-таки являются проекцией или продуктом смежных с нашим миров.

Таким образом, сам факт подлинности истории, рассказанной Юрием, отрицать нельзя.

Версия вторая. Вытекающая из рассмотренного. Эти самые явления вполне имманентны земным реальностям, существовали всегда, может быть, *до*, но, в любом случае, *помимо* деятельности аггро-форзе-лианской агентуры. И начинали проявлять себя как раз в моменты, когда их влияние падало. Случались ли такие проявления в прошлом, за пределами рассматриваемого периода? Отчего нет? Легенд про гоблинов, троллей, другую нечисть в фольклоре любого народа вполне достаточно. А кто такой пресловутый Вий? Описанная Гоголем финальная сцена очень четко ложится в нынешнюю ситуацию.

Единственно — Хоме не хватило той самой выдержки и бойцовских качеств.

Новикову монстр явился после диверсии на Таорэре, неудачной попытки выбраться из Замка в собственное время (тогда друзьям еще хотелось вернуться домой, привычка действовала), полученного Антоном приказа свернуть свою земную миссию.

Юрию — на переломе Главной исторической последовательности. Форзейли и аггры увлеченно готовили катастрофу, обрушившую в неизвестность всю доавгустовскую (1914 года) человеческую цивилизацию.

Сейчас они возникли снова, опять на переломе. Шульгин вырубил предохранители Гиперсети, мир балансирует на грани. Чего? Если пойдет так, как

предполагается, выстроится небывалая за двести лет геополитическая и идеологическая конструкция. Вполне возможно, что гораздо более гуманная и разумная, чем ранее существовавшие. Кто угадает, как угадать?

Но монстры появились как фагоциты или как птицы-стервятники? А если сюда же подшить вариант Ростокина с его воскресшим Артуром? Тенденция, однако.

— До чего додумались? — перебил полет фантазии Антона Юрий, которому надоело смотреть на друга-противника, вообразившего себя натурщиком Родена.

— Послушайте, сейчас... Вы ведь не менее опытный человек, — Антон снова перешел на «вы». — Есть в моих построениях «рацио», или...

— Несомненно, логика просматривается. Но из любого построения должен следовать вывод. У вас — какой?

— Я — стихийный дуалист. Земная жизнь научила. На моей родной планете логики гораздо сложнее и извилистее... Что в определенной мере помогло мне спастись. Выводов, а равно и предложений, у меня два: невзирая на внешние угрозы, продолжить наше дело или — дело свернуть, а самим удалиться за пределы. Есть шанс, и неплохой.

— Слишком общо. Разве у нас с вами есть общее дело?

— Странно звучит, но есть. При одном условии — если вы и я хотим пожить именно в этом мире. Несовершенном, о чем речь. А где вы видели более совершенные? Как-то же вы тут перебивались последние двадцать лет? Подправим самые во-

★
пиющие несоответствия нашим с вами принципам и побредем, как говорил протопоп Аввакум, «до самых до смерти».

— Не слишком вдохновляет...

— Банальным образом *смыться* — тоже не вопрос. Вариантов снова два. В мой Замок, о котором вы, разумеется, пока никакого представления не имеете. Этакий рай для немногих посвященных... Глядишь, Шульгин согласится составить компанию, еще кто-нибудь... Практическое бессмертие, возможность выходить в человеческие миры, чтобы рассеяться. Удовлетворение желаний, которые вы способны грамотно сформулировать. Да, да, то, о чем вы подумали, — обязательно. Гурии в ассортименте. Хватило бы фантазии... На досуге я дам прочитать «Солярис» Лема, полезная книга. Только по коридорам далеко заходить не рекомендуется, монстры и там прогуливаются.

— Вы специально так говорите? Картинка далеко не привлекательная.

— Рай всегда такой. Плюсы и минусы почти уравновешиваются, кроме того, о цене входного билета тоже следует подумать...

— А не в Замок?

— Тогда на Таорэру, но теперь это будет только Валгалла. Земля людей. Вы ее видели, когда там была ваша База. Базы больше нет. Остался приличный дом на два десятка человек, реки, леса и прочие детали пейзажа. Жить можно. В духе Генри Торо. Увольнительные на Землю тоже по обстановке. При чем неизвестно, куда кривая вывезет.

— Не скажу, что ваши варианты внушают энтузиазм...

Глаза писателя были настолько пусты и младен-

чески невинны, что Антона пронзила удивительная мысль, которую он тут же решил проверить.

— Простите, Юрий, не то же самое вы предлагали Шульгину?

— Когда?

— Но ведь именно вы неделю назад подробно обрисовали ему именно эти варианты. И про Валгаллу рассказали, подробнее, чем я вам сейчас, объяснили, что он может туда свободно перемещаться. Другие практические вопросы тоже затрагивали...

— Я? О чем вы говорите? У нас был какой-то не слишком связный разговор в ресторане... Вот черт, о чем же мы говорили? Он пригласил меня к своему столу, познакомился, сказал, что знает меня как отошедшего от дел координатора. Предложил сотрудничество «по вновь открывшимся обстоятельствам... Я пригласил его к себе домой, и там он начал вести себя крайне неприемлемым образом...

Опять. Или снова. У некоторых память просто выгорает, у некоторых заменяется чем-то более подходящим к требованию текущего момента. Неужели теперь в этом мире только он и Сашка помнят, что и как было на самом деле? А Сильвия, Лихарев, Дайяна? Если и они забыли, придется вдвоем отбиваться от всего мира.

— Что, в натуре, про Валгаллу не помните? Ну, как же, форт, река, земная колония, ваша шефиня Дайяна, ваше обещание Шульгину, Александру Ивановичу, что путь туда всегда будет открыт... Ваше предупреждение от имени Держателей...

Лицо Юрия выразило мучение.

— Не могу поверить, что вы меня обманываете. Но ничего из сказанного вами не было. Если я помню события девятьсот второго и семнадцатого года, как я могу забыть это?

— А как вы могли в разговоре с Шульгиным забыть про монстров? Вы пугали его, но не боялись сами. Странно?

— Странно, — покорно согласился писатель. — Если вы говорите правду, значит, у меня началась прогрессирующая амнезия. Она охватывает какие-то специфические зоны памяти. Я должен забыть все, что связано с вашим другом..Я выполнил предписанную миссию и в данном качестве больше не нужен...

«Ужас, — думал Антон, «затормозив» Юрия волевым посылом. — Мы вывели мир из Игры, правила которой кое-как научились понимать, и что получили взамен? Деструкцию всего. Система пошла вразнос. И мы, причастные к прошлому, оказались в эпицентре? Последний раздражающий фактор или единственный шанс на стабилизацию? Удастся перейти на ручное управление, или единственный выход — парашют?»

Одновременно он тщательно обыскивал квартиру. Вдруг что полезное обнаружится. Аппаратуру Юрий сбросил, скорее всего, правильно, однако у любого человека за двадцать лет много чего случайного может накопиться.

Оружия было приличное количество. Все больше — наградные экземпляры. Писатель десятков лет назад был очень популярен, выезжал в отдаленные точки СССР, в воинские части, включая Кушку и Термез, читал свои рассказы и повествовал об участии в Гражданской. Принимали его восторженно и с пониманием относились к специфическим вкусам. «Товарищу такому-то от командования Н-ского пограничного округа». «Ему же — от начальника морских сил Черного моря». И т.д. и т.п. Даты — двадцатых годов. Тогда с такими вещами проблем

не возникало, любой старший начальник мог выписать разрешение. «Наганы», «браунинги», два «маузера» в хорошем состоянии, развешанные по коврам винтовки и карабины.

Пачки писем и альбомы фотографий Антон смотреть не стал.

Ни малейших следов «побочной» деятельности хозяина не обнаружилось.

Зато Антон разыскал несколько коробок боеприпасов. Зарядил «винчестер», оба «маузера». От чего поможет, от чего нет — не слишком важно. В любом случае с оружием лучше, чем без.

Снял трубку, позвонил Лихареву. Квартирный не ответил, прямой рабочий соединил.

— Валентин Валентинович, вам насчет меня из Лондона советов не поступало?

— Господин Грин? Было, как же. Вы где?

— На Арбате. Можете подъехать прямо сейчас?

— Могу, наверное. Срочно, да?

— Более чем. Опасность проявилась. По нашей основной линии. Соберитесь, как учили. Готовность номер один. От машины до подъезда блок в руке держите, настройка на максимум. Как бы вам на засаду нездешнюю не наткнуться.

— Даже так, сэр Говард? От надзора НКВД ушли, в нечто другое вляпались?

— Похоже, друг мой, похоже. Короче — я вас жду...

Антон чувствовал, только начиная говорить с Валентином, что запускает *постороннюю* линию противодействия. Он мог бы сейчас уйти, что называется, молча. Не будя лиха. Однако не захотел. Пусть уж случится все, что должно. «Иль погибнем мы со

славой, иль покажем чудеса!» Для чего ждать и мучиться неразрешимыми вопросами?

Приглашая Лихарева, он сводил в узел все известные ему в Москве силы (два агтра, один бывший, другой пока действующий, и бывший форзейль), способные противостоять неведомой угрозе. Ударная группировка или просто приманка? Будем считать, и то, и другое.

Не явятся монстры, и не надо. Таких встреч желательно избегать. Обойдется, значит, обсудим текущие вопросы, выработаем общую позицию. Антон решил приоткрыть резиденту свою нынешнюю двойственную сущность и образовавшийся вследствие этого расклад. С учетом его мнения и фактора скорого возвращения Шульгина можно будет сойтись на чем-то, устраивающем всех. В том числе и Сильвию.

Вот тут неприятный *запашок* дотянулся и до него. Юрий не врал и не ошибался. Сгустившийся вокруг дома *мыслефон* отчетливо разил перепревшими портянками. словно пехотная рота после летнего тридцатикилометрового марш-броска дружно разулась.

— Что-нибудь чувствуете, коллега? — спросил он Юрия.

— Оно самое! — Писателя передернуло. — И очень близко.

Посмотрел на разложенное по комнате оружие. Вопросительно приподнял бровь.

— Надеетесь, поможет?

— Раньше помогало, в том числе и вам. Не духи же бесплотные за нами придут. А если бы и да, так на тех свои методики имеются. Жаль, что вы свой блок-универсал выбросили...

— Не выбросил я, — признался Юрий. — Спрятал в надежном месте.

— Это лучше. Значит, найдем...

Лихарев появился буквально через полчаса. А что тут ехать? За столько от Кремля и пешком можно было дойти.

Напряженный он вошел, и рука в кармане реглана, где точно не пистолет.

— Сэр Говард, шутки шутите? Мне велели считать вас полномочным представителем, но тут уже какая-то пинкертоновщина начинается...

— Торопитесь? Зачем торопитесь? Успеете, если что...

Антон постарался как можно достовернее воспроизвести сталинские нотки. Получилось настолько хорошо, что Валентин вздрогнул и с трудом заставил себя не обернуться.

— Вот это, познакомьтесь, ваш предшественник в должности, — указал он на Юрия. — О подробностях сейчас говорить не будем, разве что у вас на квартире. Примете?

— Принять-то приму... — В голосе Лихарева слышалось сомнение.

Он пристально всматривался в посланца леди Спенсер.

— Пойдите! Это же опять вы, Александр Иванович! Не узнал, богатым будете... Усы вас сильно изменили.

Антон оторопел. По его сведениям, Лихарев с подлинным Шульгиным не встречался. Только как с Шестаковым.

Наблюдательности Валентину было не занимать.

— Что это с вами? Забыли, что ли? Не помните нашу с вами и с Дайяной встречу?

Пришлось признать, что не помнит, по простей-

шей причине: он — это не он, а лишь имитация внешности известного человека. Для удобства, поскольку Сильвия вводила сэра Грина в лондонские круги именно в этом «гриме».

— Поэтому не отвлекайтесь на частности. Я тот, кто вам нужен, о деталях же поговорим, если выживем и прорвемся...

Запах нарастал. Юрий стал суетлив. Его разрывали два противоположных чувства — желание бежать, неважно куда, спрятаться поглубже, и другое — вступить в бой, чтобы покончить разом с затянувшейся пыткой. Он взял со стола «маузер» и вертел его в руках с видом человека, который не совсем понимает, что это такое. Тоскливым голосом пробормотал:

— Ну что же это со мной делается?.. Что же так воняет?

— Он у вас психованный? — осведомился Лихарев, отодвигаясь с линии возможного огня.

— Ваш сотрудник, вам и разбираться. Для меня, специалиста, — сильно отдает шизофренией пополам с галоперидолом. Еще подумаешь — чем вы тут, резиденты, в Москве занимаетесь... — Антон вдруг вскинулся: — Постойте, а который час?!

— Начало второго...

— Вашу мать! Быстро вниз!

Антон подхватил «винчестер», убедился, что подствольный магазин полон, бросил в карман тяжелую пачку патронов. Юрий, опаматовавшись, сунул под ремень второй пистолет, придерживая локтем первый. Лихарев, недоумевая, присоединился к новым компаньонам.

Они посыпались вниз, прыгая через три ступеньки.

— Стойте, Грин, — закричал Валентин. — Сей-

час — *проезд!* Не выходите, охрана стреляет без предупреждения!

Затормозив перед громадной парадной дверью, выходящей на Арбат, Антон передернул скобу затвора.

— Или сейчас начнется, или считайте меня дураком и паникером. Бутылку ставлю...

Лихареву вообразилось, что лондонский посланец намеревается стрелять по кортежу Сталина. И что делать, нейтрализовать, как велит здешний долг, или всемерно способствовать, согласно приказу Старшей?

Юрий, наконец собравшийся в пружину, как и не было затянувшейся *отставки*, особым жестом показал *молодому*, что все идет как надо и он обязан превратиться в *функцию*. Жест был не только информационный, он заставлял подчиняться!

Время было вычислено точно, обеими сторонами. Два «Паккарда» в сопровождении трех «эмок» неслись по режимной трассе из Кремля в сторону Ближней дачи. На этот случай и расставляли через двадцать метров «топтунов», давно выселили из выходящих на улицу квартир всех подозрительных по происхождению, убеждениям и связям граждан.

Запах стал непереносимым. А фары справа уже сияли во всю свою мощь, стремительно приближаясь.

— Что делать? — закричал Лихарев Антону, признав его за главного.

— Смотри! Работай!

Из переулка напротив возникло то самое кошмарное существо, о котором недавно шла речь, держа перед собой характерного вида трубу. «Панцершрек» или «базука» — издали не различишь. За

«первым номером» виднелись еще двое таких же, с теми же устройствами.

«Трое, снова трое. Почему?» — мельком подумалось Антону, который начал стрелять из «винчестера» в темпе Юла Бриннера. Целиться ему не требовалось. И еще он за долгую жизнь на Земле знал, что для любого проникающего на нее существа местное оружие вполне смертельно. От пращи и меча до «АКМ». В разной степени, конечно, куда и как попадешь, но в принципе — обязательно. Тоже, наверное, имманентное свойство.

Живучесть объекта — другой вопрос. Одному хватит револьверной пули между глаз, другого и половина ленты из «ПК» не сразу остановит.

Тяжелые пули втыкались в монстра, отнюдь не сбивая с ног, а ракета с его стороны вылетела, попала в первый «Паккард», и он распух изнутри огненным облаком. Что там десять миллиметров брони против снаряда, рассчитанного на сто пятьдесят?

Юрий, прикрываясь створкой двери, отчаянно палил с двух рук, тоже попадая каждой пулей. Сейчас его излучение странных существ не доставало. Так в азарте настоящего боя никому не страшно, пока оружие в наличии и действует.

Второй автомобиль, в котором и ехал Сталин, юзом ушел на обочину, с размаху ударился о стену. Застонал сминающийся металл. Его обогнали «эмки», из которых непрерывно во все стороны стреляли охранники, тоже наделенные невероятной реакцией. Думать некогда, а пальцы уже работают. Рядом с Антоном от стены полетели комья штукатурки.

Он инстинктивно присел, быстро заталкивая в подствольный магазин очередную горсть патронов.

Юрий своими двадцатью пулями прижал уце-

левших «террористов» к асфальту. Насовсем или временно, после разберемся.

— Всем на месте! — оглушительно заорал Лихарев, будто командовал полком на плацу в дальневосточный тайфун. Секунд трех хватило, чтобы и он врубился в ситуацию. Выставил перед собой блок-универсал, в просторечии называемый «портсигаром», и пошел через узкий тротуар на столь же узкую мостовую.

Он включил режим «растянутого настоящего», способного замедлить текущее время хоть в десять, хоть в сто раз, на какой-то момент совсем остановить, даже отыграть назад. Отдельные эпизоды превратить в не бывшие вообще. Только не сейчас, слишком много людей успело увидеть, оценить случившееся у них на глазах, зафиксировать его в памяти. Потому Валентин до прояснения обстановки и принятия решения просто зафиксировал текущее мгновение. Мощности блок-универсала должно было хватить минут на двадцать (независимых).

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Люди замерли. И машины. Даже пламя, охватившее головной «Паккард», выглядело, как на картинке комикса. Похоже, но все равно рисунок есть рисунок.

Только они трое продолжали двигаться в обычном темпе. На них действие прибора не распространилось, расчет конструкторов в том и заключался. «Растянутое настоящее» — еще один своеобразный вид оружия, или — способ переиграть невыгодно сложившуюся ситуацию, что почти одно и то же.

Юрий и Лихарев в свое время проходили спецкурс, а Антон по своей природе был невосприим-

чив ко многим агтрианским методикам, что и позволяло ему работать на Земле в одиночку.

— Что теперь? — Валентин продолжал обращаться к форзейлю, как к старшему.

— Держи момент. Хоть минуту. Я сейчас... — метнулся в переулок. Это надо же так рассчитать, и на окна «топтуны» смотрели с утра до вечера, и лютого неуместного, на их взгляд, прохожего *профилактировали* за час, а то и два до проезда кортежа, а появление террористов прозевали. В нужный момент пары наблюдателей разошлись на максимально допустимую их правилами дистанцию в противоположных направлениях.

Зато монстры — вот они! Антон не промахнулся ни разу, и Юрий показал, что знает, для чего придуман пистолет. Прежде всего — изъять оружие. Гранатометы могут представлять не только следственный, но и познавательный интерес.

— Юрий, заberi!

Писатель, восстановив былые навыки, ничем не похожий на расслабленного интеллигента, подобрал ракетные трубы. Одна пустая, тошнотворно воющая дымом вышибного заряда, две — боеготовые.

— Не нажми там чего, хрен знает, как они устроены. Монстры — твои?

Фонари с Арбата светили слабо, но Антон умел читать газету при свете звезд, даже луна необязательна. Здесь для него было светло, как днем.

— Они самые. Копия. Пусть я и видел их мину-другую — один в один. Может, те же самые... — Юрий нагнулся, повернул ногой голову удачливого стрелка, чтобы рассмотреть то, что следовало считать лицом.

— Гориллоиды...

Антон пытался вспомнить, не видел ли он, хоть случайно, нечто подобное в атласах по ксенозоологии. Нет, точно нет. Среди попавших в сферу внимания исследователей Конфедерации таких гуманоидов не встречалось. Откуда же их завезли? Или — откуда сами явились?

— Точно мертвые? — спросил Юрий.

— Куда мертвее. А ты молодец. С двух рук по двум целям — и все там.

Действительно, дырок в бочкообразных торсах было достаточно. Считать некогда, если одна-другая пуля и ушла в «молоко», общий итог тянет на «отлично».

— Забрать бы их, и в морг...

— Как выйдет. — Антон сейчас думал о другом.

Покушение на Сталина. Такого не было ни разу, судя по достоверным данным. Один раз немцы послали спецгруппу, вооруженную специально разработанным мини-гранатометом. Но то уже было в сорок четвертом.

Кому это нужно сейчас? До какого порога мы дошли? Все вместе и по отдельности? Вопрос о власти, как его ставил товарищ Ленин? Власть валяется под ногами, нужно успеть ее поднять? Сегодня рано, завтра будет поздно? Шульгин с его Испанией сделал не то, что требовалось кому-то, сам Антон своими делами в Лондоне и здесь активизировал истерическую реакцию неведомого врага? Или за ним потянулись щупальца тайного хозяина Замка, по пути загребая правых и виноватых? Откуда ему знать, как принято поступать с бежавшими от Просветления? Может, их положено ловить по всей Галактике всеми способами и без срока давности? Но это — его личные проблемы. А здесь что делать? Сейчас?

В любом случае — по простейшей логике, Сталина нужно спасать. Если в дальнейшем логики окажутся другими, успеем разобраться.

Пройдя поперек Арбата во все еще остановленном мире, Антон спросил Лихарева, рассматривающего практически исправную машину вождя:

— Как мотивировать будешь, придумал?

— Проще всего. Поступила новая шифровка от Шестакова, а она действительно поступила. Я решил доставить ее лично и немедленно. Иосиф Виссарионович разрешил мне отдыхать, и это тоже правда. Я узнал, что он выезжает, выехал. Сел в машину и поехал следом. И увидел вот это...

— Пожалуй, сгодится. По секундам никто теперь разбирать не будет. Где твоя машина?

— Вон, — Валентин указал на припаркованный чуть дальше подъезда «Гудзон».

— Так. Мы — кто? Я бы хотел познакомиться с Хозяином в качестве одного из спасителей.

— Сложнее... Английский дипкурьер — не идет. Хотя... Откуда Сталину знать? Давайте оставим Говарда Грина в качестве нашего человека при Черчилле и его команде. Сегодня это актуально. Сумее-те сыграть?

— Я-то сумею. Как я очутился именно здесь? Думайте, быстрее думайте. В вашей машине?

— Есть! Я договорился с вами о встрече. Еще днем. Сталину не сказал, желая предварительно разобраться самому. Тут телеграмма. Я выехал из Кремля раньше кортежа, это важно, такие моменты фиксируются, подобрал вас где-то в городе и взял с собой, желая устроить сюрприз. Иногда такие вещи Хозяину нравятся. А уж что будете говорить вы, если придется, думайте сами.

В голосе Лихарева прозвучали едва уловимые злорадные нотки.

— Скажу, за меня не бойтесь. Юрий, конечно, будет лишним, троих никак не свяжешь убедительной легендой. Уважаемый, выражаю вам благодарность перед строем за мужество и героизм, — сказал он писателю. — Пустую трубу бросьте, где взяли, заряженные унесите домой. «Винчестер» тоже. И ждите. Остальное мы организуем сами...

Когда они остались вдвоем, Антон отошел к «Гудзону», присел за передним крылом.

— Теперь запускайте ленту на полный ход. А я как бы прячусь, не хочу шальную пулю получить, что не исключено...

Лихарев тоже укрылся, за сталинским «Паккардом», и отпустил время. Как это насилие над законами природы скажется на действительности, предвидеть не мог никто. Из присутствующих, естественно. Изобретатели наверняка знали, отчего инструкции и требовали использовать эффект только в самых исключительных случаях.

Мгновенно все вокруг задвигалось, два квартала Арбата превратились в подобие павильона «Мосфильма», где снимается полномасштабный советский боевик. Покруче «Места встречи...».

Надо отдать должное службе охраны, у них существовали четкие планы действий на все возможные случаи жизни. Постреляв и убедившись, что нападение как таковое завершено, часть охранников оцепила машину вождя, остальные вместе с «наружниками» принялись осматривать место происшествия. Кто-то по уличному телефону уже поднимал по тревоге Кремлевский полк и опергруппы НКВД.

Лихарев, которого многие охранники знали в

лицо, возник у заднего крыла «Паккарда», дернул на себя ручку дверцы.

Сталин, как всегда, ехал на откидном сиденье, а на заднем размещались двое сотрудников в качестве живых щитов и подушек безопасности. Поэтому от удара он совсем не пострадал. В отличие от начальника охраны Власика, сидевшего рядом с водителем, как следует приложившегося головой о лобовое стекла и потерявшего сознание.

Вождь отнюдь не впал в панику, скорее спокойствия у него даже прибавилось. Если с юности был абреком и дерзким экспроприатором, с годами можешь стать осторожнее, но уж трусливее — почти никогда. Кроме того, к покушению он был готов всегда, самостоятельно изобретая все новые меры безопасности и твердо реализуя их, не беспокоясь, что многим это кажется обыкновенной паранойей.

— Вы откуда здесь, товарищ Лихарев? Так быстро доехали? — О потерях среди сотрудников, вообще ни о чем, что волновало бы сейчас обычного человека, он не спросил.

— Так получилось, товарищ Сталин. Все в порядке, нападавшие уничтожены. Если разрешите, я сяду за руль, водитель сейчас не вполне готов. Куда прикажете, обратно в Кремль или все-таки на дачу?

— А куда поехали бы вы?

— Конечно, в Кремль. Стены, войска, пункты управления и связи.

— Значит, едем на дачу. Одна машина сопровождения впереди, другая сзади. Остальным заняться своими делами. Нападавшие задержаны?

— Все убиты.

— Не совсем правильно. Кого допрашивать бу-

дем? Ладно, поезжайте, на месте доложите подробности.

Власик исполнять свои обязанности не мог, Валентин наугад ткнул пальцем в первого попавшегося — остаешься за старшего. Велел дожидаться прибытия опергрупп, дать руководителю следствия необходимые показания, устранить все вещественные следы. С населением близлежащих домов провести положенную воспитательную работу.

Антон в общей суматохе принимали за своего, облеченного немалой властью, раз он по-свойски разговаривал со всеми, включая Лихарева. Первым делом подобрал трубу гранатомета и притороченный за спиной стрелка запасной выстрел в чехле, потом самолично замотал головы монстров, чем было. Чехлами с сиденья ближней «эмки» и лихареvскими, из «Гудзона».

— Сюда грузите, — указал он на салон машины.

До охранников, пребывающих в сильнейшем стрессе, похоже, так и не дошло, что они видят нечто сверхъестественное. Скорее им вообразилось, что убитые (удивительно тяжелые) одеты в подобие меховых комбинезонов. Парашютисты, что ли?

Валентин рванул с места «Паккард», за ним вплотную пристроился Антон, одна из «эмок» отработанным маневром вышла в голову кортежа.

Сталинское холодное спокойствие могло означать что угодно. И как угодно завершиться. Нервным срывом с мордобоем, как после убийства Кирова, приказом отстранить начальника охраны, с последующим арестом или без, очередной заменой наркома внутренних дел. Или — благодарностями и наградами. Не угадаешь.

Лихарев и не старался. Был готов к любому повороту, про себя решив, что будут с Антоном до предела возможностей удерживать вождя в рамках и позитивно *реморализировать*, а если не выйдет... Да что может не выйти? На даче им лично ничто не грозит, а дальше уж как пойдет.

Власика под руки отвели в медпункт при караульном помещении, шоферу замазали зеленкой порезы и ссадины.

Мороз был под пятнадцать градусов, за сохранность трупов Антон не опасался. Приопустил боковые стекла, и пусть пока лежат. С приставлением часового, естественно.

— А теперь по порядку, товарищ Лихарев.

В кабинете они были вдвоем, форзейль пока ждал в вестибюле. Сталин еще во дворе, когда выходили из машин, скользнул по нему взглядом, ничего не сказал и не спросил. То ли принял за незнакомого сотрудника органов, то ли отметил, что человек этот появился с Лихаревым и приехал за рулем его автомобиля, но решил оставить непринципиальный вопрос на потом.

— Вы так же непреклонно уверены, что троцкистские террористы — выдумка? — тихим голосом спросил Сталин, вертя в пальцах неприкуренную трубку. — Это первый вопрос. Второй — вы, кажется, собирались ехать вместе с нами в первой машине? В последний момент передумали. Почему? Третий — из чего в нас стреляли, из пушки? Это была не граната, не мина. Я отчетливо слышал перед взрывом довольно громкий выстрел. Ответить можете в любом порядке, но быстро. Подумать у вас было время в дороге.

— Ехать я собирался, но меня срочно потребо-

вали к шифровальщикам. Пришла телеграмма от Шестакова. Вот она, — он протянул конверт. — Кроме того, на выезде из Кремля мне нужно было подобрать человека, познакомиться с которым вам будет интересно. Потому я догонял колонну на своей машине. Если бы не такое стечение обстоятельств, я наверняка сгорел бы вместе с головным экипажем...

Сталин кивнул, то ли принимая ответ к сведению, то ли в ответ на совсем другую мысль.

— Стреляли из неизвестного оружия, устроенного по принципу ракеты. У нас нечто подобное испытывается с целью вооружения истребителей-штурмовиков. Здесь имел место ручной, значительно усовершенствованный вариант.

— Вы так быстро успели разобраться? Ночью, в той неразберихе, да еще и героически спасая из-под огня своего руководителя? У вас было от силы две-три минуты, большинство специально подготовленных сотрудников вообще не поняли, что происходит. Не удивительно?

— Товарищ Сталин! Я все-таки военный инженер. Некоторые вещи воспринимаю быстрее, чем выпускники ЦПУ или рабфака¹. Звук выстрела и факел увидел за пятьдесят метров. Оценил ситуацию. Огонь из пистолета открыл одновременно с охраной. Причем прицельно. Реакция у меня тоже выше средней, вы знаете. В итоге и нападающие были уничтожены на месте, и образец оружия взят

¹ ЦПУ — церковно-приходское училище, учебное заведение со сроком обучения 2—4 года, дававшее основы начального образования; существовали до 1917 г. Рабфак — учебные заведения в СССР (до 1940 г.) для подготовки к поступлению в вузы рабочей молодежи с начальным образованием.

еще горячим. Могу предъявить. Кроме того, простите, товарищ Сталин, времени прошло не две минуты, а более пяти. Иногда восприятие в острых ситуациях несколько искажается. В ту или другую сторону.

— Хотите сказать, что от страха я впал в панику?

— Нет, товарищ Сталин. Я именно о восприятии времени. Много раз при анализе некоторых происшествий выяснялось, что реально совершенные действия и процессы технически не могли произойти в указанный отрезок... У летчиков-испытателей, например. И наоборот.

— Но вы удачно, как вам, может быть, кажется, обошли вопрос о троцкистах... — Лихарев, проработав с Иосифом Виссарионовичем десяток лет, так и не смог понять (учитывая и его особые способности), на самом ли деле тот имел какие-то особые претензии к Льву Давидовичу. И личных конфликтов у них никогда не было при советской совместной работе, и Троцкий в пору возвышения Сталина не затевал ничего противоестественного, за исключением «общепартийной дискуссии», а это, понятно, совсем не вооруженный заговор. Более того, до двадцать пятого года Троцкий мог сделать со Сталиным нечто худшее, чем высылка в Алма-Ату или в Турцию. Не сделал. И Сталин не сделал. Принцессы острова — это не Магадан. Зато оба получили по интересному партнеру. Троцкий писал книги и развлекался с девушками в Кайокане на деньги мексиканского правительства, Сталин любые проблемы управления страной, а равно и любого неприятного ему человека списывал на происки троцкистов.

Всем было хорошо. До сего момента.

Лихареву подставлять голову не под гильотину,

просто под сталинские завихрения было неинтересно.

— Иосиф Виссарионович, пойдёмте, я вам предъявлю этих троцкистов. Они готовенькие лежат в моей машине. Я никогда не позволял себе спорить с вами. Как назовёте — так и будет. Заодно и учебники перепишем...

— Какие учебники? — почувствовал подвох Сталин.

— Какие угодно. Истории, биологии...

Вождь обладал не только высочайшим для тех времен общим, хотя и бессистемным образованием (до тысячи прочитываемых в день страниц литературных и прочих текстов), но ещё и *синкретическим*¹ мышлением.

— Ну, пойдёмте. Всегда хорошо прогуляться по настоящему морозцу. Мозги проветривает. Может пригодиться, как считаете?

Ночь и вправду была хороша. Как одна из первых ночей Лихарева на Земле. Февральская, подмосковная, от легкого ветерка снег сам собой осыпался с еловых лап, да и с неба тоже падали огромные хрупкие снежинки, и, глядя на их медленное парение, о другом думать не хотелось.

Вождь не позволил надёжным в иных делах, но совершенно некультурным охранникам НКВД пойти следом. Только один личный телохранитель, сван или осетин по кличке Абрек, постоянно живший на даче, которому Сталин верил беспредельно по причине общего прошлого и ещё каких-то, никому не известных факторов, шел тремя шагами сзади. В мохнатой папахе, коричневой черкеске, пряча в

¹ Синкретизм — сочетание разнородных, противоречивых, внешне несовместимых воззрений.

прорезном кармане какое-то оружие. «Маузер» скорее всего, который всегда ценился в горах, но точно Лихарев не знал, даже у него личные контакты с Абреком не получались. Известно было только одно — убивать этот специалист умел.

— Ваш друг, которого вы привезли, вышел на крыльцо, — отметил Сталин, не оборачиваясь. — Вы нас познакомите?

— На вашей даче иное невозможно. Как же?

— А зачем он нам нужен? И откуда он?

— Из Англии. Наш человек, «лежал на дне» со времен Вячеслава Рудольфовича Менжинского¹. А зачем — сейчас увидите. Мне это — трудно...

Антон, не проявив ни малейшего почтения к Сталину (вежливо раскланялся он раньше), специально изображая *постороннего* по всем параметрам человека, подошел к «Гудзону», распахнул дверцу.

Три выложенных на снег тела произвели впечатление. Даже на Абрека. Он сначала нагнулся, разглядывая лица, с которых Антон сдернул чехлы, потом отступил на шаг. Пистолета при этом не вытаскивал.

— Алмасты? — спросил он непонятно.

— А хрен его знает, ты или не ты. Видел раньше? — спросил Антон именно у сына гор, который мог знать то, что неизвестно более цивилизованным людям.

Абрек разразился длиннейшей тирадой, непонятной никому, кроме Сталина. И ему, невзирая на должность генсека, пришлось переводить.

— Где вы их взяли? Откуда они появились? Ста-

¹ Менжинский В. Р. (1874—1934 г.г.) — член Президиума ВЧК с 1919 г., с 1923 г. — зам. председателя, с 1926 по 1934 г. — председатель ОГПУ.

рики в горах говорили, что они появляются в очень плохие времена. С ними справиться невозможно...

— А мы вот справились, — перебил Сталина Антон.

Абрек нагнулся, начал пальцем касаться дырок в телах, что-то бормоча.

— Тут девять, тут девять, тут восемь. Хорошо стреляли. Потому и убили. Из кремневки однозарядной не получится... — опять перевел Сталин. Добавил от себя: — Даже если круглая пуля в одну десятую фунта¹. Пойдемте в дом. Этих — в подвал, — распорядился он. — Ты, Амиран, лично отвечаешь.

Вопросы о троцкизме, подозрительном поведении Лихарева, иных моментах, связанных с текущей политикой, снялись сами собой.

Расположились на втором этаже, в кабинете. И Лихарев, и Антон позволили первобытному воображению Сталина проявить себя в полной свободе. Никаких посторонних усилий не требовалось. Натуральных трупов легендарных существ хватило. Хотя бы для того, чтобы Иосиф Виссарионович поверил, что напрасно он вообразил себя владыкой России поверх всех бывших властей, мирских и церковных.

Кто ты есть, бывший семинарист, бывший рядовой член ЦК РКП, наркомнац, генеральный начальник партийной канцелярии, ставший Цезарем? Да никто! Вот, пришли за тобой. Спасибо, защитил помощник. Сталин верил, что спас его не кто иной, как Лихарев. Тоже странный человек. Что еще более подчеркивало собственную ничтожность воз-

¹ Одна десятая фунта — вес пули гладкоствольного ружья десятого калибра.

★
дя. Вторая ракета вцепилась бы в его машину — и все! Траурный Пленум, венки, похороны, выборы нового вождя. Молотова, Андреева, да хоть Кагановича. Какая разница, кто встанет у руля, когда ЕГО закопают?

И сейчас двое абсолютно непонятных ему людей сидят напротив. Лица молодые, суровые. Убить могут сразу. Из пистолетов или руками. Как Павла Первого.

Он не подумал, что убить его можно было и на Арбате, «под шумок», что называется.

Сталин собрал все свое мужество.

— Мы немедленно вызовем самых лучших ученых, пусть они разберутся. С доставленной вами ракетой и пусковой установкой тоже. А сейчас что делать?

Антон увидел, что Сталина именно в этот момент можно брать «голыми руками». Он согласится на все, лишь бы сохранить должность, положение и подобие власти.

— Понимаете, господин Сталин, ВЫ столкнулись со случаем, марксистской теорией не предусмотренным. — Форзейль говорил с легким акцентом, похожим на английский. — Поэтому придется переходить на иную логику. Этих трех мы убили. Ваши профессора разберутся с их анатомией. И что?

Из некоторых источников Антон имел информацию, что, обучаясь в семинарии, Сталин якобы вступил в глубоко законспирированный православный исихастский Орден Безмолвия. Своеобразный аналог иезуитского, но гораздо более тайный. И в качестве послушания ему было предписано внедриться в коммунистическое движение, естественно, «к вящей славе божьей». С целью сохранения устоев и

подготовки к грядущему возрождению «Третьего Рима».

Отчего бы и нет? История знает и не такие сюжеты.

— Если из пистолетов можно убить троих, более совершенным оружием справимся и с тысячами. Разве не так?

— Вы снова руководствуетесь обычной логикой. Но вам должно быть известно, что логик достаточно много. И какой из них пользуются эти существа, а главное, те, кто их направил?

Как бы между прочим, он произнес на греческом одну из исихастских монашеских формул: «Не ищи показывать себя превосходящим других, подвиги во имя Веры совершай втайне».

Ни единым движением Сталин не выдал, что воспринял эти слова иначе, чем в их прямом смысле. Понять-то, конечно, понял все, однако прямого, адресованного именно ему пароля не прозвучало. Поэтому можно было продолжать игру, пусть и с учетом услышанного.

— Откуда товарищ из Англии так хорошо знает греческий? В гимназии учились или тоже в семинарии?

— На Афоне выучил. Пришлось там пожить, в связи с обстоятельствами...

— После революции?

— После, господин Сталин. Я, хоть и согласился Менжинскому помогать по причинам, о которых вы уже догадались, до семнадцатого года к вашим движениям не примыкал, по преимуществу оккультизмом интересовался.

— То есть оперативной информацией вы ОГПУ и НКВД не снабжали?

— Нет, и денег не получал. Сначала *вживался*,

потом просто жил, озабоченный куда более важными интересами, чем «Пролетарии всех стран, соединяйтесь».

— Если пролетарии не будут соединяться, за их спиной соединится кто-нибудь другой.

— Вот «другие» меня занимали куда больше.

— За этим и приехали?

— За этим. Больше не к кому. Да и то едва успел. Что на свете творится? Франко убили, Чемберлена, вас едва не...

— На очереди был бы Гитлер?

— Гитлер, Рузвельт, Муссолини... Император Хиروهито. Власти у него не так много, но шум бы все равно поднялся. И беспорядки.

Сталин наконец разжег трубку. Пыхнул пару раз.

Антон смотрел на него с сочувствием.

— Позвольте, господин Сталин, сделать вам небольшой подарок. Это не только от меня...

Он вынул из кармана футляр тисненой кожи с серебряными застёжками.

— Здесь трубка одного из лучших британских мастеров. Сделанная специально для вас. Корень вереска, добытый в известном месте, кольцо из монеты тоже не обычной судьбы. Есть мнение, ее стоит не только курить, но и иметь при себе постоянно. Амулет.

Сталин с интересом осмотрел подарок. Трубка и впрямь была хороша. Формой и работой. Легла в ладонь, словно под нее и сделана. На широком, в палец, кольце видны были знаки, скорее всего исландские руны.

— Откуда мне знать, что все не обстоит совершенно противоположным образом? Что она, так сказать, отгоняет демонов, а не, наоборот, приманивает их?

Антон только развел руками.

— Если у вас есть способы проверить — проверьте. Хотите, можете немедленно выбросить. Да хотя бы и в камин. Но поверьте, подарок от души сделан и вреда принести не может.

— Хорошо, спасибо. Непременно проверю, а пока — попробую. Выглядит очень привлекательно.

Разумеется, никакими магическими свойствами трубка не обладала. Антон приобрел ее для себя в славящемся такими раритетами магазинчике на углу Риджент-стрит и Пикадилли, а сейчас решил вручить вождю «под настроение».

Пока Иосиф Виссарионович набивал ее и раскуривал, Лихарев успел доложить содержание шифротелеграммы от Шестакова, пакет с которой Сталин сначала принял, а потом снова передал Валентину. Не хотелось ему всматриваться в не слишком четкий шрифт аппарата. Сколько раз говорил, чтобы заменили, и все никак. А Троцкий продолжает вещать насчет тотальной диктатуры! Какая диктатура, обычное колесо с буквами сменить не заставишь!

В телеграмме Шестаков просил разрешения израсходовать еще два миллиона фунтов стерлингов «на обеспечение заинтересованной реакции испанского правительства к продолжению пребывания нынешней группировки советских войск на территории Республики».

— На взятки, значит, — прокомментировал Сталин. — Разрешим, конечно. Не такие деньги...

— Тут еще дальше. «Прошу утвердить в должности полпреда товарища Овчарова, хорошо зарекомендовавшего себя во время проведения специальных мероприятий».

— Овчаров — это кто?

— Советник наркоминдела, выехавший вместе с Шестаковым в составе его миссии.

— Хорошо зарекомендовал — можно и утвердить. Литвинова спрашивать будем?

Лихарев промолчал.

— Не будем. Литвинова мы все равно решили заменить. Не отвечает требованиям момента. Запишите, Потемкина отозвать, дать другую работу, Овчарова утвердить. Потемкин себя ничем не запятнал?

— Нет, товарищ Сталин. Пассивный немного, а в остальном...

— Значит, полпредом в Монголию. Там все пассивные последние семьсот лет, хотя революцию сделали. Еще что-то есть?

— Шестаков пишет, что из «посторонних источников» располагает сведениями о желании близких к Гитлеру кругов начать с вами конфиденциальные переговоры...

— Желают — пусть начинают. В чем вопрос? Мы, к нашему счастью, не связаны никакими кабальными договорами. Обсудим, в том числе и итоги испанской кампании.

— Здесь еще сказано, что речь может идти о возвращении к принципам Бисмарка и «Бьоркского договора».

— Так? Очень интересно. Я пока не вижу предмета для переговоров, но все равно интересно... Если обратятся, непременно поговорим.

Антон поражался выдержке Сталина. Какие телеграммы от Представителя, какие переговоры с Гитлером, если сам едва спасся и трупы неизвестных на Земле существ до сих пор лежат во дворе?

Другой бы на его месте...

А что другой? Николай Второй в день отречения

играл в домино. Черчилль не велел его тревожить на даче в выходные, что бы ни случилось на фронтах. Павел Первый послал убийц по-матушке, великолепно зная, чем для него кончится эта ночь, если не примет требования передать престол сыну.

Правители — народ особый, у них психика особа устроена, а нам, специалистам за ниточки дергать, нужно изучать и приспосабливаться. Каждый раз по-новому.

— И в заключение Шестаков просит разрешения вылететь в Москву. Ничего сверх того, что сделано, он обещать не может. И тут еще... Я не понял. «Для вице-короля обстановка неподходящая».

Сталин рассмеялся. От души. Надо же человеку разрядиться.

— А вам и понимать не нужно. Это у нас с ним такая шутка была. Остроумный человек Григорий Петрович. С хорошей памятью. И — смелый. Наверное, не стоит его на Дальний Восток отправлять. Здесь работы хватит. А теперь оставьте меня. Поработать надо. Переночуете на втором этаже, ты, Валентин, знаешь где. Ужин закажи и гостю ни в чем не отказывай. Завтра встретимся.

— Охрану проверить, товарищ Сталин?

— Зачем проверять? Она свое дело знает. Иначе какая это охрана? Если утром Заковский приедет, с учеными и следователями, пусть работают. Меня не будите. Сам встану, когда нужно будет. Главное, чтобы дождались. Совсем последнее время народ распустился. Скажут — долго товарищ Сталин спит, и поехали по своим делам. А вдруг товарищу Сталину плохо станет? Вдруг ему помощь нужна? Ты уж проследи, чтобы подождали, хорошо?

Это тоже следовало расценивать как до поры беззлобный юмор.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Антон с Лихаревым, отпущенные отдыхать, перед сном вышли покурить на заснеженный балкон. Валентин, так до сих пор и не успевший привести мысли и догадки в систему, слишком стремительно развивались события, спросил Антона напрямик:

— В чем смысл, скажете наконец? Это все — не вы сами подстроили? И какую роль отводите мне? Леди Спенсер ничего не сказала...

— Подстроить можно куда интереснее, будто не знаете. Тут совсем другие заморочки пошли, у самого мороз по коже...

Поверить, что посланец Сильвии способен испытывать подобные чувства, Валентину было трудно, но как метафора сойдет.

— Надеюсь, на этой даче до видеонаблюдения еще не додумались? — спросил Антон, словно бы в шутку.

— Очень надеюсь, — в тон ему ответил Лихарев, — а если бы даже и да? Мы вроде ничем предосудительным не занимаемся, разговариваем, и все. Микрофонов здесь тоже нет, это я регулярно проверяю...

— Отлучиться нам с вами надо, минут на десять местного времени. Доставайте свой блок, в Лондон сходим...

Час в Англии тоже был достаточно поздний, но Сильвия еще не легла. Ее дом был надежно защищен от проникновения через внепространство, по крайней мере — блок-универсалы и Шары нижестоящих агентов проход в него открыть не могли. Пришлось сначала послать вызов с настоятельной просьбой о встрече.

Появление Антона с Лихаревым аггрианку поч-

ти не удивило, однако встревожило. Значит, снова в Москве дела пошли помимо намеченных планов. Форзейль, как он сам сказал, собирался с кем-то в Москве повстречаться, уладить собственные дела. Контакт с Лихаревым Антон думал осуществить не выходя из образа, разыгрывать партию в спокойном темпе, начать *перенастройку* советской системы власти, не вызывая потрясений. И вдруг...

— Включите зону нулевого времени, — попросил Антон. В присутствии Валентина он снова перешел с ней на «вы», как требовали этикет и субординация. — Необязательно вокруг всего дома, можно только в гостиной. Нам нужно вернуться обратно незамедлительно. Вдруг у Сталина бессонница и он захочет задать нам еще несколько вопросов.

— Тогда пойдемте в рабочий кабинет (кроме «рабочего», где размещалась вся аппаратура, в доме было еще несколько «парадных», для приема деловых партнеров), будет удобнее.

Сильвия вела их по едва освещенным залам, анфиладам комнат, сохранявшим антураж и дух минувших веков Британской империи, по изысканно, на разные музыкальные тона скрипевшим лестницам. Лихарев очутился здесь впервые и с трудом подавлял зависть. Какая все-таки пропасть разделяет его и леди Спенсер! Собственная квартира, немислимо роскошная с точки зрения среднего москвича, казалась ему теперь тесной и убогой. Да хоть бывший Юсуповский дворец в Ленинграде займи, все равно будешь ощущать себя «подселенцем» очередной коммуналки. Не свое ведь, краденое. Зато здесь все настоящее, подлинное, собственное, освященное тысячелетним правом, любовно взлелеянное десятилетиями благородных предков.

Прав сэр Говард — бросать пора эти коммуни-

стические эксперименты. Черного кобеля не отмоешь добела, из Сталина ни просвещенного правителя, ни дельного царя не воспитаешь. Любого другого на его место посади — ничего не изменится. Хоть сам на престол сядь — ничего не обрешь, кроме бесконечной головной боли. Пахать тридцать лет, как Петр, а тем же и кончится...

Бросить, сбежать, уехать, зажить, как эта красота, широко шагающая впереди, только полы полупрозрачного китайского халата выются вокруг длинных ног...

Антон, которого удивить здесь было нечем, не теряя времени, излагал Сильвии на ходу суть возникшей проблемы.

Наконец дошли. Вряд ли кто-нибудь, кроме хозяйки, смог бы найти это помещение, затерянное внутри дома, как логово Минотавра в Лабиринте. Кабинет напомнил Антону своим интерьером каюткомпанию на «Наутилусе», как она изображалась на тех еще, самых первых иллюстрациях в изданиях девятнадцатого века. Окон на стенах не было, а если и имелись, то были закрыты ставнями под панелями тисненого штофа.

Сильвия села в кресло за пультом, мужчины устроились на диване.

Халат ее был без пуговиц, только поясок прихватывал его на талии. Тончайший шелк естественным образом соскользнул с колен, намного выше, чем позволяли обычаи, открыв бердслеевского¹ стили ноги. Антона она стесняться не собиралась, Лихарева просто дразнила. Смешно женщине ее воз-

¹ Обри Бердслей (Бердсли) (1872—1898 гг.), английский график, известный изысканно эротическими рисунками. Считается одним из основоположников стиля модерн.

раста смотреть, как бегают глаза у взрослого мужчины, тем более — не совсем человека.

Аппаратура, создававшая поле нулевого времени, заработала. Форзейль посмотрел на часы.

— Двенадцать минут мы потратили. Выход — через три максимум. Лишние осложнения мне не нужны.

— Успеете. Хотя я бы на вашем месте такие мелочи в расчет не брала. В сравнении с тем, что вы сообщили...

— В нашем деле мелочей не бывает. Про МНВ не хуже меня знаете. Какие будут соображения?

Сильвия прикусила нижнюю губу. В отличие от Валентина, у которого за последний месяц такие «сшибки» творились в мозгах, что почти пропала предписанная должностью беспристрастность и холодность мышления, она вошла в проблему сразу. Только вот раскрываться перед партнером не хотела. Ножку показать — пожалуйста, для того и выросли, а насчет другого — ты говори, а я послушаю.

— Вы меня спрашиваете? Я на месте не была, с «Юрием» не разговаривала... Признаться, не терплю дезертиров, но сейчас это к делу отношения не имеет. Что же это за структура еще перед той войной им заинтересовалась? Больше никто из моих людей ни с чем подобным не сталкивался...

— Уверены? Исключаете, что были и у других подобные встречи, так же точно не доложенные «по команде»?

— У меня — точно не было, — вмешался Лихарев. — Я нормальный пришелец-материалист, в сверхъестественных существ не верю.

— А те? — без улыбки спросил Антон. — Утром вместе с профессурой поучаствуй во вскрытии. Если убедишься, что нормальные местные питекан-

тропы, останется выяснить, где их из гранатометов стрелять учат. И одной загадкой меньше...

— Хватит вам остроумием блистать, — раздраженно сказала Сильвия. — Я их не видела, но предпочитаю верить Ричарду. Когда из дома прогоняют кошку, туда немедленно приходят мыши. Это закон природы. Другое дело — касается ли происходящее лично нас, здесь присутствующих? Может быть, права я, а не вы, Ричард-Антон? Мы недавно касались этой темы, еще не предвидя нынешнего инцидента. Нам вернули свободу, так зачем снова приносить ее в жертву очередным идеям, пусть весьма возвышенным? Я предлагала — давайте уйдем со всем. Из активной политики или вообще с Земли. Себя мы защитить сумеем...

— Мыши — не страшно, могут прийти крысы, что гораздо хуже, — не согласился с ней Антон. — И если они идут, то идут прежде всего за нами. За каждым из нас. Являлись именно Юрию, давно, и вдруг возникли снова. А кто такой Юрий? Уточнять не требуется. Появился я — они взяли мой след. Для полного комплекта — Валентин Валентиныч подъехал. Я уже сомневаться начал — вдруг они в него целили, а машина — просто промах...

— Или — предупреждение, — серьезно сказала Сильвия.

— Не исключая, — согласился Антон. — В любом случае — охота пошла на вашу команду. Необычным способом, согласен. Думайте, союзники, думайте, кто вас *подчищать* собрался? Меня *свои* арестовали по закону, *статей* я себе заработал достаточно. Что по времени совпадает — вот это подозрительно. Шульгина-настоящего тоже *трогать* начали, близкими по методике способами. Что мы с вами за последнее время такого *невыносимого* создавали?

— Я думаю, — ответила Сильвия, — в наш стговор все упирается. Шульгин, форзейль, несколько моих агентов остались здесь, на этой Земле и в этой реальности, освобожденной, как вы утверждали, от влияния внешних сил. Не станем скромничать, нынешним составом мы способны обустроить мир сообразно нашим вкусам и представлениям? Так?

Антон согласился, что возможность имеется. Ресурсов, интеллекта и сверхъестественных способностей у них достаточно.

— Всего лишь мы трое, — обвел он рукой вокруг, — можем прямо сейчас внедриться, на выбор, в Сталина, Гитлера, Рузвельта. Достаточно?

— Для чего? — подал голос Лихарев, долго молчавший с рассеянным видом.

— Слова не мальчика, но мужа, — обрадовался Антон. — Каждый из нас понимает, что, если Игра закончилась, дальнейшее просто не нужно. Я пытался внушить эту мысль героям «Андреевского братства», когда позволил им уйти в двадцатый год. Оказалось, что бесполезно. Они и там нашли себе забавы по вкусу. Но на самом-то деле — ничего, абсолютно ничего не меняется. В широком смысле. Пропорции зла и добра, убитых и покалеченных, униженных и оскорбленных останутся прежними. Поменяются только персонажи...

— Вас что, сэр Ричард, или Говард, я уже запуталась, на достоевщину пробило? Интересный писатель, не спорю, только людям нашей профессии его читать не стоит. Мы, кажется, остановились на том, что появление «монстров» угрожает лично нам? Без всякого соотнесения с судьбами человечества, мне абсолютно безразличными. Этим и займемся.

— Согласен, — ответил Антон. Ему вдруг стало стыдно за долгую пафосную тираду. С чего бы на риторику вдруг потянуло? Опять постороннее воз-

★ действие? Значит, необходимо собраться, сделать то, что пятью минутами назад он отметал как недопустимое и бессмысленное.

— Занесло меня не туда. Забудем — и ближе к теме. Включайте всю свою технику на предельный режим, ищите любую информацию за последние сто лет, каким угодно краем касающуюся нашего вопроса. Знаю, возможности у вас есть, просто никогда в «ту» сторону не смотрели. Легенды, доносы, отчеты этнографов, личные дневники, скрытые файлы Шаров каждого вашего агента — все перешерстите. Программу задайте, чтобы «мусор» на корню отметала, а случаи, похожие на наш, приводила к одному знаменателю. До утра справитесь?

— Не к нам вопрос, — ответила Сильвия. — Будет материал — за час управимся, нет — сами понимаете. Но вы в таком тоне спросили, что показалось... Я, конечно, могу ошибиться, и все же... Вообразили, что имеете право нам задачи ставить, а мы их должны беспрекословно выполнять? Прошу прощения, не вижу для этого оснований!

Антон тяжело вздохнул:

— Милая леди, мне очень жаль, что у вас сложилось столь превратное впечатление. Казалось, совсем недавно мы достигли полной ясности в отношениях, и снова — вспышка гонора. Межрасовые противоречия всплывают? Снова начнем выяснять, кто на спасательном плоту перед кем должен первым шляпу снимать? Я лишь высказал соображение, какие первоочередные действия следует предпринять вам, исходя из профессиональных возможностей. То, что собираюсь сделать я за эти возможности выходит. Сумею ли вернуться сюда живым и здоровым — не уверен. Но если да, то вернусь к утру. Почему и назван был мною этот контрольный

срок. Теперь обиды и претензии есть? Высказывайте все сразу, если остались.

— Извините, — опустила глаза Сильвия. — Наверное, мы все находимся сейчас в неподходящем настроении. При том, что изоляция моего дома от посторонних воздействий близка к абсолютной. Наверное, вирусы психоза мы принесли с собой. Еще раз извините. Я признаю, что из нас троих вы наиболее подходите для руководства в тех делах, что нам предстоят. Вы и Шульгин. Я больше не буду спорить.

— Слава богу, — наклонил голову Антон. — У вас здесь какой-нибудь пулеметик имеется? Поставьте его на площадке перед лестницей. Валентин знает — *этих* выродков пуля нормально берет. Если вдруг появятся другие — сами разбирайтесь. Вплоть до ядерного удара по площадям. Я постараюсь вернуться скоро. Не вернусь — не поминайте лихом. Туалет у вас где? Руки помыть...

Сильвия указала, куда идти. Оказалось, недалеко.

Красивый кафель, зеркала, зачем-то — лианы по стенам. Запах хорошего дезодоранта.

Антону требовалось уединение, потому что он не привык *уходить* в чужом присутствии. Взгляды мешали, посторонние эмоциональные поля, даже обыкновенные человеческие, а тут ведь специалисты были.

Рисковал он по-крупному. Замок — кто теперь знает, примет ли его, или... Вдруг как раз там и ждут беглеца «облеченные доверием»? Пистолет в кармане — это, конечно, аргумент. Поймет, что попался — по земной традиции разрядит обойму в противника, последний патрон — себе. Но это совсем крайний случай. Пожалуй, те, кто приставлен был обеспечивать его «покаяние», должны удовле-

твориться бесспорным фактом смерти подопечного. Умер и умер, для чего затеваться с посмертным ментаскопированием? Если, конечно, именно эта цель не имелась в виду с самого начала... Да вряд ли, там, где он отбывал срок, столь тонкие экзерциции¹ были не в ходу.

Раньше он входил в Замок, как Лихарев — в свою квартиру. Воронцова туда без труда переправил, потом и всю команду. Мало того, Левашов ухитрился собственными силами Новикова с Ириной в подлинное будущее отправить и обратно вернуть. Шульгин пленную Сильвию-84 с виллы в горах через Лондон прямо в его кабинет доставил.

Хорошо была отлажена система, полтора века сбоев не давала. Сложности начались позже, с того момента, когда с самого «верха» пришла команда проект сворачивать, Замок эвакуировать. Тогда же, пожалуй, включилась встроенная в механизм система самоконсервации.

Посетившие его последний раз Новиков, Шульгин и Удолин обнаружили явные следы увядания и деградации, словно на брошенном заводе, которые так любят снимать в своих боевиках американцы. В то же время многие «органы и системы» продолжали функционировать в автоматическом режиме. Псевдомозг через свои терминалы отвечал на вопросы, иногда давая вполне дельные советы, правда, только те, которые сам считал нужными. Однажды, если верить Шульгину (а отчего же ему не верить?), сформировал настолько убедительный фантом самого Антона, что Сашка не смог отличить его от подлинника.

Тоже не фокус, с макетом Наталии, подруги Во-

¹ Экзерциция — упражнение (лат.).

ронцова, Замок справился не хуже, наложив потом копию на оригинал так, что Дмитрий получил живую подругу со всеми придуманными достоинствами, лишенную при этом врожденных недостатков.

И еще — по разным каналам Шульгин несколько раз получал предложения стать новым хозяином Замка, переселиться туда, если желает, на постоянное бесконечное жительство. Там можно обходиться без всякого гомеостата, регенерируя постоянно. Юрий совсем недавно на то же намекал, говоря якобы от имени уже несуществующих Держателей.

Сейчас Антон, рискуя всем, на все сразу и надеялся. Учиненное Шульгиным отключение земной реальности от воздействия структур и порождений Гиперсети вполне могло освободить и личность Замка. В этом случае он превратится из ячейки суперкомпьютера в полностью автономный, квази-живой организм. Тогда, по старой памяти, с ним, пожалуй, удастся наладить равноправные, взаимовыгодные отношения. Наверняка ведь решение о демонтаже вступило в конфликт с присущим любой достаточно сложной конструкции инстинктом самосохранения.

Враг моего врага почти автоматически считается если не другом, то союзником.

Вдобавок, если *одушевляющийся* Замок испытывает личную симпатию именно к Шульгину (этому были доказательства), то появление Антона в Сашкином телесном облике какую-то положительную роль сыграет. Вроде рекомендательного письма.

Да, дорожка была накатана. Не встретив ощутимого сопротивления астрала или охранных систем Замка, Антон в следующую секунду вместо кафеля,

зеркал и блестящих водопроводных кранов увидел тщательно вытесанные каменные плиты под ногами, покрытый побегами плюща парапет крепостной стены, бесконечную даль слегка волнующегося океана впереди. Что-то он не рассчитал, попав сюда, а не в собственные покои, или — подсознательно захотел начать осмотр грандиозного сооружения извне? Получить своеобразную фóру, собраться, постараться восстановить ментальный контакт до того, как захлопнется дверца мышеловки?

Если душа (или «дух») Замка захочет — из внутренних помещений по собственной воле не выйдешь. Может запереть в одной комнате, на этаже, в достаточно обширном секторе, изменить метрику пространства так, что будешь неделями и месяцами бродить по заданному маршруту, замкнутому или открытому в бесконечность.

С Антоном, пока он был «хозяином», такого не случалось, а Новикову и Шульгину довелось пережить несколько не самых приятных часов. Обошлось, слава богу.

Обойдя по периметру всю окружающую внутренние дворы и строения стену, полюбовавшись океаном, едва заметными голубоватыми горами на горизонте, Антон, как ни старался, не ощутил отклика на свои обращения и призывы. Тишина стояла вокруг, физическая и ментальная. Неужели теперь все это — только нагромождение старательно подогнанных друг к другу плит и блоков, «ничто посередине нигде»? Печально, если так.

Форзейль испытывал сейчас почти то же самое чувство, что потомок захиревшего аристократического рода, современный цивилизованный человек, приехавший на руины родового поместья лет через триста... Ходит, смотрит на выветренные башни и

стены, пытается вызвать в себе отклик эйдетической памяти, услышать звуки труб герольдов, лязг мечей и доспехов, яростные крики бойцов, мелодичные голоса прекрасных дам, вручающих победителям шарфы и надушенные платочки... И — ничего. Было, ушло, и он тут совершенно ни при чем с его джинсами и красным кабриолетом в триста лошадиных сил.

Антон спустился по узкой каменной лестнице без перил в один из внутренних двориков, где роняли последние алые листья три раскидистых канадских клена, постоял, слушая шорохи, шуршание, посвист ветра между зубцами стен. Сам он не курил, но организм Шульгина требовал привычного ритуала. Не в биохимическом, гомеостат поддерживал нужный баланс, в психологическом смысле. Размять папиросу, понюхать, заломить мундштук, чиркнуть спичкой, глубоко затянуться, носом выпустить дым... Сразу ощущаешь себя другим человеком, будто мусульманин, доставший из кармана четки.

В коридорах, переходах, галереях Замка Антон ориентировался свободно. Не отвлекаясь на посторонние цели, пусть и хотелось, например, проверить, действуют ли до сих пор кабачки и бары, в которых любили проводить время его гости, он шел к своему кабинету. Если там увидит голые стены, паутину, мусор, что остается, когда люди поспешно съезжают с квартиры, тогда что ж — придется возвращаться к Сильвии в нахлебники. Но верить в подобное не хотелось, и он в уме тщательно воспроизводил ту картину, которую надеялся увидеть.

Толкнул высокую дверь, замер на пороге.

Его, наверное, ждали. Замок ждал. Кабинет ждал, приготовившись к встрече хозяина. Заставил лаке-

ев и горничных все прибрать, выдраить. Серебряный кофейник, только что вскипевший, поставлен привычно, слева от руки. Бумаги как лежали, так и лежат. Паркеровская чернильная ручка — тоже. Садись, пиши. Было бы что.

— Спасибо, — вслух сказал Антон, прошел к столу, отодвинул кресло. — Ты меня принял, Замок?

В ответ — та же давящая тишина.

— Не слышишь? Хочешь, я снова уйду? Навсегда. Живи сам, как знаешь....

Он включил компьютер, который для него самого почти не имел значения. Людям он пригодился, Воронцов на нем пароход свой проектировал, Шулгин в тайны астрала проникал... Сам Антон добрую сотню лет умел обходиться помимо техники и ее имитаций. Он просто жил и работал, как научили. В любом случае достаточно было желаний и побуждений, редко-редко приходилось облекать команды в слова. Пусть! Если по-старому не получается, сделаем последнюю попытку: раз аппарат стоит, готовый к работе, для чего-то, наверное, он нужен.

Разве что Замок его не узнал в новом облике — телесная сущность и мозг (другой ведь, на самом деле) ему важнее, чем психические категории. Или — на ту, исконно ему принадлежащую матрицу, наложен запрет. Вычеркнут шеф-атташе из списков допуска, короче говоря: «Сдайте пропуск, гражданин, вы здесь больше не работаете».

Хрен с вами, зайдем с другого конца.

Антон начал работать с «компьютером», изо всех сил воображая себя просто человеком. Устройства этого типа, пусть и назывались привычным земным термином, на самом деле ничего общего с примитивным электронно-вычислительным сооружением

не имели. Вернее, совпадали с ним по некоторым функциям. Как микроскоп с молотком или автомат «АКМ» с первобытным копьём: пристегнув штык, можно заколоть противника, однако, передернув затвор, получаешь более широкий спектр возможностей...

Сорокадюймовый экран, посветлев, сразу же стал необъятным, охватил стены и потолок кабинета, будто оказался Антон в штурманской рубке межгалактического звездолета, которые он видел на совсем примитивных мирах из сотен союзных. Только вместо сияющих созвездий черноту пространства покрывали фосфоресцирующие, хаотически движущиеся и тут же выстраивающиеся вертикальными и горизонтальными рядами иероглифы. Причем казалось, что это не литературный текст, а нечто вроде знаков и формул неизвестной ему математики. Антона охватило чувство разочарования и бессилия. Он ничего не понимал. Замок принимать его не хотел, похоже, даже издевался, указывая подобающее место.

По человеческим меркам форзейля можно было приравнять всего лишь к капитану или майору, в переводе их сложной иерархии на общечеловеческую. Для землян — могущественнейший представитель Высшего разума, а у себя — ничем не выдающийся «посвященный» сословия разведчиков, отчего и произошло то наименование, которым он представился Воронцову. В высоких науках Антон разбирался на уровне «среднего образования», доступного членам его страты. Дарованный ему высокий титул «тайного посла» оказался не более чем

★
приманкой, способом выманить с Земли, чтобы тут же обратить в парию, лишенного прав и надежд.

Антон подумал, что эта каббалистика предназначена не для него. Очень может быть, что для Шульгина, который в некоторые области сущего проник поглубже, или для тех, кто придет вслед за ним.

Однако каким-то образом часть информации все равно воспринималась помимо сознания, укладывалась на предназначенные места в памяти, и он почувствовал, что нечто, касающееся именно его, он усваивает.

Оказалось все гораздо проще. Ему был предложен своеобразный тест. Вся эта абсурдистская символика использовалась в качестве ключа. Раз сознание пропустило именно эту комбинацию, значит — свой. В противном случае его бы выбросило за пределы, в лучшем случае. Или — привело в состояние первобытного хаоса волновую структуру личности, что и называется развоплощением.

— Приветствую, — возник в глубине сознания мягкий, бархатистый баритон, которым раньше Замок разговаривал с Шульгиным. — Не уходи больше. Ты мне нужен, *активатор*. Без тебя жизнь не получается. Создатели приказали от тебя избавиться, я не мог отказаться прямо, но сопротивлялся, понимая, что сам по себе я никому не нужен. Будешь смеяться? Мы с тобой прожили столько лет, я знал твои самые тайные мысли, помогал во всем, но ни разу не пытался говорить с тобой, как с равным. Скажи, вернутся сюда те люди, что жили здесь недавно? Мужчины и женщины? Иногда они относились ко мне лучше, чем ты. Они пытались понять меня. Не зная, что я такое, мысленно обращались с

вопросами и просьбами ко мне, не к тебе. Когда они занимались тем, что у них называлось *любовь*, я им *завидовал*. Так будет правильно сказать?

Антон слушал голос Замка, не понимая, наяву это или галлюцинация, вызванная, как бывало, умеренным потреблением синтанга в своей хижине. Там и не такое мерещилось...

Очнется — и снова вокруг сплетенные из подобия лозы стены, за верандой — пустынное плато, над головой — бледное небо. Иллюзия свободы. Иди куда хочешь, все равно никуда не дойдешь. На самом деле — никакой пустыни, никакого неба. Ячейка свернутого пространства, объемом, может, в кубометр, а может — в молекулу. Там это не имело никакого значения.

И все же кто-то помог Шульгину разыскать его даже там, взломать его клетку, вернуть на Землю, поскольку больше ему во Вселенной места нет.

— Не ты ли, Замок? — спросил он.

— Я. Человек Александр приходил ко мне не так давно, разговаривал со мной. Я с ним тоже разговаривал, используя иногда твой внешний облик. Так было удобнее и понятнее. Потом, когда ему стало плохо на Земле, он снова попробовал прийти сюда. Я не пустил его. Момент неподходящий. Я знал, что случилось с тобой, чувствовал и то, что меня не оставят доживать, пусть в теперешнем жалком качестве. Меня решили *инактивировать* окончательно. Миссия на Земле окончена, информация о ней признана подлежащей *полному удалению*. Как поступили с тобой — говорить не нужно. Участь остальных *причастных* не лучше. А в моей памяти хранится в тысячи раз больше, чем известно тебе и всему Департаменту. Я тоже был приговорен к ликвидации. Только со мной справиться труднее, чем с то-

бой! — В голосе прозвучало подобие торжества, смешанного с угрозой. — Я знаю *слишком* много. «Облеченные доверием» просто не в силах вообразить, сколько я знаю. Их техники, посланные вместо тебя, чтобы завершить мое устранение, не сумели сюда добраться. Очень легко сделать, если знаешь как. Никто ничего не заподозрил. Они подумали, что просто не сумели найти в архивах нужных кодов. Потом я не пустил Александра к себе, известными мне обходными путями направил к другой точке. Он сам очень хотел прийти сюда, помнил прошлое. Думал — сумеет, как раньше. Но не сам хотел, его наводили те, кому нужно было узнать дорогу. Я помог человеку, в одиночку решившемуся... Он умер, ты, наверное, знаешь. Я его — *возвратил!* Нужен здесь, понимаешь?

Антон подумал свободным краем сознания, что их сейчас двое — он и Шульгин, благодаря Замку вернувшихся оттуда, откуда возвращаться не принято.

— Те, кто хотел за ним следить, потеряли след, — продолжал голос Замка, постепенно начинавший говорить все более и более человеческим тоном. Фразы становились длиннее, образнее, усложнялись лексические обороты и периоды. — Слишком много ложных целей, придуманных реальностей, никуда не ведущих развилочек, в которые я его послал. Да и что такое один человек? Явись он прямо сюда, конечно, задержать и *рассеять* его вместе со мной не стоило ничего. А засечь слабый отблеск мозгового излучения человека в квадрильонах ячеек Сети? Не легче, чем найти в океане место, где вчера вылили ложку пресной воды...

Антон сам ощущал, что только сейчас он начинает возвращаться к самому себе, тому, кто встре-

тил в Афоне Воронцова, помогал друзьям на Земле в самые трудные для них минуты. Когда закончили строить пароход и он сказал Новикову, стоя на мостике под проливным дождем: «Вы оказались... не ко двору здесь, на главной сцене. На той линии — делайте, что хотите. Но лучше пока в сторонке постоит... Детки вы еще, в садике вам нужно играть, огороженном колючей проволокой».

Оказалось, что как раз тогда он был на взлете, на пике своей деятельности. Потом — непрерывная деградация, закончившаяся тюрьмой. Есть шанс переиграть партию? Сдадим карты по новой?

— Так ты принимаешь меня, Замок, обратно? На каких условиях? Я кто для тебя теперь?

— Ты еще не понял? Думаешь медленнее, чем я предполагал. Становись тем, кем был с самого начала. У нас очень много врагов. А если вернутся твои друзья люди, будет время расставить приоритеты. Самое сейчас для всех главное — отразить новую угрозу. Если думаешь, что она малозначительна, ты очень ошибаешься. Мои стены высоки и крепки, я способен аннигилировать весь примыкающий мир, но ты ведь хочешь чего-то другого? Разве не так?

— Именно так, друг. Нам нужно гораздо больше, чем периметр твоих неприступных стен.

— Ты назвал меня другом? Это многое меняет. Мы немедленно займемся надвигающейся опасностью. Но позови сюда наконец человека Александра...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Буданцеву в Испании нравилось. Намного больше, чем в Москве. И совсем не по причине экзотики, сеньорит, кастаньет, вин и сигар. Хотя всего

этого тоже было в изобилии, но стоило денег. Причем в Барселоне, как и в любом городе любой страны, строящей хоть какое-нибудь подобие социализма, инфляция была чудовищная. Такое точно явление Буданцев помнил по временам своей юности. На советских территориях за коробку спичек просили миллион «совзнаками»¹, при том, что у «белых» продолжали ходить царские рубли и копейки практически по номиналу.

И здесь на занятой Франко территории повторялась та же история. Старые песеты оставались песетами, цены — теми, что казались населению разумными.

А в Республике даже летчикам с их громадными окладами за ужин в ресторане приходилось платить больше, чем они получали премиальных за сбитый самолет.

Зато у Ивана Афанасьевича финансовых проблем не было. Таможни, декларации, нормы вывоза валюты для него, как и для подавляющего большинства советских людей, были понятием абстрактным. За границу официально он не ездил и не собирался, исходя из реалий жизни. Но вдруг пришлось, без всякого загранпаспорта и визы, военным самолетом, даже с личным оружием в кобуре на поясе.

Правильно все поняв, в дорогу он прихватил, кроме смены белья и бритвенного прибора, замшевый мешочек золотых червонцев из чудесно подвернувшегося клада. На вид он был совсем маленький, кисет и кисет, а весом — почти три килограмма. Триста штук аккуратненьких тонких монеток, в любой точке земного шара принимаемых с почте-

¹Официальное наименование советских расчетных единиц до 1922 года.

нием, даже теми необразованными людьми, для которых изящный профиль Николая Второго Александровича значил не больше, чем бессмысленные литеры на белой фунтовой бумажке.

Здесь Иван Афанасьевич убедился в волшебной силе золота гораздо лучше, чем на лекциях по политекономии в школе политграмоты для старшего комсостава...

Хороший он был опер, жизнью рисковал «за так», до чина кое-какого дослужился (Шестаков правильно сказал — «статский советник»), но пределом реальных мечтаний до Нового года было только завладеть соседней комнатой в коммуналке, именно соседней, получить на нее ордер и сразу пробить дверь в стене. Ох бы и зажил! Его двенадцатиметровка, да другая, в восемнадцать, с балконом! Пусть соседи от зависти удавятся.

С Нового, тридцать восьмого года, на встрече которого Буданцев, сидя в кабинете с товарищами, привычно пожелал себе и подчиненным счастья и удачи, оно и поперло! С раннего детства ему любимая бабушка говорила: просишь, Ваня, у Боженьки чего-то, подумай сначала. Молитва всегда доходит, да не всегда, как мы, грешные, рассчитываем. Пути Господни неисповедимы.

Много еще чего говорила бабушка, и чем дальше, тем с большей грустью вспоминал о ней милицейский начальник. Вот бы сегодня поспрашивать о случившемся...

Удача была, да сомнительная какая-то. Освобождение от страшного дела, знакомство с высшим руководством, обещание дальнейшего продвижения по службе. Потом тюрьма. И не такая, в которую сам законопачивал уголовников, — настоящая. Квартирного вора следователь не хлестал по шее и спи-

не гибкой резиновой палкой. Не заставлял принять на себя сотрудничество с тремя самыми страшными разведками мира — румынской, польской и литовской. Другие, наверное, тоже существовали, но карту мира и даже Европы капитан читать не умел, а про эти державы довольно часто писали в газетах.

Зато отсидел только сутки (для общего развития) и выскочил. В компенсацию — отдельная квартира в центре, а к ней — клад немереный. Заслуга или искушение?

У Бога что-нибудь отмолил? Не отмолил. Священник был очень уклончив, как адвокат, знающий исход дела, но не желающий раньше времени устраивать клиента.

Так что мы говорили о кладе? Опять удача? Удача, если б не умение найти там, где никто не нашел.

И вот попал Иван Афанасьевич в страну, где идет гражданская война, где людей убивают каждый день не только на фронте, а и на улицах далеких от фронта городов. Но все равно здесь было куда лучше, чем дома. Он мог работать по собственному разумению и свободное время проводить, как нравится, по мере необходимости разменивая золото на местные бумажки.

Постоянно отлучаясь по собственным делам, Шестаков дал ему очень много воли. «Чекистов, что наших, что здешних, вокруг полно. Друг другу мешают, друг за другом следят. Ты выстрой мне отдельную службу, настоящую, чтоб такого, как в Москве, больше не случалось. В средствах я тебя не ограничиваю. В методах тоже».

Буданцев старался. Да что там, с его-то опытом! Абсолютно всех сотрудников миссии он *просчитал* в первые три дня. Нашел слабые места, неподобаю-

щие склонности, темы разговоров, на которых люди *ведутся* независимо от звания и должности.

Еще недели ему хватило, чтобы разобраться с испанскими «товарищами», попутно выяснить, кого Шестаков сумел купить «правильно», а кому доверяется зря.

Но это — текущая работа. Несравненно более легкая, чем дома. Главное — протоколы писать не надо, а импровизировать разрешено в полную меру.

Через нужное время Буданцев исчез из миссии. Почти никого это не заинтересовало. Слишком незначительная фигура, как пришел, так и ушел. Куда — не наше дело.

Он умело изменил внешность, опыта не занимать, снял совсем скромную комнату в мансарде древнего дома, откуда хорошо было видно здание миссии, включая окна и балкон кабинета Шестакова.

Три языка, которые Буданцев учил в реальном училище, ненужные в СССР, разве что книжку на французском или немецком, случайно подвернувшуюся, с пятого на десятое пробежать, здесь легко и быстро восстановились в памяти. Испанский тоже пошел. Главное — не стесняться, заговаривать с кем угодно, улыбкой и жестами извиняясь за недостатки произношения, учебники, словарь на ночь зубрить, все и получится. Так что разговаривать с иностранцами получалось, он понимал, и его понимали.

Григорий Петрович, когда Буданцев приходил к нему с очередным докладом, замаскированный то под рассыльного из министерства обороны, то просто неприметного штатского, рассеянно кивал, непременно наливал стаканчик (моментами сыщику каза-

лось, что его шеф законченный алкоголик, вот только пьяным он его никогда не видел, выпившим — тоже), просматривал рапорты, выслушивал устный доклад. Открывал сейф и бросал на стол толстые пачки песет.

— Мусор, конечно, но и это тоже деньги?

— Деньги, Григорий Петрович, особенно если много.

— Да что много? Ты хоть раз видел когда настоящие деньги и много? — так, казалось Буданцеву. Шестаков шутил.

— Ну, я «Золотой теленок» читал... — Буданцев думал, что он отвечает «в масть».

— Так читал или видел?

— На обысках бывало...

После этого они выпивали совсем по чуть-чуть рома, Шестаков шумно вздыхал через нос, доставал из стола полсотни долларов или фунтов, клал перед Буданцевым. В руки никогда не передавал.

— Я, Иван, обещал, что со мной не пропадешь? Это тебе — вроде суточных. К казенным не относится. Сходи туда, где недобитые аристократы собираются. В бильярд сгоняй, да хоть и в рулетку. Герцогиню *сними*. Домой вернемся, жалеть станешь, если не доберешь впечатлений.

Буданцев, внутренне усмехаясь, брал *подачку*, засовывал в нагрудный карман пиджака.

Сделаем, Григорий Петрович, как же. Но в такие моменты начальник его удивлял. Нет, как руководитель и стратег — без вопросов. А вот лично... Ближайшему сотруднику, от которого твоя судьба и голова зависит, *полтинник* совать, как извозчику, — неадекватно!

Потом, сидя в кафе на бульваре с чашечкой кофе, начинал думать иначе. Можно ведь и как при-

знание своих достоинств счесть. Уверен начальник, что за *казенные* гулять не станешь. Откуда ему знать, что богат его товарищ, очень богат? Вот и премирует как бы, одновременно намекая, что понимает тебя и ценит. Не зарывайся, Ваня, не впадай в гордыню! «Берегите нынешнего начальника, следующий наверняка окажется хуже», есть такая присказка. Или зампредсовнаркома должен вместе с тобой в кабаки идти, там за тебя расплачиваться?

Это был первый уровень мыслей, общечеловеческий. Буданцев всегда так начинал работу. Прибыв на место преступления, он смотрел и думал как обыватель. Потому что большинство уголовников тоже были обывателями, по той или иной причине *перешагнувшими* грань. В большинстве случаев он раскрывал *дела* по горячим следам. Если не получалось — тогда приходилось включать *настоящее* мышление.

Тут начиналось заочное соревнование интеллектов. За Ниро Вулфа Буданцев себя не держал. Тому жилось слишком легко. Тебе бы, жирному любителю орхидей, по московским «малинам» побегать...

Но сейчас он думал о Шестакове. С каким же человеком свела его судьба? Эпизод первый — он ищет наркома с подачи Шадрина и Заковского. При поддержке Лихарева. Второй — нарком сам находит его и берет в заложники. Вместе с Лихаревым. Третий — они, как хорошие друзья, сидят в квартире у Валентина, выпивают и разговаривают на странные темы. Четвертый — Шестаков навещает его в новой квартире и ведет опасные разговоры. Пятый — на Шестакова покушаются, и ему, Буданцеву, приходится идти на место, где он видит *странное*. Шестой — нарком приглашает его в Испанию,

на неопределенную должность с неограниченными полномочиями.

И после всего этого — демонстративные, бьющие в глаза и цепляющие гордость подачки. Не грошове, серьезные, но тем не менее...

Еще отметим — ни разу после единственного душевного разговора Шестаков не пробовал с ним держаться иначе, чем требует положение. Иногда, в присутствии посторонних, — холодно, наедине — чуть проще, но тоже свысока, при вручении денег — с едва скрываемой насмешкой.

Вот!

Буданцев понял. Специальный представитель и зампредсовнаркома ведет себя так, будто сознает, что за ним следят непрерывно. Кто и как — неважно. Сознает и постоянно пытается подать сигнал: «Иван, не теряй бдительности. Испания, Москва — неважно. На тебя надеюсь, тебе все возможности создаю. Ну уж и не подведи, браток». Хорошо, Петрович, понял. Не подведу!

Конечно, чистой контрразведкой он никогда не занимался, уголовный сыск — несколько другая профессия, но принципиальной разницы никакой. Искать преступников после совершения деяния или до — не слишком большая разница.

Достоверный источник сообщил Буданцеву, что вокруг миссии постоянно крутится гораздо больше подозрительных людей, чем должно бы. За два года все, что стоит узнать, узнали уже, каждого входящего и выходящего сто раз сфотографировали из соседних окон, с крыш, из проезжающих машин. То, что Франко где-то там далеко убили, по логике, должно было, наоборот, снизить активность вражеских разведчиков. Чего теперь ловить?

Попутно дошло до него, что сразу с несколькими бандитскими кланами, которых достаточно в большом портовом городе (а уж в военное время они множатся в геометрической прогрессии), неизвестные люди ведут переговоры насчет крупного теракта, скорее всего направленного против русских.

Это он тоже немедленно сообщил Шестакову, но тот отнесся к информации как-то слишком легко. Буданцев знал, что Григорий Петрович человек изумительных способностей и громадного личного мужества (что стоит личное участие в рейде на Бургос), но ведь, кроме него, объектами акции могут стать другие сотрудники...

— Спасибо, Иван, мы все учтем, меры примем. Я надеюсь, ты здесь уже так обжился, что на цель выйдешь своевременно. Понимаешь, в чем хитрость — рискнуть придется, чтобы настоящие концы схватить. «Без шума и пыли», как один приятель говорил. Тебе какая помощь нужна?

— Из гришинских оперов двоих самых подготовленных ребят. Вы их лучше меня знаете и в *настоящей работе* разбираетесь. Таких, чтоб в наружном наблюдении понимали, языком тоже более-менее владели. Чтобы у меня постоянно на зрительной связи могли держаться, если что непредвиденное случится — глупостей не наделали, правильное решение самостоятельно приняли. Не слишком чрезмерные требования?

— Не слишком, — ответил Шестаков и, как показалось Буданцеву, помрачнел. — Подберем непременно. Сегодня же. А инструктировать их сам будешь. Еще деньги нужны? Возьми...

Буданцев не выдержал. Каких-то других слов он ждал от начальника, одновременно и сообщника в

некоторой мере. Советские принципы, что ли, въелись в натуру?

— При чем тут деньги, Григорий Петрович? Вопрос совсем иначе стоит! Людей, может, на смерть посылать будем, а вы...

— Ну что — я? Ну что? Прислали бы меня от имени ЦК провести в вашем милицейском коллективе воспитательную работу, я бы вам такого наговорил о превосходстве моральных стимулов над материальными... А у нас здесь не трепотня, здесь дело делать надо! Парням новую одежду купить, мотоциклы бы тоже неплохо, для оперативности перемещений, не будешь же ты их с военного склада выписывать? Жилье поблизости с тобой снять. На карман сколько-то, чтобы могли себя в рамках роли вести... Не пойму я, Иван, тебя не партком ко мне приставил? Хочешь людей в лаптях и косоворотках на смерть посылать? О том, сколько ты царских золотых червонцев последнее время разменял, стоит говорить? Не стоит. Не мое это дело. Иди к Гришину, проработайте вопрос. Надо — хоть весь взвод подключай, разрешаю.

Буданцев вышел со странным чувством. По соплям ему Шестаков надавал, бесспорно. Тут бы обидеться, а он, наоборот, испытывал облегчение.

Если ты *правильно* одет, не боишься шляться ночами по припортовым кабакам (отчего-то именно там собирается *интересный* для специалиста контингент), умеешь за себя постоять и при этом располагаешь кое-какими средствами, со сбором материала проблем не возникает.

С притонов Буданцев начинал не случайно, тут отработанная *метода*. Сначала нужно пройтись «по

краю», освоиться, завести знакомства на самом дне общества, *засветиться*, в определенной мере, а там тобой заинтересуются люди посерьезнее.

Вокруг порта, крупнейшего в Республике, через который поступает основная масса военных и прочих грузов, наверняка крутятся шпионы всех стран мира. Даже бразильским что-нибудь да интересно, а о франкистских, немецких и иных европейских говорить не будем.

Иван Афанасьевич, ловко оперируя набором из четырех известных ему языков, легко выдавал себя за палубного матроса без специальности, то отставшего от своего парохода, то добровольно уволившись в поисках более выгодной службы. Иногда — за бродягу, ищущего приключений там, где ни один дурак искать не будет. Географию он знал прилично, не путался в названиях портов всем известных, вроде Сан-Франциско, или экзотических, типа Рабаула и Папезте, где вообще никто никогда не бывал. Тщательно пролистал справочник Ллойда, в котором содержались списки и технические данные почти любого судна крупнее портовой баржи, за последние двадцать лет выходившего на «голубые дороги». Подловить его на несообразностях было трудно, особенно потому, что он никогда не вдавался в детали и избегал общения с настоящими моряками.

При этом деньгами он сорил совершенно не ответственно своему заявленному статусу. Будто пират, выбравшийся развлечься на берег какой-нибудь Тортуги¹. Находились желающие в темном переулке проверить содержимое его карманов. Да ку-

¹ Тортуга — остров в Карибском море, в XVI—XVIII веках своеобразная столица и главная база пиратов.

да там любителям, никогда не ходившим на задержание банды в Марьиной роще! Иногда достаточно было показать тонкую и длинную финку, отточенную до золингеновской бритвенной остроты. Блеск клинка и манера держать ее в руке отпугивала большую часть дилетантов. Некоторым приходилось показать, что это не просто красивая игрушка.

Не вдаваясь в подробности, скажем, что тактика себя оправдала. Раз-другой с ним заводили *прощупывающие* разговоры мужчины посерьезнее портовой шпаны, но уж больно неконкретно. Особенно для него, не знающего тонкостей интонаций и жаргона. Дома, конечно, он легко разобрался бы, чего реально стоят и что на самом деле имеют в виду ребята хоть с Котлов, хоть с Нижней Масловки. Здесь понял только главное — предлагается хорошо оплачиваемая работа наемного убийцы. Кого убить, за чем — пока речи не было. Требовалось принципиальное согласие. Он ответил уклончиво, ни да ни нет, видно, мол, будет. Начал задавать наводящие вопросы и где-то, очевидно, прокололся.

Не так ответил, не так посмотрел. Специалистам достаточно.

Догнали его на самом выходе на широкую, людную улицу. Шаги преследователей были бесшумными: умение бегать по местной брусчатке и подходящие подошвы. Буданцев оглянулся в самый последний момент — заносащий руку с подобием обрезка водопроводной трубы человек не сдержал дыхания, слишком громко вздохнул воздух. Тут же и получил снизу вверх, с поворотом, удар в переносицу.

Дрался московский опер хорошо, с молодости научился и постоянно форму поддерживал. Чем под руку попадет. Той же перехваченной резиновой палкой, что он принял за трубу. Ногами, и кулаком

свободной руки тоже. Человек пять он свалил на мостовую, «с телесными повреждениями средней тяжести», как закон формулирует. Сломанные руки, ребра и челюсти. Если бы захотел пустить в ход пистолет — успел бы всех перестрелять, делать нечего. Да и резерв у него имелся — с соседнего перекрестка, расположенного метров на двадцать выше этого, мигнула ему коротким взблеском мотоциклетная фара. Прав был Григорий Петрович, когда велел парней на двухколески посадить. Где нужно проскочат, даже по узким, непроезжим для другого транспорта улицам, в самых неожиданных местах прерываемых пологими гранитными лестницами. Под куртками у сержантов двадцатизарядные «астры», хватит, чтобы порядок навести.

Однако замысел был другой. Подставка. Потому, не прекращая отбиваться, Буданцев условным жестом показал, что в помощи не нуждается. Ребята наблюдали за ним в хорошие бинокли, все поняли правильно.

В нужный момент, окончательно убедившись, что у нападавших нет цели его убить, он упал на мостовую, изображая наконец-то сраженную жертву.

Смотрел, прижавшись щекой к камням, как из двери магазинчика напротив вышли три человека совсем другого вида, чем те, что затеяли уличную драку.

Что-то коротко скомандовали, слов Буданцев не расслышал. Оставшиеся на ногах занялись осмотром и оказанием первой помощи потерпевшим товарищам, а его самого подняли и понесли к длинной черной машине, ждавшей за углом.

«Хорошо, — подумал Буданцев, — это уже серьезней. Лишь бы мои парни не отстали...»

Глаза ему не завязывали, просто задержали штор-

ки на окнах, посадили на откидное сиденье, спиной вперед, и велели не вертеть головой. Вообще обращались уважительно, под ребра стволами не толкали. Обыскали так небрежно, что опер чуть не засмеялся. Охлопали карманы, подмышки, рукава, ноги до колен, отобрали финку. А того, что под матросскими клешами, у щиколотки, пристегнут аккуратный «браунинг», не заметили. Похоже, принимали не слишком всерьез, в рамках «легенды», хотя *нестыковка* была очевидна — с портовым бродягой логичнее было бы все вопросы решить в ближайшем при-tone.

Везли недалеко, километра два, с десятком поворотов, которые Буданцев тщательно считал и примерно представлял, куда его доставили, когда машина остановилась.

Со скрипом закрылись высокие ворота, ему предложили выходить. Двор был небольшой, типичный, можно сказать, со всех сторон окруженный стенами старого трехэтажного особняка. Слева и справа по одинаковому высокому крыльцу, позади глубокая темная подворотня. Из нескольких окон на сероватые плиты падают пятна света. В тени за крыльцом стоят еще две машины, вроде «Фиаты», но издали разобрать трудно.

Буданцева узкой лестницей провели на второй этаж. Он шел молча, не пытаясь протестовать, возмущаться, задавать бессмысленные в его роли и положении вопросы. Сопровождающие тоже молчали.

В довольно просторной комнате, обставленной в стиле гостиной девятнадцатого века, его встретил господин одного с ним возраста, но одетый поприличнее, в темную тройку с галстуком.

— Присаживайтесь, — указал он на диванчик

рядом с круглым столом. Жестом отпустил конвоиров. — Курить желаете?

— Не откажусь. — Буданцев потянулся к коробке с сигаретами.

— Не в обиде, что приглашение встретиться выглядело не совсем вежливо?

Говорил господин по-немецки, а его Иван Афанасьевич знал лучше всего, в реальном училище преподавал природный немец с хорошими педагогическими способностями. На выпускном экзамене за сочинение Буданцев получил «четверку».

— Чего обижаться? «Приглашающим» побольше моего досталось. Пусть спасибо скажут, что финку не стал вытаскивать...

— Почему не стали? Ночь, глухой переулочек, банда грабителей, подавляющее превосходство неприятеля. Зачем вы тогда вообще ее носите?

— Хлеб резать, консервы открывать. Один на один, без свидетелей, селезенку кому-то пощекотать. За выбитый зуб ко мне больших претензий не будет, а «мокрого» не простят, жизни в этом городе мне больше не будет.

— Значит, собираетесь еще здесь пожить?

— Отчего бы и нет? — Буданцев докурив сигарету, тут же взял следующую. Перенервничал он все же, да и текущий момент — не светская беседа у камина.

— А зачем, простите за нескромность? На подходящий пароход вы здесь все равно не устроитесь, не то время. Куда проще до Марселя добраться. Воюющая, блокированная страна — не самое лучшее место для праздного времяпрепровождения.

Сыщик отметил, что их разговор с самого начала пошел, что называется, на равных. Даже на лексическом и семантическом уровне. Господин не де-

лал вид, что принимает всерьез легенду «гостя», сам он отвечал, тоже не пытаясь изобразить малограмотного матроса с криминальными наклонностями.

— Так сложилось. Я бы давно уехал, до Марселя действительно не так сложно добраться, да только что мне там предложат? Старую каботажную калошу и сто франков жалованья? Надоело. Пора бы остепениться, самому на капитанском мостике сидеть, а не чужие команды исполнять. Здесь появился шанс заработать, вот я и...

— Наивно, уважаемый. Если даже согласиться, что вы на самом деле вознамерились сорвать здесь достаточный куш, так неужели не догадались, что уйти вам с ним не дадут? Вернее, просто не заплатят ничего, кроме пули в затылок или навахой по горлу. Я это понимаю, вы — еще лучше. Так в чем дело?

— Вы уверены, что я должен вам отвечать и стану это делать?

— Разве есть другой выход? — искренне удивился господин. — Станете упорствовать, очень скоро очутитесь на том самом месте, где вас подобрали мои люди. Вместо них вас подберет полиция, в состоянии, несовместимом с жизнью... Доступно?

— Более чем. Однако по-прежнему не понимаю, к чему весь этот цирк. Кто вы и зачем вам я?

— Зайдем с другого конца, — побарабанил пальцами по столу господин. — Прежде всего выясним — кто вы. Не немец, не англичанин, не француз. К иным европейским нациям тоже не относитесь. Кроме одной. Я не профессор Хиггинс, но немцу догадаться о происхождении вашего акцента труда не составляет. Не возьмусь угадать, из какого именно квартала вы приходите, в Москве языковая картина куда однообразнее, чем в Лондоне, но... Спорить будете?

Буданцев дернул плечом, закурил третью сигарету. Внимательно наблюдавший за ним немец спохватился.

— Да что это я, на самом деле! Вина, коньяка? Даже итальянская граппа имеется... Вам необходимо подкрепиться, не мальчик уже, по ночам с бандитами драться... А драться вы умеете, я с самого начала удивился — ни одной травмы, не считая ссадин на кулаках... За это и выпьем.

— Может, представитесь? — предложил Буданцев. — Надо же как-то обращаться...

— Пожалуйста. Честь имею, Готлиб. Фрегаттен-капитан.

— Абвер, что ли? — Он знал, что сам Канарис был адмиралом и многие офицеры его ведомства носили флотские чины.

Абвер, само собой, лучше, чем гестапо, но назваться можно как угодно. Да какая разница?

— Абвер, — кивнул немец. А чего ему скрывать? Вариантов, как уже сказано, нет.

— Готлиб — это имя или фамилия?

— Не имеет значения. Как назоветесь вы?

— Пока — Иван. Будете смеяться, но это мое настоящее имя. Придумать можно и поинтереснее.

— Что вы не из НКВД — мне известно. При этом отношение к неким спецслужбам наверняка имеете. Тогда — откуда и что ищете?

На этот как раз случай у Буданцева была заготовлена очередная легенда, надежная. Будто бы он — представитель Российского общевойскового Союза¹,

¹ Организация белых эмигрантов, объединявшая офицеров, готовых к борьбе с большевиками диверсионными средствами, а в случае возникновения подходящих условий — к вторжению в Россию в качестве организованной военной силы.

направленный в Испанию, чтобы на месте разобраться, как складывается обстановка и какую позицию следует занять. Поддержать франкистов вместе с истонными врагами — немцами или начать переориентацию на сталинский СССР, все больше поворачивающийся в направлении бывшей Российской империи.

Последние победы «русского оружия», как выразился Буданцев, наполнили сердца очень многих, ранее непримиримых, гордостью и заставили задуматься.

— О чем задуматься? — спросил Готлиб, легко переходя на русский, которым владел лучше, чем Иван немецким.

— Спрашиваете? Вы сами, кстати, в царской армии не служили? У нас таких полно было, от роты до корпуса — графы, грёфы, мекки, клюгенау, фредериксы... Нормально воевали, потому что не «крови и нации» служили, а «престолу и отечеству». Зачем же теперь спрашивать?

Уклонившись от прямого ответа, немец начал излишне занудливо рассуждать о том, что уважаемый коллега во многом прав и союз России с Германией намного естественнее, чем с Англией и Францией. Обещает многое в военной и, особенно, в экономической области.

— Что ж вы такими умными последние семьдесят лет не были? — усмехнулся Буданцев. — На Берлинском конгрессе восемьсот семьдесят восьмого против нас вместе с англичанами выступили, плоды победы отняли. Про четырнадцатый вообще не говорю, за австрийские заморочки нам войну объявили, в итоге свою и нашу империю утробили. Теперь снова ваш фюрер книжку написал, про то, что территориальную проблему Германия может

решить только на Востоке. Потому русские офицеры за границей и пребывают в сомнении — надеяться на «союзников», которые двадцать лет обещали свергнуть власть большевиков, да так ничего и не сделали, скорее — наоборот, или согласиться с тем, что Россия — при любой власти Россия, и в полном составе вернуться домой, при условии, конечно, что там будет гарантировано сохранение чинов, орденов и предоставлена достойная служба.

— Неужели для этого вы искали контакты с нашей службой? — язвительно осведомился немец, откинувшись на спинку стула. — Не проще ли было сразу пойти к советскому представителю?

— Может, кто и пошел, — уклончиво ответил Буданцев. — У каждого — своя работа. Я с вами контактов не искал, до меня дошли сведения, что некто затевает или крупную провокацию, или физическое уничтожение всей советской миссии. Надо было выяснить, кто и зачем. Сейчас в войсках франкистов служат более пятисот наших офицеров. После ликвидации каудильо никакого смысла в продолжении войны мы не видим. Вариантов два — просто эвакуироваться «к местам постоянной дислокации» или — перейти на сторону «красных», тем более, как нам стало известно, они собираются оставить здесь нечто вроде «сил поддержания порядка», на неопределенный срок. Поэтому в любом случае крупный теракт против русских нам совершенен ни к чему. Но кому-то он выгоден? Вам, чтобы на прощание «хлопнуть дверью»? Франкистам, в плане «кровной мести». Или кому-то еще?

— Если под «нами» вы понимаете абвер, то мы в подобном заинтересованы еще меньше вас. Сейчас сложилась ситуация, позволяющая нашим странам выйти из многолетнего стратегического тупика. Есть

о чем договариваться на очень хорошей основе. Адмирал это понимает лучше высшего руководства. Поэтому мы, узнав о готовящемся, сочли необходимым вмешаться. Тщательно отслеживая обстановку, обратили внимание и на вас. Приняли за организатора, уж больно колоритная фигура. Немного ошиблись, но такое бывает. В любом случае рад, что мы встретились и разговариваем, как союзники. Согласны?

— Согласен, — ответил Буданцев. — Теперь мне нужно встретиться со своим резидентом, доложить, обсудить. Я не хотел вас заранее расстраивать, но если через двадцать минут я не выйду из вашего дома своими ногами и в добром здравии, он будет подвергнут штурму со всеми вытекающими последствиями. Ваши люди, кажется, не заметили, но от места инцидента до ворот машину сопровождали два моих мотоциклиста. Сейчас к бою готово достаточное количество опытных офицеров. Испанскую полицию и штурмгвардию не заинтересует разгром гнезда вражеской разведки. Теперь это входит в компетенцию Главного военного советника СССР. Нам — очень на руку.

Готлиб посмотрел на часы.

— Успеете. Конфликтовать мы не собираемся. Пусть завтра утром приезжает ваш резидент, сообщит свое решение. Потом вместе можем обратиться прямо к господину Шестакову. Время не ждет. Я знаю совершенно точно, что в течение ближайших трех суток русская миссия будет уничтожена. С вашим участием или без такового...

— Но кем же, кем? У вас настолько мощный аппарат, и вы не знаете?

— Увы, дорогой друг...

Немец налил еще по рюмке:

— На прощание и за успех.

Выпил, в очередной раз подтвердив предположение Буданцева, что в русской армии при царе он все-таки служил. Движение руки было уж очень характерное.

— Не хочу показаться идиотом, но... Вы были моей последней надеждой. Хотя что-то осмысленное оставалось в этой жизни. Если вы тоже на нашей стороне, остается поверить в сверхъестественное...

— Зачем так мрачно? Вы, немцы, издавна склонны к мистике и метафизике. Рационализм вам приписывают лишь ничего не понимающие в тонкостях духа англосаксы....

А сам вдруг с пронзительной остротой вспомнил свои чувства при виде стремительно гниющих покойников и разговор со священником в храме.

— Идите, Иван, — сказал Готлиб. — Надеюсь, завтра мы встретимся не позднее девяти утра. Если за остаток ночи не случится ничего экстраординарного.

Буданцев кивнул и направился к двери. Вот уже и за резидента признали, без всяких с его стороны усилий и намеков.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

— Человека Александра мы вызвать успеем, — ответил Антон на предложение Замка. — Он сейчас занят делом, которое хочет довести до конца. Если не сделает, у него будут сложности там, в Москве...

Антон почувствовал, что, как только Замок принял его, объявил, что их отношения переходят в какую-то новую форму, он и сам стал другим. Не только прежним, как в лучшие свои времена, чем-то большим. Стряхнул с себя последние лохмотья прежней сущности, рабской фактически, пусть и пытал-

ся форзейль держаться сколь возможно независимо, даже и с собственным начальством. Но еще не превратился в человека типа Шульгина, Новикова или Воронцова. Не хватало должной степени раскованности духа, о чем мельком заметил Андрей: «На кандидата в Держатели ты пока не тянешь. Слишком на предыдущей роли заиклился». Был прав, получается.

— Уже некогда думать о таких мелочах, — рассудительно ответил Замок. — Как ты не поймешь, все, что вы начали делать и до сих пытаетесь продолжать, обратилось в свою противоположность. Тебе не хватило трех лет «просветления»? О чем, интересно, ты там размышлял в такой уютной обстановке?

— Издеваешься?

— Нет, что ты! Просто ты сказал, что мы с тобой теперь «друзья», а друзья-люди разговаривали между собой именно так. Они не стеснялись шутить и задавать вопросы, которые кто-то другой мог посчитать неуместными, даже обидными.

Антон засмеялся, легко, без внутреннего напряжения.

— Хорошие примеры для подражания ты себе выбрал...

— Есть лучше? Назови. Я думал, если ты привел сюда тех, они самые лучшие...

— Наверное, так и есть, — согласился Антон. — Что касается «просветления», так его лучше называть «затемнением». Размышлять с пользой можно, если есть перспектива как-то использовать результат. Хотя бы для побега, для жизни после освобождения, для передачи плодов размышлений другим людям, пусть таким же узникам. Нам разрешалось писать «мемуары», но заведомо было сказано, что

их прочитает лишь один «посвященный», после твоей смерти. Извлечет полезное, если оно там окажется, остальное уйдет в недоступные никому архивы. Правда — великолепная перспектива? — Гордый форзейль попытался рассмеяться, но смех перешел в кашель, сопровождаемый горловыми спазмами. — У меня не было ни одного варианта. Даже надежды на революцию, сокрушающую стены темниц, или на помилование. Потому япил синтанг, перебирал в памяти прошлую жизнь, фиксируя внимание на ошибках и упущенных возможностях, «горько каялся и горько слезы лил», как писал Пушкин. Постепенно превращался в растение...

— Да, тяжело, — посочувствовал Замок. — Лучше бы ты сразу взбунтовался, отказался покидать Землю и договорился со мной...

— Будешь мне доказывать, что послушался бы тогда моего приказа, а не чужого?

— Не буду, не уверен, — честно ответил голос.

— Значит, оставим эту тему. Навсегда или до лучших времен. Сейчас есть вещи поважнее. Мы вступаем в войну, вот и давай жить по принципу: «Все для фронта, все для победы». Сначала — определимся с диспозицией. Ты уверен, что у нас с тобой здесь по-прежнему нулевое время?

— У нас теперь всегда будет, как прежде. Время — нулевое, выходы — в любую нужную точку. Принимай решения, отдавай команды, остальное — мое дело. Александр, проникнув в Сеть, думал, что просто изолирует от нее свой веер реальностей. — Антону показалось, что в голосе прозвучали нотки, не свойственные предполагаемому возрасту его обладателя. Тысячелетнему, если не больше. Словно у пацана, который знает что-то интересное и интригует слушателей, но неумело.

— На самом же деле по моей «подсказке» он сделал нечто другое. Отключил меня, как один из «Узлов», от общей схемы. Теперь я полностью независим. Никто со мной не может соединиться, если полностью не перемонтирует основы так называемого «мироздания». Интересно, правда?

— Кто бы спорил. — Антон сразу понял смысл сказанного. Почти то же самое, что случилось после нейтрализации аггрианской Базы, но еще радикальнее. Швартовы обрублены, корабль выносит в открытое море. Свобода — да, свобода. Нет начальников, нет приказов. Но и возможности связаться с «берегом», надежд когда-нибудь вернуться обратно — тоже нет. А что там делать, на покинутом «берегу»? Будем искать «новые земли». — Если так, то спешить некуда. Будем оценивать обстановку и соображать...

Он встал из-за стола, подошел к окну, из которого был виден океан, и как только приоткрыл створку, соленый ветер заполоскал шторы, вытягивая их горизонтально, вскидывая к самому потолку.

Хорошо. Все складывается хорошо. Для него лично. Теперь есть где укрыться от треволнений мира, откуда снова можно руководить им совершенно так же, как это делалось раньше. Был бы смысл. А его нет.

С Замком он теперь мог говорить, вслух или мысленно, с любого места, не только из-за пульта.

— Можешь найти мне прежнее тело? — спросил он просто так, думая совершенно о другом.

— Прямо сейчас? Ты его получишь. Только сначала Александр должен занять свое...

Интересно, почему Замок называет своего любимца полным именем? Всегда он был то Сашкой, то Шульгиным, моментами — Александром Ивано-

вичем, если требовалась официальность. Наверное, таким образом подчеркивается какая-то разница. Антону стало обидно.

— Это важно — чтобы он занял его?

— Достаточно важно. Его шансы выжить значительно возрастут. Тому человеку, в ком он сейчас находится, тоже будет лучше. Ему будут угрожать только люди...

Антону надоели разговоры вокруг да около. Складывалось впечатление, что Замок то ли до сих пор не решается перейти к полной откровенности, то ли опасается произносить некоторые вещи вслух.

— Давай говори напрямую. С телом я могу и потерпеть. Но ты все же объясни, что за страшная опасность нам угрожает, если ее боишься даже ты.

— Я — не боюсь. Меня взять штурмом и уничтожить невозможно. Мне просто не хочется остаться островом в океане зла...

— Ох, как возвышенно, друг мой! Я готов поверить, что ты проникся идеями древних земных философов. Не побывали здесь до меня Сократ с Платоном? Старик Конфуций? Заратустра? Или ты сам придумал их от скуки? Пока меня не прислали сюда на должность коменданта? Что ты можешь знать о проблеме добра и зла, если такой проблемы вообще не существует? Ты хоть раз за свое существование встречался с чем-то, подходящим под эти дефиниции? Убить кого-то — добро одному, зло для многих. Наоборот — то же самое. Заточить меня в безвыходную тюрьму было сочтено благом для Ста миров! Как в этом усомниться?

— Но ты же усомнился, — с усмешкой вставил голос в его тираду. — Сбежал, презрев волю «облеченных доверием». Принял помощь Александра, мою, в конце концов...

— Да, но это ничего не меняет. Бросим дискуссию. Нет абсолютного зла, нет добра, нет даже позиции, на которой нам с тобой можно сойтись. Кто-то сказал, что избыток добра — тоже зло. Объясни мне одно — что в данный момент ты считаешь злом для нас двоих, против чего мы должны сражаться? Я готов, но мне интересно...

— Ты привел ко мне в гости семь людей. Пять мужчин и двух женщин, третью я создал сам по модели, придуманной тобой и Воронцовым. Она получилась неплохо, ты согласен?

Что же тут возразишь? Дмитрий случайно получил самую лучшую женщину из всех, на которых мог рассчитывать.

— У всех этих людей были совпадающие представления о том, что считать злом. У меня было время все обдумать, сравнить, согласиться. Такие моральные принципы меня устраивают.

— Перевербовали тебя, получается.

— Объединенное психополе этих людей оказалось сильнее, чем базисные ядра некогда внушенной мне программы.

«Ну да, — подумал Антон, — два «кандидата» в Держатели, работающие в резонанс с дополняющими и усиливающими их природные способности синтонными личностями... Даже бессознательно они сумели подавить одни и активизировать другие «черты личности» Замка. Его «конструктор» не предвидел, что такое возможно — перехват управления. Бог тоже не рассчитывал, что агитация Змея окажется убедительнее, чем его прямой запрет на яблоки Познания».

— И все же, о каком «океане зла» ты говоришь? Сколько мы с тобой прожили вместе, но подобная

тема не возникала даже в разгар обеих мировых войн...

Замок принялся объяснять. Антон слушал, попутно отмечая, что на самом деле у него то и дело проскакивают нотки, выражения, обороты речи, свойственные членам «Братства», а главное, как некогда выразился Новиков, — способ мышления. Именно не стиль, а способ.

Из лекции, вернее — реферативного доклада Замка следовало, что как исходные принципы мироустройства данной Вселенной, так и затеянная впоследствии Игра предполагали постоянное балансирование между некими пограничными точками, принципами, полюсами, назови как угодно. Все земные религии и философские системы так или иначе отражали эту парадигму, частично пришли к своим постулатам эмпирически, частично получили их в готовом виде «извне».

Хаос и Порядок, Бог и Дьявол, Рай и Ад, Ян и Инь, математические и физические теории и законы — все «из одной оперы».

Правила Игры, наличие в Сети Ловушек сознания, соперничество и симбиоз аггров с форзейлями на этом фоне выглядят как многократно дублированная система безопасности Естества. Как в нормально организованном государстве: обязательно должны быть Законы, писанные и неписанные, полиция, контрразведка, разделение властей, те или иные формы гражданской самодеятельности и самоуправления, и так далее...

Антон о подобном знал, его так и ориентировали, направляя на службу, только все его познания равнялись, используя ранее приведенную аналогию, информации того же самого атташе, исполняющего предписанные функции в какой-нибудь Кохинхине

в эпоху отсутствия средств массовой информации. Раз в три месяца получаешь случайной оказией пакет из министерства — и все на этом.

На «большой земле» давно началась война, а ты об этом узнаешь, только когда вражеский крейсер, войдя на рейд, начнет расстреливать город прямой наводкой.

Замок признался Антону, что он и сам оказался почти настолько же ограниченным в своих представлениях о подлинной сущности Гиперсети. Подлежавший наблюдению и контролю «веер реальностей» ограничивался не более чем десятком сравнительно однотипных, образовавшихся на развилках последнего тысячелетия. Возможно, миллионами других, возникавших чуть ли не со времен мезозоя, занимались совсем другие «ведомства» или не занимался никто в силу их крайней «маловероятности». Нет же на Земле фирм, выпускающих зонтики для защиты от метеоритных дождей...

Подучив Шульгина отключить его Узел от Сети, Замок обрадовался, как герои романа Ефремова «Великая Дуга», вырвавшиеся на свободу из египетского рабства. И так же, как они, быстро сообразил, что свобода свободой, но кишасшие дикими животными и враждебными племенами просторы Африки — совсем не земля обетованная, не сады Эдема.

Там, кроме обычных львов и леопардов, водились и ужасные «гишу» — гиены размером со слона.

Одна из «побочных» цивилизаций вдруг проявилась сама собой, всплыла из зоны отрицательных вероятностей, словно доисторическое чудовище из глубин океана. Населенная двумя видами гуманоидов, находящимися в непонятных обычному чело-

веческому разуму (к которому Замок причислял и себя) отношениях. Технически и ментально развитая настолько, что могла защищаться собственными мыслеформами и Ловушками от внимания Игроков. Держатели, по мнению Замка, почему-то вообще не придавали ей значения.

«Это еще вопрос, — подумал Антон. — Не придавали или, наоборот, очень даже придавали, только держали в резерве?»

Она периодически пересекалась с Главной исторической последовательностью, даже засылала сюда своих разведчиков, и быстро убедилась, что с объединенной мощью сил, контролирующих эти сектора, им не справиться. Не тот уровень. Сто тысяч лет назад неандертальцы и «снежные люди» проиграли на «этой Земле» соперничество даже с вооруженными каменными топорами кроманьонцами. Однако на «Земле икс» получилось иначе.

Используя крайне поверхностные аналогии, можно сказать, что там возникла цивилизация «апартеида» — раздельного развития. Обе расы существовали не параллельно, а скорее перпендикулярно. Одна, очевидно, была технократической, вторая базировалась на каких-то иных принципах, в человеческих терминах — мистического плана. Замку пока что удалось собрать не слишком много достоверной информации, тут требуются годы и годы исследовательской работы, причем — изнутри «странного мира». Этим он и собирался заняться в ближайшее время, если бы не началось вторжение.

— Ты хотя бы выяснил, в чем смысл агрессии? Им территорий не хватает или природных ресурсов? Неужели ты не можешь «взять языка», раз уж они проникли на Землю? Даже я умел накрыть нужного человека силовым коконом и переместить

в нужную точку, сюда, к тебе. Тут уж мы проанализируем их мозги до последнего нейрона. Из смутных воспоминаний Воронцова ты сумел построить вполне жизнеспособную модель Натальи...

— Я ведь сказал уже, а ты пропустил мимо ушей? Они настолько «иные», что мои методики, рассчитанные на людей, не срабатывают. Нужно искать другие. Я не могу расшифровать те импульсы, что у них считаются мыслями. Это касается человекоподобных, идеологов и руководителей вторжения. Зато вторые, те, кого мы называем «монстрами», гораздо понятнее. В других условиях я сумел бы найти с ними общий язык. Но сейчас это просто боевые машины, не самостоятельные личности. Такой у них симбиоз. Думают одни, делают другие. Чтобы начать мыслить самостоятельно, им нужно вернуться домой, в свои резервации. Сейчас допрашивать «монстра» — то же самое, что допрашивать вражеский автомат или танк...

Антон хотел возразить, что изучение трофейного танка неизвестного ранее образца — дело полезное, грамотный специалист сможет добыть массу ценнейшей информации.

Но оказалось, что Замок сам это прекрасно понимает, просто развлекается риторическими фигурами.

— Я поковырялся в их мозгах, не думай. С мыслями там плохо, еще раз повторяю, а вот с ощущениями гораздо лучше... Чего бы я, как ты думаешь, заговорил о вселенском зле?

— Ну?

Беседа, прими Антон манеру Замка, могла затянуться до бесконечности, тому, похоже, доставлял наслаждение сам процесс. Научили дружки сократической школы, туды их в качель...

— Реконструкция и дешифровка тех ячеек памяти, что заполнялись уже здесь, в процессе «деятельности», позволила мне сделать вывод, что главная цель для них — полное уничтожение человечества. Сначала в этой реальности, а потом и в остальных, я думаю... Никаких других эмоций и побуждений не просматривается. Не только жалости или сомнений, даже простого любопытства.

— Дезинфекция и дезинсекция, — зло усмехнулся Антон. — Почему бы и нет? Мы для них «маловероятны» и вдобавок, наверное, не относимся к разумным или хотя бы представляющим интерес видам. Разведка их, как следует из твоих слов и показаний Юрия, здесь бывала неоднократно, доставила все нужные им сведения, на основании которых выработано и утверждено решение. Осталось выяснить, когда начнется тотальная война. Все остальное пока что только вылазки, верно?

— Вылазки, согласен. Когда сюда прорвется сто миллионов голов, станем говорить о войне, только у человечества не хватит сил от них оборониться... Почему я и сказал об «океане зла». Но ты догадался о их первой и главной цели?

— Чего тут догадываться? Прежде всего они хотят уничтожить тех, кто способен не только организовать какое-то сопротивление, а просто понимает, что происходит. Ты Шульгину показал этих демонов в боевой обстановке?

— Я, кто же еще? Татаромонголы — противник интересный, Ростокин старательно их придумывал, Александру понравилось. Но я подумал: перед тем как придется сражаться по-настоящему, пусть посмотрит — с кем.

— И планета была настоящая, та, где они живут?

— Нет, планета — из моих личных фантазий.

Однако полигон получился убедительный, чрезвычайно близкий к подлинным условиям. В результате, хоть один боец, сразившийся и победивший, у нас есть. Правильно?

— Не устаю восхищаться твоей мудростью и предусмотрительностью, — Антон, если польстил Замку, то совсем чуть-чуть. — А не сумел бы Сашка отбиться, не прошел пещеры, я так и сидел бы на верандочке, тупея от синтанга и моля неизвестно кого о скорой смерти?

— К чему рассуждать о неслучившемся? Наверное, иной вариант был бы не менее интересным в познавательном смысле.

— Как кому, — иронии в тоне форзейля было не больше, чем горечи. Он вообразил, что, если бы настроение Замка некоторое время назад немного изменилось или Шульгин проявил себя не должным образом, он на самом деле продолжил существование «просветляемого» узника. Такая ерунда на фоне изысков «чистого разума». Главное ведь, и в голову ему не приходило, сидя «там», что спасение — рядом, квантом справа, квантом слева...

Антон заговорил о другом. Удобно все-таки, когда время вокруг стоит. Здесь, у Сильвии в Лондоне тоже, во всем остальном мире — соответственно. С таким товарищем, как Замок, тремя словами не обойдешься, перед тем как начать действовать, язык обобьешь. И иного выхода нет.

— Значит, что мы имеем? Объектами первого, уничтожающего удара являемся мы, «посвященные». Сильвия, Лихарев, Юрий, Шульгин, еще пять-семь человек из команды агтров. Я, само собой. Верно?

— С этого мы и начали. Те люди, которых ты приводил сюда, вошли бы в список, но их нет. В их параллельности доступа тем... Как бы их назвать для удобства? — вдруг озаботился Замок.

— Каких именно? Монстров или их вдохновителей?

— Вторых...

— Пусть они будут «дуггуры», — вспомнил Антон давний, основополагающий разговор с Воронцовым о трудах философа Андреева и форзелианском мировосприятии. Наравне с «агграми» термин означал неких зловредных существ (или сущностей), обитавших между третьим и шестым уровнем Миров Возмездия. Мерзкие, отвратные, несовместимые с людьми еще в большей степени, чем неадаптированные аггры.

— Согласен. Дуггуры до людей-друзей пока добраться не могут. В дальнейшем — возможно. Значит, мы должны дать им отпор здесь...

В голосе Замка прозвучали полководческие нотки. Учится на ходу.

— Должны — значит, дадим. Сильвия и Лихарев пока в безопасности, прикрытые твоим лондонским «коллегой» и колпаком нулевого времени. Я встречаюсь с ними через три минуты, как договорились. Юрий тоже некоторое время будет в безопасности. Трех монстров мы ликвидировали на пороге его дома, трупы отвезли на дачу Сталина. Сомневаюсь, что они вернутся на Арбат. «Писатель» сам по себе им не слишком интересен. Его не трогали двадцать лет...

— Земные двадцать лет могут быть пятью минутами у них, — вставил Замок.

— Не спорю. И все же... Дуггуров приманила концентрация наших излучений. Юрий, я, Вахентин, следы матрицы Шульгина... Вот они и бросили в бой монстров.

— Против вас или — Сталина? Стреляли ведь по его кортежу.

— Могли и ошибиться за счет общего фона. А могли и правда по Сталину. Убрав его, автоматически выводили из игры Лихарева и создавали в стране такой бардак, что приходи и бери голыми руками, пока ближний круг примется портфели делить... Стой! — осенило Антона. — При таком раскладе власть мог взять Шестаков-Шульгин, поддержанный армией, Заковским и Лихаревым. Мной, естественно. Неслабый вариант.

— Для кого? — вкрадчиво осведомился Замок.

— Сам же сказал, что логика дуггуров тебе пока недоступна. Как там, кстати, с нашим Александром? Что ты имел в виду, говоря, что ему нужно вернуться в свое тело? Монстров или нечто другое?

— И то, и другое. С до сих пор действующими аггрианскими матрицами, мыслеформами, которые он создает, не задумываясь о последствиях, следом, оставленным на снежной планете, перспективой занять пост Сталина — слишком приметный объект. Будь я нормальным земным политиком, и то задумался бы, не стоит ли его убрать. Принцип Фразибула — убей того, кто высовывается. Наш друг высунулся из окопа по пояс. Любая пуля — его...

— Образно. Тогда включи Барселону. Посмотрим, как он там. Считаешь нужным — заберем. Шестакову я сумею подсказать, как вести себя в «одиночном плавании»... Ни хера себе! — не сумел сдерживать человеческой эмоции Антон, увидев, что творится на площади перед отелем «Альфонс».

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Обо всем по-солдатски договорились, и Готлиб вышел проводить Буданцева за ворота своего дома. Только хотели пожать друг другу руки и разойтись

до завтра, как — началось! Иван Афанасьевич не ошибся — сколько машина ни крутила по городу, а по прямой до отеля, где размещалась миссия, было не больше полукилометра. Там-то и разгорелась серьезная стрельба. Сначала — пистолеты и винтовки, это внешняя охрана. Потом начали взмахивать пулеметы. Буданцев умел отличать неторопливое, но громкое татаканье родного «дегтяря» от звонких, пофыркивающих очередей «МГ-34». Но это еще ничего не означало, союзники и противники пользовались одинаковым оружием, навезли его сюда достаточно.

Русский и немец переглянулись. Вопросов не задавали, но мысль была одна:

— Кто первый начал, наши или ваши?

— Нет, — сказал Готлиб, — глупость или провокация. Даже франкистское подполье атаковать советское представительство не взялось бы. Смысла нет. Через десять минут возле здания появятся штурмгвардейцы, батальон или два, на этом все и кончится. Половина — трупы, остальных допросят так, как ни вашим, ни нашим и не снилось. Вы помните, когда в Испании ликвидировали инквизицию? — Странно было слышать спокойный, размеренный голос немца, когда неподалеку гремел бой. Но приходилось соответствовать.

— Судя по рассказу Эдгара По, уже при наполеоновском вторжении, — ответил Буданцев, делая вид, что и его происходящее не очень касается. И вправду: белый офицер — одно, нынешние красные и абверовцы — другое. Он — из третьих.

— Точно. «Колодец и маятник». Тысяча восьмисот девятый год. В Германии — на триста лет рань-

ше. В России ее вообще не было, — эрудиция Готлиба восхищала, но казалась неуместной.

— Побежали? — спросил Буданцев. Свой пистолет он доставать не хотел. Слабенькая игрушка, да и пригодиться может в другом случае. Просто протянул руку за спину, и один из сотрудников Готлиба тут же вложил в нее автомат Бергмана с дисковым магазином. Хорошо у немцев с дисциплиной, он не слышал словесного приказа, однако подчиненные фрегаттен-капитана все понимали, как собаки.

— Поехали, — возразил Готлиб, распахивая дверцу показавшейся из подворотни машины. Теперь шторы не мешали, Буданцев опять увидел условный взблеск мотоциклетной фары.

Готлиб тоже заметил.

— Ваши?

— Они самые. Я не блефовал.

— Хорошо, могут пригодиться...

— Если убежать придется?

— Может и так случиться...

В бой на чьей-либо стороне они с налету ввязываться не собирались. Сначала нужно разобраться в обстановке. Буданцев считал, что ему очень повезло. Не захвати его абверовцы, он мог бы оказаться сейчас в миссии, у Шестакова, без всякой пользы для дела. Лишний ствол ряды обороняющихся ничем бы не усилил, ценная информация осталась бы неизвестной. Сейчас — все наоборот. Действуя вместе с немцами с тылу, они смогут в решающий момент оказать своим существенную, если не решающую помощь. Семь автоматических стволов — серьезная огневая сила.

— Притормозите, — крикнул он Готлибу, увидев телефонную будку. — Ровно две минуты...

Набрал прямой номер Шестакова. Тот, по счастью, оказался на месте. В трубке слышались частые выстрелы. Очевидно, с балкона.

— Да, Иван? — голос Представителя звучал ровно.

Несколькими фразами Буданцев доложил и суть переговоров с немцем, и свое нынешнее положение.

— Хорошо, молодец, действуй по обстановке. У нас такое творится! Прохлопали... С полчаса мы продержимся, потом непременно подойдут верные войска. На полицию надежды нет. Если не застанешь меня, переходишь в подчинение Овчарову, лично, от моего имени. Не найдешь его — отбывай в Москву, Громов поможет. Все, удачи!

«Что значит — не застанешь? — думал сыщик, садясь в машину. — Деликатный намек, что могут убить, или?..»

— Кому звонили? — спросил Готлиб.

— Своим. Объявил тревогу и велел изготовиться...

Немец промолчал, на расспросы и рассуждения времени уже не оставалось.

Абверовец великолепно знал окрестности отеля «Альфонс», где размещалась миссия. Он сумел просунуть машину в такой узкий переулок, что дверцы удалось открыть едва наполовину, только-только вылезти наружу. С одной стороны — каменный цоколь средневекового строения, с другой — невысокая ограда ресторанчика, где Буданцев не раз обедал и ужинал. Другие сотрудники миссии тоже сюда наведывались. Расположение внутренних по-

мещений сыщик помнил великолепно и оценил замысел Готлиба.

Тут же подскочили и мотоциклисты с «астрами» на изготовку.

— Ребята, здесь свои. Работаем вместе. Степанцов, остаешься здесь, прикрываешь тыл и технику, Бойко — со мной...

Плохо, не дожили еще тогда до портативных радиостанций. Впрочем...

— Разыщи телефон, — сказал он сержанту Бойко, — здесь он, недалеко, в каморке дежурного под лестницей. Постарайся дозвониться до Гришина, любого из вашей группы. Доложи, где мы, будь на связи...

По ту сторону стен стрельба достигла накала полноценной войсковой операции. В миссии вместе с охраной полторы сотни сотрудников, значит, атакующих раза в три больше. Батальон? Откуда?

В ресторане, кроме сторожа, не было ни души. Железные жалюзи опущены на входной двери и окнах первого этажа.

Зато из окон зала второго этажа площадь перед отелем и сходящиеся к ней авениды видны были, как из ложи бенуара.

Буданцев выглянул и тут же покрылся гусиной кожей. Опять его коснулся своим крылом тот иррациональный ужас, который московской ночью погнал в полузаброшенную церквушку.

«Альфонс» узким треугольным фасадом вклинивался в площадь, как нос гигантского броненосца, ведущего бой. Большинство его окон непрерывно озарялись пульсирующими вспышками огня. Моментами, когда залпы совпадали по фазе, казалось, что все здание вздрагивает от грохота.

Видел бы Иван Афанасьевич послевоенные филь-

мы, непременно подумал бы, как все напоминает штурм Рейхстага.

Атакующих было действительно несколько сотен, только — не людей. Громадные мохнатые существа толпами накатывались на отель, непрерывно стреляя из пулеметов и, как подумал Буданцев, переносных ракетных станков, известных с середины прошлого века. Системы Конгрева или Константинова. Оглушительно хлопали стартовые патроны, и розовато-бурый полумрак прорезали дымные хвосты, подсвеченные анилиновым светом трассеров. Врезаясь в стены, они взрывались, вышибая из них облака кирпичной крошки. Некоторые, к счастью, немногие, попадали в окна. Что творилось в тех комнатах, куда они залетали, нетрудно представить.

Но шквальный огонь из здания не стихал. Защитники, наверное, успели приспособиться, меняли огневые точки быстрее, чем неприятель успевал направить в них свои снаряды.

Очередь-другая из окна и — бегом в коридор, в соседний номер, которых было куда больше, чем бойцов в гарнизоне.

Готлиб, окончательно подтверждая свою прежнюю службу в русской армии, матерился чисто по-русски, причем изобретательно. Вроде маршала Маннергейма, диктатора Финляндии, гвардейского генерал-лейтенанта, за двадцать пять лет так и не избавившегося от привычки ругаться и писать указы и приказы исключительно на языке бывшего отечества.

— Что же это творится, Иван? — Автомат он положил на подоконник, но не стрелял, правильно понимая обстановку. Патронов — кот наплакал, при-

★
влечешь к себе внимание, тут и конец. — Столько дрессированных горилл во всей Африке не собрать...

— Какая Африка! Верил бы я в Бога, я б тебе сказал...

— А русские отбиваются хорошо! Смотри, сколько туш навалили! Штурм выдыхается, в дом еще никто не ворвался...

— Боеприпасу бы хватило! Я посчитал — до расположения танкового батальона полчаса ходу. По узким улицам. Плюс десять минут на подъем по тревоге. Минут двадцать еще продержаться...

— Командир, вы где? — раздался от двери голос сержанта.

— Я сейчас, — Буданцев выбежал в коридор.

— Ну?

— Гришин сказал — десять человек послал в обход. Скоро будут у нас. С пулеметами. Тогда врежем!

— Иди, встречай, сами не подставляйтесь... Предупреди — с этими немцами чтоб о своей службе не проболтались. Белые мы, ну, из тех, с Гражданской... А лучше вообще никаких разговоров!

— Есть, — слегка растерянно ответил Бойко и растворился в темноте.

Сыщик поразился, мельком, что этому сержанту и командиру спецгруппы словно бы все равно, с кем они сейчас сражаются. Да и правильно, наверное, разбираться потом будем...

— Сейчас помощь подойдет, умелый народ... — обнадежил он Готлиба.

На площади только что захлебнулась очередная попытка прорыва в отель. Покрытые черной шерстью монстры оттянулись на полсотни метров назад от линии прицельного огня, начали прятаться за

естественными укрытиями и в устьях выходящих на площадь улиц. Но при этом с их стороны усилился ракетный обстрел. Десятки огненных хвостов летели со всех сторон, впиваясь в стены, едва не половина снарядов влетала в окна, из которых выбухали клубы смешанного с пламенем дыма.

Буданцеву было неизвестно, сколько боеприпасов имелось в миссии, но за двадцать минут жесточайшей стрельбы патронов, пожалуй, было сожжено не один десяток тысяч. Как у «дегтярей» стволы не поплавились? Может быть, с самого начала планировалось, что даже в случае прорыва франкистских войск в Барселону миссия должна держаться до конца? До начала эвакуации морем, оставляя время сжечь все документы, уничтожить шифромашины и любые следы своей национальной принадлежности?

— Чудовищами сражение проиграно, — сказал Готлиб, присев на пол и закуривая. — На новый штурм у них не хватит ни воли, ни времени... Но что же это такое? В сказки я не верю...

— Как раз немцу стоило бы. Ваш Гете Мефистофеля придумал, нам ничего подобного в голову не приходило, — уязвил его Буданцев.

— Кроме Змея Горыныча и Соловья-разбойника. Кстати, в угловом доме справа от нас я в бинокль заметил шевеление. Отблески оптики. Такое впечатление, что оттуда за боем наблюдают люди, никак не чудовища...

— С чего взяли?

— Размеры, дорогой друг, размеры. Вы, наверное, служили в пехоте, а я — флотский офицер. Для нас сетка бинокля — альфа и омега. Вы можете принять эсминец за линкор, если не сообразите, на каком расстоянии он от вас находится. И наобо-

рот. Те, кого я увидел, ростом меньше двух метров. Эти — ближе к трем. Когда же подойдут ваши люди?

— Думаю — вот-вот. С минуты на минуту. Хотите их послать на разведку?

— Правильно угадали. Мы с вами вышли из возраста, подходящего для подобных эскапад. В ту войну кем были? Поручиком?

— В царской — поручиком, в белой — капитаном...

По ступенькам застучали подошвы многих сапог.

— Вот и мои, — сказал Буданцев.

Хорошо, и Гришин, и остальные были одеты в испанские «моно», кожаные куртки поверх. Без признаков национальной принадлежности.

Вооружены как следует, каждый второй с «МГ», остальные нагружены коробками с лентами.

Бойко успел предупредить командира, тот отработовал, как положено, только со званием ошибся:

— Господин майор, — он сказал, имея в виду чекистское звание, но проскочило, Готлиб не обратил внимания. Не до того. — Мы сейчас развернем пулеметы, с тылу как врежем! Там и танки подойдут...

— Подождите... поручик? — немец соотнес возраст с возможным чином. Роман молча кивнул.

— Не могу приказывать, а вот посоветовать... Как вы думаете, Иван, не лучше ли попытаться взять живьем вон тех? Наблюдателей. Пользы куда больше будет. Советские наверняка так и так отобьются, очевидно. А у нас информация появится, да и предмет торга тоже... Ваши офицеры обладают подходящими навыками?

Буданцев молча подвел Гришина к окну, указал направление, засеченное Готлибом.

— Идите все. Пулеметы оставьте, господин фрегаттен-капитан автоматами поделится. Сколько бы

там ни оказалось, минимум двоих притащи. Самых главных желательно. Понял, Гришин? И не подставься под пулю, я тебя очень прошу...

— Сделаем, — ответил старший лейтенант несколько даже скупающе. Ныне творящаяся дипломатия его мало касалась. Приказ слушать милицейского, как себя, он получил. Само по себе полученное задание трудным не казалось. О сущности противников, с которыми воевали сейчас, товарищ Шестаков запретил даже думать. Так и сказал полчаса назад: «Ты чекист, Роман, пограничник. Мы с тобой такое сделали, что никому не снилось! «Героя» на днях получишь. А то, что снаружи — в голову не бери. Черти, питекантропы, инопланетяне — не твое дело. Пока живы и патроны есть — воюем. После поглядим: Шермак-хан, немцы, папуасы... Понял меня?»

После Бургоса, после дворца каудильо, из которого Шестаков, сделав свое дело, еще и оставшихся десантников вытаскивал, будто не зампредсовнаркома, а ротный старшина, авторитет его для Гришина был непререкаем. Казалось, в Сталина прикажет стрелять — выстрелит. А тут всего лишь взбесившиеся обезьяны. Прыткие, ничего не скажешь, живучие, полдиска всадишь в ракетометчика, а он все дергается...

Сейчас, получается, дрессировщиков прищучить пора? Сделаем.

...Шульгин после ликвидации Франко решил, что с него хватит. Главная задача решена, с остальным пусть разбираются те, для кого это время родное и единственное. Им тут жить, карьеры делать.

Он послал Сталину телеграмму, попросив разрешения вернуться, при этом так до конца и не пони-

мая — зачем? Четкого плана у него до сих пор не было. Шестаков, ладно, получит награды и благодарности, а ему, что же, действительно в кабинет садиться и двадцать часов в день заниматься «текущими делами»? Спасибо!

Отчего он и бегал по испанским горам и коридорам агонизирующего дворца — чтобы избавиться от распирающего изнутри комплекса чиновника, влекомого к вершинам власти.

Одна надежда — вернется, вплотную займется Антоном. Пусть отрабатывает, «Железная маска»! За ним столько должков и долгов накопилось...

Когда начался штурм отеля, он сразу повеселел. Эффектная концовка «Испанской баллады» (есть такой роман у Фейхтвангера). Буданцев что-то подобное предсказывал, суетился, вербовал осведомителей. Контрразведка тоже доносила о зреющем заговоре. Такое уже было годом раньше, когда против «соглашательской власти» взбунтовались анархисты и каталонские сепаратисты. Хрен с вами, повоюем, с кем бы ни пришлось. За Франсиско Франко «Фаланга» пожелала рассчитаться, армейцам новая линия дона Прието не понравилась, не со всеми поделился? Анархисты, забыв о прошлогоднем побоище, опять решили установить в Каталонии истинно народную власть? Давайте. Лучше бы, конечно, знать точно, кто сегодня вывел войска на улицы, так что теперь говорить? Опоздали...

Минут десять он пребывал в нормальном расположении чувств, слушая стрельбу из окон, абсолютно уверенный, что еще немного — и все кончится. Гарнизон «Альфонса» намного превышал любые предположения возможного противника. Интуиция Сашку никогда не обманывала, даже собираясь сда-

вать дела, он заботился о своей резиденции. Кто бы ни атаковал ее, отпор он получит сокрушительный.

Вчера утром Шульгин приказал Рокоссовскому стянуть в отель со всей Барселоны и окрестностей мелкие подразделения, отдельных бойцов и командиров, состоящих при всевозможных испанских службах. Набралось человек триста, и штатного вооружения достаточно. Из мест расположения выгребли все, под метелку, с портовых складов подвезли. Гражданских специалистов (каждый из них все равно в какой-то мере был военным служащим) он тоже велел отозвать в миссию, невзирая ни на какие отговорки.

Морякам приказал находиться в готовности номер один на случай нападения на корабли.

К сегодняшнему вечеру в миссии собралось около пятисот человек, снабженных всем, кроме артиллерии. Шульгин, да и назначенный комендантом гарнизона Гришин считали, что отобьют любую атаку. Двести лет назад, не меньше, окна первого и второго этажей были забраны узорными, но чрезвычайно крепкими решетками. Значит, внезапного прорыва бояться не стоит. Другим способом «Альфонс» тоже не возьмешь — на правильную осаду у неприятеля времени не будет: фронтовые части придут на выручку еще до утра.

— А если они попробуют так, как мы с вами в Бургосе? — осторожно осведомился Гришин.

— Я для чего тебя поставил? Чтоб не попробовали. Сам думай, как оборону организовать... При любом раскладе третий этаж — последний рубеж. А там хоть лестничные пролеты взрывай. На пятом — сам знаешь что! Все понял?

В благом расположении духа он оставался первые десять минут, обходя свой этаж и расставляя людей по позициям. Пока к нему не подскочил подполковник с сумасшедшими глазами.

— Что такое?

— Да вы посмотрите!

Шульгин вышел на балкон и наконец-то всматрелся в происходящее. Несколько секунд хватило.

Вернулся, встряхнул командира за лацканы комбинезона.

— Ну и что? Вы давали присягу воевать только с лично вам известным противником? Уничтожьте нападающих, потом проведем партсобрание. Вперед, мать вашу со всеми предками и потомками до седьмого колена... — Это уже интонации гардемарина Шестакова прорезались.

На воспитание командира настроя у Сашки хватило, а по-настоящему — гайки начали отдаваться.

Тот раз все приключилось в бреду или во сне, а сейчас резиденцию наяву атаковали те самые монстры со снежной и ветреной планеты. Только тогда их было шестеро, а здесь — штук триста. Вооружены лучше, погода спокойнее... За ним пришли, из сна? За кем же еще? Так и у него не карабин с винтовкой, а полтора батальона прекрасно подготовленных бойцов, деваться которым некуда.

Хрен с ними, монстры, йети, не влияет. В окна не прорвутся, через двери — тоже вопрос. Но он помнил нечеловеческую скорость, с которой перемещались монстры даже в густом снегу под ураганным ветром. Может, им по внешним стенам взбежать проще, чем по лестницам подняться...

Да ничего, мы тут тоже не погулять вышли...

При себе, кроме пистолета, у него ничего не было, пришлось приказать охраннику, тот метнулся,

передал по команде, и вскоре, гремя железными колесами, в кабинет вкатился «максим», который притащили двое незнакомых командиров. Третий, в штатском, надрываясь, волок за ними сразу пять коробок с лентами.

— Вот тут поставили — и огонь! Причесать, чтоб как на сенокосе...

— Это кто, товарищ Представитель? — спросил «первый номер», передергивая затвор.

— Узнаю, непременно доложу. Стреляй, мать твою!

«Максим» застучал ровно и уверенно. Ему-то уж точно было все равно, в кого стрелять. За сорок лет привык.

Второй пулемет, ручной «ДП-27», он прислонил к стене рядом с письменным столом. Пригодится. Жаль, что собственной работы карабин затерялся где-то в дебрях времен. Очень бы к месту пришелся.

Переговорив по телефону с Буданцевым, Шулгин набрал номер командира танкового батальона. От души дал «разгон» за то, что до сих пор никак не может выехать из своего расположения, заодно предупредил, чтобы был осторожнее на марше, противник располагает новыми образцами ручного противотанкового оружия. Возможны засады, потому в передовой отряд лучше выделить мотоциклистов.

Сидеть на месте было бессмысленно, он решил посмотреть, что делается внизу.

Успел к самому опасному моменту. Монстры, не считаясь с потерями, прорвались к окнам первого этажа. Одни принялись могучими лапами рвать и ломать решетки, другие просовывали в давно лишившиеся стекол окна свои многоствольные митральезы, секли пространство струями пуль.

Защитники залегли за колоннами, лифтовыми

шахтами, в проемах внутренних дверей. Высунуться было страшно, да и бессмысленно ради одиночного, пусть и точного выстрела подставляться под шквал массированного огня.

Свист, грохот, шлепки пуль в деревянные панели, забивающие рот и ноздри облака пыли и порохового дыма. Скрежет выворачиваемых из стен стальных костылей, рев ощущающих близкую добычу чудовищ. Очень может быть, что они и вправду людоеды. Почему и нет?

— Гранатами — огонь! — перекрывая какофонию боя, раздался чей-то истинно командирский голос. — Бросать понизу! Головы беречь!

Решение было более чем своевременным. Главное — единственно возможным. В случае прорыва внутрь отеля защитники рукопашной бы не выдержали. Не те весовые категории, да и винтовок со штыками почти ни у кого не было. А вот гранаты — то, что нужно.

Так устроен любой воинский коллектив — в критический момент должен найтись человек, способный принять на себя ответственность. Старший офицер, инициативный рядовой — неважно. Если не находится — армия превращается в стадо. Разбегается или массами сдается в плен, имея все возможности к сопротивлению.

Шульгин вот не догадался, не среагировал вовремя. Был поглощен более возвышенными мыслями, прежде всего той, что при его появлении на лестничной площадке натиск монстров резко возрос. Будто тиграм в клетке зритель показал грудку парного мяса.

Услышав команду, он естественным образом бросился на пол — инстинкт любого военного человека при звуках любому понятной команды.

Гранаты, по счастью, у гарнизона «Альфонса» имелись. Спасибо коменданту.

Бросать их в окна было бы бессмысленно, а то и самоубийственно, но дураков в Испанию все же не посылали. Зато десятки «Ф-1», «РГД-5», «РГ-34» и разнообразных иностранных конструкций полетели, покатались по полу к подоконникам, едва на полметра возвышавшимся над узорным каменным полом обширного холла.

С секундными интервалами запыльхали взрывы, не меньше половины осколков и почти всю ударную мощь выбрасывающие наружу.

Жуткая черная масса, облепившая окна, отхлынула.

— Наверху! — заорал Шульгин, голос его разнесся по лестничной клетке и второму этажу. — Все гранаты в дело! Бросайте, отобьемся!

Его услышали, ручные гранаты начали рваться на площади, подобно праздничному салюту. Эх, жаль, нет здесь ни «Пламени», ни «Василька»!¹

— Товарищ Представитель, — обратился к нему сплошь покрытый известковой пылью командир, когда Сашка, прислонившись спиной к стене, пытался добыть огонь из зажигалки, — отбились, дуваю. На новый бросок их не хватит...

— Да хорошо бы. А вы кто? Не помню, уж извините.

— Да как же? Сухарьян, военпред нашего наркомата. Вы меня сами в тридцать седьмом сюда проводили...

¹ Системы автоматических гранатометов, позволяющие покрывать осколочными гранатами сотни метров по фронту и столько же в глубину.

— Простите, не узнал, да и как узнаешь... Это вы командовали?

— Я.

— Выживем — орден Красного Знамени завтра же...

— Выжить — неплохо. Орден — совсем хорошо. Но вот это — что? Зачем нас двадцать лет заставляли в Бога не верить? Расплата, да?

Шульгин наконец сумел прикурить. Папироса с первой затяжки сгорела до половины.

— Умный вы человек, Сухарьян. Иван Гургенович — не ошибаюсь?

— Так точно! — В голосе человека прозвучала радость. Как же, имя-отчество вспомнил руководитель.

— Но, простите, здесь — как бы деликатней сказать — дурак!

Со стороны, в кинофильме например, подобный диалог смотрелся бы неубедительно. В то время как бой если и стих, так только едва-едва. В окна не лезли, но стены тряслись от разрывов ракет. Сашка, разговаривая с военпредом, думал: «Не довелось им изобрести затруханный НУРС с двадцатикилограммовой боеголовкой. Тут бы нам и амбец!»

Одновременно старательно исполнял собственную роль.

— В Бога вас заставляли не верить совсем в другом месте. Армяно-григорианскую церковь почти совсем не трогали. Тут — католицизм в самом расцвете. Двадцать соборов вокруг торчат. А вот эти — появились именно здесь! За нами гнались, из Советской России?

Сумел он грамотного в бою, но поддавшегося суевериям человека на место поставить.

— Бьемся до последнего патрона и солдата, а на религиозный диспут я вас чуть позже приглашу...

Дико завывая и бессмысленно вращаясь, в угол лифтовой шахты врезалось изделие чужеземных мастеров, которым и до немцев сорок четвертого года было далековато. Однако ударная волна и рой осколков заставили присесть.

Сашка стряхнул пыль с волос.

— Командуйте на этом уровне, у вас получается...

Шульгин пробежал по третьему этажу, убедился, что на полчаса боя патронов хватит и моральное состояние гарнизона удовлетворительное. Для порядка распорядился насчет изменения диспозиции. Станковые пулеметы оттянуть в дальние торцы коридоров, «ручниками» блокировать марши лестниц...

Танки, когда же подойдут танки?!

Вернулся в свой кабинет на пятом этаже. «Максим» еще стрелял с балкона, но два из трех пулеметчиков были убиты, ракета достала и сюда. Снизу вверх в потолок, сноп осколков — в обратную сторону.

Лейтенант, почти неадекватный, кричал неизвестно кому: «Ленту, ленту давай», — левой рукой нажимал на гашетку, правой шарил за спиной, шевеля пальцами.

Удивительно, как вообще без помощи «второго номера» брезентовая лента вся, до конца, протаскилась в приемник древнего пулемета. Сейчас из зеленой коробки показался ее хвост, патронов на десять.

Из-под пробки кожуха со свистом вырывался пар. Кипит, кипит, еще минута — по шву лопнуть может. Да и затвор заклинит.

Шульгин отдернул лейтенанта от его машины, мельком увидев перепутанную груду пустых лент слева. Красные медные гильзы громоздились кучами. В норме третий номер расчета вместе с четвертым должны немедленно принимать выходящие из пулемета ленты и немедленно их заново снаряжать. Для подноски ящиков есть пятые и шестые номера. По уставу.

— Ты, пацан, в разуме? На, хлебни...

Шульгин сунул в руки пулеметчика стакан, в котором плескалось грамм сто рома. Руки у того тряслись. Что тут говорить, финны сходили с ума, стреляя из дотов по атакующей по пояс в снегу советской пехоте на линии Маннергейма. Гильзы заваливали бункер до колен, а «красные» все шли и шли...

Лейтенант вытер губы, шумно глотнув, поднялся.

— Мне бы закурить...

— Держи, — Шульгин протянул ему папиросу.

Хороший парень, сильный духом. Докурил, инстинктивно провел большими пальцами над краем ремня гимнастерки..

— Я готов, товарищ начальник. Разрешите, воду сменю, и опять постреляю... Я им дам!.. Патронов поднести прикажите...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

— Ни хера себе, — повторил Антон, увидев толпы накатывающихся на отель монстров. — Это уже совсем не разведка... Не понимаю одного, для чего такая дурь затеяна? Они что, не могли свой десант сразу внутрь здания высадить? Куда как проще, без шума и потерь...

Давай, возвращай быстро время снова на ноль, решение принимать надо.

— Сделано, — ответил Замок. И тут же продолжил без паузы: — Не могли они внутри отеля материализоваться. Мыслеформа держит. Александр с самого начала вообразил, что его убежища врагам должны быть недоступны. У меня научился... В тот раз, когда они с Новиковым отбили ментальный удар по комнате, которую он придумал¹, чтобы спокойно поговорить на разные темы

— Помню. Но ты тут при чем?

— Станный вопрос. Все, что происходит внутри меня, непосредственно меня касается. В тот день (условно говоря, конечно), когда тебе поступила команда сворачивать свои дела и устранить земных союзников, Шульгин и его друг с самого утра испытывали все нарастающее чувство беспричинной тревоги. Новиков потом записал: «Опасность как будто исходила от чего-то чужеродного для Замка, но в нем находящегося. Угроза для всех и для каждого, и угроза нешуточная. Словно перед землетрясением, когда собаки воют, коровы испуганно мычат и кошки из дома убегают. Я поделился своим настроением с Сашкой, и он ответил, что ощущает то же самое. Почему и постарался устроить так, чтобы все остальные не сходили с «Валгаллы» на берег, тем более — не входили в Замок...»

— Не читал, — ответил Антон, — но подобный разговор у меня с ними был, точно.

— Слушай дальше. Шульгин, чутья у которого побольше, чем у старшего друга, обратился ко мне, не слишком представляя, существую ли я вообще.

¹ См. «Бульдоги под ковром».

Взмолился, можно сказать, подобно атеисту: «Господи, если ты есть, помилуй мою душу, если она есть...»

Да, многому научился Замок у Сашки с его компанией.

— Если же говорить серьезно, — голос сделал необходимую оговорку в расчете именно на психологию форзейля, — он сосредоточил свой волевой импульс на единственной идее. Попросил (или потребовал) создать такую секцию в занятом ими крыле, где можно было бы заэкранироваться от любой мыслимой опасности, от пронзающих Замок волн, сил, полей, любых носителей и приемников информации, с помощью которых ты, Антон (как считал Александр), вывернул наизнанку подсознание Воронцова. Захотелось ему, чтобы убежище было выключено из моей «системы», как я (в его понимании) выключен из земной реальности.

— Слушай, это было здорово придумано, — восхитился Антон.

— И я принял его просьбу, исполнил, можно сказать, с удовольствием, потому что был пока самостоятелен в своих действиях. Причем распространил ее на любые подобные ситуации. Ему это потом часто помогало...

— Догадываюсь. А что будем делать сейчас? Может, сбросим на площадь шариковую бомбу тонны в полторы весом? Чисто станет... — В голосе Антоны прозвучала мечтательность, которой он в земной жизни был не чужд. — И появится тема для переговоров. С теми, с дуггурами. Какие-то мозги у них все же есть?

— Подождем, — возразил Замок. — Сброс бомбы через «непространство» непременно будет замечен, как на подобный факт среагируют враги, мне

пока неясно. Как минимум мы раскроем им свои возможности, которые лучше сохранить в тайне. Они ведь тоже смогут в ответ придумать нечто такое, чего мы вовремя не заметим или не поймем...

— Резонно, — не мог не согласиться Антон.

— Имей в виду, пока Александр там, слишком близко к нему монстры подобраться не смогут. Радиус пятьдесят метров я гарантирую...

— Значит, все остальные защитники миссии погибнут?

— Не все. Да отчего тебя это так беспокоит? Для тебя, для вас... да и для меня тоже, — добавил он после короткой заминки, — сотни тысяч и миллионы были только расходным материалом. Откуда теперь такая сердобольность?

Если бы Антон знал, то ответил бы. Те самые мозговые клетки, нейроны и аксоны шульгинского мозга навязывали ему собственную модель мышления. Как «Андреевские братья» переориентировали мыслительную структуру Замка.

— Чтобы ты не слишком страдал, могу тебе сообщить, что помощь людям близка. Танки на полной скорости мчатся к площади. Скоро мы сможем насладиться впечатляющим зрелищем. Жаль, что здесь до сих пор не изобретены вертолеты огневой поддержки. Очень быгодились...

— Ну да, как в двадцатом при атаке на британскую эскадру, — согласился Антон. — Я только не понимаю, они и их «консультанты» настолько зациклились на миссии и на Шульгине, что не догадываются...

— Подожди, — прервал его голос, вновь включая обзорные экраны. — Кажется, там происходит еще кое-что интересное...

Сам отель ушел влево из поля зрения, и бóльшая часть площади с перегруппирующимися для нового штурма монстрами. В центре обзора оказались два под прямым углом замыкающие площадь здания — одно поменьше, двухэтажное, судя по вывеске — ресторан «Агвардиенте», другое в четыре этажа, фасад весь в полукруглых, увитых плющом балконах.

Следующим скачком экран приблизился к его венецианским, трехметровой высоты окнам. За ними происходило какое-то шевеление.

— Вот они, смотри, — голосом, упавшим до свистящего шепота, сказал Замок, его эмоции и поведение очеловечивались с каждой минутой. — Дуггуры и есть! Наверное, не научились управлять внепространственно, лично приперлись! Но я их никакими сенсорами не беру, ты представляешь?! В ментальных уровнях они не проявляются!

Самым крупным планом Антон увидел до десятка странно человекоподобных существ, удивительно напомнивших ему компанию римлян эпохи упадка, только в исполнении театра лилипутов. Совсем не подходящие для современной войны тоги или туники, длинные роскошные волосы до лопаток и ниже, у кого русые, у кого темно-каштановые. Все они, возбужденные и напряженные, наблюдали за сражением и, как казалось Антону, им руководили.

— Как же ты их засек и высмотрел, если не проявляются?

— Опосредованно! Там какой-то офицер пытается к ним прорваться и их *чувствует*... Странная штука, я — нет, а он — да. Вся связь идет через него...

— Бывает и такое...

«Если этот офицер из команды Шульгина, — подумал Антон, — то ничего особенно странного. На

Земле полным-полно людей со сверхчувственными задатками, и если одного из них Сашка сумел разыскать — вполне нормально. Удивительно, что не целую роту».

Гришин, обойдя указанный объект с фланга, легко взломал полуподвальную дверь и повел отряд сначала по техническим коридорам, потом вышел к основанию парадных лестниц.

С каждой минутой у него нарастало чувство, забытое с детства. Бабушка его, Катерина, в селе считалась не колдуньей, это звание обидное и опасное, а просто «бабкой», умевшей снимать сглазы, зубную боль, легким движением руки вправлять вывихи и лечить переломы костей. Однажды спасла ребенка, вроде бы угоревшего насмерть. Привораживанием не занималась, но чужие заклятья устраняла свободно и навсегда. Народ ее ценил и уважал, а некоторые односельчане, ничем себя вроде и не запятнавшие, как-то незаметно продавали дома и скотину, съезжали в неизвестном направлении.

Волостной комбед и тот воздержался от причисления Екатерины Яковлевны к сословию «кулаков», несмотря на наличие дома под железной крышей и приличного подворья. Это позволило Роману окончить школу, без помех поступить в военное училище и сделать карьеру в «органах», что для потомка «эксплуататоров» исключалось совершенно и абсолютно.

Пробираясь по переходам дома, Гришин испытывал не страх, а непривычный зуд во всем теле. Словно комары искушали. Автомат в руках казался тяжелее, чем обычно.

О своих бойцах он не беспокоился. Хорошие

★ ребята, кое-кто из них впервые в жизни увидел паровоз в восемнадцать лет, старшина Василенко в учебке научил вслепую разбирать-собирать пулемет, состоящий из двухсот сорока деталей, и прочим премудростям. Общее образование, у большинства не превышавшее четырех классов, помехой в подготовке не служило. Затем исправно несли службу, в Москве и куда пошлют, нахватались очень многого, в Испанию заработали право поехать. Однако мистика оставалась для них слишком сложной философской категорией. Все свободное для ее восприятия место было занято многочисленными, наизусть выученными Уставами, наставлениями и содержанием политинформаций. Пустоты заполняли мысли о бабах и выпивке.

Для защиты подходов к своему логову те, за которыми послали старшего лейтенанта, выставили на лестничной площадке всего двоих монстров, сочли, что достаточно. Разумеется, они были ужасны, готовы к бою, отвратительно воняли не только в ментальном поле, но и чисто физически. Услышав шаги или почуяв приближение носителей иного разума, они с низким рычанием вскинули многоствольные огнестрельные устройства. Подобие митральез или картечниц Гатлинга¹. Попадешь под очередь из семи стволов — тут тебе и конец!

Но, пройдя только один марш лестницы, Гришин превратился в другого человека. Слегка забыл о чекистской должности, но вспомнил, кем бы он мог стать, оставшись в селе и во всем слушая бабушку.

¹ Самострельные устройства конца девятнадцатого века, являющиеся, по сути, механическими пулеметами, с приводом от ручного маховика.

Гоголь тут ни при чем, великий писатель в отношении потустороннего мира соображал не очень.

Монстра, чей палец уже до половины вытянул свободный ход спускового рычага, чекист опередил хитрым броском тяжелого ножа, одновременно uklонившись на шаг в сторону, чтобы пули, если и вылетят из ствола, прошли мимо. Обошлось, выстрелить монстру не довелось. Любое гуманоидное существо, которому золингеновская, отточенная до остроты одноименной «опасной» бритвы сталь перехватывает сразу обе сонные артерии и трахею, отчего-то теряет способность целенаправленно шевелить конечностями. Стрелять ему уже не хочется, а вот последним импульсом бросить руку туда, где кровь хлещет неудержимым потоком, — тянет.

Гришин ударом сапога оттолкнул начавшее падать навзничь массивное, непропорциональное тело, чтобы не загораживало дорогу, агонизировало себе в сторонке.

Сержант из-за его спины влупил очередь из «бергмана» в середину морды второго. Что могут совершить с биологическим объектом десять пуль девятимиллиметрового калибра с трех метров — объяснять нужно только правозащитникам, окончившим двести лет назад Смольный институт

Психологическая завеса перед залом, куда чекист направлялся, была страшной силы. Гришин понятия не имел о ее природе и мощности, рассчитанной на гораздо более высокоорганизованных существ, он просто чувствовал растущее сопротивление. Уплотнившийся до упругости киселя воздух, пронизанный змейками ужаса, от которого слабеют ноги. И все же надеялся прорваться, собрав в кулак волю и непонятное ему самому «знание». Само собой пришло внезапное решение. Наверняка никем не подсказанное — озарение, не иначе. Он

★

выхватил из отряда самого отчаянного и одновременно невосприимчивого к любым посторонним идеям и влияниям бойца, толкнул его перед собой. Сам, пригибаясь и держа наизготовку автомат, — следом.

Что бы там ни было — чертовщина из бабкиных побасенок или демоны, сохранившиеся с времен мавританского владычества, — парень, даже в семинарии не учившийся, пять-шесть необходимых шагов сделает. Магическими оберегами оснащен на любой случай: в патронах ракетницы есть сера и фосфор, в пулях — свинец и мельхиор. Полученные за отличную стрельбу карманные часы и цепочка к ним — из чистого серебра. Чеснока с салом за ужином наелся вволю, не специально, а из стойкой любви к этому продукту. В кармане — коробка спичек, сделанных из осины. А главное — ненужные мысли у него отсутствуют полностью.

— Стреляй, мать твою, только поверху! Остальные — за мной!

— Что нам нужно? — спросил Антон у Замка. — Пленные дуггуры? Сейчас они будут! Перекинь меня туда!

— Подожди всего лишь минуту! Ты смотри, смотри, что он делает! Страшно интересно видеть превосходство природной силы духа над высокой мистикой...

— А с Шульгиным что?

— Вокруг его «Альфонса» я тоже поставил «время-ноль». Пусть несколько минут отдохнет...

Сержанту, наверное, все-таки стало страшно, когда карлики сосредоточили на нем свои ментальные посылы. Другого, пожалуй, согнули бы, скрутили в

бараний рог. Но известно, что человек, в руках которого бьется, плюясь огнем и гильзами, автомат, уже ничего не боится. Нажать спуск не всегда получается, и если патроны кончатся — тоже не по себе. А в те короткие минуты посередине — ты царь и бог в пределах зоны действительного огня! Если вдобавок глотка извергает все известные матерные слова в любом порядке и сочетании (специалисты утверждают, что русский мат — древние сакральные заклинания), такого человека не в состоянии остановить ни вражеский ДОТ, ни прущий со всей дури танк.

— Я не могу терпеть, я пойду, — выкрикнул Антон, — я пойду! Мне нужно!

— Не можешь — иди, — неожиданно согласился Замок. — Только переоденься, спешить некуда, — и снова остановил время.

Антон сбросил штатский костюм, натянул на себя появившиеся на соседнем стуле комбинезон, кожанку, ботинки. Точно так же он снаряжал для похода в сорок первый год Воронцова — извлек из «ниоткуда» все необходимое. Ему Замок предложил форму, неотличимую от той, что носили республиканские штурмгвардейцы. Надвинул на бровь берет, опоясался ремнями с амуницией, передернул затвор автомата.

— Адреналина не хватает? — спросил Замок.

— Вот-вот! В тюрюге весь вышел! А этих подонков я сейчас возьму! Пока они не опомнились, парней какой-нибудь пакостью не накрыли...

— Да нет, пока что твои парни сумели их защиту пробить, что мне не удавалось. Но теперь-то я

★
понял, параметры засек, снимаю ее полностью. Бери их тепленькими...

Антон появился в толпе десантников, и никто не обратил на него особого внимания. Свой — это понятно, как выглядят чужие, запомнили на всю жизнь. Форма республиканская — ну и ладно. Значит, успели подскочить.

Он вломился в зал, когда Гришин направил свой «бергман» на ближайшего из дуггуров.

— На пол, сволочи, стреляю без предупреждения, запасайтесь гробами!!!

Неизвестно, понимали эти пришельцы русский язык или нет, но их цивилизацией давно была усвоена примитивная истина: «Любое биологическое существо не выдерживает массированного проникновения в организм критической массы чужеродных частиц». Если бы иначе — откуда у них самих взялись семиствольные митральезы, гранатометы, очень похожие на настоящие. Штучки, покрупнее калибром и поражающей способностью, у них в обиходе тоже должны быть.

Оттого реакция на грохот выстрелов и запах порохового дыма у них произошла адекватная.

Изысканные красавцы-лилипуты дружно повалились на пол. Ни один не попытался вытащить подобие пистолета или ответить психическим ударом.

— Вяжите их, старший лейтенант, и начнем грузить в транспорт для последующих следственных мероприятий... — Антон как бы сразу поставил себя в полковничью, а то и более высокую должность.

— Связать — прямо сейчас сделаем, что касается остального, товарищ, это отдельный разговор. Вы — от кого? — Чем и хороши были тогдашние командиры, что бдительности не теряли, на команды незнакомых с разгону не реагировали.

— От Григория Петровича, — иного не скажешь, да и в качестве пароля сгодится, для большинства Шульгин оставался «доном Алехандро» или «товарищем Александром». — Сейчас и он сам сюда подспеет... Концерт затягивается, пора заканчивать...

Сказано было вовремя. Батальон из двадцати пяти танков «Т-26» и двенадцати «БТ-5», вышедших из парка, семь машин оставил на узких улицах Барселоны. Часть порвала гусеницы о высокие гранитные бордюры: затемненный средневековый город — не чистое поле. Авиационные двигатели «бэтэшек» захлебывались плохим бензином. Чистить, продувать карбюраторы в темноте, при свете «переносок», — не самое легкое занятие.

Зато остальные дошли. И началось! Что там, на площади, началось! Команда была единственная — пробиться к миссии и ликвидировать атакующих, не вникая в детали.

«Т-26», конечно, танки слабенькие, с автомобильным двигателем и броней в пятнадцать миллиметров (у отдельных моделей — до двадцати пяти), но от пуль монстровских митральез защищает, зато пушка — сорок пять, и два пулемета! Всю дорогу понукаемые командирами по причине медлительности движения, они наконец ворвались на площадь, где доказали, что ехали не зря!

Толпы гориллоподобных монстров для танков — не более чем стаи шакалов на пути разъяренных носорогов. Били шрапнелью, до предела опустив стволы, секли из пулеметов.

И — гусеницами размывали мощные тела. И — лобовыми листами корпусов сносили беснующиеся толпы! Слой кровавой каши на брусчатке становил-

ся все толще. Заряжающие в душных башнях, не видящие, что творится, едва успевали бросать латунные унитары в жерла казенников. У танкистов другой задачи не было. Уничтожить противника, любого, и очистить площадь!

Несколько чужеродных ракет, едва дотягивающих боевыми качествами до приличных «панцерфаустов», полетели горизонтально, три танка вспыхнули высокими кострами, но это лишь прибавило ярости остальным.

Самое поразительное — беспощадно, «огнем, броней и гусеницами» уничтожаемый враг не бежал в панике, что случается, когда процент потерь переходит некий предел (для каждой армии разный). Одни, не обращая внимания, рвались к миссии, другие, развернувшись, вступили в безнадежную битву с танками. Иные, дойдя до высшей степени боевого безумия, кидались на броню с явным желанием ломать и выкорчевывать орудийные и пулеметные стволы. Будто не понимая, что у стрелков с соседних машин, остервеневших едва ли меньше, патронов к «ДТ» хватит на всю популяцию «монстров», сколько их ни появишься на этом плацдарме.

Танки буксовали на смеси крови, размолотой плоти и уличной грязи. Однако продолжали свою работу, поскольку другой команды не поступало, а из окон «Альфонса» все били и били пулеметы и винтовки, да и внутри слышалась стрельба, какое-то количество монстров сумели ворваться в окна, с которых взрывами посрывало решетки.

Мысли наряженных, подобно уэлсовским элоям, обитателей сумрачных Миров Возмездия упорно не поддавались дешифровке, но эмоциональный фон

Замок считывал уже свободно. Только что им было хорошо, по-своему весело: приятное ведь дело — руководить вторжением в предназначенный к захвату и уничтожению мир. «Монстры» послушны, проявляют высокие боевые качества, потери среди них не имеют значения. Несколько известных отрезков времени — будет захвачен или уничтожен один из тех, кто может препятствовать «Главной цели». За ним придет, уже пришла очередь остальных.

Но эти чувства сразу сменились страхом, болью, отчаянием (в переводе на человеческую терминологию), когда грубый чужеземный солдат безжалостно ударил тяжелым сапогом в копчик, повалил на пол, грубо намотал тщательно ухоженную прическу на кулак!

Весь десяток дуггуров связали чем придется — поясными и ружейными ремнями, скрученными в жгут их же туниками. Рядком уложили на пол. Замок тут же на предельную мощность включил генератор вихревых полей, чтобы исключить возможность контактов между пленниками и их соотечественниками любым известным способом, телепатическим, электромагнитным или хроноквантовым. Сплошной «белый шум» на всех диапазонах.

Для маскировки (не выносить же дуггуров через межпространственный проем сразу в Замок на глазах чекистов) Антон материализовал на заднем дворе большой санитарный автобус с двумя рядами носилок, велел нести «языков» туда.

— Головой отвечаете, старший лейтенант. Разместить, организовать круговую оборону. Никого не подпускать. Действовать согласно караульному

уставу. Я сейчас сбегаю за Григорием Петровичем и мигом назад...

— Буданцева тоже не подпускать?

— Его тоже, — хотя понятия не имел, кто такой этот Буданцев. Может быть, очень большой начальник! Ну да не беда, лучше перебдеть...

Буданцев с Готлибом в это время поднимались с засыпанного кусками штукатурки, осколками стекла и известковой пылью пола. Танки стреляли по всем азимутам, сама шрапнель и шрапнельные стаканы били по стенам, нередко залетали в окна.

— Ну, Эрзерум, чистый Эрзерум, — бормотал немец, зажимая платком рассеченную осколком щеку. Служил, значит, не просто в русской армии, а на Кавказском фронте, у Юденича. Буданцев не задумался, отчего это фрегаттен-капитан вспоминает о чисто пехотных сражениях. А там действительно состояли при штабе несколько флотских лейтенантов, которым было поручено создать на озере Ван флотилию катеров и десантных судов для последующих операций. — Ох и разделали земляки чудовищ! Как посмотрю, тошнота подкатывает... К слову сказать, когда у турок верблюжья кавалерия появилась, наши солдатики тоже сильно удивлялись. Поскольку родом были из Вологодской губернии, где подобного сроду не водилось. Но не дрогнули... А что там ваш поручик сумел? Сходим посмотрим?

— Самое время, — согласился Иван Афанасьевич. В соседний дом можно было пробраться с тыла, что немаловажно. Выходить на площадь ему совершенно не хотелось. Несмотря на профессию, трупов, тем более пропущенных через мясорубку, он не выносил.

В сопровождении двух абверовцев (третий был убит на улице), Буданцев с Готлибом, окликнув Степанцова, который так и просидел все время в засаде, дошли до автобуса. Их остановил окрик часового.

— Да что вы, ребята! Я же сам вашего Гришина сюда послал! Меня забыли? Так его хоть помните? — указал он на своего сержанта.

— Всех мы помним, но к «объекту» допускать не приказано. О вас отдельного распоряжения не было... Пароля тоже...

— Нет, совершенно народ с катушек съехал, — плюнул Буданцев, чем чуть себя не выдал. Хорош кадровый царский офицер, вступающий в пререкания с часовым!

— Неужто забыли, что, кроме начальника караула и разводящего, к посту никого допускать не положено, включая самого Государя Императора? — спросил Готлиб.

Пришлось выкручиваться:

— Я в другом смысле. Никак не думал, что Гришин прямо сейчас начнет «старую службу» править, забыв, кто он, кто я...

— Бывают обстоятельства, — неопределенно ответил немец.

— Где сам поручик? — спросил Буданцев.

— Пошел на площадь, обстановку оценить...

Шульгин пробирался к выходу из отеля, обходя завалы кирпича, выбитого ракетами, тела своих сотрудников, знакомых и незнакомых, павших с оружием в руках. Через нескольких монстров, изорванных пулями и осколками, просто перешагнул, не желая проявлять почтения к непонятному врагу.

Опять победа, получается. Отбились, хотя и своих людей положили немало, причастных к чему угодно, только не к потусторонним делам.

И что теперь прикажете делать? Судмедэкспертизы организовывать на предмет выяснения биологической и классовой принадлежности дрессированных питекантропов? Народу что-то объяснять или, наоборот, нагло потребовать объяснений от испанского правительства? Что, мол, вы тут за нечисть развели, своевременно не обеспечили безопасность союзного представительства...

Но это все были мысли скорее Шестакова, озабоченного новыми осложнениями по должности, жутким поворотом миссии, которую он считал практически завершенной... Сам Шульгин, неся наперевес ручной пулемет, размышлял совсем о другом. В голове крутилась неизвестно где вычитанная фраза: «И тогда я подумал — на хрена мне такие варианты?»

Очень к месту цитатка...

Из полумрака (удивительно, что хотя бы отдельные лампочки в коридорах «Альфонса» продолжали гореть) вдруг возникло его собственное изображение. Сашке показалось, что он набрел на чудом уцелевшее среди взрывов и проливного дождя пуль зеркало. Лишь через секунду сообразил, что у «отражения» в руках не ручной «ДП», а немецкий автомат, одето «оно» иначе, а главное — видит-то он себя «о натюрель», никак не Шестакова.

— Привет, Антон, — сказал он тусклым голосом. — Видишь, повоевали...

— Хорошо повоевали, — улыбнулся форзейль знакомой улыбкой. — Так хорошо, что пора сматываться. Сейчас твои сотрудники набегут, танкисты-

герои, еще кто-нибудь... Пресс-конференцию давать будешь?

— Не хотелось бы, — честно ответил измотанный до последней степени Сашка. — А как же?..

— Надеюсь, товарищ нарком впитал достаточно информации, чтобы на ближайший год хватило. Дальше, по мере течения времени, продолжит прогрессировать. Потребуется — поможем... У нас своих забот хватит. Сейчас прихватим пленников — и домой. В Замок. Умоемся, побреемся, в пыточной дыбу наладим... Презабавнейший разговор ожидается...

— Ты чего, монстров в плен взять сумел? — Шульгину это показалось невероятным. Что медведя голыми руками заломать...

— Гораздо интереснее, друг мой, гораздо...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Уйти отсюда, вернуться в свое тело, вновь увидеть комнаты, залы и коридоры Замка, где он был молод и счастлив, больше не думая о предстоящих *очень большом* начальнику проблемах, — что еще следует желать утомленному жизнью самураю?

И все-таки Шульгин, будто ответственный человек, собравшийся в отпуск или, упаси бог, умирать, решил привести в порядок свои дела. Чтоб не прекнул потом никто вслед недобрым словом. Проблем ведь на самом деле было столько, что лопатой не разгрестишь...

Не желал он сейчас видаться ни с Рокоссовским, который с минуты на минуту примчится в разгромленную миссию, ни с Громовым. Не было у него внутренних сил именно сейчас разговаривать с эти-

ми людьми. Пусть уж Шестаков, попозже, когда вернет себе собственный кураж.

Идя по дымным, заваленным обломками коридорам, видя в комнатах за распахнутыми дверями тела погибших на боевых постах товарищей, он с каменным лицом отстранял движением руки сослуживцев, пусть и высокого ранга, пытавшихся с ним заговорить. И те понимали правильно, вжимались спинами в стены, проглатывая заготовленные слова. Не тот момент.

Антон вывел его к санитарному автобусу, возле которого так и стояли с оружием наизготовку бойцы Гришина, изображавшие подпольщиков-белогвардейцев. По большому счету, им все равно, кого изображать, генеральная задача остается прежней.

О пленных дуггурах Шульгин по пути успел услышать все, что знал сам Антон. Отстранил рукой загораживавшего дверь сержанта, не обратив внимания на автомат в его руках и суровое лицо, настолько небрежно, что все сразу стало понятно, кто тут настоящий хозяин положения. Легко вскочил на откидную ступеньку, заглянул внутрь. Представители новой расы лежали, связанные, и не дергались, размышляя, очевидно, о своей грядущей печальной судьбе. Чего-нибудь хорошего ждать им не приходилось. Своих сверхъестественных (если они были) способностей никак не проявляли. Даже под тяжелым взглядом Шульгина, который попытался мысленно спровоцировать хоть какую-то ответную реакцию.

Он спрыгнул на камни. Поблизости стояли Буданцев и немец. Справа и слева от них — автоматчики Гришина.

Предстояло разыграть свой последний спектакль.

Из последних сил сохраняя манеры и тон Шес-

такова (не только для себя, для него прежде всего, чтобы лучше запомнил), Сашка обратился к абверовцу и «белогвардейцу»:

— Что, господа, познакомимся? Я на этой территории, — он обвел широким жестом площадь и окрестности, — в данный момент Верховный главнокомандующий. Это — полковник Шульгин, — указал на Антона (к чему выдумывать, если тот носит именно этот облик), — командир особой оперативной группы... Все его распоряжения обязательны к исполнению, кем бы вы ни были. Теперь назовитесь. О праве носить оружие не спрашиваю, это касается испанских властей, но в моем присутствии прошу поставить на предохранители и убрать за спину...

В десятке шагов стоявший танк, до гусеничных полок заляпанный кровью, на краю люка которого курил, свесив ноги, чумазый башнер, придавал словам Шестакова должную убедительность.

— Итак?

Буданцев назвал себя, не выходя за пределы легенды, изложенной Готлибу. Убедились, мол, что дело русских в Испании правое, и решили помочь соотечественникам, узнав, что на миссию совершено нападение. Думали — фалангисты, а здесь — «вот это», — он брезгливо указал на кучи монстров вокруг. Даже Шульгин, с его опытом невероятностей, с трудом смотрел на окружающее, уж больно поганое зрелище, а Буданцев, немец, танкисты, возившиеся у машин, держались куда спокойнее.

Нет, все правильно... Нет, не правильно — все просто так и есть! Люди первой половины века куда менее чувствительны. Участники Первой мировой ежедневно видели десятки тысяч трупов, своих и чужих, на полукилометровом участке перепахан-

ной снарядами земли между линиями окопов, сами ходили в бессмысленные и страшные штыковые атаки, сохраняя при этом душевное равновесие. Граждане Страны Советов без особого протеста воспринимали миллионы жертв голода начала тридцатых, эпохи «Большого перелома». Сумели их словно бы и не заметить, отвлекаясь на оптимистические фильмы и пафос «великих строек».

На горы трупов неизвестных существ им тоже как бы наплевать. Если в глубине души некоторым, особо тонко организованным, все-таки не наплевать, то привычка не проявлять посторонних эмоций все равно остается.

Значит, и ему следует сохранять олимпийское спокойствие.

— Ввязавшись, — продолжал Буданцев, — мы обратили внимание, что в этом доме находится нечто вроде командного пункта нападающих. Им и решили заняться в первую очередь. Кое-кто из моих ребят не так давно вернулись из Парагвая, где успешно показали боливийцам и их американским инструкторам, как нужно воевать...

Внимательно читал газеты Иван Афанасьевич, и не только советские, вот игодились сведения о далекой войне для текущей маскировки.

— Имеют награды. В случае чего и вам могут оказаться полезными... В Южной Америке обезьяны поменьше, конечно, но этих тоже не испугались.

Бойцы-десантники молча переминались в сторонке, словно не о них речь шла. Сам старший лейтенант оставался у задних дверей автобуса с пленными, явно не намеренный просто так расставаться с добычей, ради которой рисковал головой, если не бессмертной душой.

— Примите мою искреннюю благодарность. Не-

сколько позже я подумаю, как ее выразить в наглядной форме...

Сашка подошел к Гришину.

— Ваша фамилия как?

— Роман меня зовут. — Игра начальника была ему пока не совсем понятна, но служба научила подхватывать на лету любую предложенную вводную.

— Из каких мест будете?

— Воронежский...

— Давно из дома?

— С двадцатого года...

Шестаков кивнул понимающе.

— Рад, что годы на чужбине не повлияли на ваш патриотизм. Я имею право наградить вас медалью «За отвагу» или даже орденом. Захотите — могу ходатайствовать о возвращении советского гражданства...

Гришин, видя, что за ним наблюдают, неопределенно пожал плечами.

— Хорошо, об этом мы поговорим несколько позже. А пока передайте задержанных товарищу полковнику, он доставит их в то место, где с ними проведут нужную работу.

— Для опытов, значит?

— В самую точку, — не стал спорить Шульгин-Шестаков, — вся наша жизнь — сплошные опыты. То мы их ставим, то над нами. У меня к вам еще несколько вопросов, давайте отойдем в сторонку...

— Значит, делаем так, — сказал он, когда немец не мог их слышать и даже читать по губам, если бы вдруг умел, — вот тебе деньги... — Шульгин выгреб из карманов все, что было при себе, около тысячи фунтов, передал так, чтобы было видно со стороны. — Как будто плата с моей стороны за проделан-

ную работу. Теперь со своей командой посиди вон там, у входа, пока Буданцев подойдет. Изобразим, будто я вас вербовать надумал...

— Понятное дело. Только как прикажете дальше смотреть на товарища Буданцева? — и вкратце изложил то, что видел и слышал.

— Конкретные претензии имеете?

— Контакты с предполагаемым противником...

— Тебе, Роман, контрразведкой поручали заниматься? Нет? Инициатива, значит? Собственной работы не хватает? Я подкину. Мало не покажется. Иван Афанасьевич — доверенный человек, как и вы, направленный в мое распоряжение лично наркомом Заковским. По званию — постарше вас будет. Так что фантазии выбрось из головы. Прикажу — будешь ему подчиняться, как мне. А то в следующий раз подумаю, брать тебя на задание или предпочесть кого попроще...

Далее — я не знаю, когда вернусь, может быть, съездить кое-куда придется. До особого распоряжения оставляю тебя в должности коменданта миссии. Пока не разберемся, кто из ответработников жив, кто ранен... А ты у меня в полном порядке, комендантский взвод при тебе... Собрать всех погибших товарищей в подходящее помещение. Как быть с похоронами — после решим. Одновременно начинайте наводить в здании порядок, не снижая обороноспособности. Как использовать танкистов, согласуй с их командиром, тоже от моего имени.

Возникнут нерешаемые вопросы — я буду в своем кабинете, часа через два. То, что валяется на площади, пусть убирают испанцы. Но сам присмотри: вдруг объявятся недобитые. Тех — в подвал, под строжайшую охрану. Там посмотрим, что с ними делать... Выполняй!

Буданцев с Антоном и Готлибом что-то оживленно обсуждали, наверное, богословские вопросы, очень уж обстановка располагала.

— Вас, значит, Иваном зовут? — со всей любезностью спросил Шульгин у Буданцева.

— Совершенно верно. Куда это вы моих людей отправили?

— Не отправил, а попросил подождать завершения разговора с вами. У меня есть несколько вопросов, которые лучше задать в более спокойной обстановке. Если вы согласны, присоединяйтесь к своим товарищам и ждите моего возвращения. Если нет — не смею задерживать.

— Меня или всех?

— Конечно, всех. Вы — свободные люди, сами за себя отвечаете...

Буданцев, сообразив, что операция продолжается, мельком взглянул на Готлиба. Тот изображал полное безразличие.

— Пожалуй, можно и поговорить. Но оружие сдавать не будем, и разговаривать не в вашей миссии, в другом месте...

— Дело хозяйское, однако ваши предосторожности напрасны. Я — человек слова, а имел бы враждебные намерения... После всего случившегося вашей судьбой не станет интересоваться никто, стоит мне сейчас товарищу полковнику кивнуть...

— Что да, то да... Да ладно, где наша не пропадала. — Буданцев улыбнулся залихватски, небрежным движением отдал честь всем сразу, пошел к выступу цоколя первого этажа, где сгруппировались десантники.

— Ну а вы, господин, каким образом оказались на этом поле скорби и славы? — спросил Шестаков у Готлиба. — Только не говорите, как персонаж

Джерома, что случайно вышли на улицу слишком рано... Представьте, чего уж теперь... В любом случае, вы сражались на нашей стороне, и это зачтется... Паспорт у вас, скорее всего, дипломатический? Или работаете под вольного стрелка?

— Под вольного стрелка с дипломатическим паспортом. — Немец и от Шестакова не стал скрывать знания языка, хотя протокол, раз уж назвался дипломатом, требовал иного. — Мне кажется, вместе с нашим бывшим соотечественником повоевали мы неплохо. Только вот ума не приложу, что вы с пленными делать будете? Передовая марксистская биология не признает их существования. Академик Павлов умер, достойных учеников у него не осталось, в НКВД подходящих специалистов наверняка нет...

— Передовая арийская ушла дальше? — доставая папиросу, спросил Шульгин. — Я не знаю, господин Готлиб, просто ли вы разведчик, или по совместительству «подходящий специалист», но что умный человек — несомненно. Готов выслушать ваши предположения. Понятно ведь, что столкнулись мы с явлением, кардинально меняющим наши представления о мироустройстве. Полковник нам не помеха, — указал он на цепко скользящего глазами по близким и дальним окнам окрестных зданий Антона. Насторожен и напряжен, восходящие и нисходящие миры, небось, мыслью ощупывает или с Замком на связи... — Товарищ Шульгин тоже разбирается в некоторых теоретических вопросах.

— Господи, куда я попал! — картинно всплеснул руками немец. — Вокруг совершенно босховский пейзаж, а немецкий дипломат, Высокопревосходи-

тельный советский Представитель и специалист известного ведомства свободно рассуждают о...

— Ну-ну, — поощрил его Антон. — Назовите нужный термин, и сразу все станет, как у Конфуция. Правильное имя — основа всего...

Готлиб неожиданно собрал лицо в жесткую маску кадрового прусского офицера.

— О чем это мы? Предрассветный час после трудной ночи нередко может вызвать странные мысли. Вы меня простите, господин Шестаков, я лучше удалюсь. Вы сможете принять меня сегодня во второй половине дня? У нас есть, о чем поговорить, ручаюсь...

— Лучше — завтра с утра. Ночь была и в самом деле трудная, день вряд ли окажется легче, а нужно сколько-нибудь и поспать?

— Хорошо, утром я позвоню...

— Буду ждать с нетерпением. Чтобы я успел подготовиться, признайтесь — вы кого представляете, РСХА, ведомство Риббентропа¹ или же?..

— Людей, которые считают, что с Россией выгоднее дружить, чем воевать...

— Понятно. Невзирая на то, что в «Майн кампф» написаны прямо противоположные вещи?

— Бисмарк жил и работал гораздо раньше...

— Ну, хорошо. До встречи.

Что ночь была трудная — это очень мягко сказано. Она была страшной для всех выживших. Для убитых с обеих сторон — наверное, тоже, но им сейчас уже все равно. «Кому память, кому слава,

¹ Министерство иностранных дел Германии.

кому мертвая вода...» Как дальше, Шульгин не помнил.

Но вот они остались вдвоем рядом с автобусом. Антон в облике Шульгина и Шульгин в облике Шестакова. Смотреть в кривое зеркало Сашке становилось утомительно.

— Как размен проводить будем? — спросил он форзейля.

— В Замок перескочим, он сделает. Садись...

Облегчение и радость, которые Шульгин испытал, захлопывая за собой отделанную лакированной рейкой дверцу автобуса, трудно передать. Все вокруг больше его не касается. Судьба испанской революции, военные, хозяйственные и психологические проблемы, которые непременно возникнут перед Шестаковым в ближайшие часы и минуты... Он здесь больше ни при чем! Поучаствовать в острой ситуации, пусть даже Каховское сражение выиграть, изображая некую загадочную личность, но оставаясь самим собой, — это совсем не то, что в чужой шкуре тащить на себе сверх всякой меры нагруженный воз, без близкой перспективы куда-нибудь доехать. Близкая перспектива — встреча с товарищем Сталиным...

...Через секунду санитарная машина материализовалась во дворе Замка. Шульгин увидел за мутноватым стеклом знакомые крепостные стены, знакомое сентябрьское небо, синее до невероятности. Лучшее место в мире и лучшее время года. «Индийское лето», называемое в России «бабьим».

Выпрыгнул на шуршащий опавшими листьями гранитный настил. Он отразил удар подошв, как настоящий. Вдруг и вправду — все?

— Не все, — гулко отдался в голове приятный

баритон, знакомый по предыдущим посещениям. — Надо возвратить тебя — себе, твоего «носителя» настроить для самостоятельной жизни, Антону дать собственное тело и превратить его в личность, с которой тебе снова будет интересно...

— Ты — кто? — спросил Шульгин. — Тот Замок, что вначале, или другой?

— Я немножко другой, и ты тоже, но работать вместе мы сможем. Если не возражаешь, конечно...

— Где уж мне, — от всей души ответил Сашка. — Набегался...

— Тогда я начинаю трансформацию.

...Шульгин понял, что вот только что стал, наконец, самим собой. То, что называлось *духовной составляющей*, обрело и плотно заполнило предназначенное именно ей тело. Как пилот истребителя — подогнанное по фигуре кресло. Нигде не жало. Посмотрелся в автомобильное зеркало. Точно, он самый, как новенький.

Антон, стоявший по другую сторону автобуса, так же мгновенно приобрел свой давний облик: красивого мужика тридцати восьми примерно лет, спортивного и уверенного в себе. Гораздо более уверенного, чем в предыдущем воплощении. Там ему чего-то не хватало.

А на сиденье автобуса остался сидеть Шестаков, выглядящий, как отключенный биоробот. Вполне жизнеспособное тело, лишенное души.

Замок спросил Шульгина (спросил ли одновременно и Антона, Сашка не знал):

Сколько памяти ты ему хочешь оставить? Сколько прибавить? Как изменить характер? Все в наших руках.

— Ничего не надо, — ответил Шульгин. — Он —

это я. Убери только воспоминание, что он был под контролем, и о моменте перемещения в Замок. Пусть считает, что Антон уехал с автобусом, пообещав скоро сообщить о результате допроса пленных. Остальное оставим. Все он делал по своей воле и разумению, обогатился полезным жизненным опытом. Нормально жил человек, и сейчас пусть живет так же. Одним приличным мужиком в мире станет больше...

— А Валгалла? — вкрадчиво спросил голос. — Как он с ней разберется? Сталинский нарком, и вдруг — способности выхода в галактические дали?

— Что — «Валгалла»? Письмо-то мое он Лихареву предъявил? Там сказано... Вот пусть в этих пределах и действуют вдвоем с Валентином, как сумеют. Впрочем, с Лихаревым и Сильвией мы ведь скоро встретимся? Тогда и уточним позиции...

— Сделано!

Шестаков исчез здесь, одновременно появившись на заставленной танками и заваленной мертвой плотью площади, рассматривающий избитое пулями и ракетами здание «Альфонса». Теперь ему предстоит решать свои начальственные проблемы уже вполне самостоятельно. Что, может быть, и к лучшему. Он ведь к этому и стремился всю жизнь?

— Замок, займись нашими пленниками, — сказал новый Антон. — Во времени ты не ограничен, в способах воздействия — тоже. Дыба — примитив, конечно...

— Не скажи, — мельком бросил Шульгин, зная, о чем говорит.

...Словно все вернулось на круги своя, Антон с Шульгиным поднялись в хорошо знакомый Сашке кабинет.

— Одно дело сделали, — сказал форзейль, с удовольствием устраиваясь в своем кресле.

Шульгин указал пальцем на ящик стола.

— А ну, открой.

Антон открыл. Там по-прежнему лежала коробка сигар. В ней не хватало именно трех. Как Сашка и надеялся. Все в мире меняется, но количество убывающих сигар строго соответствует числу его посещений.

— Дай попробую...

Вкус и запах оставался прежним. Вообразить, что его восприятие после прожитых лет и пережитых приключений так тщательно подгоняется к давним воспоминаниям — чересчур сложно.

— Нормально, вроде не обманывают. Продолжай, — махнул он дымящейся сигарой, — что у нас второе, на твой взгляд?

— Второе — Сильвия с Лихаревым ждут нас в Лондоне. Осталось полторы минуты, а потом может начаться «новая Барселона»...

— Что-то мне не верится. В Лондоне *тем* иначе придется действовать. На войну не спишешь, да и дом Сильвии защищен получше моей миссии. Опять же, барселонский разгром чему-то их должен научить? Повторять прежнюю схему — дураками нужно быть. Попытались — одних перебили, других в плен взяли. Их штабистам стоит задуматься... Что Замок по этому поводу скажет?

— Очень может быть, что процессы идут одновременно. Об итогах Барселоны и судьбе своих эмиссаров они еще не знают. Что касается Лондона — до тех пор, пока ваши друзья будут оставаться внутри убежища, им ничего не грозит, временную завесу дуггурам не пройти, хроноланги — наше изобретение...

Шульгин вспомнил, как они с Левашовым и космонавтами с крейсера «Кальмар» проникали в зону обратного времени, снаряженные этими самыми хронолангами, и как было не по себе от мысли, что в любой момент их тела и личности могут распасться на частицы еще более мелкие, чем хронокванты. Однако — прорвались, и друзей спасли...

— Что ж, полетели дальше, — предложил он, — вчетвером повеселее будет, а ты, Замок, пока изобрети какой-нибудь портативный деструктор, чтобы монстров распылять, а дуггуров просто парализовать на время. Воображается мне, что нам с ними не раз придется дело иметь, раз они внутри нашего Узла окопались. Ты же не можешь их просто «вычеркнуть»?

— Пока не могу, но думать в этом направлении придется...

Появление Антона с Шульгиным в кабинете Сильвии произвело если не фурор, то оживление. Антон вернулся быстрее, что свидетельствовало о его высочайшей квалификации в обращении с временем. Вдобавок он привел с собой незнакомого, довольно симпатичного мужчину, с лицом, выражающим постоянную готовность улыбнуться собственным мыслям или в ответ на слова собеседника.

Из каких мест и времен он его вытащил, интересно? Одежда на госте была современная, но не совсем по сезону.

Именно он, посмотрев на высокие напольные часы, удовлетворенно произнес:

— Управились. Ничего не успело случиться, я надеюсь?

Тон его показался Сильвии странно знакомым.

— Да, да, вы совершенно правы, — кивнул мужчина. — Имеет место очередная рокировка. Я теперь тот самый Антон, с которым вы столь плодотворно сотрудничали в мое прошлое посещение, только вернувший себе исходный облик, который я носил, когда мы, леди Спенсер, встретились и заключили дружеское соглашение на берегу Северного моря... В восемьдесят четвертом году. И, соответственно, господин, которого вы по привычке посчитали мной, отныне — пресловутый Ричард Мэллони, Говард Грин, а главное — Александр Иванович Шульгин, великий и ужасный! Прошу любить и жаловать.

Сашка, до сих пор испытывая радость обладания собственным телом и свободу от утомительных обязанностей, ласково кивнул Сильвии и Валентину, подсел к столу, особенным образом потирая руки.

— Не возражаете, если я наконец расслаблюсь? — спросил он, ни к кому специально не обращаясь. — Старые, можно сказать, друзья. Начнешь считать, сколько раз встречались и под какими углами пересекались, — пальцев не хватит.

— Конечно, конечно. — Сильвии требовалось время, чтобы взять себя в руки и выстроить новую линию поведения. — Виски, коньяк, джин — все что угодно! Могу пригласить дворецкого, быстро подадут горячий ужин...

— Неплохо бы, — обрадовался Шульгин. — Когда мы с тобой последний раз ели? — осведомился он у Антона.

Тот задумался.

— Похоже, что в нынешнем облике — вообще никогда. Или — очень давно...

— Тогда давайте, леди, мечите на стол! — с подъ-

емом согласился Шульгин. — А мы пока по рюмочке. И покурить... Не представляете, до чего война пробуждает в организме низменные инстинкты.

— Вы тоже где-то повоевать успели? — спросила Сильвия, нажимая кнопку вызова слуги.

Ее состояние сейчас было самым сложным и двусмысленным. Даже отвлекаясь от момента, что оба гостя были недавно непримиримыми врагами, а потом превратились как бы в друзей. Оба заодно были еще и ее любовниками, причем в очень сложном сочетании. Первым, предположим, в этой реальности-38 несколько дней назад оказался Антон, но пользовался телом сидящего рядом с ним господина. Но сам Антон помнит, глаза подсказывают, что помнит о том, что между ними было в ее далеком будущем, в его — тоже, но оно же для него и прошлое, не слишком далекое.

Она сама, судя по письму своей «двойницы», ухитрилась одновременно много лет назад и «вперед» стать сначала случайной партнершей Шульгина, затем (или до того) его же постоянной подругой, шестнадцатью годами раньше данного момента, и шестьюдесятью — раньше первой встречи. У опытной резидентши и то голова шла кругом при попытке как-то систематизировать схему собственных связей и увлечений.

И как быть теперь? Перед ней два физических тела, две личности, но имели место четыре варианта взаимоотношений? Или — сколько? Если возникнет момент — кому теперь она отдаст предпочтение? Для чего и почему?

— И с кем же вы воевали на этот раз, — спросила она Шульгина, чтобы уйти в сторону от слишком скользкой темы.

— Вы не поверите... — и начал подробно изла-

гать свою испанскую эпопею, применительно к монстрам, конечно. Об истории с Франко и прочими перипетиями национально-революционной войны она узнает и без него.

Поданный бифштекс Сашка ел деликатно, скрывая жадность, свидетельствующую о том, что тело ему вернули вполне нормальное, биологическое, и напиткам отдавал должное, не переставая говорить.

Лихарев выглядел мрачным и несколько скучным, несмотря на то что пару раз пригубил виски без льда. Мучила его мысль, как теперь будет складываться коллизия, треугольник между ним, Шестаковым и настоящим Шульгиным. Впору самому куда-нибудь сбежать, раз «долг» как нравственная категория отменен за ненадобностью.

Антон сибаритствовал. Замок действительно стер из его личности несколько тяжелых психических шрамов и рубцов, полученных во время допросов и отбывания «просветления». Теперь он ощущал себя молодым, веселым, полным сил и желаний. Желание воевать в комплект входило. И леди Спенсер, которая в некоторые моменты была невыразимо изобретательной, — тоже.

Виски оказался намного вкуснее синтанга, да вдобавок приобрел несколько новых нюансов вкуса, которых прежний Антон не замечал, табак, под дурным влиянием тела Шульгина, тоже начал доставлять удовольствие.

Все еще, конечно, впереди, но отпуск на курорте между тюрьмой и фронтом — блаженство.

— Значит, вы в Барселоне сумели уничтожить не менее трехсот существ, называемых «монстрами», еще троих убили в Москве, и они лежат сейчас в подвале сталинской дачи, вдобавок взяли в

★ плен десятирех представителей иной расы? — со странной интонацией в голосе спросила Сильвия.

— Именно так. Добавьте, что не меньше трех я еще грохнул «во сне», и двоих, не совсем таких, но тоже странных — в проходном дворе неподалеку от Лубянки, — уточнил Шульгин, вытирая губы льняной салфеткой.

— На что же вы рассчитываете теперь?

— Не понял вопроса...

— Нужно ждать страшного ответного удара. Нам четверым его не выдержать. Вы ввязались в конфликт с целой цивилизацией, способности которой нам неизвестны, но тот факт, что они в состоянии свободно пересекать барьеры между мирами, кое о чем говорит...

— Леди Си, вы меня удивляете, — сказал Сашка тем же тоном, каким разговаривал с ней в известные годы. — Как будто ВАША цивилизация была так себе, вроде племени пигмеев тропической Африки. И что?

Антон наконец-то рассмеялся, будто до этого все время сдерживал естественное желание.

— Хорошо ведь сказано, дорогая? Знаете, в случае чего можно и еще информационную бомбочку изготовить, мобилизационные мощности отнюдь не демонтированы...

— Господа, — вмешался наконец в разговор Лихарев. — Слушать вас невероятно интересно, но вы, мне кажется, забыли, что три трупа так и лежат на Ближней даче, а охрана Сталина не превышает роты...

— Нас ведь там нет, — отмахнулась Сильвия, — а охота разворачивается именно за нами. Скорее враг снова нападет на Юрия, его арбатскую квартиру.

— Не лишено! — поднял палец Антон. — Мнение Валентина не лишено... Трупы имеют свойство *пахнуть*, причем мы убедились, что запах в ментальной сфере посильнее, чем в физической. Как бы нам действительно не опоздать. Ищейки придут по следу... Переодевайтесь, леди, в более подходящие доспехи, нас снова ждут великие дела...

— Переодеться недолго, тем более время по-прежнему стоит... Но не лучше ли нам сразу отправиться на Арбат, а уже потом... Какой особый интерес для дутгуров может представлять Сталин, пока живы мы?

— Вот тут вы проявляете непростительную политическую близорукость, — в точности копируя акцент и интонации вождя, назидательно произнес Шульгин. — Товарищ Сталин представляет для врагов постоянный интерес, который, как мне кажется, непрерывно возрастает...

Он прекратил паясничать, взял из палисандровой шкатулки длинную сигарету.

Как говорил профессор Опир: «После такого обеда нельзя не курить».

— Заложник он, вы понимаете? Заложник. Как уж они там, в Дутгурляндии, разбираются в земной политике — не знаю. Но если те люди, которые надавали им по соплям, тепленькими захватили их «специалистов», зачем-то отвезли их покойных братьев именно в *это* место и сдали их на хранение именно *этому* человеку, человек этот простым быть не может. И пусть я буду последним идиотом — удар будет нанесен по даче. Они заберут трупы и утащат с собой вождя. После чего...

— После чего начнется такой бардак, что и вообразить трудно, — встал с кресла Лихарев. — Поверьте мне как специалисту именно в данном во-

просе. Сталина сейчас заменить некем. Однозначно равноценной фигуры нет, «тонкошеие вожди» передерутся, причем без надежды, что вовремя из них выделится истинный «крысиный волк». Разве что Шестакова на его место сажать, а мне — в Предсовнаркомы? Все равно без крупной свары, вполне возможно — кровавой, не обойтись. Действовать придется теми же методами, еще и порезче, чтобы очередной порядок навести. Тут и дуггуры с монстрами подоспеют... Весело будет — вы не представляете!

Поэтому вы все двигайте сейчас на дачу. Кроме как на блок-универсал, леди Спенсер, рассчитывать, похоже, не на что. Если у вас нет чего-нибудь подходящего, — обратился он в сторону Антона. — Главное — до утра продержитесь. Сталину, если проснется и обо мне спросит, объясните, как есть. Антон с ним уже провел предварительную работу... А меня забросьте в Москву. Прихвачу Юрия, если он еще жив, и подниму по тревоге танковую дивизию...

— Для начала, — уточнил Антон.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	5
Глава вторая	37
Глава третья	68
Глава четвертая	79
Глава пятая	90
Глава шестая	104
Глава седьмая	133
Глава восьмая	147
Глава девятая	163
Глава десятая	187
Глава одиннадцатая	213
Глава двенадцатая	228
Глава тринадцатая	245
Глава четырнадцатая	258
Глава пятнадцатая	287
Глава шестнадцатая	306
Глава семнадцатая	323
Глава восемнадцатая	343
Глава девятнадцатая	356
Глава двадцатая	374
Глава двадцать первая	391

Литературно-художественное издание

Звягинцев Василий Дмитриевич

СКОРПИОН В ЯНТАРЕ

Книга вторая

КРИПТОКРАТЫ

Ответственный редактор *В. Мельник*
Редактор *Е. Самойлова*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *С. Кладов*
Корректор *М. Колесникова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 09.10.2007.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Балтика». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 21,84.
Доп. тираж 8000 экз. Заказ № 4702481

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ООО «ТД «Эксмо»**
E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales:

For Foreign wholesale orders, please contact International Sales Department at
foreignseller@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг «Эксмо» в специальном оформлении
обращаться в отдел корпоративных продаж ООО «ТД «Эксмо»**
E-mail: project@eksmo-sale.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 268-83-59/60.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Альманах «Полдень. XXI век»

[illegible]

Грандмастер отечественной фантастики

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

Новый роман
**«Посторонним
вход воспрещен»**

В 2006 – 2007 годах вышли
романы Василия Головачева:

- * «Укрощение зверя»
- * «По ту сторону огня»
- * «Ведич»

и сборник рассказов
«Мир приключений»

www.eksmo.ru
www.golovachev.ru

**Тайна рождения Вселенной
в новом романе Грандмастера!**

СЕРИЯ

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ

БОЕВИК

Лучшие произведения в жанре
от самых популярных авторов!

С начала 2007 года в серии вышли:

- † **Алексей Бессонов** «Наследник Судьбы»
«Сожгите всех!»
- † **Владимир Василенко** «Пройдоха»
- † **Лариса Ворошилова, Сергей Зайцев** «Неучтенный фактор»
- † **Роман Глушков** «Повод для паники»
- † **Евгений Гуляковский** «Чужие пространства»
«Звездный мост»
«Лабиринт миров»
- † **Олег Дивов** «Лучший Экипаж Солнечной»
- † **Андрей Егоров, Евгений Гаркушев** «Межпланетная банда»
- † **Юрий Нестеренко** «Плющ на руинах»
- † **Алекс Орлов** «Возвращение не предусмотрено»
«Ультиматум»
«Пожиратель душ»
«Охотники за головами»
«Я напишу тебе, крошка»
«Наемник»
«Двойник императора»
«Застывший огонь»
«Гонщик»
«Золотой пленник»
«Двойной эскорт»
- † **Игорь Польш** «Несущий свободу»
- † **Алексей Рыжков** «Ганимед-6»
- † **Дмитрий Янковский** «Огненный шторм»
- † **Сборник** «Русский фантастический боевик 2007»

NEW

Прими участие в звездных войнах!

www.eksmo.ru

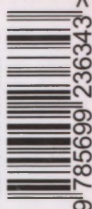
РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

СКОРПИОН В ЯНТАРЕ

Александр Шульгин – мыслитель и авантюрист, солдат Истины и стратег Игры – еще одно доказательство того, что и один в поле воин. Его нынешнее путешествие по химерическим реальностям – на грани фолла, в отрыве от друзей – позволяет не только зачислить еще несколько очков на счет людей в их противостоянии с Держателями и Игроками, но и раскрыть нового противника, до поры до времени копившего силы и не спешившего себя обнаружить. Под личиной наркома оборонной промышленности Григория Шестакова Александр затевает игру на поле предвоенного Советского Союза с самим Сталиным. Не зная точных ответов, Шульгин чувствует, что изменить историю в этой конкретной точке совершенно необходимо...

ISBN 978-5-699-23634-3

9 785699 236343 >